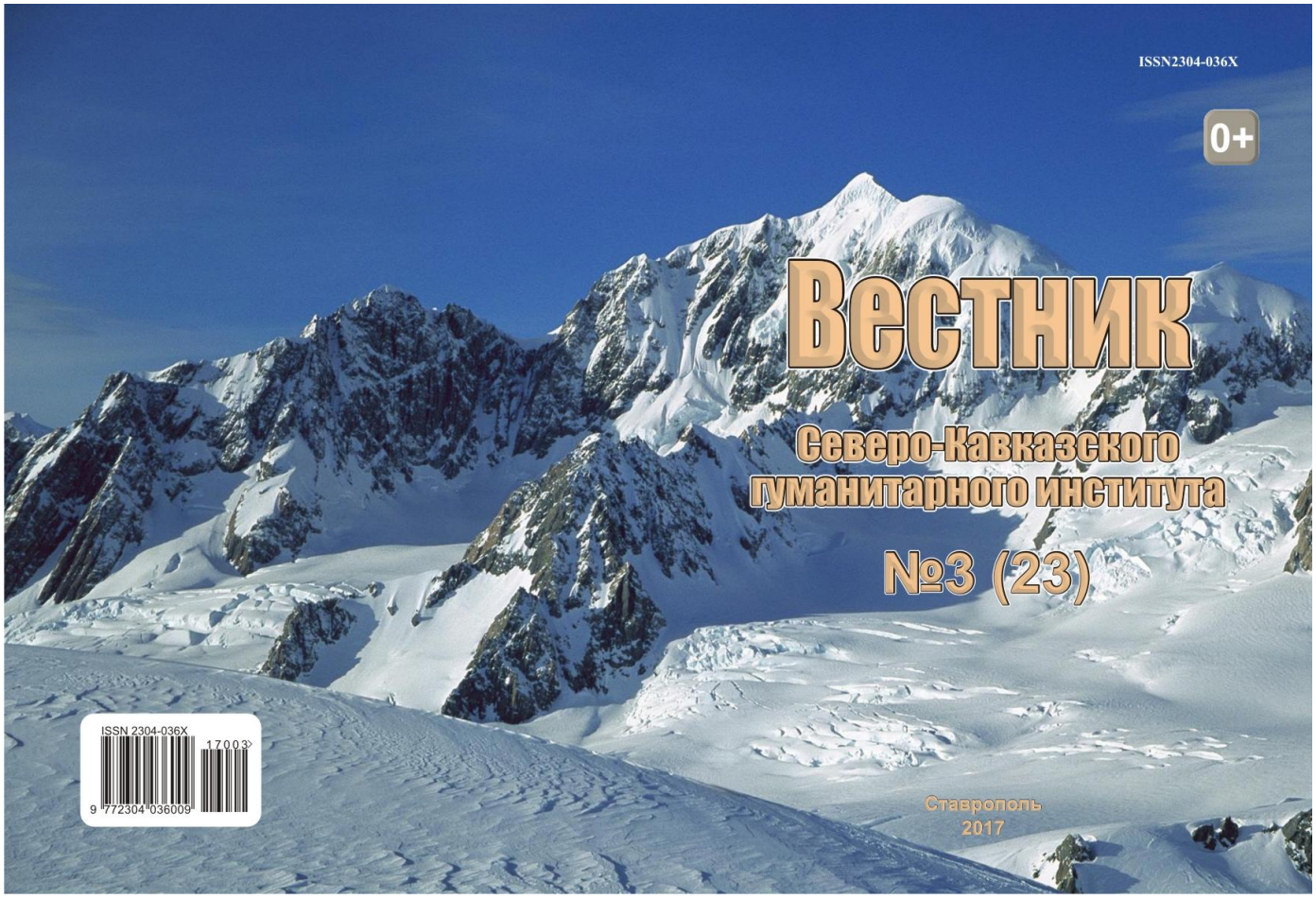
ISSN2304-036X

0+



Вестник

Северо-Кавказского гуманитарного института

№3 (23)

ISSN 2304-036X

Ставрополь
2017

Вестник Северо - Кавказского гуманитарного института

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 2017. №3(23)

УЧРЕДИТЕЛЬ: Частное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский гуманитарный институт»

ИЗДАТЕЛЬ: Редакция журнала «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института»
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-49171 от 30 марта 2012 года
Журнал включен в систему Российского Индекса Научного Цитирования.
Полнотекстовые версии статей размещаются на сайте научной библиотеки: elibrary.ru
Содержание статей отражено в базе электронной библиотечной системы IPRbooks.
Полнотекстовые версии статей размещаются на сайте электронной библиотечной системы www.iprbookshop.ru
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *Виктор Николаевич Зырянов*, доктор юридических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: *Артур Рафаэлович Саруханян*, кандидат юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Юрий Евгеньевич Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор
Кирилл Андреевич Долгополов, кандидат юридических наук, доцент
Евгений Александрович Апольский, кандидат юридических наук, доцент
Елена Николаевна Атарщикова, доктор юридических наук, профессор
Валерий Кулиевич Цечоев, доктор юридических наук, профессор
Юрий Рафаэлович Туманян, доктор экономических наук, профессор
Игорь Владимирович Мандрица, доктор экономических наук, доцент
Александр Викторович Кравченко, доктор экономических наук, доцент
Ирек Анасович Биккинин, доктор юридических наук, профессор
Алексей Григорьевич Кибальник, доктор юридических наук, профессор
Элина Леонидовна Сидоренко, доктор юридических наук, профессор
Константин Викторович Образцов, доктор юридических наук, профессор
Луиза Темболатовна Кокоева, доктор юридических наук, профессор
Ольга Ивановна Шаталова, доктор экономических наук, доцент
Александр Васильевич Гладилин, доктор экономических наук, профессор
Шохруд Фарманович Файзиев, кандидат юридических наук, доцент

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 355041, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, д.312А, Телефон: (8652) 75-92-59,
E-mail: skgi_institut@mail.ru

Quarterly scientific and practical journal North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin 2017. №3 (23)

FOUNDER: Private educational institution of higher education «North-Caucasian Institute for the Humanities»
PUBLISHER: Editorial staff of the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin» journal
The journal registered it the Federal service for supervision of connection sphere, information technology and mass communication s PE № FS77-49171, the 30° of March 2012.
The journal is included in the system of the Russian Science Citation Index.
Full-text versions of the articles are placed on the electronic research library: elibrary.ru
Article's content rein electronic library base IPRbooks. Full-text versions of the articles are placedthe site of electronic library system: www.iprbookshop.ru
The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, which should be published main results of theses for the degree of candidate of science, for the degree of Doctor of Science

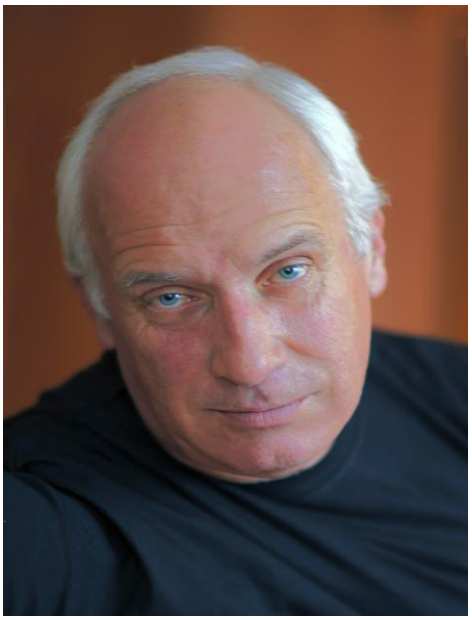
CHIEF EDITOR: Victor Nicolaevich Zyrjanov, Doctor of Law, professor

DEPUTY CHIEF EDITOR: Artur Rafaelovich Sarukhanyan, Candidate of Law, associate professor

EDITORIAL STAFF:
Yriy Evgenyevich Pudovochkin, Doctor of Law, professor
Kirill Andreevich Dolgopolov, Candidate of Law, associate Professor
Evgeniy Aleksandrovich Apolski, Candidate of Law, associate Professor
Elena Nicolaevna Atarshikova, Doctor of Law, professor
Valery Kulievich Tsechoev, Doctor of Law, professor
Yuri Rafaelovich Tumanyan, Doctor of Economics, professor
Igor Vladimirovich Mandritsa, Doctor of Economics, associate Professor
Aleksandr Viktorovich Kravchenko, Doctor of Economics, associate Professor
Irek Anasovich Bikkinin, Doctor of Law, professor
Aleksey Grigorevich Kibalnik, Doctor of Law, Professor
Elina Leonidovna Sidorenko, Doctor of Law, Professor
Konstantin Viktorovich Obrazhiev, Doctor of Law, Professor
Louise Tembolatovna Kokoeva, Doctor of Law, Professor
Olga Ivanovna Shatalova, Doctor of Economics, Associate Professor
Alexander Vasilievich Gladilin, Doctor of Economics, Professor
Shohrud Farmanovich Faiziev, Candidate of Law, PhD, Associate Professor

ADDRESS OF THE EDITORIAL STAFF: 355041, city of Stavropol, Lermontov st, ap. 312A
Tel.: (8652) 75-92-59 , E-mail: skgi_institut@mail.ru

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.



Уважаемые друзья и коллеги!

Очередной номер ежеквартального научно-практического журнала «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института посвящен памяти доктора исторических наук, доцента, Киселева Анатолия Кирилловича

КИСЕЛЁВ Анатолий Кириллович (род. в 1957 г.) – доктор исторических наук, доцент.

Родился в г.Краснодаре, в семье служащих. Окончил исторический факультет Кубанского государственного университета (1982г.), юридический факультет Северо-Кавказского социального института (г.Ставрополь, 2003г.). В 1991 году защитил кандидатскую, а в 2012 году - докторскую диссертацию. Доцент по кафедре государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин.

1976-1981 – студент Кубанского университета (история)

1983-1985 – заместитель директора Абхазского Дома пионеров.

1985-1988 – преподаватель Ставропольского строительного техникума.

1990-1991 – депутат Ставропольского городского Совета народных депутатов.

1988 – 2010 годы – служба в МВД России: прошёл путь от преподавателя до профессора и начальника кафедры Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России. Полковник милиции в отставке.

Участник полевых миротворческих миссий ООН в качестве офицера Гражданской полиции ООН в Республике Восточный Тимор (2001-2002), Республике Либерия (2005-2006). Награждён медалями ООН «За службу миру» и Грамотой Специального представителя Генерального секретаря ООН в Либерии (UNMIL).

За участие в выполнении специального задания МВД России по наведению конституционного порядка в Чеченской Республике награждён орденом Мужества (1997 г.).

Сфера научных интересов - история милиции/полиции России и стран Европы. С 1978 года – активный лектор общества «Знание». Автор более 220 научных работ, в том числе 5 монографий, нескольких учебных пособий.

Светлая память об Анатолии Кирилловиче – талантливом учёном, прекрасном педагоге, руководителе, замечательном и принципиальном человеке, навсегда сохранится в сердцах его друзей, коллег и учеников, а также у тех, кто его знал и любил.

Главный редактор, доктор юридических наук, профессор В.Н. Зырянов.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алиев О.М.
ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД К СОЗДАНИЮ ПРЕДПРИЯТИЯ…….….. 12
Блудова С.Н., Филимонова Е.В.
ЦЕНТРЫ ОЦЕНКИ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ МЕТОД ОЦЕНКИ КВАЛИФИКАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ…… 17
Жуковский Д.А., Гавриленко С.А.
СОВРЕМЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ…… 21
Зайченко И.А., Ульянова М.
ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ…….. 27
Федорова С.А.,Чупрова Д.Б.
К ВОПРОСУ ПРЕИМУЩЕСТВА КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ…….. 33

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аветисян А.Д., Аскарова Е.С.
ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗБРАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ……. 38
Блинникова Д.В.
О ВОЗМОЖНОСТЯХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ДИФФАМАЦИИ…….. 45
Бондарев П.А., Бондарев С.П.
К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ И ОЦЕНКЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ…….. 51
Бондаренко В.Е.
К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ…….. 59
Бурмакин Е.А., Данилин Е.М., Кузьмин А.Н.
РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ОБОБЩЁННЫХ ПОРТРЕТОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, ОСУЖДЁННОГО К НАКАЗАНИЮ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА, И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОСУЖДЁННОГО, ОТБЫВАЮЩЕГО УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ……. 68
Введенский А.Ю.
КОНЦЕПЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОРА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ…….. 73
Гагиева А.В.
ИНИЦИАТОРЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА УРОВНЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ…… 82
Дворянов И.Б.
СЛЕДСТВЕННЫЙ ОСМОТР МОДИФИЦИРОВАННОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ И СЛЕДОВ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ…….. 87

Довгань Е.А., Жигалова Г.Г.
ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОКАЗАНИЯ ПЕРВОЙ ПОМОЩИ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ…… 91
Жигалова Г.Г., Радзиевская Н.Г., Рясов А.А.
ВОЗМОЖНОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ТРУПА ПРИ ВОЗДЕЙСТВИИ ФАКТОРА ВЫСОКОЙ ТЕМПЕРАТУРЫ…… 95
Жиров Р.М., Кабжихова М.А.
К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ…….. 101
Жужгов И.В.
ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССОВ……... 106
Зырянов В.Н., Биккинин И.А.
ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИИ…….. 110
Ивченко Е.В., Железнякова А.В., Чабанова Н.И.
ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ В «ШКОЛЕ РОСАТОМА»……... 113
Калайдова А.С., Семенцова И.А.
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ…… 118
Каминская Д.Ю.
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ И МЕНТАЛИТЕТ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ…… 124
Камышанский В.П., Диденко А.А., Кусанинова А.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЯ КАК ВИДА СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА…… 129
Караев Р.Ш., Пазулова З.Я., Полякова Э.И.
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ…… 138
Катбамбетов М.И.
ВООРУЖЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ…….. 143
Кокоева Л.Т., Хадиков М.К.
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ФИНАНСОВОГО ЛИЗИНГА…….. 147
Колиева А.Э.
ФИДУЦИАРНЫЕ (ДОВЕРИТЕЛЬНЫЕ) ОТНОШЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ИХ ТОЧНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ……... 151
Комаров С.А.
ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ЗАКОНОПРОЕКТА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О БЕЗОПАСНОСТИ КРИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»…….. 155
Кочерова Л.А., Кочерова Ю.Н., Димитров А.Н.
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ, ВПЕРВЫЕ ПРИНИМАЕМЫХ НА СЛУЖБУ В ОВД И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ…… 161

Куджева Е.К.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОПРОЕКТА «О РОДОВЫХ ПОМЕСТЬЯХ И РОДОВЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ В РФ»……. 167
Кулик Т.Ю.
ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСНОВАНИЯ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ…….. 175
Кокоева Л.Т., Хугаев С.Т.
ПРОБЛЕМАТИКА КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛИЗИНГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ…….. 184
Лаута О.Н., Попова Л.А., Семенов В.Е., Струтинская Т.А.
ОРГАНИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ…… 189
Лифанова Л.Г.
РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИИ В XVIII-XIX ВЕКАХ…… 194
Лобова С.А., Бондарева И.О.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ….. 200
Майоборода Э.Т.
ИССЛЕДОВАНИЕ НЕОЧЕВИДНЫХ ДЕТАЛЕЙ (БЭКГРАУНДА) В МАТЕРИАЛАХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ…….. 204
Мармута И.Л.
ОБЪЕКТ ВОЗБУЖДЕНИЯ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ, А РАВНО УНИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА……. 209
Мартыненко Н.Э., Бухориев Б.Р.
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ ОТ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН……. 215
Мельников В.Ю.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА…….. 220
Мещерин А.И., Рясов А.В.
К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ…….. 228
Михайлов А.Е., Алиев М.К.
БАЛАНС МЕЖДУ ЧАСТНЫМ И ПУБЛИЧНЫМ ПРАВОМ В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ……. 234
Михалев А.В.
ВОЗМОЖНОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ…….. 239
Мещерин А.И., Рясов А.В.
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОПЕРАТИВНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ВОЗБУЖДЕННЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ……. 244
Неупокоева И.А., Кочерова Л.А., Медведицкова Л.В.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЙ «ЛИЧНОСТЬ И ИСПОЛНИТЕЛЬ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» В РАССЛЕДОВАНИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА…… 248

Опрышко Н.В.
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХИЩЕНИЙ ГРУЗОВ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА И БОРЬБА С НИМИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ…….. 253
Отаров А.А.
ПЕРЕЧЕНЬ СЛУЧАЕВ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА…….. 260
Пешкова Х.В., Пачкун В.В.
ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ И БЮДЖЕТНО-ПРАВОВЫЕ СПОРЫ В ГРАЖДАНСКОМ, АДМИНИСТРАТИВНОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ…… 265
Плешков Е.В.
ОСОБЕННОСТИ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПАПСКИХ ДЕКРЕТАЛИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ…… 275
Попадопуло Л.Н.
СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК ИСТОЧНИКА ПРАВА……. 279
Потудинский В.П., Потудинский М.В.
ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ПОМЕЩЕНИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРЕДМЕТОВ КУЛЬТА В ПРОТОКОЛЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ КРАЖ……. 285
Ручина А.А.
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОМ ДЕЯНИИ, СОВЕРШЕННОМ ЛИЦОМ В СОСТОЯНИИ НЕВМЕНЯЕМОСТИ……. 290
Рясов А.А., Закаляпина Л.А., Уваров Н.А.
К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ…….. 296
Рясов Д.А.
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СИСТЕМЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ……... 302
Сафонов Н.В.
К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ЛИНИИ БОРЬБЫ С КРАЖАМИ, СОВЕРШАЕМЫМИ НА ОБЪЕКТАХ ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА……... 308
Серегин А.В., Крылов В.А.
ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРАВЕ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА……. 313
Сидоренко Э.Л.
ICO: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ И ПРАВОВЫЕ СТРАТЕГИИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ……... 317
Соловьева Н.А., Перекрестов В.Н., Шинкарук В.М.
ВЗЫСКАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖЕК ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ…… 321
Сопнева Е.В.
ОБЪЯСНЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПО ПОВОДУ ПОДОЗРЕНИЯ……. 327
Студеникина С.В.
К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА…….. 334

Сумачев А.В.
НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ……... 338
Титушкина Е.Ю., Подколзина А.Ю.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СВЕТЕ ПОЛОЖЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 23.06.2016 № 182-ФЗ «ОБ ОСНОВАХ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»……... 342
Топильская Е.В
КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА И БОРЬБА С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ……. 348
Умарова А.М., Жирова С.А.
УСТАНОВЛЕНИЕ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА, НАРУШАЮЩЕГО АВТОРСКИЕ И СМЕЖНЫЕ ПРАВА…….. 357
Хежева З.И., Хаджиев Э.М.
ПЛАТЕЖНЫЕ КАРТЫ И РАСПОРЯЖЕНИИЯ О ПЕРЕВОДЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ДОКУМЕНТОВ ИЛИ СРЕДСТВ ОПЛАТЫ (СТАТЬЯ 187 УК РФ)…….. 361
Чуклина Э.Ю.
УЧЕТ ЛИЧНОСТИ ВИНОВНОГО, СМЯГЧАЮЩИХ И ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ВЗЯТКОПОЛУЧАТЕЛЮ…. 365
Шадрин О.Ю.
ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ ПО НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ СО СТОРОНЫ ЗАЩИТНИКА (АДВОКАТА)…… 372
Швандерова А.Р.
МЕТОД РЕФЛЕКСИИ КАК ЕДИНСТВО РАЦИОНАЛЬНОГО И ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В ПОЗНАНИИ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ ТЕОРИИ ПРАВА Б.А. КИСТЯКОВСКОГО)……. 377
Шишкин Р.В.
ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ... 382
Эбзеева З.А., Коркмазова К.Н.-М.
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ…….. 388
Яценко С.В., Хмыз А.И.
О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССА ПРЕПОДАВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ В ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ……... 394

НЕКРОЛОГ

Волков А.А., Масалов А.Г., Смоляков В.В., Туманян Ю.Р., Зырянов В.Н., Медведев С.Н.
АНАТОЛИЙ КИРИЛЛОВИЧ КИСЕЛЕВ: ПАМЯТИ ТОВАРИЩА, ПЕДАГОГА, УЧЕНОГО, ВОИНА……. 401
Киселева С.Г.
ПАМЯТИ КИСЕЛЕВА АНАТОЛИЯ КИРИЛЛОВИЧА……. 404

СПИСОК ТРУДОВ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА КИСЕЛЕВА АНАТОЛИЯ КИРИЛЛОВИЧА……. 406

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ……. 413
ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ……. 416

THERELEASEMAINTENANCE

ECONOMICSOFSCIENCE

Aliev O.M.
DESIGN APPROACH TO CREATION OF THE ENTERPRISE…….. 12
Bludova S.N., Filimonova E.V.
EVALUATION CENTERS AS A PERSPECTIVE METHOD OF ESTIMATION OF QUALIFICATION OF STATE AND MUNICIPAL EMPLOYEES……... 17
Zhukovsky D.A., Gavrilenko S.A.
INDICATORS OF EFFECTIVE PERSONNEL MANAGEMENT…….. 21
Zaichenko I.A., Ulianova M.
THE BASIC REQUIREMENTS FOR RISK MANAGEMENT OF INNOVATIVE ACTIVITY……. 27
Fedorova S.A., Chuprova D.B.
TO QUESTION THE ADVANTAGES OF A COMPETENCE APPROACH IN THE ACTIVITIES OF THE MANAGERS……. 33

SCIENCE OF LAW

Avetisyan A.D., Askarova E.S.
SEPARATE ISSUES OF APPLYING OF PREVENTIVE MEASURES IN CRIMINAL PROCEDURE……... 38
Blinnikova D.V.
ON THE POSSIBILITIES OF CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT OF DEFAMATION…….. 45
Bondarev P.A., Bondarev S.P.
TO THE QUESTION OF THE DEFINITION AND ASSESSMENT OF FOREIGN ECONOMIC SECURITY OF RUSSIA……... 51
Bondarenko V.E.
TO THE QUESTION OF EFFICIENCY OF CRIMINAL LEGAL PROTECTION….. 59
Burmakin G.A., Danilin E.M., Kuzmin A.N.
THE RESULTS OF THE COMPARATIVE ANALYSIS OF THE GENERALIZED PORTRAITS OF JUVENILES SENTENCED TO PUNISHMENT WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY AND THE JUVENILE OFFENDER SERVING A CRIMINAL SENTENCE IN PLACES OF CONFINEMENT……. 68
Vvedensky A.Yu.
THE CONCEPT OF OPERATIVE-COST ACTIVITY AS A FACTOR OF ECONOMIC GROWTH IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE…… 73
Gagieva A.V.
THE INITIATORS OF THE INITIATION OF THE CONSTITUTIONAL PROCEEDINGS ON THE LEVEL OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION…… 82
Dvoryanov I.B.
INVESTIGATION EXAMINATION OF MODIFIED FIREARMS AND TRACES OF ITS USE ……... 87
Dovgan E.A., Zhigalova G.G.
LEGAL ISSUES FOR FIRST AID TO THE POLICE EMPLOYEES…….. 91

Zhigalova G.G., Radzievskaya N.G., Ryasov A.A.
IDENTIFICATION OF THE CORPSE BY THE INFLUENCE OF HIGH TEMPERATURE…… 95
Zhirov R.M., Kabzhikhova M.A.
TO THE QUESTION OF ESSENCE OF LATENT CRIME…….. 101
Zhuzhgov I.V.
SOME FEATURES OF LEGAL INSTITUTIONS, ADMINISTRATIVE AND ARBITRATION PROCEEDINGS…… 106
Zyryanov V.N., Bikkinin I.A.
THE STUDY OF THE DEVELOPMENT OF THE PENAL SYSTEM IN RUSSIA…. 110
Ivchenko E.V., Zheleznyakova A.V., Chabanova N.I.
LEGAL BASIS OF FORMATION OF PROFESSIONAL MOTIVATION «ROSATOM'S COOL»……. 113
Kalaidova A.S., Sementsova, I.A.
PROBLEMATIC PROCEDURAL ISSUES OF APPLICATION OF SPECIAL KNOWLEDGE IN INVESTIGATION OF CRIMES IN THE ECONOMIC SPHERE..... 118
Kaminskaya D.Y.
PROFESSIONAL LEGAL CONSCIOUSNESS AND MENTALITY IN THE SOCIO-CULTURAL DIMENSION…….. 124
Kamyshanskii V.P., Didenko A.A., Kusainova A.
THE LEGAL REGULATION OF ENERGY CONSERVATION AS A FORM OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP…….. 129
Karaev R.Sh., Pazulova Z.Ya., Polyakova E.I.
THE ISSUES AND WAYS OF OPTIMIZATION OF LOCAL GOVERNMENT INSTITUTION…… 138
Katbambetov M.I.
ARMED CRIME IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL CRIMINOLOGICAL SYSTEMS……. 143
Kokoeva L.C. Khadikov M.K.
FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL FINANCIAL LEASING……... 147
Kolyeva A.E.
FIDUCIAL (TRUSTED) RELATIONS AND THE PROBLEM OF THEIR EXACT DEFINITION……. 151
Komarov A.A.
SEPARATE OPINION REGARDING THE LAW OF PROJECTS "ON AMENDMENTS TO THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND TO THE CRIMINAL-PROCEDURAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CONNECTION WITH THE ADOPTION OF THE FEDERAL LAW" ON SECURITY OF THE CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION"…….. 155
Kocherova L.A., Kocherov Y.N., Dimitrov A.N.
THE ISSUES OF TRAINING OF EMPLOYEES, FIRST EMPLOYED IN THE POLICE DEPARTMENT AND THEIR SOLUTIONS…… 161
Kudzheva E.K.
ACTUAL ISSUES ON IMPROVEMENT OF THE LAW OF PROJECT "ON GENERAL PORTRAITS AND GENERAL SETTLEMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION"……. 167

Kulik T.Yu.
PROBLEMS OF DETERMINING THE LIMITS OF PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE ARBITRATION PROCESS…… 175
Kokoeva L.T., Khugaev S.T.
PROBLEMATIC OF COLLISION REGULATION OF LEASING OBLIGATIONS…… 184
Lauta O.N., Popova L.A., Semenov V.E., Strutinskaya T.A.
ORGANIC LINKAGE OF LEGAL AND POLITICAL CULTURE: THE ASPECT RATIO……. 189
Lifanova L.G.
THE INVESTIGATION OF CRIMES IN RUSSIA IN XVIII-XIX CENTURIES……..... 194
Lobova S.A., Bondareva I.O.
TOPICAL ISSUES OF PROCEEDINGS OF THE INTERROGATION WITH THE PARTICIPATION OF MINORS IN CASES OF CRIMES AGAINST SEXUAL INVIOLABILITY AND SEXUAL FREEDOM OF THE PERSON……..... 200
Mayboroda E.T.
STUDY OF NON-OBVIOUS PARTS (BACKGROUND) IN THE EXTREMIST MATERIALS WHEN CONDUCTING DUE DILIGENCE……. 204
Marmuta I.L.
THE OBJECT OF EXCITATION OF HATE AND HUMAN RIGHTS, AND EQUALITY OF DEGRADING HUMAN DIGNITY…… 209
Martynenko N.E., Bukhoriev. B.R.
PROBLEMATICAL ISSUES OF LIMITATION OF TRAFFICKING BY PEOPLE FROM HUMAN ABDUCTION ON THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN……... 215
Melnikov V.Yu.
SOME PROBLEMATIC QUESTIONS OF CRIMINAL PROCEDURAL LAW……... 220
Mescherin A.I., Ryasov A.V.
TO THE QUESTION ABOUT CONDITIONS OF CARRYING OUT OF OPERATIVELY-SEARCH ACTIONS……. 228
Mikhaylov A.E., Aliyev M.K.
THE BALANCE BETWEEN PRIVATE AND PUBLIC LAW IN THE MODERN RUSSIAN LEGISLATION…….. 234
Mikhalev A.V.
THE POSSIBILITY OF CRIMINALISTIC DIAGNOSTICS IN CRIME INVESTIGATION…….. 239
Mescherin A.I., Ryasov A.V.
SOME ASPECTS OF THE OPERATIONAL SUPPORT OF CRIMINAL CASES……. 244
Neupokoeva I.A., Kocherova L.A., Medveditskova L.V.
SOME ASPECTS OF THE NOTIONS «PERSONALITY AND EXECUTOR OF TERRORIST ACTIVITIES» IN THE INVESTIGATION OF A TERRORIST ACT…… 248
Opryshko N.V.
FORENSIC ANALYSIS OF CARGO THEFT AT TRANSPORT AND FIGHT WITH THEM: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE…….. 253
Otarov A.A.
THE LIST OF CASES FOR SETTING OF STATUTORY EXPERT EXAMINATION AS LEGAL PROBLEM……. 260
Peshkova Ch.V., Pachkun V.V.
FINANCIAL AND BUDGET LEGAL LITIGATIONS IN CIVIL, ADMINISTRATIVE AND ARBITRATION PROCESS…… 265

Pleshkov E.V.
FEATURES OF THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE PAPAL DECRETALS IN MEDIEVAL EUROPE……... 275
Popadopulo L.N.
THE FORMATION AND THE EVOLUTION OF REVOLUTIONARY CONSCIOUSNESS AS A SOURCE OF RIGHTS……... 279
Potudinsky M.V., Potudinsky V.P.
PECULIARITIES OF DESCRIPTION OF THE PREMISES OF THE RUSSIAN PRA-ELISTIVE CHURCH AND CULT-OBJECTS IN THE PROTOCOL OF INSPECTION OF THE PLACE OF ACCIDENT IN THE PROCEEDINGS INVESTIGATIONS OF THE CRAFTS…….. 285
Ruchina A.A.
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE VERIFICATION OF A COMMUNICATION ABOUT A SOCIALLY DANGEROUS ACT COMMITTED BY A PERSON IN A STATE OF INSANITY……... 290
Ryasov A.A., Zakalyapina L.A., Uvarov N.A.
TO THE QUESTION ON THE INVESTIGATION OF PROOFS FOR STAGES OF PRELIMINARY INVESTIGATION……..... 296
Ryasov D.A.
OPPOSITION TO THE SYSTEM OF FINANCING INTERNATIONAL TERRORIST AND EXTREMIST ORGANIZATIONS……... 302
Safonov N.V.
TO THE QUESTION OF THE ORGANIZATION OF INTERNAL AND EXTERNAL COOPERATION IN INVESTIGATIVE ACTIVITIES TO FIGHT AGAINST THEFTS COMMITTED ON THE AIR TRANSPORT OBJECTS……. 308
Seregin A.V., Krylov V.A.
THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF CRIME IN THE MEDIEVAL LAW OF MUSCOVY AND THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AS A FEATURE OF STATE-LEGAL REGIME…… 313
Sidorenko E.L.
ICO: CRIMINOLOGICAL RISKS AND LEGAL STRATEGIES…….. 317
Solovyeva N.A., Perekrestov V.N., Shinkaruk V.M.
THE RECOVERY OF CRIMINAL PROCEDURAL COSTS IN CASES OF PRIVATE PROSECUTION…….. 321
Sopneva E.V.
EXPLANATORY NOTES ON SUSPICION……. 327
Studenikina S.V.
TO THE QUESTION OF THE EFFICIENCY OF PRODUCTION IN THE ORDER OF SUPERVISION…….. 334
Sumachev A.V.
TRADITIONAL MEDICINE: CRIMINAL AND LEGAL ASPECT……. 338
Titushkina E.Y., Podkolzina A.Y.
THE STATE SYSTEM OF PREVENTION OF OFFENSES OF MINORS IN THE LIGHT OF THE PROVISIONS OF THE FEDERAL LAW FROM 23.06.2016 NO. 182-FZ «ABOUT BASES OF SYSTEM OF PREVENTION OF OFFENCES IN THE RUSSIAN FEDERATION»……... 342
Topilskaya E.V.
CRIMINAL CONFISCATION AND THE STRUGGLE AGAINST ORGANIZED CRIME…… 348

Umarova A.M., Zhirova S.A.
ESTABLISHMENT OF THE SUBJECT TO THE CRIMINAL ENCROACHMENT VIOLATING COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS…….. 357
Hezheva Z.I., Hajiyev E.M.
PAYMENT CARDS AND ORDERS ABOUT MONEY TRANSFER, DOCUMENTS OR MEANS OF PAYMENT (ARTICLE 187 CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)…….. 361
Chuklina E.Y.
THE ASSESSMENT OF THE ACCUSED PERSONALITY, MITIGATING AND AGGRAVATING CIRCUMSTANCES WHEN SENTENCING A BRIBE-TAKER…… 365
Shadrin O.Yu.
TACTICAL AND FORENSIC TECHNIQUES FOR THE NEUTRALIZATION OF COUNTERACTION TO INVESTIGATION ON THE PART OF DEFENCE COUNSEL (OF COUNSEL)…… 372
Shvanderova A.R.
METHOD OF REFLECTION AS A UNITY OF RATIONAL AND IRRATIONAL IN CREATION OF HISTORY AND THEORY OF LAW (ON THE EXAMPLE OF THE THEORY OF LAW B.A/KISTYAKOVSKY)…….. 377
Shishkin R.V.
SEPARATE DIRECTIONS OF IMPLEMENTATION OF CRIMINAL POLICY IN THE SPHERE OF SECURITY OF ECONOMIC ACTIVITY……... 382
Ebzeeva Z.A., Korkmazova K.N.-M.
PROBLEMS OF QUALIFICATION OF MURDERS COMMITTED WHEN EXCEEDING LIMITS OF NECESSARY DEFENSE…….. 388
Yatsenko S.V., Khmyz A.I.
ABOUT SOME DIRECTIONS OF PERFECTION OF THE PROCESS OF TEACHING CRIMINALISTICS IN DEPARTMENTAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS…… 394

OBITUARY

Volkov A.A., Masalov A.G., Smolyakov V.V., Tumanyan Y.R., Zyryanov V.N., Medvedev S.N.
ANATOLY KIRILLOVICH KISELEV: IN MEMORY OF OUR FRIEND, TEACHER, SCIENTIST, WARRIOR……... 401
Kiseleva S.G.
MEMORY OF KISELEV ANATOLY KIRILLOVICH…….. 404

LIST OF WORKS OF DOCTOR OF HISTORICAL SCIENCES ANATOLY KIRILLOVICH KISELYOV…….. 406

INFORMATION FOR AUTORS……..…….. 413
THE ORDER OF REVIEWING MANUSCRIPT…….. 418

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ECONOMICS OF SCIENCE

УДК658

ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД К СОЗДАНИЮ ПРЕДПРИЯТИЯ
DESIGN APPROACH TO CREATION OF THE ENTERPRISE

Алиев О.М., Филиал Дагестанского государственного университета в г. Хасавюрте, доцент кафедры экономических дисциплин, кандидат экономических наук, доцент

Aliev O.M., Branch of the Dagestan state university in Khasavyurt, docent of the department of economic disciplines, Candidate of Economic Sciences, docent

e-mail: *oaom666@mail.ru*

Аннотация: В статье рассмотрен современный и перспективный подход к созданию предприятия – проектный. Дана классификация проектов, рассмотрены этапы, преимущества и проблемы проектного подхода.

Annotation: In article modern and perspective approach to creation of the enterprise - design is considered. Classification of projects is given, stages, advantages and problems of design approach are considered.

Ключевые слова: проект, стратегии, эффективность, факторы среды.

Keywords: project, strategy, efficiency, environment factors.

Развитие малого и среднего бизнеса является одним из важнейших направлений современной экономики. Экономический опыт многих стран показывает, что малые и среднее предприятия (МСП) – основная движущая сила рыночной экономики. Реалии сегодняшнего дня демонстрируют, что, зачастую, именно на предприятиях этого сектора сосредоточен высококвалифицированный персонал, активно и целенаправленно решаются вопросы наиболее рационального использования ресурсной базы, внедрения новой высокопроизводительной техники и технологий.

Но, как показывает практика, наиболее часто возникающий вопрос начинающих предпринимателей, это вопрос о том, как создать предприятие? Какой метод при этом наиболее эффективен?

В большинстве случаев создание нового предприятия предполагает использование и переработку уже имеющихся бизнес-идей или их совершенствование. Существует значительное количество вариантов создания нового предприятия. В данной работе будет рассмотрен наиболее современный и перспективный подход – проектный.

Проекты, планируемые к реализации в различных направлениях предпринимательской деятельности, имеют определенные различия, которые можно классифицировать по различным критериям.

Так, по типу проектов можно выделить такие, как:

- технический (строительство зданий и сооружений, внедрение новых производственных линий или программного обеспечения и т.д.);

- организационный (создание нового или реформирование уже имеющегося предприятия, смена управленческой или организационной структуры и т.д.);

- экономический (изменение формы собственности, внедрение новой системы финансирования или налогообложения и т.д.);

- смешанный (реализуемые одновременно в нескольких направлениях, например, осуществление реформирования предприятия с внедрением новой системы финансирования и вводом в эксплуатацию нового программного обеспечения).

По области применения проекты можно разделить на:

- инвестиционные, главная цель которых заключается в создании или реформировании основных фондов предприятия, что требует привлечения инвестиций;

- инновационные, имеющие своей главной целью разработку и внедрение каких-либо новых технологий, ноу-хау и других новаций, которые дадут импульс дальнейшему развитию предприятия.

По жизненному циклу проекты можно разделитьна долгосрочные (свыше 5 лет), среднесрочные (от 3 до 5 лет) и краткосрочные (до 3 лет). Также необходимо учитывать, что проектный подход к созданию практически любого предприятия существует в определенном окружении и подвержен, как внутренним, так и внешним воздействиям, в том числе экономическим, политическим, социальным, нормативным, культурным и иным факторам. В связи с чем, проект со временем может быть изменен, а некоторые цели уточнены и пересмотрены.

По мнению профессора А.Э. Арустамова, центральное звено в проектном подходе – это, прежде все, выбор стратегии, которая будет определять всю последовательность и направление действий по достижению конкретной поставленной цели. [1] Разработку стратегии целесообразно разделить на две последовательные процедуры.

1. Стратегический анализ (т.н. SWOT-анализ), основанный на анализе факторов внешней и внутренней среды, которые будут определять угрозы, либо возможности для успешной реализации проекта

К наиболее значимым факторам внешней среды обычно относят:

- технологические, учитывающие уровень существующих, наличие и возможности доступа к новым технологиями;

- экономические, включающие процентные ставки, курсы валют, налоги и т.д.

- институциональные, т.е. необходимость лицензирования и иные ограничительные меры со стороны государства - конкурентные, с учетом количества фирм-конкурентов, их размеров.

Во внутренней среде необходимо учитывать такие факторы, как: имеющиеся и потенциальные целевые рынки; каналы распределения и сбыта; снабжение; персонал; финансирование и некоторые другие.

Видится вероятным, что четкое разделение сред, в которых появляется и развивается проект на внутреннюю и внешнюю, в определенной степени весьма условно. Причины этого состоят в следующем:

Во-первых, проект нельзя рассматривать как жесткое стабильное образование, т.к. определенные его элементы в процессе реализации могут переходить из внутренней среды во внешнюю, и наоборот.

Во-вторых, часть элементов проекта могут использоваться как вне его, так и в его составе. Так, например, привлеченные к разработке определенных стадий проекта специалисты могут одновременно работать как над реализацией конкретного проекта, так и заниматься решением других проблем вне него.

2. Разработка и выбор стратегии. На основе результатов проведенного SWOT-анализа и с учетом цели проекта разрабатывается стратегия. Существует множество подходов к выбору стратегий проектов. Однако наиболее конкретно их классифицирует профессор информационных систем управления Университета Лозанны Ив Пинье в своей книге «Построение бизнес-моделей» [2]. По его мнению, разработка и выбор стратегии зависит от двух принципиальных положений проекта, а именно, является ли конкретный проект частью другого проекта некой корпорации, или же он преследует самостоятельные цели. Исходя из этого, стратегия будет либо корпоративного толка, основанная на принципах уже выбранного общего направления развития предприятия, либо индивидуальной направленности, т.е. отвечающая на вопрос, каким образом конкретная продукция будет конкурировать на рынке.

Проектный подход к созданию предприятия, вне зависимости от сложности и объема работ, планируемых к реализации, предусматривает в своем развитии ряд определенных стадий, ведущих егоот состояния, когда «проекта еще нет», до фазы, когда «проекта уже нет». В своей монографии Т.С. Бронникова выделяет следующие этапы развития и реализации проекта [3]:

1. Отправная точка – то, с чего начинается каждое новое предприятие, т.е. бизнес-идея, которая изначально закладывается в его основу. Источники этих бизнес-идей могут быть самыми разнообразными, от оригинальных собственных стартапов, до анализа отзывов и пожеланий потребителей, продукции конкурентов, мнений и предпочтений работников торговли, а также информации органов власти и управления.

2. Проектный подход в предпринимательской деятельности на своих первоначальных этапах обязательно должен предусматривать проведение т.н. «маркетинговой разведки», цель которой состоит в определении своей рыночной ниши, а также решения вопросов эффективного позиционирования планируемых к запуску товаров или услуг.

3. Одним из важных и непростых вопросов при организации нового предприятия является выбор его организационно-правовой формы. Согласно ГК Российской Федерации, организационно-правовая форма предприятия - это форма его юридической регистрации, которая создает этому предприятию определенный правовой статус.

4. Следующим шагом проекта должно стать его структурирование, т.е. разделение на составные части, необходимые для его планомерного и эффективного планирования и контроля.

5. Для повышения эффективности планируемых бизнес-процессов целесообразно распределение ответственности в рамках планируемого осуществления работ.

6. С целью получения наиболее полного расписания проекта с учетом планируемых в ходе его реализации работ, их длительности и необходимых ресурсов рекомендуется составить календарный график, который будет служить основой для исполнения проекта

7. Завершающим шагом должно стать планирование ресурсов, разработка бюджета проекта, а также его оптимизация, предусматривающая возможные ограничения по различным видам ресурсов.

Время, прошедшее с момента появления проекта и до момента его ликвидации, обычно называется проектным, или жизненным циклом проекта.

Окончания существования проекта могут быть разнообразны. Так, например, Клиффорд Ф-Грей и Эрик У.Ларсон отмечают, что окончанием существования проекта может быть: ввод в действие и начало эксплуатации объектов проекта; перевод персонала, задействованного в выполнении проекта, на другую работу; прекращение финансирования проекта; достижение проектом заданных результатов; вывод объектов проекта из эксплуатации; начало работ по внесению в проект серьезных изменений, не предусмотренных первоначальным замыслом (модернизация). [4]

Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова А.Т. Зуб обоснованно утверждает, что при всей своей кажущейся сложности и громоздкости проектно-ориентированный подход к созданию предприятия наиболее эффективно решает задачи управления временем, распределения ресурсов, правильной последовательности выполнения запланированных работ…, что позволяет добиться максимально быстрого решения всех задач при создании любого предприятия. [5]

Эффективность использования проектного подхода обеспечивают следующие факторы:

1. Стратегический, заключающийся в направлении текущей деятельности на выполнение конкретных задач.

2. Экономический, который обеспечивает наиболее эффективное распределение ресурсов при решении наиболее важных задач проекта.

3. Организационный, состоящий в минимизации возможностей возникновения в ходе исполнения проекта несогласованных и взаимопротиворечащих действий.

4. Коммуникативный, способствующий возникновению связей, выходящих за пределы проекта, что способствует улучшению взаимоотношений структурных подразделений и создает предпосылки для сплочения коллектива.

Исходя из вышеизложенного, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что осуществление предпринимательской деятельности на основе проектного подхода способствует четкому определению основных и промежуточных целей проекта, этапов их достижения, оптимизации ресурсов, своевременному выявлению и идентификации рисков, что в итоге позволяет повысить результативность бизнес-процессов и обеспечить конкурентные преимущества. Однако, у проектного подхода есть и проблемы, решение которых особенно у начинающих предпринимателей, может вызвать определенные затруднения. В первую очередь, это дефицит профессионального управленческого звена. Так, редактор International Journal of Project Management Родни Тернер отмечает, что во многих успешных фирмах непреложно действует установка, согласно которой основное

условие рассмотрения нового проекта – наличие реальной возможности подобрать подходящего менеджера проекта. Более того, нередко бывает еще жестче – проект не рассматривается, когда нет достойного специалиста, способного возглавить его. Таким образом, по мнению Родни Тернера, «в XXI веке управление проектом займет место традиционного функционального менеджмента». [6] Тем не менее, решению вышеназванной проблемы могут способствовать грамотным образом выстроенные партнерские взаимоотношения, возникающие на всех этапах предпринимательской деятельности.

Литература

1. Арустамов Э.А., Пахомкин А.Н., Митрофанова Т.П. Организация предпринимательской деятельности. М.:Дашков и Ко, 2013. 334 с.

2. Пинье И., Остервальдер А. Построение бизнес моделей: настольная книга стратега и новатора. М.: Альпина Паблишер, 2017. 290 с.

3. Бронникова Т.С. Экономика и управление инновационным развитием предприятия. Монография. М.: Русайнс, 2015. 201 с.

4. Клиффорд Ф.Грей, Эрик У. Ларсон. Управление проектами. Практическое руководство / Пер с англ. М.: Дело и сервис, 2003. 528с.

5. Зуб А.Т. Управление проектами: учебник и практикум М.:Юрайт, 2017.422 с.

6. Тернер Дж.Родни Руководство по проектно-ориентированному управлению / Пер. с англ. Под общ. ред. Воропаева В.И. М.: Издательский дом Гребенникова, 2007. 552 с.

УДК 321.011.5

ЦЕНТРЫ ОЦЕНКИ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ МЕТОД ОЦЕНКИ КВАЛИФИКАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ
EVALUATION CENTERS AS A PERSPECTIVE METHOD OF ESTIMATION OF QUALIFICATION OF STATE AND MUNICIPAL EMPLOYEES

Блудова С.Н., Северо-Кавказский федеральный университет, доцент кафедры государственного и муниципального управления, кандидат экономических наук, доцент

Bludova S.N., North-Caucasian Federal University, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

e-mail: *bludo@inbox.ru*

Филимонова Е.В., Ставрополь, Ставропольский государственный медицинский университет, доцент кафедры экономики и социальной работы, кандидат экономических наук, доцент

Filimonova E.V., Stavropol, Stavropol State Medical University, Associate Professor of the Department of Economics and Social Work, PhD in Economics, Associate Professor

e-mail: *elenafilimonov@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются методы, используемые в центрах оценки квалификации государственных и муниципальных служащих. Дается краткая характеристика и оценка целесообразности их применения с учетом финансовых и временных затрат на их создание, а так же срока их использования.

Annotation. The methods used in the centers for assessing the qualifications of state and municipal employees are considered. A brief description and assessment of the appropriateness of their application is given, taking into account the financial and time costs for their creation, as well as the period of their use.

Анализ зарубежного опыта свидетельствует о том, что ключевым аспектом оценки результативности деятельности государственных и муниципальных служащих во многих странах становится создание комплексной системы индикаторов, отражающих выполнение должностных обязанностей и степень достижения поставленных целей. Современные подходы к оценке эффективности деятельности служащих, применяемые в различных странах мира можно представить схематично.

Результативность деятельности государственного и муниципального служащего является составной частью интегральной оценки его квалификации или другими словами комплексной оценки профессиональной служебной деятельности муниципального служащего. Составляющими интегральной оценки квалификации муниципального служащего являются:

- оценка квалификации;
- оценка профессиональных качеств;
- оценка эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности.

Оценка соответствия уровня и направления подготовки профессионального образования наиболее легкое направление оценки, которая в данном случае заключается в проверке документов об образовании, дипломов о повышении квалификации и сертификатов.

Оценка соответствия профессиональных качеств необходимым требованиям является более сложной, так как в этом случае необходимо провести проверку общих профессиональных качеств, а так же прикладных профессиональных качеств и управленческих профессиональных качеств. В мировой практике оценка этих качеств обычно проводится на основе всевозможных тестов, интервью, решения кейсов с учетом компетентностного подхода. В России эти методы пока не получили широкого применения при оценке деятельности муниципальных служащих.

Оценка эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности основана на системе количественных и качественных критериев. Сопоставление значений показателей, отражающих планируемый и достигнутый результат профессиональной деятельности, позволяет определить динамику развития сотрудника.

Общемировые тенденции в области оценки результативности деятельности государственных и муниципальных служащих основаны на следующих положениях:

- взаимоувязка результатов деятельности органа власти и муниципального служащего;
- контроль результативности исполнения должностных обязанностей служащего;
- формирование инструментов объективной оценки эффективности деятельности муниципального служащего;
- предоставление муниципальным служащим большей свободы в выборе управленческих решений.

Наибольшую сложность вызывает определение конечного вклада отдельно взятого служащего в достигнутый результат. Очень часто на результативность сотрудника оказывают влияние внешние факторы, учесть которые не всегда представляется возможным.

Наиболее точным и эффективным инструментом оценки деловых качеств и управленческого потенциала служащих в мировой практике управления считается метод assessmentcenter (центр оценки)[3,4] .

Суть технологии, применяемой центрами оценки заключается в использовании традиционных и широко используемых методов, таких как тестирование, решение кейсов и др, и на их базе моделировании ключевых проблем и задач деятельности оцениваемого.

Рассмотрим немного подробней набор методов, позволяющих получить необходимую максимально полную и разностороннюю информацию о сотрудниках.

1. Интервью. Целью интервью является получение информации об организаторских способностях, профессиональных целях, личностных качествах и навыках общения непосредственно от самого оцениваемого.

2. Психодиагностика. Цель ее использования заключается в получении информации о качествах сотрудников, существенно влияющих на их поведение. В рамках психодиагностики используются такие методы как тестирование; аппаратные методики, позволяющие определить возможности кратковременной и долговременной памяти и объема

внимания; проективные методики, направленные на выявление не всегда осознаваемых особенностей поведения человека.

3. Специальные упражнения. Этот инструмент оценки позволяет смоделировать типичные деловые ситуации, характерные для оцениваемой деятельности. Широко используются в оценке деловых качеств сотрудников и современные деловые тесты-опросники.

4. Организационно-управленческие игры. Целью проведения деловых игр является получение информации об уровне развития управленческих навыков, знаний, умений.

В целом, описанная технология комплексной оценки персонала организации дает возможность преодолеть ограничения традиционных методов оценки, оценить индивидуальный потенциал сотрудников и учесть полученную информацию при реализации кадровых программ.

Безусловно, предлагаемая технология имеет и некоторые недостатки. К основным из них следует отнести: малая группа оцениваемых одновременно (не более 20–30 человек); увеличение потерь рабочего времени сотрудников организации; значимые временные затраты на разработку инструментов оценки сотрудников и др.

Стоимость часто является важнейшим фактором при выборе метода оценки, но при принятии решения об отборе инструментов оценки необходимо рассматривать проблему комплексно. Некоторые инструменты могут иметь более высокие затраты на разработку и требуют больше времени, денег и техническую экспертизу для разработки. В других случаях инструменты могут иметь более высокие затраты на администрирование и требуют больших ресурсов (например, время, деньги, персонал, оборудование, помещения и поддержки информационных технологий) для администрирования.

В таблице 1 представлен анализ интеллектуальной и финансовой ценности методов оценки результативности государственных и муниципальных служащих

Таблица 1. Анализ интеллектуальной и финансовой ценности методов оценки результативности государственных и муниципальных служащих

Метод оценки	Период действия	Реальность получаемых данных	Издержки на разработку	Административные расходы
Отчеты сотрудников о достижениях	длительный	средняя	средние	средние
Центры оценки	средний	высокая	высокие	высокие
Оценка биографических данных	средний	средняя	высокие	низкие
Когнитивные тесты	длительный	средняя	средние	низкие
Тесты на проверку эмоционального интеллекта	средний	средняя	высокие	низкие
Тесты на проверку целостности личности, ответственности и честности	средний	средняя	высокие	низкие

Тесты по проверке знания должностных обязанностей	средний	средняя	высокие	низкие
Ситуационные тесты	средний	высокая	высокие	низкие
Структурированные интервью	длительный	высокая	средние	средние
Моделирование проблемных ситуаций	длительный	высокая	высокие	высокие

Видно, что высокие издержки на разработку предполагаются в случае формирования центров оценки, разработке ситуационных тестов, структурированных интервью и моделировании проблемных ситуаций.

Период действия инструментов наиболее высокий в случае использования отчетов сотрудников о проделанной работе, когнитивных тестов, структурированных интервью и моделировании проблемных ситуаций.

Реальность получаемых сведений наиболее высокая в случае использования центров оценки, ситуационных тестов, структурированных интервью и моделировании проблемных ситуаций.

Административные расходы наиболее явно выражены в случае использования центров оценки и моделирования проблемных ситуаций.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 22 января 2013 года № 23 «О Правилах разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов». . URL: http://docs.cntd.ru/document/902393797 (дата обращения: 01.09.2017).

2. Российский стандарт центра оценки // Организационная психология : электрон.науч. журн. 2013. Т. 3, № 2. С. 8—32. URL: http://orgpsyjournal.hse.ru/ data/2014/02/27/1329796277/ OrgPsy_2013-2_8- 32.pdf (дата обращения: 01.09.2017).

3. Гольбан Е.В. Отраслевые центры оценки сертификации и квалификаций: назначение, функции, процедуры оценки. Вестник Международного института менеджмента ЛИНК. 2015. № 7 (36). С. 23-29.

4. Припорова Е.А. Обзор методов оценки персонала (центр оценки, оценка «360 градусов», аттестация). Симбирский научный вестник. 2014. № 2 (16). С. 115-120.

УДК 331.1

СОВРЕМЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ
INDICATORS OF EFFECTIVE PERSONNEL MANAGEMENT

Жуковский Д.А., Донской государственный технический университет (ДГТУ), доцент кафедры экономики и менеджмента, кандидат политических наук

Zhukovsky D.A., Don State Technical University (DGTU), Associate Professor of the Department of Economics and Management, Candidate of Political Science

e-mail: *greenday01@yandex.ru*

Гавриленко С.А., Ростов-на-Дону, Донской государственный технический университет (ДГТУ), старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента

Gavrilenko S.A., Rostov-on-Don, Don State Technical University (DSTU), senior lecturer of the Department of Economics and Management

e-mail: *sofia77728@yandex.ru*

Аннотация: Рассмотрены новые тенденции в области управления персоналом и предложен набор показателей для оценки эффективности управления персоналом организации с учетом выделенных тенденций.

Abstract: New trends in the field of personnel management are considered and a set of indicators is proposed to assess the effectiveness of personnel management of the organization, taking into account the identified trends.

Ключевые слова: управление персоналом, оценка персонала, эффективность управления персоналом.

Key words: personnel management, personnel assessment, efficiency of personnel management.

Успех современной организации невозможен без привлечения к работе персонала, обладающего особыми знаниями, интеллектом, необходимыми профессиональными компетенциями. Полноценное использование трудовых ресурсов способствует развитию работников и организации, а неполное их задействие можно считать упущенной организацией выгодой. Однако в отечественной и зарубежной теории и практике управления персоналом нет единого мнения о том, какие показатели наиболее полно и адекватно отражают использование трудовых ресурсов организации, поэтому исследования в данном направлении актуальны.

Управление персоналом как наука находится в постоянном развитии и движении под влиянием складывающихся в реальной жизни тенденций. Данные тенденции обусловлены изменениями в экономическом и социальном укладе, которые, в свою очередь, связаны с появлением новых информационных технологий, способствующих всеобщей информатизации, объединению людей в социальные сети, формированию сетевого типа экономических отношений, глобализации общества и экономических проблем. Целью

данной статьи является исследование современных тенденций в области управления персоналом и развитие системы показателей оценки эффективности управления персоналом с учётом новых тенденций.

Оценка управления персоналом организации проводится для целей, определенных потребностями управления, на основании количественных и качественных показателей. Показатели эффективности управления персоналом в самой общей группировке призваны отражать формирование, использование и развитие персонала. После изучения отечественной и зарубежной литературы, в частности, [1], [2], [3], [4], было установлено, что показатели, используемые для оценки эффективности управления персоналом, отражают следующие аспекты:

- потенциал трудовых ресурсов, воплощающий их стратегические возможности;
- организация труда на предприятии как совокупность условий для использования трудовых ресурсов;
- результативность труда, показывающая степень использования трудовых ресурсов;
- степень увязывания элементов системы управления персоналом и общей системы управления;
- эффективность расходов на персонал.

Новые тенденции в управлении персоналом порождают потребность в совершенствовании способов измерения качества и эффективности его работы, в том числе – в разработке новых показателей, которые характеризуют управление персоналом. Тенденцией последний лет является повышение важности интеллектуальной составляющей труда – знаний, профессиональных навыков и мастерства, они становятся все более значимыми качествами работников организации, образуя ее интеллектуальный капитал [5]. В настоящее время наиболее известными тестами, измеряющие интеллектуальный уровень и способности человека, считаются тесты Ганса Айзенка, Векслера, Равена и т.д. Для отражения интеллектуального потенциала сотрудников организации предлагается использовать показатель «средний интеллектуальный коэффициент (IQ) сотрудников». Для того, чтобы он точнее отражал интеллектуальные ресурсы организации, его можно рассчитывать не в целом по организации, а только по руководителям, специалистам и служащим, так как для рабочих профессий важен не столько интеллект, сколько профессиональные трудовые навыки и мастерство. Тогда этот коэффициент может назваться «средний интеллектуальный коэффициент руководителей, специалистов и служащих».

Мировым трендом становится и перераспределение ответственности в сфере обучения сотрудников. Если раньше сотрудники получали дополнительное образование или повышали квалификацию в специальных центрах по заданию руководителя, то сейчас в мировой практике все более распространенной становится тенденция, когда сотрудники самостоятельно повышают свой профессиональный уровень, а специализированные центры только курируют и координируют их обучение. Самообучение работников говорит о росте их трудового потенциала, и тогда в систему оценки эффективности труда персонала можно было бы ввести показатель «доля сотрудников, самостоятельно повысивших свою квалификацию либо получивших иные специальные профессиональные знания». Этот показатель мог бы отражать готовность сотрудников к продуктивному труду, а с другой

стороны, может косвенно служить об их намерениях сменить область трудовой деятельности либо место работы, если полученные ими специальные знания не имеют прямого отношения к их профессиональным обязанностям.

Все более отчетливой тенденцией становится формирование «гиг экономики» (gigeconomy) или нового типа экономики, предполагающего свободную или неполную занятость («фриланс»). Это предполагает привлечение профессионала для выполнения определенной работы за установленную плату, при этом не имеет значения, где он будет выполнять эту работу. Привлеченный работник заинтересован в том, чтобы выполнить работу как можно быстрее и качественно, а работодатель экономит на содержании офиса и на оплате труда, так как нет необходимости содержать штат работников, достаточно оплачивать отдельно выполняемую работу. В исследовании компании Intuit говорится, что к 2020г. 40% американцев будут работать как независимые подрядчики [6]. Это объяснимо, так как самым активным поколением на рынке труда к этому времени будут так называемые миллениалы (millennials), или «поколение Y» (как противопоставление предыдущему поколению X), которые более склонны именно к удаленной форме работы и не любят засиживаться долго на одном месте. Этим они отличаются от предыдущего поколения, представители которого меняют лишь несколько мест работы за всю жизнь. В нашей стране эта тенденция пока не так ярко выражена, как в США и Европе, так как на российском рынке труда пока мало предложений по выполнению проектов, работ, чтобы обеспечить работой тех же 40% россиян на условиях удаленного доступа от рабочего места. Но вместе с развитием российской и мировой экономики этот тренд будет набирать силу и в нашей стране. Учитывая изменения в организации труда, предлагается ввести в практику оценки системы управления персоналом следующие показатели:

- доля удаленных рабочих мест;
- доля задач (функций), вынесенных на аутсорсинг;
- доля автономных (внешних) проектных групп;
- доля затрат на организацию удаленных рабочих мест в общей сумме затрат на персонал.

Известное международное агентство DeloitteUniversityPress, занимающееся исследованиями в областях, представляющих интерес для бизнеса и государственного сектора, опубликовало исследование ведущих мировых тенденций в области управления персоналом - GlobalHumanCapitalTrends 2016. Согласно данному отчету, одной из ключевых тенденций современной организации является возрастание роли корпоративной культуры в развитии бизнеса, о ее важности для организации заявило 82% опрошенных [7]. Реализация корпоративного управления, основанного на культурных ценностях, становится все более распространенным трендом, поскольку это доказывает эффективность такого подхода к управлению. Эта тенденция также все больше проявляется в нашей стране, хотя кризис привел к сокращению расходов на корпоративные мероприятия. Однако они были и остаются хорошим способом сплочения трудового коллектива, повышения его производительности [8]. В этой связи целесообразным было введение в систему показателей, используемых организацией для оценки эффективности расходов на персонал, показателя «доля затрат на корпоративные мероприятия в общей сумме инвестиций». Этот показатель

мог бы отражать роль корпоративной культуры именно как инструмента развития организации, а не просто как одного из элементов системы управления персоналом.

Новым трендом является и появление так называемой «аналитики людей». Некоторые ученые уже называют сегодняшнее время «золотым веком аналитики людей», поскольку повысился интерес к изучению поведения как отдельного человека, так и отдельных групп. Сегодня 77 % руководителей принимают решения, основываюсь на анализе персональных данных о сотруднике: его производительности труда, нарушениях, потенциале и т.п. Зарубежные компании стали выделять анализ человеческих ресурсов в отдельную стратегическую функцию. По данным исследования [9], 44% американских и европейских руководителей используют данные о своей рабочей силы для прогнозирования эффективности бизнеса, в то время как в 2015 году об этом сказали 29% опрошенных. В настоящее время доступны системы обратной связи и взаимодействия сотрудников, аналитический анализ в реальном времени и готовые модели прогнозирования поведения почти каждого поставщика своей рабочей силы на предприятие. Эта тенденция тоже имеет место в российской действительности, так как все больше внимания при найме персонала уделяется изучению его личности и поведенческих привычек на основании изучения его личных записей в социальных сетях. В этой связи может быть целесообразным введение в практику оценки системы управления персоналом показателя «доля открытых источников (доступных баз банных, социальных сетей) из общего количества источников информации о претенденте на вакантную должность». Это позволит оценить степень открытости работника, его социализации в обществе.

Еще одной существенной тенденцией в сфере управления персоналом в 2016 году стало использование цифровых технологий, поскольку 74 % руководителей определили цифровые технологии главным приоритетом в управлении персоналом [10]. Тенденция быстро развивается: 42 % компаний адаптируют свои существующие системы управления персоналом для мобильных устройств, 59 % разрабатывают мобильные приложения, которые интегрируют системы работы вне офиса для удобства использования сотрудниками, 51 % организаций используют внешние социальные сети в своих собственных внутренних приложениях для найма и управления профилем сотрудников [11]. Эта тенденция тоже прослеживается в нашей стране, но больше в крупных городах, хотя быстрое развитие цифровых технологий позволяет надеется, что использование мобильных приложений в управлении персоналом через несколько лет станет в нашей стране повсеместным, поэтому перспективным для оценки эффективности управления персоналом будет использование коэффициента, отражающего долю времени, затраченного на контроль действий работников с использованием мобильных приложений. Значение этого показателя могло бы характеризовать технологическую оснащённость процессов управления персоналом, а сам коэффициент может быть полезным при принятии решений о количестве персонала, в том числе руководителей, об инвестициях в развитие системы управления организацией.

Воплощение современных тенденций в области методологического обеспечения управления персоналом нашло отражение в разработанных авторами работы новых показателях, характеризующих эффективность управления персоналом организации с учетом мировых тенденций в данной области (таблица 1). Исходные данные для расчета

предложенных показателей могут быть получены путем анкетирования сотрудников либо сбора внешней информации.

Таблица 1. Предлагаемые новые показатели эффективности управления персоналом, учитывающие современные тенденции в области управления персоналом (разработана авторами)

Объект оценки	Показатель	Способ расчета	Рекомендуемое значение
Потенциал трудовых ресурсов	Средний интеллектуальный коэффициент руководителей, специалистов, служащих	Отношение общей суммы баллов по результатам оценки IQ к количеству лиц, прошедших оценку	Увеличение показателя – положительная тенденция
	Доля сотрудников, самостоятельно повышающих свой общий уровень развития	Отношение количества работников, которые в течение года по собственной инициативе прошли курсы обучения по профилю деятельности или в области, близкой к профессиональной, к общей численности персонала	
Организация труда	Доля удаленных рабочих мест	Отношение количества удаленных рабочих мест к общей численности персонала	Зависит от характера деятельности организации, сравнивается со средним отраслевым, средним региональным значением
	Доля задач (функций), вынесенных на аутсорсинг	Отношение количества задач (функций), вынесенных на аутсорсинг, к общей сумме задач (функций)	
	Доля автономных (внешних) проектных групп	Отношение количества автономных (внешних) проектных групп к общему числу проектных групп	
	Коэффициент использования мобильных приложений	Время, затраченное на работу в мобильных приложениях, к общему рабочему времени	
	Доля внешних источников информации о претенденте на вакантную должность	Отношение среднего количества внешних источников о претенденте на вакантную должность (аккаунтов в социальных сетях, баз данных и т.п.) к общему количеству использованных источников	

Эффективность расходов на персонал	Доля затрат на корпоративные мероприятия в общей сумме инвестиций	Отношение затрат на корпоративные мероприятия за период к общей сумме инвестиций за этот же период	
	Доля затрат на организацию удалённых рабочих мест	Отношение затрат на организацию удалённого доступа к общей сумме затрат на персонал	

Предложенные показатели призваны усовершенствовать систему управления персоналом за счет того, что будут больше учтены современные тенденции в управлении персоналом, более адекватно будут оцениваться такие параметры системы управления персоналом, как потенциал трудовых ресурсов, организация труда, эффективность расходов на персонал.

Литература

1. Беккер, Б. Измерение результативности работы HR-департамента. Люди, стратегия и производительность / Б. Беккер, Д. Ульрих. – Перс. с англ. Н.Ю. Скачек. – М.: Вильямс, 2007. – 304 с.

2. Кибанов, А.Я. Основы управления персоналом / А.Я. Кибанов. – М.: «Научно-издательский центр ИНФРА-М». – 2014 г., 447 с.

3. Долинина, Т.Н. Оценка эффективности использования персонала организации: система показателей-индикаторов / Т.Н. Долинина // Труды БГТУ. Экономика и управление. - 2014. - № 7. - С. 146-149.

4. Каплан, Р.С. Сбалансированная система показателей: от стратегии к действию / Р.С. Каплан, Д. П. Нортон. – М.: Олимп-Бизнес, 2004. – 294 с.

5. Гапоненко, Т.В. Ценностно-ориентированная идентификация и структуризация интеллектуального капитала организации / Т.В. Гапоненко // Инновации. – 2014. - №3. – С.63-70.

6. Главные профессии 2025 года [Электронный ресурс] // Сайт «Идеономика» — идеи о бизнесе, жизни и саморазвитии – Режим доступа: http://ideanomics.ru/articles/5496. – Загл. с экрана.

7. Отчет GlobalHumanCapitalTrends 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://robo-hunter.com/uploads/files/56f81a3e9eee8.pdf. – Загл. с экрана.

8. Харитонова, П.В. Организационная культура как фактор конкурентоспособности предпринимательской деятельности в условиях финансового кризиса / П.В. Харитонова // Вестник Челябинского государственного университета.- 2012. - № 26. - С. 142-146.

УДК 336.67

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
THE BASIC REQUIREMENTS FOR RISK MANAGEMENT OF INNOVATIVE ACTIVITY

Зайченко И.А., Ставропольский технологический институт сервиса (филиал) ДГТУ, доцент кафедры «Экономика и менеджмент», кандидат экономических наук, доцент

Zaichenko I.A., Stavropol technological Institute of service (branch) ДГТУ, the senior lecturer of faculty «Economy and management», candidate of economic Sciences, docent

Ульянова М., студентка Ставропольского технологического институт сервиса (филиала) ДГТУ

Ulianova M., student of the Stavropol technological Institute of service (branch) DSTU

e-mail: *irina_20_64@ mail.ru*

Аннотация. Особенности выявления и анализа рисков заключаются в контексте стратегического анализа и управления предприятием, что является актуальным.

Abstract. Features of the risk identification and analysis are in the context of strategic analysis and enterprise management that is relevant.

Ключевые слова: набор стратегических решений, риск инновационной деятельности, операционная политика, эффективность бизнеса, интегральная нечётко-логическая модель, безопасность организационных изменений.

Key words: a set of strategic decisions, the risk of innovation, operational policy, business efficiency, integrated fuzzy-logic model, organizational safety changes.

Подход к идентификации и анализу рисков инновационной деятельности, базируется на двух основных постулатах. Постулат первый: выявлять и анализировать риски необходимо в контексте стратегического анализа и управления предприятием. Постулат второй: существенная информационная неопределённость в части будущего состояния организации, её реакций на внедрённые инновации, заставляет оценивать будущие состояния бизнеса с нечётко-логических позиций и формировать наборы стратегических и антирисковых решений по результатам анализа в рамках интегральной нечётко-логической модели.

Именно две эти выделенные особенности являются определяющими, с точки зрения организации процессов и систем управления рисками.

Наборы стратегических решений (СУР) — набор компонентов, которые предоставляют основы и организационные мероприятия для разработки, внедрения, мониторинга, оценки эффективности и непрерывного улучшения риск-менеджмента в организации [84]. Основы включают политику, цели, полномочия и обязательства по управлению риском. Организационные мероприятия включают планы, связи,

ответственность лиц, ресурсы, процессы и действия. Система управления рисками внедряется в общие стратегические и операционные политики и практики организации [1].

В свою очередь, система управления рисками инновационной деятельности (СУРИД) является подсистемой СУР [2], отвечающей за инновационный раздел, и, как следствие, наследует все атрибуты СУР.

Требования к СУРИД также наследуются от СУР, с той разницей, что добавляются отдельные компоненты, относящиеся к инновационному процессу. В общем виде требования к СУРИД выглядят следующим образом (компоненты, принадлежащие только СУРИД, связанные с обеспечением безопасности организационных изменений, выделены курсивом):

1. По отношению к целям:

- система должна соответствовать Российским и международным стандартам и наилучшим практикам в области управления рисками;
- обеспечить приемлемый уровень риска;
- отсечение убытков;
- недопущение критического снижения эффективности бизнеса.

2. По отношению к процессам:

- не вызывать неоправданных расходов;
- не допускать снижения качества процессов;
- не допускать снижения эффективности процессов;
- не допускать дефицита ресурсов и дефицита информации;
- генерация сценариев организационных изменений;
- оценка влияния организационных инноваций на эффективность бизнеса с определением потенциальной отдачи от инноваций и мерой инновационного риска;
- интеграция с профильными организационными системами (рис. 1):

Рисунок 1 - Связь системы управления рисками (СУР) с другими системами в организации [3]

- система R&D (исследования и разработки);
- система стратегического планирования;
- система менеджмента качества;
- система маркетинга;
- система управления персоналом.

3. По отношению к участникам:

- принимать оптимальные решения в части риск-менеджмента в зоне своей ответственности;
- отсекать ошибки управленческих решений на ранних стадиях;
- обеспечивать эффективную коммуникацию и распределённый доступ к информации всех участников системы управления рисками;
- анализ мировых трендов в области наилучших практик ведения бизнеса, а также возникновения инноваций в части продуктов и решений, профильных для бизнеса;
- не нарушать законность.

Функционирование СУРИД поддержано набором процессов, составляющих так называемую процессную архитектуру. Можно выделить два основных процессных блока: основные процессы и поддерживающие процессы.

Операционные процессы СУРИД:

- мониторинг внутренней и внешней среды предприятия;
- выработка тревожных сигналов («алёртов»);
- анализ ситуации и проектирование управленческой реакции на угрозу;
- корректирующее воздействие.

Поддерживающие процессы СУРИД:

- создание ресурсной базы для управления рисками;
- разработка и совершенствование интегральной нечётко-логической модели управления рисками;
- генерация сценариев потенциальных угроз, связанных с внедрением инноваций, и их отработка на модели;
- нормирование KPI и риск-факторов;
- установка KPI и алёртов;
- проектирование шаблонов решений по управлению рисками.

Предприятия, созревшие управлять риском с системных позиций, являются зрелыми, с точки зрения регулярного менеджмента. Это означает, что в этих компаниях уже настроен ряд других ключевых систем управления.

На рисунке 2 представлена совокупность систем регулярного менеджмента исследуемого холдинга, с их проекцией на модель SCORE.

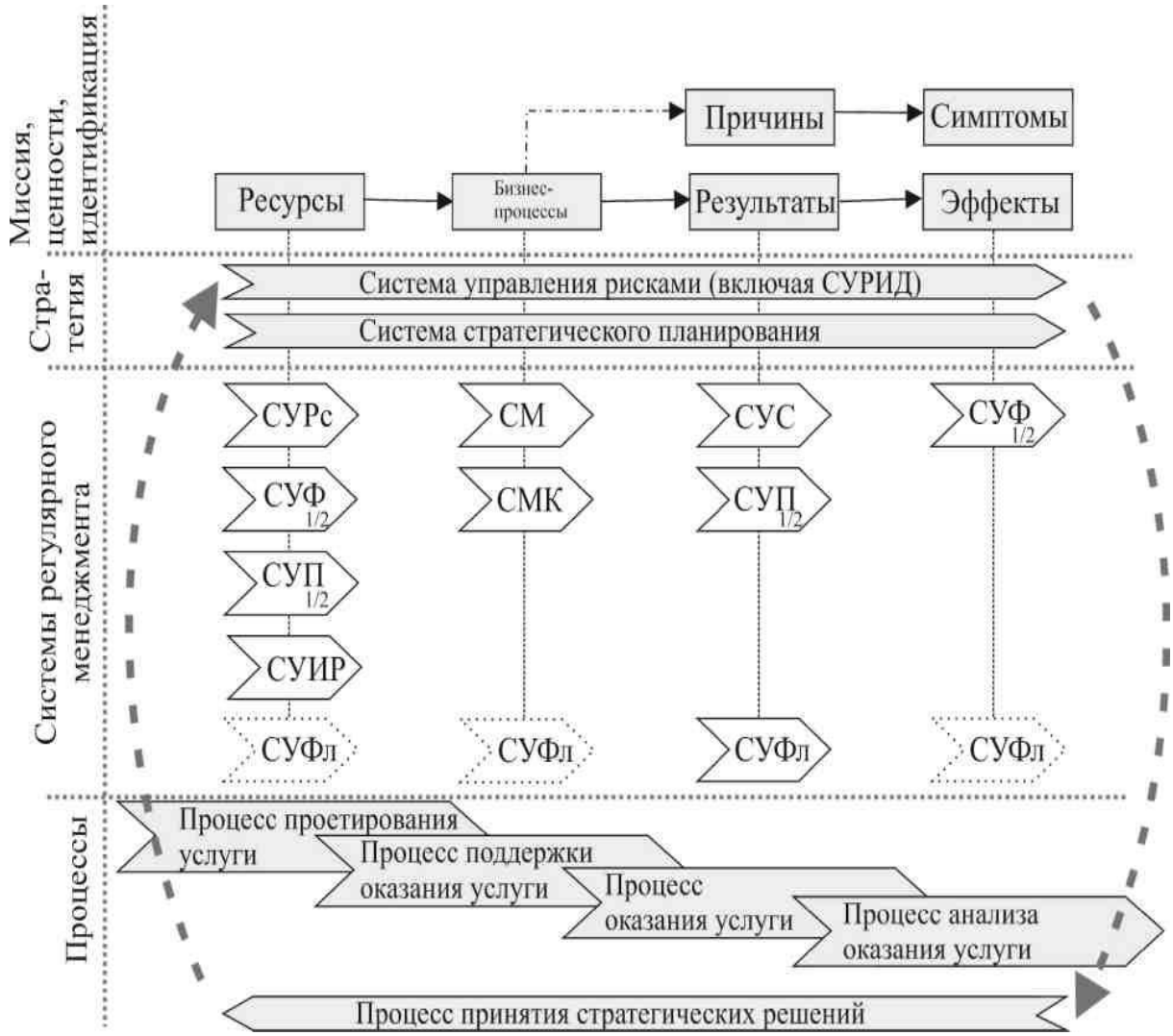


Рисунок 2. Системы регулярного менеджмента в компании[3]

Условные обозначения:

- СУРс - система управления ресурсами.
- СУФ - система управления финансами.
- СУП - система управления персоналом.
- СУФл - система управления филиалами.
- СМ - система маркетинга.
- СМК - система менеджмента качества.
- СУС - система управления взаимоотношениями с стейкхолдерами.
- СУИР - система управления исследованиями и разработкой.

Каждая система регулярного менеджмента имеет одну или несколько зон ответственности. Системы стратегического планирования, управления инновациями и управления рисками покрывают всю причинно-следственную цепь «ресурсы – бизнес-процессы – результаты – эффекты» целиком. Укрупнённо функционал СУРИД выглядит так:

Первичная информация для СУРИД собирается в горизонтальных системах предприятия:

- в системе R&D (проектирование и создание инноваций) - весь спектр данных о проектируемых инновациях, в соответствии с параметрами бизнес-плана инновационного проекта;
- в системе маркетинга - данные по рынку, в том числе упреждающая предсказательная информация, данные конкурентного анализа, оценка перспективного спроса на внедряемые на рынок инновационные товары и услуги;
- в системе управления финансами - текущие уровни показателей финансово-хозяйственной деятельности (ПФХД);
- в системе менеджмента качества - текущие данные об уровне качества внутренних процессов и о качестве взаимоотношений с ключевыми стейкхолдерами (на основе обратной связи);
- в системе управления персоналом - данные о качестве корпоративной культуры предприятия.

Далее полученная информация поступает в горизонтальную систему стратегического планирования предприятия, где:

- производится генерация сценариев угроз и их моделирование;
- осуществляется агрегирование полученных данных и сведение их к единому формату импорта в систему сбалансированных показателей;
- выработка шаблонов стратегических и антирисковых решений, как систем нечётко-логических правил;
- построение результирующих отчетов.

Наконец, в замыкающем блоке СУРИД, осуществляется анализ полученных данных и сопоставление этих данных с нормативами по тревожным сигналам (алёртам). В случае срабатывания алёртов созывается экспертная комиссия и вырабатывается сценарий поведения предприятия в условиях наступившей угрозы и повышенного уровня риска.

Система управления рисками «зеркалит» счетную карту ССП и оценивает все значения рисков в риск-картах по всем разрезам стейкхолдеров в ССП. В свою очередь, эта система выдает тревожные сигналы о том, что риски в организации принимают недопустимый размер.

Алёрты, поступающие из системы управления рисками на управленческую панель руководства организацией, являются отправной точкой для принятия стратегических решений. Такие решения, проецируясь на системы регулярного менеджмента, преобразуются в набор профильных планов и взаимосогласованных мероприятий, направленных на:

- Отражение Угроз;
- Снижение и аннулирование Слабостей;
- Мобилизацию имеющихся Сил;
- Создание новых Сил из Опционов (в том числе, за счёт внедрения организационных инноваций).

Именно в таком варианте построения СУРИД имеет право на жизнь на любом действующем предприятии.

Литература

1. Стандарт управления рисками. ISO/IECGuide 73 RiskManagement -Vocabulary - Guidelinesforuseinstandards [Электронныйресурс] / Институт управления рисками (IRM). Режим доступа. http://www.theirm.org/publications /documents/Risk_Management _Standard_03082 0.pdf свободный - Загл. С экрана. - яз. Рус.

2. Богоявленский С.Б. Управление риском в социально-экономических системах: Учебное пособие / С.Б. Богоявленский – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. – 144 с.

3. Гранатуров В.М. Экономический риск: сущность, методы измерения, пути снижения: Учебное пособие / В.М. Гранатуров. - М: Изд-во «Дело и сервис», 2012. – 160 с.

УДК 331. 108.2

К ВОПРОСУ ПРЕИМУЩЕСТВА КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ
TO QUESTION THE ADVANTAGES OF A COMPETENCE APPROACH IN THE ACTIVITIES OF THE MANAGERS

Федорова С.А., Северо-Кавказский федеральный университет, доцент кафедры государственного и муниципального управления, кандидат педагогических наук, доцент

Fedorova S.A., North-Caucasus Federal University. Candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of state municipal management

e-mail: *kul14@yandex.ru*

Чупрова Д.Б., Северо-Кавказский федеральный университет, доцент кафедры государственного и муниципального управления, кандидат экономических наук, доцент

Chuprova D.B., North-Caucasus Federal University. Candidate of economic Sciences, associate Professor of the Department of state municipal management

e-mail: *Dina.chyprova@mail.ru*

Аннотация: Рассматриваются проблемы и перспективы внедрения компетентностного подхода в деятельности менеджера. Рассмотрены проблемы внедрения модели компетенций и проведен анализ благоприятных предпосылок для развития компетентностного подхода в деятельности hr-менеджера.

Abstract: Considers the problems and prospects of implementation of the competence approach in the activities of HR-Manager. The problems of introducing a competency model and the analysis of favorable conditions for the development of competence-based approach in the activities of HR-Manager.

Ключевые слова: компетенции hr-менеджера, профессионализм, разработка и эффект модели компетенций

Key words: competencies HR-Manager, professionalism, development and effect of a competency model

Ценностную значимость компетентности и профессионализма давно оценили в разных областях деятельности, например в образовании, медицине, спорте, в других областях деятельности человека.

Проводимая в стране политика, направленная на повышение качества управленческой деятельности, невозможна без эффективной кадровой политики, одним из условий которой является разработка моделей компетенций сотрудников компании. Модели компетенций являются эффективным инструментов в деятельности hr-менеджера при приеме сотрудников на работу, а так же оценки их деятельности.

Компетентностный подход в современном понимании начал развиваться в мире в 1960-е годы. Тогда был написан ряд научных трудов по компетентности госслужащих. Одним из серьезных исследований явилась работа Дж. Равена «Компетентность в

современном обществе». Автор отмечал, что компетентность состоит из множества составляющих компонентов, многие из которых независимы друг от друга [1].

Сегодня компетенции характеризуют поведенческие и профессиональные навыки, знания и способности необходимые сотруднику для успешного выполнения рабочих функций, поскольку с помощью компетенций отражаются необходимые стандарты поведения.

В современном управлении применение компетентностного подхода при подборе персонала способствует улучшению отбора кадров, позволяет сохранить время и сократить издержки на персонал [6].

Однако существуют определенные трудности, одной из которых является необходимость разграничения понятий «компетенция» и «компетентность». Исследователи данного вопроса отмечают, что хотя проведено большое количество исследований, до сих пор отсутствует единое определение компетентности и компетенции [2].

Другую проблему представляет выявление ключевых компетенций для определенных групп профессий, поскольку нет универсального списка компетенций для всех видов деятельности.

Таким образом, несмотря на длительную историю и многогранность процесса управления, до сих пор нет единства в вопросе какие личностные и профессиональные качества должны присутствовать у работника в данный отрезок времени.

В современном обществе большее внимание уделяется развитию профессиональных компетенций работников. Опыт успешных организаций, существующих на региональном рынке долгое время, показывает, что преимущество бывает у той организации, в которой, трудятся наиболее квалифицированные кадры. Так, еще в 70-е годы в СССР профессор Лазарев Б.М. в исследовании, посвященном компетенциям работников управления определяя понятия «компетенция государственного органа» и термин «компетентность государственных служащих» [3].

Компетентностный подход акцентирует внимание на результатах, которые понимаются как объем внедрения проектов и способность специалиста действовать в различных ситуациях. Данный подход относится к числу приоритетных областей управления. В связи с этим остро встает проблема разработки моделей компетенций в организациях с учетом требований региона. Эта необходимость объясняется спецификой местного законодательства, а также поликультурными особенностями региона, которые существенно влияют на управления кадрами на местах.

В научной литературе, под моделью компетенций работника понимается образ специалиста, каким он должен быть для определенного периода времени, выраженный определенной документацией. Построение модели предполагает установление: а) функциональной сущности специалиста; б) широты его профессионального профиля; в) профессиографических характеристик; г) экспертных оценок и прогнозов развития этой деятельности на ближайшую и отдаленную перспективу [5].

Применительно к организации, при разработке модели компетенций hr-менеджеру необходимо ориентироваться на следующие виды компетенций:

1. Корпоративные, которые применимы к любой должности в организации. Оптимальное количество таких компетенций варьируется от 5до 7 компетенций.

2. Управленческие (или менеджерские). Данные компетенции описывают компетенции руководящего звена, которые имеют в подчинении одного или нескольких сотрудников организации. Данные компетенции необходимы для осуществления бизнес-идей.

3. Профессиональные (или технические). Данные компетенции применяются для достаточно широкой группы должностей. Разработка данных компетенции относится к самым трудоемким и затратным процессом. Таким образом, процесс развития профессиональных умений и навыков является системным, комплексным процессом, направленным на повышение качества выполнения профессиональной деятельности и реализуемым на основе приобретения профессиональных знаний, опыта и необходимых способностей [4].

Необходимо сказать, что анализ практической деятельности hr-менеджеров показал, что при определении моделей компетенций некоторые организации ориентируются только на ключевые компетенции, для других – ориентиром являются управленческие, но в большинстве случаев модели компетенций разрабатываются исключительно только для рядовых сотрудников организации.

Разработка моделей компетенций предполагает определённый алгоритм последовательных действий, состоящий из трех этапов: этап планирования, определение проектной группы, непосредственно проектирование моделей компетенций. На первом этапе hr-менеджер описывает желаемый результат от предстоящей деятельности и определяет сроки реализации проекта. На втором этапе происходит определение проектной группы. Этот этап является одним из наиболее важных, поскольку правильный выбор членов проектной группы позволяет снизить сопротивление со стороны коллектива.

Итогом деятельности по разработке моделей компетенции в организации является определение профилей компетенций для каждой должности.

Дальнейшие шаги по реализации модели компетенций в организации предполагают проведения оценочных мероприятий. Практика показывает, что у hr-менеджера может возникнуть необходимость упрощения разработанной модели компетенций. В таком случае менеджеру по персоналу рекомендуется осуществлять оценку только по трем-четырем компетенциям. На наш взгляд, для эффективной реализации профилей компетенций, необходимо учитывать специфические свойства моделей. Для того чтобы модель стала инструментом, недостаточно всего лишь ее разработать, необходимо определить условия, определяющие ее функционирование. HR-менеджеру необходимо понимать что отсутствие или недостаточность этих условий приводить к тому, что модель лишается своих модельных характеристик. Исходя из этого, мы выделили следующие условия реализации модели компетенций:

- потребность в создании и интеграции модели компетенций в деятельность организации;
- систематическое изменение компетенций;

- консолидация к деятельности сотрудников и менеджеров на всех этапах деятельности;
- внутренне-организационный PR проект;
- персонал организации должен обладать исчерпывающими знаниями о ходе разработке модели компетенций и сфере их применения;
- внедрение модели компетенций в HR-практики.

Таким образом, разработка модели компетенций является трудоемким процессом и требует определенного мастерства от HR-менеджера. Разработанные профили компетенций могут лежать в основе разработки KPI (KeyPerformanceIndicators) – «ключевые показатели результативности», которые являются индикатором эффективности деятельности персонала в русле достижения целей организации, а также стать мощным мотивационным фактором, побуждающим к деятельности персонал организации [7].

Так же необходимо отметить, что оценка эффективности предлагаемых мероприятий по внедрению модели компетенций в организации требует определенных инвестиций, поэтому на этапе планирования hr-менеджеру необходимо определить и согласовать с руководителем все издержки, с которыми придется столкнуться в процессе реализации данного проекта.

Таким образом, анализ деятельности организаций в регионе, успешно интегрирующих в свою деятельность модели компетенций, показал нам, что это позволило им сократить численность персонала, с низкой квалификацией, однако при этом объем выполненной работы не сократился. Следовательно, прежний объем работ при общем сокращении численности персонала означает повышение производительности труда служащих.

Подводя итог, необходимо отметить, что новый подход к оценке персонала должен иметь единую направленность и обеспечивать высокую экономическую и социальную эффективность деятельности организации.

При повышении уровня компетентности работников, произойдет улучшение таких показателей как:

- результативность деятельности, эффективное планирование работы, рост выполняемого объема работ, соблюдение служебного распорядка и сроков реализации заданий;
- профессионализм, уровень знаний, навыков и умений, входящих в квалификационные требования, повышение навыков владения современными технологиями работы с информацией и информационными системами, ведение делового и профессионального общения, улучшение качества выполненной работы;
- стимул к саморазвитию, профессиональному самосовершенствованию, повышение способности организовать работу группы людей, готовность к должностному росту.

Разработка модели компетенций является трудоемким процессом и требует мастерства от HR-менеджера поскольку отражается на эффективности всей организации, как в экономической, так и в социальной сфере.

Литература

1. Компетентностный подход. Реферативный бюллетень РГГУ. 2005 г. // http://

www.rsuh.ru/binary/56572_11.1173464019.22977.doc

2. Кострова Ю. С. Генезис понятий «компетенция» и «компетентность» / Ю. С. Кострова // Молодой ученый. – 2011. – №12. Т.2. – С. 102-104. // http://www.moluch.ru/archive/35/4011/].

3. Кризис-компетентностного подхода в управлении персоналом http://www.naim.ru/nodes/.

4. Мелихов, Ю. Е. Управление персоналом. Портфель надежных технологий: учебно-практическое пособие / Ю. Е. Мелихов, П. А. Малуев. – 2-е изд. – Москва: Дашков и К, 2012. – 342, [1] с.: ил., табл.; 20. Библиогр.: с. 342-343. – ISBN 978-5-394-01758-2

5. Условия формирования познавательной самостоятельности http://nauka-pedagogika.com

6. The practice of competency modeling. Jeffery S. Shippmann, Ronalda A. Ash, MariangelaBatjista,LindaCarr,Lorrained D. Eyde,BerylHesketh,Jerry. Kenoe,KennethPearlman, Erich P. Prien,Juan I. Sanches.Personnel psychology Volume 53, Issue 3. September 2000 . Pages 703–740.

7. Human Resources Key Performance Indicators GabčanováIveta. Journal of Competitiveness. Vol. 4, Issue 1, pp. 117-128, March 2012.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ
SCIENCE OF LAW

УДК 343.13

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗБРАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
SEPARATE ISSUES OF APPLYING OF PREVENTIVE MEASURES IN CRIMINAL PROCEDURE

Аветисян А.Д., Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, профессор кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент

Avetisyan A.D., Stavropol branch of the Krasnodar university of Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of science (law), associate professor, professor of the department of criminal procedure

Аскарова Е.С., Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, курсант 3 курса очной формы обучения

Askarova E.S., Stavropol branch of the Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia, 3rd year cadet of full-time education

e-mail: *aleksandr.avetisjan@rambler.ru*

Аннотация: статья посвящена отдельным проблемам избрания мер пресечения, применяемых дознавателем, следователем при расследовании уголовных дел. Авторами указаны направления разрешения вышеуказанных проблем в деятельности дознавателя, следователя при принятии решений в стадии предварительного расследования.

Abstract: this article is devoted to separate issues of applying of preventive measures which are can be used by inquiry officers, investigators during investigation of criminal cases. Authors indicate ways of above mentioned problems' decisions in activity of inquiry officers, investigators in course of preliminary investigation.

Ключевые слова: мера пресечения, подписка о невыезде и надлежащем поведении, залог, основания для избрания меры пресечения, постановление судьи об избрании меры пресечения залога.

Keywords: preventive measure, written undertaking not to leave the place and good behavior, grounds of preventive measures' applying, writ of judicial restraint.

В настоящее время четко прослеживается тенденция в уголовной политике, что взаимосвязано с существенными изменениями в уголовно-процессуальном законодательстве РФ в части обеспечения дознавателем, следователем и судом прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Вышеуказанные изменения имеют непосредственное отношение, в том числе, к применению мер пресечения в стадии предварительного расследования и в судебных стадиях уголовного процесса.

Регламентация мер уголовно-процессуального пресечения базируется на Конституции Российской Федерации и нормах международного права.

В последние годы отмечается рост количества преступлений, что, в свою очередь, сопровождается необходимостью чаще обращаться к такому уголовно-процессуальному средству, как мера пресечения. Значимость данного правового института побуждает законодателя к постоянному совершенствованию правовой основы применения таковых.

Проводимая в Российской Федерации реформа уголовно-процессуального законодательства, в качестве мер пресечения, нуждается в совершенствовании.

УПК РФ предоставляет органам предварительного расследования избрать в отношении обвиняемого (подозреваемого) любую из семи мер пресечения. Более того, следователь имеет право не избирать меру пресечения, ограничившись обязательством о явке, если отсутствуют предусмотренные законом основания.

Институт мер пресечения в уголовном судопроизводстве изучали следующие ученые: Н.А. Андронник [1], А.В. Гриненко [2], Н.А. Колоколов [3], М.В. Парфенова [5], Г.К. Смирнов[6], Ю.А. Тимохин[7], и другие ученые. Однако, несмотря на то, что институт мер пресечения на протяжении нескольких лет изучался многими учеными, пробелы в УПК РФ остаются и в настоящее время.

В практической деятельности в большинстве случаев следователи, дознаватели чаще всего избирают две меры пресечения: заключение под стражу или подписка о невыезде и надлежащем поведении. При этом, к сожалению, первоначально именно заключение под стражу, в связи с тем, что эта мера пресечения позволяет следователю в наибольшей степени облегчить себе уголовно-процессуальную деятельность, пресекая возможность обвиняемому скрыться или не явиться для участия в ходе расследования уголовного дела.

В данной статье будут рассмотрены отдельные проблемы избрания и применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве, а именно: подписки о невыезде и надлежащем поведении и залога.

Следует выделить отдельные отличия подписки о невыезде и надлежащем поведении, предусмотренной в действующем УПК РФ от аналогичной меры пресечения, которая ранее была регламентирована в ст. 93 УПК РСФСР.

Если в ст. 93 УПК РСФСР была указана регламентация получения от подозреваемого, обвиняемого обязательства не отлучаться с места жительства, то в ст. 102 УПК РФ законодателем не предусмотрена принудительность применения данной меры пресечения при ее избрании. В бланке подписки о невыезде отсутствует регламентация принудительного порядка избрания этой меры пресечения. Следует отметить, что по в предшествующий период времени в случае отказа подозреваемого, обвиняемого поставить подпись под соответствующим обязательством, следователь имел право удостоверять данный отказ подозреваемого, обвиняемого о взятии на себя обязательства необходимыми записями и своей подписью в порядке, который был предусмотрен ст. 142 УПК РСФСР. По действующему уголовно-процессуальному закону дознаватель, следователь предлагает подозреваемому, обвиняемому дать обязательство о соблюдении меры пресечения подписки о невыезде и надлежащем поведении добровольно. При отказе подозреваемого, обвиняемого в избрании в отношении его данной меры пресечения дознаватель, следователь не имеет

возможности применять данную меру пресечения в отношении конкретного участника уголовного судопроизводства.

Мы разделяем позицию Э.К. Кутуева о том, что «подписка о невыезде и надлежащем поведении, в отличие от заключения под стражу, не является в полной мере принудительной мерой, поскольку она обусловлена согласием подозреваемого или обвиняемого. Он лично добровольно ограничивает свое право на свободу передвижения, выбор места жительства и пребывания, предусмотренное ст. 27 Конституции РФ. Вместе с тем подписка о невыезде и надлежащем поведении - это все же принудительная мера, но принуждение носит не физический характер, как при заключении под стражу или домашнем аресте, а психологический характер» [4].

Для обеспечения решения дознавателя, следователя и суда о применении меры пресечения подписки о невыезде и надлежащем поведении следует дополнить ст. 102 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции: «При отказе подозреваемого, обвиняемого, подсудимого дать обязательство об избрании данной меры пресечения дознаватель, следователь и суд применяет ее принудительно, в случае необходимости может быть применена более строгая мера пресечения».

В ст. 102 УПК содержится отдельные коллизии в изложении юридических положений. Целесообразно конкретизировать формулировки уголовно-процессуального закона, которые изложены в вышеуказанной статье. В частности, подписка о невыезде и надлежащем поведении применяется в течение расследования по уголовному делу и судебного разбирательства до ее отмены или изменения. Кроме этого, целесообразно важно предусмотреть возможность получения согласия подозреваемого, обвиняемого у дознавателя, следователя, суда покидать место своего проживания в отдельных случаях (например, выезд в служебную командировку, работа в другом районе города и т.д.).

Одной из мер пресечения, которая применяется в уголовном судопроизводстве является залог.

Залог, как мера пресечения избирается очень редко, по сравнению с мерами пресечения заключение под стражу и подписка о невыезде и надлежащем поведении.

Мера пресечения – залог ограничивает конституционные права граждан и избирается по судебному решению.

Анализ статистики избрания данной меры пресечения показывает, что в 2012 году залог применялся по 398 уголовным делам, в 2013 году залог применялся по 367 уголовным делам, в 2014 году залог применялся по 558 уголовным делам, в 2015 году залог применялся по 338 уголовным делам. Важно отметить, что имеется тенденция нестабильности по количеству избрания этой меры пресечения судом по уголовным делам в настоящее время.

Несмотря на то, что залог предусмотрен в российском уголовно-процессуальном законодательстве в течение 150 лет, эта мера пресечения по различным причинам не нашла широкого распространения.

Правоприменителям целесообразно варьировать выбор мер пресечения в уголовном судопроизводстве и эффективно применять их на различных стадиях уголовного процесса.

Федеральным законом № 60-ФЗ от 07.04.2010 г. внес изменения и дополнения в статью 106 УПК, в которой регламентировано применение залога. В связи с

вышеизложенными изменениями данная мера пресечения может применяться на различных стадиях уголовного процесса и позволяет в качестве залога также использовать недвижимое имущество. Однако, несмотря на то, что законодатель конкретизировал размеры залога в зависимости от категории совершенного лицом преступления, эти размеры необходимого подлежащего внесению залога завышены для отдельных категорий граждан.

Следует отметить, что при применении данной меры пресечения минимальная сумма залога по преступлениям небольшой и средней тяжести составляет 100000 рублей, а по тяжким и особо тяжким преступлениям 500 000 рублей. Вышеуказанные положения являются серьезной трудностью для дознавателя, следователя, суда при применении залога в отношении подавляющего большинства подозреваемых (обвиняемых), которые совершили преступления.

Анализ статистики избрания залога в первую очередь свидетельствует о крайне незначительном удельном весе залога в общей структуре мер пресечения. Во-вторых, налицо тенденция неуклонного снижения количества обвиняемых, в отношении которых избиралась рассматриваемая мера пресечения после внесения в УПК РФ изменений, связанных с установлением минимальных залоговых сумм.

В июле 2016 года средняя заработная плата в России составила 35888 рублей. При большая часть граждан тратят свою заработную плату на повседневные нужды (питание, одежду, обязательные платежи и т.д.). На сбережения у граждан РФ остается лишь 12,2% доходов, или в среднем примерно 4378 рубль на трудоспособного человека. В связи с этим исходя из вышеизложенного, среднестатистическому российскому гражданину требуется примерно 2 года для, чтобы иметь деньги для внесения залога по преступлениям небольшой и средней тяжести, и примерно 10,5 лет для внесения залога при совершении тяжкого и особо тяжкого преступления.

Для применения меры пресечения залога у залогодателя должна быть возможность для его внесения. Следователю, дознавателю, суду необходимо учитывать в первую очередь материальное положение залогодателя, что позволит оптимально принять решение об избрании данной меры пресечения. Мы разделяем позицию И.Б. Михайловской о том, что «определение суммы залога в каждом конкретном случае должно производиться судом индивидуально с учетом заданных законодателем критериев без жесткой ее привязки к минимальному размеру». Полагаем, что в ч.3 ст.106 УПК РФ следует внести определенные изменения и после слов «менее пятисот тысяч рублей» предусмотреть следующее дополнение: «В исключительных случаях, принимая во внимание имущественное положение залогодателя суд вправе снизить минимальные размеры залога» [8].

Вышеизложенные суждения подтверждаются судебной практикой. Так, например, «постановлением Урайского городского суда Ханты-Мансийского АО от 22.02.2013 г. мера пресечения в виде заключения под стражу, избранная в отношении обвиняемого Яковлева, была изменена на залог, который должен быть внесен до 13 часов 28.02.2013. В установленный судом срок ни обвиняемый, ни иные лица залоговую сумму не внесли, и срок содержания под стражей обвиняемого был продлен на 3 месяца, т.е. до 28.05.2013 г.

Как следует из определения суда апелляционной инстанции, рассмотревшей жалобу защитника обвиняемого Яковлева, решение суда первой инстанции мотивировано тем, что

предварительное следствие по делу окончено, доказательства со стороны обвинения собраны и имеются в материалах уголовного дела, в связи с чем Яковлев не может воспрепятствовать производству по делу, предотвратить возможность скрыться от суда или совершить новые преступления могут и иные меры пресечения, не связанные с заключением под стражу. Суд первой инстанции удовлетворил просьбу защитника об изменении меры пресечения на не связанную с заключением под стражу и принял решение об избрании залога.

Обжаловав решение суда первой инстанции, защитник указал, что избрание в отношении его клиента залога ставит последнего в зависимость от его материального положения, поскольку суду было известно, что у Яковлева нет недвижимости и денежных средств.

Оставляя решение суда первой инстанции без изменений, апелляционный суд в описательно-мотивировочной части решения отметил, что Яковлев обвиняется в трех особо тяжких преступлениях и избрание в отношении его залога является обоснованным, поскольку подписка о невыезде и надлежащем поведении не будет являться достаточной гарантией, обеспечивающей явку подсудимого в судебное заседание»[9].

В отдельных случаях не прослеживается четкая взаимосвязь минимального размера залога с видами и размерами назначенного судом наказаний за конкретные преступления. Так, при совершении кражи на сумму менее 2500 рублей предусмотрена возможность избрания судом залога на сумму в 100000 рублей, что в 40 раз превышает сумму похищенного имущества. За хищение на сумму до 250000 рублей возможно также применить залог в сумме 100000 рублей.

Рассмотрим в качестве примера одно из распространенных тяжких преступлений. Двое преступников с применением насилия опасного для жизни и здоровья, открыто похитили у гражданина 1000 рублей. В данном случае минимальная сумма залога для этих лиц будет составлять 500000 рублей. За совершенное преступление для данных лиц предусмотрено наказание в виде максимального штрафа в 10000 рублей, что в 50 раз меньше либо дохода осужденного за 1 месяц.

Таким образом, законодателю необходимо рассмотреть возможность об изменении минимального размера залога при производстве по уголовным делам.

При применении меры пресечения учитывать вид залога. В качестве залога возможно принять, как недвижимое имущество, так и движимое имущество в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций. Однако, в положениях уголовно-процессуального закона не указаны перечне транспортные средства (например, автомобили, яхты, самолеты и т.д.). При наличии у залогодателей, в том числе обвиняемых, транспортных средств позволило бы им обращаться с ходатайством об избрании в отношении них залога. При принятии в виде залога – транспортных средств могут возникнуть отдельные трудности в их хранении. В этих целях необходимо внести дополнения в постановление Правительства РФ от 13 июля 2011 г. № 569 «Об утверждении Положения об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности». В данном документе следует детально регламентировать предмет, порядок приема в залог транспортных средств и особенности их хранения».

Для совершенствования уголовно-процессуального закона и создания гарантий по обеспечению прав обвиняемого (подозреваемого) при избрании залога в ч.1 ст. 106 УПК РФ после слов «облигаций» сделать дополнение «транспортных средств».

При расследовании уголовных дел о преступлениях, которые относятся к преступлениями небольшой тяжести и средней тяжести дознаватели, следователи в основном принимают решения об избрании подписки о невыезде и надлежащем поведении. Однако, при установлении соответствующих предпосылок при установлении материального положения залогодателя целесообразно применять и меру пресечения залог.

При избрании данной меры пресечения на подозреваемого, обвиняемого будет осуществляться более эффективное воздействие для обеспечения его участия в ходе расследования уголовного дела. Тем более важно отметить, что в случае не выполнения подозреваемым, обвиняемым требований уголовно-процессуального закона при избрании залога для залогодателя могут наступить серьезные негативные последствия по перечислению залога по судебному решению в доход государства.

В отдельных случаях следователи предпочитают принимать решение об избрании меры пресечения заключения под стражу по сравнению с залогом, полагая, что при применении более строгой меры пресечения обвиняемый своевременно будет этапирован к месту производства по уголовному делу, у него не будет иметься возможности скрыться от органов предварительного следствия, и препятствовать следователю при проведении расследования по уголовному делу. Однако, при избрании меры пресечения залога обвиняемый может работать, иметь источник законного дохода, что позволит оказывать материальную помощь своим близким родственникам и обеспечить возмещение имущественного вреда причиненного преступлением.

Для следователя целесообразно применять к подозреваемому (обвиняемому) залог для того, чтобы он находился по месту своего жительства, своевременно являлся к следователю и не препятствовал производству по уголовному делу.

Для обеспечения нормального порядка уголовно-процессуальной деятельности избрание залога, как меры пресечения, должно быть важным средством воздействия на подозреваемого (обвиняемого) для того, чтобы он не совершал новых преступлений.

В ч. 10 ст. 106 УПК РФ законодателем определены основания и порядок возвращения залога залогодателю. Залог может быть возвращен при наличии приговора либо принятии решения о прекращении уголовного дела. При наличии оснований, предусмотренных уголовно-процессуальным законом дознаватель, следователь вправе прекратить уголовное преследование в отношении отдельных лиц. В ч. 10 ст. 106 УПК РФ необходимо предусмотреть дополнение и предусмотреть принятие решения о прекращении уголовного преследования, как отдельное основание возврата залога.

Совершенствование уголовно-процессуального законодательства РФ о мерах пресечениях, не связанных с лишением свободы, позволит дознавателю, следователю и суду оптимально принимать решение об избрании конкретной меры пресечения в уголовно-процессуальной деятельности в отношении подозреваемого, обвиняемого и подсудимого, соблюдая их права и законные интересы, эффективно осуществлять уголовное

преследование лиц, которые совершили преступления и принимать законные и обоснованные решения по уголовному делу.

Литература

1. Андроник, Н.А. К вопросу об эффективности меры пресечения в виде залога / Н.А. Андроник // Адвокат. - 2015. - № 3. - С. 37 - 43.

2. Гриненко, А.В. Институт залога в уголовно-процессуальном и финансовом праве: общие черты и особенности / А.В. Гриненко, Е.У. Латыпова // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. - № 4. - С. 6 - 9.

3. Колоколов, Н.А. Механизм избрания меры пресечения нуждается в коренной модернизации / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. - 2014. - № 8. - С. 28 - 38.

4. Кутуев, Э.К. Уголовно-процессуальное принуждение в досудебных стадиях: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. - С. 284.

5. Парфенова, М.В. Выбор меры пресечения как фактор, влияющий на обеспечение прав подозреваемого и обвиняемого / М.В. Парфенова // Российская юстиция. - 2015. - № 3.

6. Смирнов, Г.К. Проблемы применения и совершенствования законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога / Г.К. Смирнов // Законодательство. - 2010. - № 11.

7. Тимохин, Ю.А. Значение подписки о невыезде и надлежащем поведении как меры пресечения, препятствующей уклонению обвиняемого от явки к следователю / Ю.А. Тимохин // Российский следователь. – 2012. - № 10.

8. Уголовно-процессуальное законодательство РФ 2001 - 2011 гг.: сборник научных статей / Л.Б. Алексеева, Г.Н. Ветрова, Л.М. Карнозова и др.; под ред. И.Б. Михайловской. - М.: Проспект, 2012. - С. 46.

9. Постановление Урайского городского суда Ханты-Мансийского АО от 22.02.2013 г. // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru. – (Дата обращения 02.04.2017).

УДК 343.412

О ВОЗМОЖНОСТЯХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ДИФФАМАЦИИ
ON THE POSSIBILITIES OF CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT OF DEFAMATION

Блинникова Д.В., аспирант Российского государственного университета правосудия
Blinnikova D.V., Post-Graduate Student, Russian State University of Justice
e-mail: *skgi_institut@mail.ru*

Аннотация: В статье анализируются положения уголовного закона о клевете и о нарушении неприкосновенности частной жизни в контексте их достаточности для правовой оценки распространения информации о частной жизни лица, порочащей его честь и достоинство.

Annotation: The article analyzes the provisions of the criminal law on libel and violation of privacy in the context of their sufficiency for the legal assessment of the dissemination of information about the private life of a person discrediting his honor and dignity.

Ключевые слова: диффамация, клевета, нарушение неприкосновенности частной жизни

Keywords: defamation, slander, violation of privacy

Вопрос об объеме понятия диффамации является спорным. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24.02.2005 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», используемое Европейским Судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений [1]. Отличие от клеветы в данном случае усматривается только в том, что распространяемые сведения не обязательно являются заведомо ложными, что позволяет охватить понятием диффамации и клевету, и деяние, описанное в ст. 152 ГК РФ (п. 6 постановления), но не предполагает возможность применения этих положений для оценки фактов распространения правдивых сведений. В тоже время А. Эрделевский доказывает, что понятие диффамация охватывает собой все три правовые ситуации [2, с. 11].

В нашем исследовании под диффамацией будет пониматься распространение о лице правдивых сведений, которые, тем не менее, порочат его честь и достоинство. В литературе оценка подобного рода действий неоднозначна. Если, к примеру, Т.Н. Нуркаева, Ю.В. Ганжа в целях усиления гарантий охраны права человека на честь, достоинство и репутацию предлагают ввести в УК РФсамостоятельный состав преступления - «Диффамация» [3; 4], то А.Н. Красиков полагает необходимым использовать для оценки соответствующих действий имеющийся состав преступления, предусмотренный ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни» [5, с. 46 – 47].

Действительно, обсуждение этого вопроса вне контекста состава нарушения неприкосновенности частной жизни невозможно. Анализ показывает, что в структуре УК РФ есть две нормы, посвященные охране личной и семейной тайны – ст. 137 и ст. 155 УК РФ. В науке давно и справедливо предлагалось рассматривать их как общую и специальную, с возможным перенесением ст. 155 УК РФ в главу 19 УК РФ или даже объединением их в рамки одного состава преступления[6]. Оставляя дискуссию на эту тему в стороне, отметим, что обе нормы, во-первых, защищают конфиденциальность сведений, составляющих семейную и личную тайну граждан (в связи с чем сбор и распространение сведений об общественной, профессиональной, политической жизни лица не образуют составов данных преступлений); во-вторых, они могут быть применены только в случае, когда распространяемые сведения соответствуют действительности (в противном случае содеянное может быть квалифицировано по статье об ответственности за клевету); в-третьих, не дифференцируют ответственность в зависимости от того, причиняет ли распространение конфиденциальных сведений вред чести и достоинству лица, порочит ли его в глазах общественности.

В этой связи надо выяснить, имеются ли и необходимы ли основания ответственности за распространение позорящих правдивых сведений о публичной жизни человека, что входит в понятие личной и семейной тайны, и следует ли дифференцировать ответственность за распространение правдивых сведений о частной жизни, которые порочат честь и достоинство.

Отвечая на первый их поставленных вопросов, стоит сразу же признать, что сведения о публичной жизни лица не могут по определению составлять тайны. Хотя понятия публичной жизни в отечественном праве не существует, тем нее менее, очевидно, что информация о политической деятельности лица, о том, как и какие профессиональные, служебные обязанности выполняет лицо, в каких публичных мероприятиях оно участвует, какие, когда и с кем публичные места посещает, и иная информация, характеризующая общественные проявления личности, не могут составлять тайны. Распространение такой информации, если она соответствует действительности, не может считаться противоправным деянием, хотя бы это и наносило урон репутации лица, его чести и достоинству. Для исключения противоправности в данном случае имеет значение два фактора: общественная заинтересованность в информации о публичной жизни лица и общедоступность информации. Если лицо по своей воле делает информацию общедоступной, либо если эта информация содержится в официальных отчетах или документах, либо в сообщениях информационных агентств (например, информация об участии лица в каком-нибудь общественной марше или демонстрации), то каковы бы ни были последствия ее распространения для этого лица, содеянное не может считаться преступным. Если лицо и желает сохранить какую-либо информацию о своем участии в общественной жизни в тайне, интерес общественности в ряде случаев может быть настолько оправданном и весомым, что будет превалировать над личными стремлениями лица (например, данные о финансовой поддержке какой-либо партии тем или иным предпринимателем или о совершенном преступлении). Распространение подобного рода правдивых сведений может преследоваться по закону только в случае, если форма подачи материала носит оскорбительный,

уничижительный, дискриминационный характер, либо если эти сведения составляют государственную или иную охраняемую законом тайну.

Противоположностью публичной является сфера частной жизни лица. «Частная жизнь характеризует поведение человека вне службы, вне производственной обстановки, вне общественного окружения в состоянии известной независимости от государства и общества и регулируется в основном нормами нравственности и морали. Если такое поведение лица выходит за пределы этих норм и нарушает нормы правовые, то оно не составляет понятия частной жизни, поскольку не только касается субъекта противоправных действий, но и может затрагивать интересы другого лица, общества или государства. Частной жизни не составляют и взаимоотношения, затрагивающие, ограничивающие права, честь и достоинств других лиц»[7].

Конституция РФ в ч. 1 ст. 23 закрепляет за каждым неприкосновенность частной жизни, при этом отдельно оговаривает право на личную и семейную тайну. Как указал Конституционный Суд РФ, право на неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. В понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер[8]. Конкретизирует понятие частной жизни ст. 152^2 ГК РФ «Охрана частной жизни гражданина», согласно которой к информации о таковой относятся, в частности, сведения о происхождении человека, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни.

Таким образом, понятие сведений о частной жизни объемлет собой личную и семейную тайну, но не исчерпывается только ими. К сфере частной жизни относится также информация о телефонных и иных переговорах, о жилище и образе жизни [9]. Это позволяет специалистам рассматривать ст. 138 и ст. 139 УК РФ в качестве специальных норм по отношению к ст. 137 УК РФ[10; 11], и даже формулировать предложения об объединении всех этих составов (нарушений тайны корреспонденции, нарушение неприкосновенности жилища и нарушение неприкосновенности частной жизни) в рамки одного «суперсостава» - нарушение частной жизни[12].

Вопрос о соотношении понятий не является здесь праздным, поскольку сфера действия ст. 137 УК РФ ограничена только той информацией о частной жизни, лица, которая относится к категории личной или семейной тайны, но при этом не включает в себя тайну усыновления, корреспонденции и жилища. Следовательно, предмет преступления включает в себя не всю информацию о частной жизни. За его пределами – то, что не относится к категории личной или семейной тайны

В свое время А.Н. Красиков задавался справедливым вопросом на этот счет. Он писал, в частности: «Трудно понять, почему УК РФ признает охраняемым не все установленное Конституцией РФ право неприкосновенности частной жизни, а только часть его, составляющую личную или семейную тайну. Использование в законе словосочетаний «личная тайна», «семейная тайна» дает основание считать, что остальная сфера частной

жизни не является неприкосновенной и охраняемой Уголовным кодексом (например, изучение образа жизни человека вне его частного места путем (с помощью) наблюдения, опроса соседей, знакомых, использование провокаций, тайного фотографирования и видеозаписи и т.п.). Такое вторжение в частную жизнь не менее опасно, чем собирание сведений, составляющих личную или семейную тайну, а, главное, данный подход к уголовно-правовой охране неприкосновенности частной жизни урезает неотделимый, определенный Конституцией РФ правовой статус человека и гражданина, и согласиться с такой формулировкой и интерпретацией нельзя»[5, с. 37].

Полагаем, стоит присоединиться к озвученной критике и в процессе реформирования уголовного закона обсудить вопрос о снятии рассматриваемого ограничения в понятии «частная жизнь». Это позволит охватить составом преступления незаконные действия в отношении врачебной тайны, персональных данных, изображений, в том числе изображений жилища человека, сведений о содержании бесед с адвокатом, священнослужителем, информации о политических взглядах, религиозной принадлежности и убеждениях и т.д.

Собирание и распространение этих сведений, если они правдивы, если они не расположены в общедоступных источниках и не предоставлены самим лицом, образует противоправное деяние, которое необходимо преследовать по ст. 137 УК РФ. В данном случае не имеет значения, является ли эта информация порочащей честь, достоинство и деловую репутацию, или нет. Главное, что деяние нарушает условия конституционного режима неприкосновенности частной жизни и этого достаточно для привлечения виновного к уголовной ответственности.

Между тем, надо понимать, что распространение некоторых сведений о частной жизни отдельных лиц может не только нарушать их конституционные права, но и дополнительно наносить вред репутации. Традиционно в данном случае речь идет о распространении порочащих сведений. Согласно п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24.02.2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица.

Кроме того, урон репутации может быть причинен и распространением таких соответствующих действительности сведений о частной жизни, которые вряд ли могут быть оценены с точки зрения норм права или морали. Например, информация о том, что тот или иной государственный служащий или политический деятель ведет роскошный образ жизни за счет средств, легально полученных супругой, или сведения о том, что тот или иной общественный активист или представитель власти практикует нудизм. Такая информация не является порочащей, не свидетельствует ни о нарушении гражданином законодательства, ни о совершении им аморальных действий, но способна понизить его репутацию в глазах

значительного числа людей ввиду некоторых социальных ожиданий относительно образа жизни «слуги народа» или предубеждения против нудизма.

Последствия от распространения такой информации могут быть весьма значительными не только для жизни отдельного гражданина, они могут иметь и прямой общественно-политический эффект.

По этой причине, как представляется, в законодательстве не может быть единого подхода к оценке фактов распространения информации о частной жизни, которые влекут либо не влекут последствия для чести и достоинства граждан, их репутации. Т.Н. Нуркаева для этих целей предлагает создать отдельный состав преступления в главе о преступлениях против чести и достоинства граждан. Нам же представляется, что наиболее оптимальной формой реакции может стать конструирование квалифицированного состава преступления для нарушения неприкосновенности частной жизни в ст. 137 УК РФ.

В науке предлагалось признать причинение вреда правам и законным интересам граждан при нарушении неприкосновенности личной жизни, в качестве квалифицирующего признака состава преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ[13]. Однако содержание такого признака вызывает возражения, ибо оставляет открытым вопрос о том, каким именно гражданам и какой именно вред должен быть причинен (не случайно, при реформировании УК РФ в 2003 году законодатель исключил аналогичный признак их числа основных признаков состава). Полагаем, что основанием для усиления ответственности по ст. 137 УК РФ должно стать именно причинение вреда чести, достоинству и репутации лица, сведения о котором распространяются, а это обстоятельство презюмируется, если распространяемые сведения относятся к категории порочащих.

Конечно, надо понимать, что публичные лица (политики, общественные деятели, представители шоу-бизнеса и т.д.) сознательно сужают границы свой частной жизни, а у общества есть определенная заинтересованность в информации о ней. Такая заинтересованность, тем не менее, не всегда оправдывает вмешательство в частную жизнь публичных фигур. С одной стороны, это может быть праздный интерес, любопытство, которое не создает легальных оснований для получения и распространения конфиденциальной информации. С другой стороны, это может быть заинтересованность в защите общественных и государственных интересов, прав и интересов отдельных лиц от последствий действий публичных лиц с упречной репутацией. Пленум Верховного Суда в цитированном постановлении четко указал: не может считаться правонарушением ситуация, когда «средством массовой информации была распространена информация о частной жизни истца в целях защиты общественных интересов на основании пункта 5 статьи 49 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации». Эта норма корреспондируется со статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод». Этому толкованию, на наш взгляд, надо придать обобщающий характер. Если какое-либо лицо распространяет информацию о частной жизни иного лица, и такое деяние не оправдывается охраной общественных интересов и прав третьих ли, содеянное должно рассматриваться как неправомерное деяние.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24.02.2005 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. - № 4.

2. Эрделевский А. Диффамация // Законность. – 1998. – № 12.

3. Нуркаева Т.Н. Уголовно-правовая охрана личных (гражданских) прав и свобод человека (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – С. 12 – 13.

4. Ганжа Ю.В. Преступления против чести и достоинства личности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2007. – С. 9 – 10.

5. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана политических, гражданских и иных конституционных прав и свобод человека и гражданина в России. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000.

6. Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – С. 24 – 25.

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2015. – С. 494.

8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 248-О от 09.06.2005 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». Документ официально не опубликован. [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online (дата обращения 23.07.2017).

9. Ульянченко А.М. Преступные посягательства на неприкосновенность частной жизни: уголовно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2008.

10. Бушков Д.В. Тайна личной корреспонденции в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2003. – С. 17.

11. Клочков В.Н. Частная жизнь как категория уголовного права. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2003. – С. 11.

12. Максимова О.В. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2013. – С. 8.

13. Мозговой О.В. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности личной жизни: автореф. лис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2007. – С. 8.

УДК 339.9

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ И ОЦЕНКЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
TO THE QUESTION OF THE DEFINITION AND ASSESSMENT OF FOREIGN ECONOMIC SECURITY OF RUSSIA

Бондарев П.А., Новороссийск, Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России, доцент кафедры специальных дисциплин, кандидат юридических наук, доцент

Bondarev P.A., Novorossiysk, the Novorossiysk branch of Krasnodar University Ministry of internal Affairs of Russia, associate Professor of special disciplines, candidate of law, docent.

e-mail: *bondarev.p@mail.ru*

Бондарев С.П. Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук

Bondarev S.P. Novorossiysk, the Novorossiysk branch of Krasnodar University Ministry of internal Affairs of Russia, the senior lecturer of chair of criminal law and criminology, candidate of law.

e-mail: *serzh.bondarev.1983@bk.ru*

Аннотация: Рассмотрены различные подходы к определению внешнеэкономической безопасности, а также оценка внешнеэкономической безопасности России.

Annotation: the paper discusses various approaches to definition of foreign economic security, as well as the assessment of foreign economic security of Russia.

Ключевые слова: стратегия национальной безопасности, внешнеэкономическая безопасность, хозяйственная деятельность

Keywords: national security strategy, international security, economic activity

Обеспечение внешнеэкономической безопасности государства и проблема ее обеспечения является центральным элементам национальной безопасности Российской Федерации на современном этапе. Связано это, прежде всего с тем, что российская экономика вынуждена развиваться в условиях финансового и общеэкономического кризиса.

В научной литературе представлены множественные подходы к исследованию внешнеэкономической безопасности и различные варианты ее обеспечения. Особого внимания заслуживает взаимосвязь категорий «внешнеэкономическая безопасность» и «национальная безопасность». С точки зрения национальной безопасности речь идет о необходимости сохранения национально-государственного суверенитета страны. Если такой задачи не ставить, то и проблема внешнеэкономической безопасности исчезает, так как логика развития международного капитала не признает национальных различий[1].

Так, по мнению Русских О.И. внешнеэкономическая безопасность государства представляет собой устойчивое к внешним и внутренним угрозам состояние удовлетворенности интересов страны во внешнеэкономической сфере хозяйственной

деятельности, гарантирующее рост уровня и качества жизни его населения. Внешнеэкономическая безопасность является составляющей системы национальной безопасности государства[2].

Понятие «внешнеэкономическая безопасность» рассматривается с точки зрения составной части экономической безопасности, которая, в свою очередь, является основным элементом национальной безопасности страны (рисунок 1).

В каждом из представленных структурных элементов национальной безопасности можно выделить внешнеэкономический аспект, предопределенный тем, что в условиях глобализации практически любой национальный интерес несет в себе определенное внешнеэкономическое содержание.

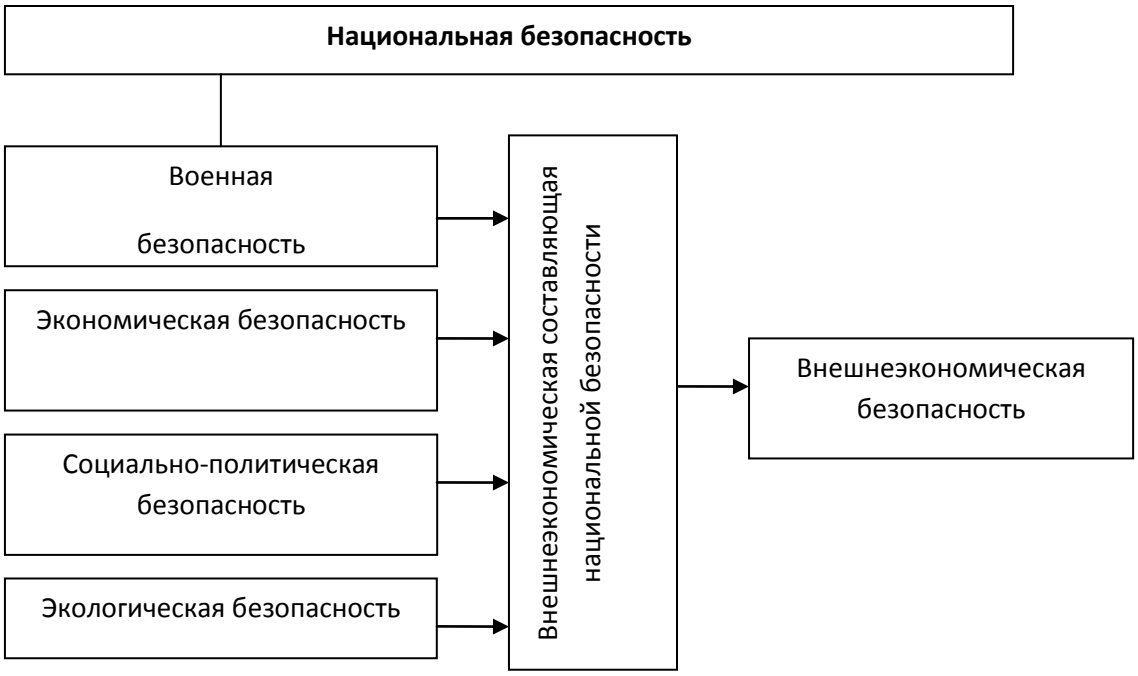


Рисунок 1 – Структура национальной безопасности государства

Фокин Н.Н. выделяет следующие подходы к определению внешнеэкономической безопасности:

Таблица 1 – Подходы к определению внешнеэкономической безопасности

Сателлитный подход	Определяет внешнеэкономическую безопасность как формально независимое, но фактически подчиненное понятие. В этом контексте безопасность связана с двумя понятиями – конкурентоспособностью и устойчивостью. Отсюда внешнеэкономическую безопасность можно определить или как конкурентоспособность национальной экономики, или как устойчивость ее развития. Сателлитный подход выступает как составной.

Автономный подход	Определяет внешнеэкономическую безопасность как самостоятельное, независимое понятие с собственным содержанием. Его конституирующие элементы – это угрозы и вызовы. Внешнеэкономическая безопасность – защищенность от угроз, способность ответить на вызовы. Автономный подход выступает как государственный подход. Он исходит из того, что внешнеэкономическую безопасность нельзя адресовать рынку, ею может заниматься только государство.
Ситуационный подход	Комбинирует сателлитный и автономный подходы и характеризует внешнеэкономическую безопасность как совокупность влияния внешних и внутренних факторов, обеспечивающих устойчивое развитие страны и защищенность ее экономики от внешних угроз. Позволяет определить внешнеэкономическую безопасность как конкурентоспособность национальной экономики, позволяющую защищаться от возникающих угроз, отвечать на новые вызовы и устойчиво развиваться.

Такая классификация подходов характеризует состояние национальной экономики в зависимости от внешних и внутренних факторов, но не учитывает интересы реального сектора экономики страны.

Независимо от различий в теоретических подходах к рассматриваемой проблеме общим для них является принятие решений на основе полученной предварительно информации. Ценность любого из них, в конечном счете, определяется возможностью прогнозирования и предварительного выявления, как самого факта, так и степени внешнеэкономической угрозы.

На современном этапе развития мирового хозяйства в условиях глобализации внешнеэкономическая безопасность становится одним из ключевых факторов обеспечения национальной и экономической безопасностей страны. Никакая глобализация международных экономических отношений не заставит ни одну из ведущих стран пожертвовать своими ключевыми национальными экономическими интересами в пользу некоего общемирового блага.

Для того чтобы понять, какие проблемы внешнеэкономической безопасности возникают у России, необходимо использовать количественные и качественные подходы к оценке внешнеэкономической безопасности.

Одним из показателей выступает индекс глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума. Данный показатель определяет конкурентоспособность государства (в нашем случае России) в системе мирохозяйственных взаимодействий.

Индекс глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума рассчитывают на основании определенных факторов, отражающих не только уровень развития национальной экономики, но и состояние государственных институтов, правовой базы функционирования экономики, а также многих других параметров, характеризующих

состояние и направления развития общественных отношений. Следует отметить, что из года в год число этих факторов возрастает.

Следует отметить, что уровень ВВП на душу населения является критерием распределения стран. Для России и стран с высокой зависимостью от минеральных ресурсов используется другой критерий – доля экспорта сырья в общей структуре экспорта (товаров и услуг) за последние пять лет.

К первой категории будут относиться государства, у которых доля экспорта сырьевых ресурсов будет составлять 70 % и больше.

Экономика России, по мнению Всемирного экономического форума, находится на стадии инновационного развития.

В соответствии с данными рейтинга глобальной конкурентоспособности 2014-2015 гг. Россия занимала 45-е место[3].

Согласно данным всемирного экономического форума: рейтинга глобальной конкурентоспособности 2016-2017, Россия занимает 43 место в списке, улучшив свой показатель на 2 позиции[4]. Соседями страны в списке на этот раз оказались Панама и Италия. Несмотря на то, что российская экономика сейчас находится в рецессии, некоторые из её основных макроэкономических показателей пока выгодно отличаются от показателей ряда других стран, за исключением относительно высокой инфляции. К сильным сторонам российской экономики авторы доклада также отнесли высокую распространённость высшего образования, развитие инфраструктуры, улучшение показателей бизнес-регулирования.

По мнению экспертов Россия не может воспользоваться своими конкурентными преимуществами из-за низкой эффективности работы государственных институтов, низкая развитость финансовых рынков, низкий уровень доверия инвесторов к финансовой системе России. Следует отметить, что за последние годы добавились еще некоторые негативные факторы, среди которых: - ослабление внутреннего спроса; - введенные экономические, а также внешняя неопределённость относительно будущего цен на минеральные ресурсы.

По мнению представителей бизнеса, ключевыми проблемами за период 2016 года стали коррупция, повышенные налоговые ставки и низкая эффективность государственного аппарата. Указанные обстоятельства влияют на отсутствие эффективного распределения ресурсов государства и мешает росту конкурентоспособности.

Если сравнить показатели стран занимающих лидирующее положение в рейтинге глобальной конкурентоспособности и России, то они будут выглядеть следующим образом.

Таблица 2 – Рейтинг глобальной конкурентоспособности 2016-2017

Рейтинг	***Экономика***	***Индекс***
1	**Швейцария**	**5,8**
2	Сингапур	5,7
3	Соединенные штаты Америки	5,7
4	Нидерланды	5,6
5	Германия	5,6

6	Швеция	5,5
7	Великобритания	5,5
8	Япония	5,5
9	Гонконг	5,5
10	Финляндия	5,4
42	Панама	4,5
43	**Россия**	**4,5**
44	Италия	4,5

Рассмотрим сильные и слабые стороны национальной экономики России, основываясь на рейтинге международной конкурентоспособности.

Таблица 3 – Сильные и слабые стороны Российской экономики

Сильные стороны	Место	Слабые стороны	Место
1. Размер рынка, в том числе: – размер внутреннего рынка – индекс размера рынка – ВВП (по паритету покупательной способности) – размер внешнего рынка – индекс размера внешнего рынка	7 7 7 6 9 9	1. Коррупция и фаворитизм	92
2. Макроэкономическая среда, в том числе: –сбалансированность государственного бюджета –объемы валовых национальных сбережений – государственный долг	31 39 41 10		
3.Развитость инфраструктуры, в том числе: – транспортная инфраструктура – инфраструктура электричества и телефонии	39 44 45	3. Суды	109
4. Высшее образование, в том числе: – объем образования – охват средним образованием – охват высшим образованием	39 19 56 19	4. Неразвитость финансового рынка	110
5. Патентная активность	43	5. Инфляция	115
6.Эффективность рынка труда	45	6.Общая налоговая ставка	116

7. Качество научно-исследовательских институтов	56	7. Низкие стимулы для инвестирования	122
8. Здравоохранение и начальное образование, в том числе: – начальное образование – качество начального образования – охват начальным образованием	56 48 57 54	8. Неразвитость внешней и внутренней конкуренции, высокие торговые барьеры	111
9. Качество условий спроса на национальном рынке	58	9. Объем импорта	133
10. Технологическая готовность	59	10. Высокое налогообложение как антистимул к работе	115

Постановление правительства «О первоочередных мерах по реализации государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации»[5] регламентирует перечень критериев экономической безопасности России.

На основании вышеуказанного постановления можно выделить следующие критерии:

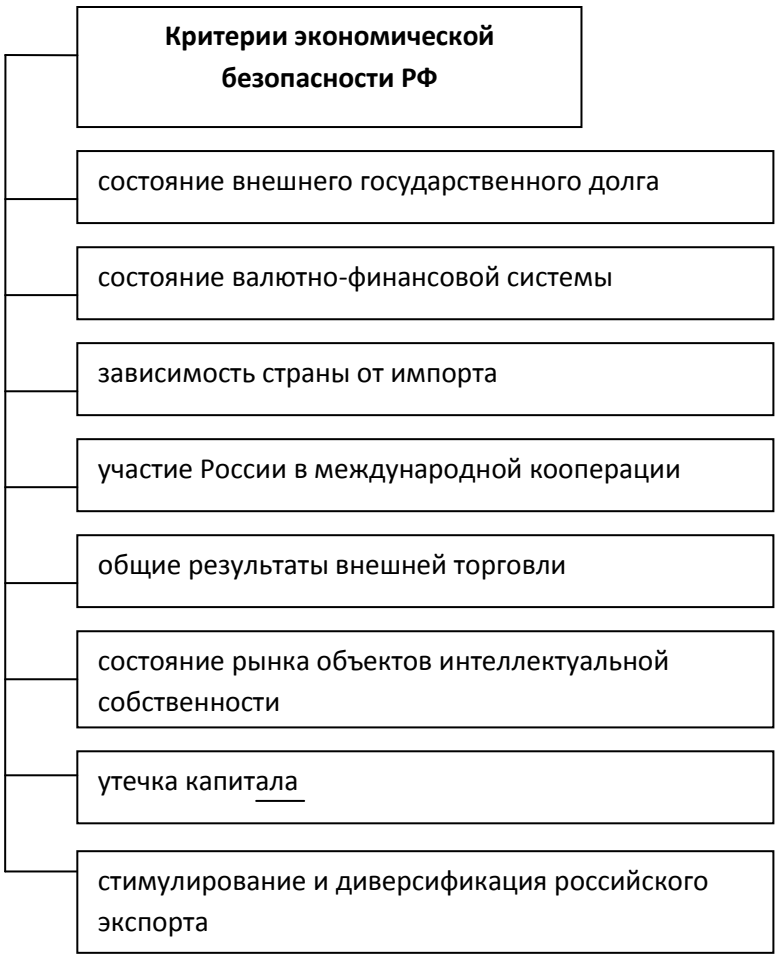


Рисунок 2. Критерии экономической безопасности Российской Федерации

Среди основных внутренних факторов, влияющих на внешнеэкономическую безопасность страны, основным выступает состояние производственной сферы государства.

Указанный показатель подвергается анализу при помощи использования показатель ВВП (ППС), который наиболее точно характеризует уровень экономического развития и роста экономики. По состоянию на 2016 годобъем ВВП по ППС, в долларах США у России составляет 3 745 000 000 000[6].

Так же не маловажным критерием является показатель, характеризующий внешнюю торговлю Российской Федерации. Ниже представлен анализ ряда показателей, характеризующих состояние внешнеэкономической безопасности Российской Федерации.

По данным Федеральной таможенной службы в январе-июне 2016 года внешнеторговый оборот России составил 210,4 млрд. рублей, сократившись по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 22,3%[7].

По итогам первого полугодия стоимостной объем экспорта России снизился на 28,7% по сравнению с январем-июне 2015 года и составил 130,4 млрд долларов. Главным фактором, оказавшим влияние на динамику экспорта, стал уровень цен на сырую нефть.

Еще один критерий, определяющий внешнеэкономическую безопасность государства - объем внешнего долга к ВВП.

Максимально допустимым значением данного параметра принято считать 25%, что характеризует зависимое развитие экономики страны[8].

Рисунок 3.Объем внешнего долга

С наступлением эпохи глобализации воздействие внешних факторов на экономическую безопасность стало настолько серьёзным и подчас решающим, что это сделало необходимым выделить из экономической безопасности страны

внешнеэкономическую безопасность. Развитие процессов глобализации будет сопровождаться ростом конкурентоспособности экономик развитых стран. А низкие показатели конкурентоспособности России оставляют вопрос о её внешнеэкономической безопасности весьма актуальным.

Обеспечение условий внешнеэкономической безопасности требует от России, в первую очередь, обеспечения устойчивого экономического развития, сближение качества макро- и микроконкурентной среды с качеством аналогов мировой экономики. Необходима разработка национальной концепции международной конкурентоспособности России, формируемой совместно представителями государства, бизнеса, науки и общественных организаций.

Подводя итоги, следует отметить, что нет единого подхода к определению внешнеэкономической безопасности. Для того чтобы оценить уровень внешнеэкономической безопасности государства необходимо использовать комплексные подходы их оценке. Внешнеэкономическая безопасность, являясь функцией взаимодействия двух систем: национальной и международной представляет собой, с одной стороны, состояние защищённости экономики от внешних угроз, с другой стороны, наличие механизмов, позволяющих в случае необходимости трансформировать ассиметричную зависимость, несущую угрозы, путём замещения внешних источников получения ресурсов и кооперационных связей на внутренние.

Литература

1. Молчан А.С., Щербакова К.О., Сайко А.И. Теоретико-методологические аспекты категории «экономическая безопасность» // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. – 2015. – №12. –С. 82-97.

2. Русских О.И. Внешнеэкономическая безопасность Российской Федерации. Концепт. – 2015. – № 8.

3. Евразийский юридический журнал[Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.eurasiafinace.ru //.– 2015. – №6.

4. Всемирный экономический форум: рейтинг глобальной конкурентоспособности 2016–2017[Электронный ресурс] – Режим доступа:http://gtmarket.ru/news/2016/09/28/7304

5. «О первоочередных мерах по реализации государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации» Постановление правительства от 27.12.96 № 1569 // «Российская газета» № 8, 15.01.1997

6. ВВП по ППС стран мира за 2016 год[Электронный ресурс] – Режим доступа: http://total-rating.ru/1900-vvp-po-pps-stran-mira-za-2016-god.html

7. Обзор внешней торговли России в первой половине 2016 года: цифры и факты [Электронный ресурс] – Режим доступа:http://провэд.рф/analytics/research/36509-obzop-vneshney-topgovli-possii-v-pepvoy-polovine-2016-goda-tsifpy-i-fakty.html

8. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. –Режим доступа: http://info.minfin.ru/export_import.php.

УДК 343

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ
TO THE QUESTION OF EFFICIENCY OF CRIMINAL LEGAL PROTECTION

Бондаренко В.Е., Институт Дружбы Народов Кавказа, доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук

Bondarenko V.E., Institute o fFriends hip of the People of the Caucasus, docent of the department of criminal law, candidate of law

e-mail: *bondarenko.sar@gmail.com*

Аннотация: Рассмотрены подходы к определению эффективности уголовно-правовой охраны, ее структуры и содержания.

Annotation: Approaches to determining the effectiveness of criminal law protection, its structure and content

Ключевые слова: уголовно-правовая охрана, эффективность, уровни эффективности уголовно-правовой охраны, основание уголовно-правовой охраны, субъекты уголовно-правовой охраны.

Keywords: criminal lega lprotection, efficiency, level sofefficiency of criminal legal protection, basis of criminal legal protection, subjects of crimina llega lprotection.

В теории права отмечается, что выступая в качестве одной из задач уголовно-правовая охрана должна характеризоваться определенной результативностью, эффективностью, без установления которой утрачивается смысл формирования уголовно-правовых задач[14]. Понимание эффективности уголовно-правовой охраны непосредственно может сказаться на качестве работы законодателя и правоприменителя, так как уголовно-правовая охрана непосредственно связана с процессами правотворчества и правореализации.

Эффективность права является одной из центральных теоретико-правовых отраслевых и межотраслевых проблем современного правоведения. Вопрос об эффективности уголовно-правовых норм всесторонне разрабатывался еще в советской литературе. Под эффективностью нормы советского права понималось «такое свойство, которое выражает меру ее пригодности своевременно при определенных социальных затратах вызывать достижение конкретного научно-обоснованного положительного результата»[2]. В современных условиях также уделяется особое внимание разработке проблемы эффективности норм уголовного законодательства.

Существует множество подходов к пониманию содержания эффективности права и эффективности правовых норм. Самым распространенным является понимание эффективности норм права как соотношения между фактическим результатом и той целью, ради которой были приняты соответствующие правовые предписания[6]. Другая точка зрения, отвергающая функционально-целевой подход, исходит из анализа эффективности правовых норм посредством действия конкретно-исторических субъектов, которые и

приводят действие нормативного акта к достижению того или иного результата. Невозможно определять эффективность как отношение результата и цели в связи с неизвестностью точного результата действия конкретной нормы на момент исследования[16].

По мнению Н.Ф. Кузнецовой, «основными критериями эффективности уголовного закона являются применимость к реальной преступности и ошибки в квалификации преступлений и их наказуемости»[7]. Согласно данной позиции, эффективность связана лишь с правоприменением.

Т.Г. Даурова важным фактором эффективности считает соответствие правовой нормы принципам морали[4]. А.Т. Панов и Ю.А. Панова эффективность права связывают с соответствием принимаемых актов закономерностям функционирования природы и общества и закономерностям действия самого права[12].

Существует мнение, что эффективность законодательства состоит в качестве его установлений и соответствий результата его реализации тем целям, которые прогнозировал законодатель[5].

Эффективность в праве, как правило, связывают с процессом реализации самого права. В правовой науке выделяют четыре формы реализации права: соблюдение, исполнение, использование, применение.

Соблюдение норм права традиционно связывают с воздержанием субъекта от совершения действий, запрещаемых правом. Исполнение норм права, в свою очередь, с исполнением субъектом возложенных на них юридических обязанностей[13]. Уголовному праву свойственен метод императивный, сущность которого состоитво властности, общеобязательности. Это означает, что воздействие на предмет уголовного права осуществляется на обязательном, властном уровне. Поэтому для уголовного права соблюдение и исполнение как формы реализации права, в широком смысле, тождественны.

Весьма интересно и мнение Б.Т. Разгильдиева, который, говоря о субъективной природе использования права (в уголовно-правовом смысле), приходит к выводу о том, что оно (использование) императивно «в том смысле, что стимулирует граждан исполнять всеобщую уголовно-правовую обязанность по воздержанию от совершения преступления под угрозой причинения физического, имущественного и иного вреда лицам, реализующими принадлежащее им право на необходимую оборону»[14].

Применение права связано непосредственно с активной ролью компетентных государственных органов. В юридической литературе отмечается, что «право применяют лишь те структуры, должностные лица, которые имеют властные полномочия»[3]. Как отмечает В.В. Мальцев, «…в ряде случаев возникает еще один субъект – властный орган, который со стороны «вклинивается» в процесс реализации права, обеспечивает его, доводит до конца претворение юридических норм в жизнь. Это особый случай действия права – его применение…»[9]. Речь идет о том, что при исполнении уголовно-правовой обязанности воздерживаться от совершения преступления возникают ситуации, в которых необходимо отграничить преступное и правомерное поведение граждан путем расследования и вынесения специального правового акта об отсутствии или наличии в деятельности лица состава преступления.

Проанализировав все вышеизложенное, следует отметить, что на сегодняшний день существуют исследования, посвященные изучению и определению эффективности права, отдельных правовых норм и институтов, правореализационных процессов, эффективности механизма правового регулирования. Вопрос эффективности уголовно-правовой охраны не рассматривался на теоретическом уровне. Его решение принципиально важно, так как формулирование и изучение задач уголовного закона без учета их результативности, эффективности теряет всякий смысл.

Для того чтобы распространить категорию «эффективность» на широкую сферу действия уголовно-правовых норм (в рамках данного исследования речь идет об уголовно-правовой охране), требуется определить, что является содержанием данного понятия.

Исследование необходимо начинать с определения семантики понятия.

Словарь русского языка под эффектом понимает «действие, производимое чем-нибудь, следствие чего-нибудь (книжн.)»; «эффективный – дающий эффект, действенный (книжн.)»[11]. Можно заметить, что с точки зрения филологии понятие «эффективность» характеризуется через действие и следствие. Но на наш взгляд, стоитвести речь не о стадиях эффективности, а о качественной совокупности составляющих ее компонентов (параметров). В этом случае одновременно соблюдается принцип экономичности (действие с наименьшими затратами), так как параметры заблаговременно разработаны, наличие каждого в совокупности образует эффективность. При использовании совокупности параметров появится возможность снизить субъективно-оценочный подход к понятию «эффективности» (несмотря на то, что «эффективность» является оценочной категорией, ее оценка должна осуществляться на основе анализа объективных критериев). Тогда в широком смысле *эффективность* можно представить как совокупность заранее установленных параметров.

Проанализировав и сформулировав понятие «эффективность», необходимо перейти к изучению и разработке эффективности уголовно-правовой охраны.

Семантика понятия «эффективность» позволяет говорить о том, что эффективность – это явление положительное («дающий эффект», «действенный»), поэтому и в рамках уголовного права оно должно характеризовать положительные стороны уголовно-правовой охраны. Охрана - это задача уголовного закона, она рассматривается в теории как позитивный социальный результат – сохранение объектов охраны[14].

Охрана непосредственно связана с принятием и реализацией уголовно-правовых норм. Исходя из этого, *эффективность уголовно-правовой охраны* может рассматриваться как совокупность параметров, которые обеспечивают режим сохранности объектов охраны. Возникает необходимость эти параметры выделить.

В первую очередь при исследовании проблемы эффективности в праве мы столкнулись с различными подходами к выделению уровня, на котором измеряется эффективность: уровень правотворчества (А.И. Рарог, Т.П. Даурова и другие), уровень реализации права (Н.Ф. Кузнецова).

На наш взгляд, чтобы избежать противоречий в определении конкретных форм реализации права при определении эффективности уголовно-правовой охраны, необходимо выделить ее уровни.

Исходя из всего вышесказанного, предлагается выделить 3 уровня эффективности уголовно-правовой охраны: Законодательный; Правоисполнительный; Правоприменительный.

Прежде всего, именно такая структура отражает цикл действия уголовно-правовой охраны, т.е. включает в себя решение вопроса о постановке объекта под охрану уголовным законом путем принятия и введения в действие уголовно-правовых норм (определяя, тем самым, статус субъектов охраны) и реализацию этих уголовно-правовых норм.

Во-вторых, рассмотрение эффективности на этих трех уровнях соответствует структуре самой уголовно-правовой охраны в рамках субъекта, от которого осуществляется охрана (правоисполнительный уровень), и субъекта, который осуществляет охрану (правоприменительный уровень)[14].

На каждом из уровней необходимо обозначить параметры. Тогда при невозможности установить все эти параметры можно говорить о неэффективности охраны. При этом сразу можно видеть причину неэффективности (так как эти параметры заранее обозначены для каждого уровня), все это облегчает работу по ее устранению.

Первым является законодательный уровень. Содержанием данного уровня выступает принятие решения о постановке того или иного объекта под охрану уголовным законом или выведения объекта из числа охраняемых уголовным законом. В этом случае ставится вопрос о необходимости и целесообразности принятия и введения в действие соответствующих уголовно-правовых норм (основании уголовно-правовой охраны). Законодателю необходимо изучить все необходимые обстоятельства, которые актуализируют необходимость уголовно-правовой охраны. Именно совокупность таких обстоятельств и будет выступать основанием уголовно-правовой охраны[2]. Таким образом, на правотворческом уровне необходимо проводить системный анализ наличия или отсутствия основания уголовно-правовой охраны. Только когда основание уголовно-правовой охраны будет правильно установлено по совокупности необходимых элементов, следует говорить об эффективности законодательного уровня уголовно-правовой охраны. Одним из примеров неэффективного и неправильного установления основания уголовно-правовой охраны могут служить предложения отдельных юристов по введению статьи 242.1 «Двоеженство или многоженство (многомужество)»[17]. Прежде всего, необходимо отметить, что моногамия в России установлена законом, в связи с чем регистрация второго и последующего браков является нарушением положений регулятивного законодательства. Такие браки будут признаны просто недействительными и не смогут влечь юридических последствий, которые предусмотрены в случае заключения брака (например, режим совместной собственности супругов). На наш взгляд, такие общественные отношения, как регистрация последующего брака одновременно с первым, не обладают общественной опасностью. Однако криминализировать предлагается не одновременную регистрацию нескольких браков, а «сожительство с двумя или несколькими женщинами (мужчинами) с ведением общего хозяйства». Такое предложение не согласуется с положениями Конституции РФ, которая провозглашает неприкосновенность частной (статья 23), а также неприкосновенность жилища (статья 25). Предполагается не только вторгнуться в жилище «многоженцев», но и проверять его личную жизнь в подробностях.

Определив, что законодательный уровень связан с правильным решением принятия и введения в действие уголовно-правовой нормы (основанием уголовно-правовой охраны), мы можем вести речь о других уровнях эффективности только в случае положительного решения о принятии уголовно-правовой нормы.

Начало действия нормы связано с началом действия уголовно-правовой охраны. С этого момента можно говорить о субъектах охраны. Анализируя структуру и содержание уголовно-правовой охраны, мы обозначили субъектов охраны: субъекта, от которого осуществляется охрана объектов – правоисполнитель, и субъекта, который осуществляет охрану объектов – правоприменитель. В рамках каждой уголовно-правовой нормы данные субъекты наделяются правами и обязанностями. Реализация этих прав и обязанностей и определяет эффективность уголовно-правовой охраны. Поэтому считается возможным рассмотреть права и обязанности каждого из субъектов отдельно, соответственно как правоприменительный уровень и правоисполнительный уровень.

Содержание правоисполнительного уровня составляет комплекс прав и обязанностей субъекта, от которого осуществляется охрана объектов (правоисполнителя). С момента начала действия уголовно-правовой нормы на субъект, от которого осуществляется охрана объектов, возлагается обязанность не совершать преступных посягательств на эти обозначенные уголовным законом объекты под угрозой наказания и иных мер уголовно-правового воздействия. Исполняя данную обязанность, правоисполнитель реализует свои права и обязанности положительно, так как не подвергается негативным последствиям в виде наказания и иных мер уголовно-правового воздействия. Неисполнение обязанности, соответственно, приводит к негативным последствиям в виде реализации прав и обязанностей субъекта охраны отрицательно. Помимо исполнения обязанности не совершать преступных посягательств, субъект, от которого осуществляется охрана объектов, обладает рядом прав. Прежде всего, речь идет об использовании права. Уголовный закон определяет случаи использования права как обстоятельства, исключающие преступность деяния (глава 8 УК РФ). К таким обстоятельствам относятся: необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, обоснованный риск. Использование права в этих случаях связано с положительной деятельностью по сохранению от преступных посягательств объектов охраны. Под реализацией своих субъективных прав следует понимать и добровольный отказ от совершения преступления в соответствии со статьей 31 УК РФ, и случаи отказа от совершения преступления и совершение действий, предусмотренных в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ (например, статья 126 УК РФ, статья 127.1 УК РФ, статья 204 УК РФ и т.д.).

Помимо использования права субъект, от которого осуществляется охрана объектов, обладает правом на реабилитацию. В процессе проверки исполнения обязанности не совершать преступных посягательств правоисполнитель может претерпевать негативные последствия в виде имущественного и морального вреда. Если по результатам проверки выяснилось, что лицо исполняло обязанность не совершать преступных посягательств, то такое лицо имеет право на реабилитацию. Основания возникновения права на реабилитацию, порядок ее проведения регламентирован Уголовно-процессуальным законом.

Кроме того, правоисполнитель имеет право на признание его потерпевшим от преступления в соответствии со статьей 42 УПК РФ. Все права и обязанности субъекта, от которого осуществляется охрана, установлены и обеспечены законом. Следовательно, реализует их правоисполнитель перед государством.

Таким образом, эффективной уголовно-правовая охрана на уровне правоисполнения будет в случаях исполнения субъектом, от которого осуществляется охрана объектов, обязанности не совершать преступных посягательств. В случае неисполнения возложенной обязанности следует говорить о неэффективной уголовно-правовой охране.

Содержание правоприменительного уровня составляет совокупность прав и обязанностей субъекта, который осуществляет охрану объектов (правоприменителя). Правоприменителями выступают правоохранительные органы и суд. Эти органы специально созданы для обеспечения целостности обозначенных уголовным законом объектов. Круг их прав и обязанностей обозначен в действующем законодательстве. Государственная власть возлагает на правоприменителей обязанность осуществлять проверку соблюдения и исполнения сформированных уголовно-правовых норм. Такое утверждение вытекает и из анализа положений действующего законодательства.

Таким образом, назначение такого рода проверок соблюдения уголовно-правовых норм состоит в охране личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступного воздействия. Для достижения этого необходимо соблюдение определенных требований. Б.К. Мецаев при изучении юридической природы контрольной деятельности отмечает: «Дабы уменьшить вероятность злоупотребления властью контрольная деятельность как никакая иная должна быть строго регламентирована нормами права»[10].

Прежде всего, реализация работниками правоохранительных органов своих обязанностей по контролю не должна нарушать прав, законных интересов, свобод граждан как тех, которые подвергаются проверке, так и других лиц, что предполагает осуществление проверок в строгом соблюдении не только нормативных правовых актов, но и руководящих принципов российского уголовного права: законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости, гуманизма. В уголовном законодательстве принцип законности сформулирован в ст. 3 УК РФ. Основа уголовно-правового принципа законности – конституционный и общеправовой принцип законности. «Правоприменитель не может по непроизвольному, а тем более произвольному усмотрению добавить или домыслить закон такими положениями, которые в нем не содержатся»[15]. Принцип равенства граждан перед законом имеет свою специфику в уголовном праве. В ст. 4 УК РФ речь идет о равенстве лиц, совершивших преступные посягательства. При этом, несмотря на расовое, национальное, религиозное равенство, котороепровозглашено в статье 19 Конституции РФ, изучение уголовного закона свидетельствует о специфике полового равенства. Так, беременным женщинам, или если они имеют детей в возрасте до 3 лет, не могут быть назначены некоторые виды наказания: обязательные работы (ч. 4 ст. 49 УК РФ), исправительные работы (ч. 5 ст. 50 УКРФ), принудительные работы (ч. 7 ст. 53.1 УКРФ), а арест (ч. 2 ст. 54 УКРФ) не назначается женщинам, имеющим детей в возрасте до 14 лет. Женщинам не могут быть назначены смертная казнь (ч. 2 ст. 59 УК РФ) и пожизненное лишение свободы (ч. 2 ст. 57 УК РФ).Также на уголовной ответственности может сказаться и имущественное положение

(например, штраф определяется судом, в том числе с учетом имущественного положения в соответствии с ч. 3 ст. 46 УК РФ). Таким образом, принцип равенства в уголовном праве обладает особым содержанием и имеет узкую сферу применения. Принцип справедливости в уголовном праве имеет свою специфику. В уголовном законе о справедливости упоминаетсяв ст. 6 УК РФ и в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Справедливость рассматривается и как исключение повторной уголовной ответственности. Ч. 2 ст. 6 УК РФ гласит: «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление». Таким образом, правоприменитель обязан проводить правильную квалификацию содеянного, а законодатель обязан конструировать санкции уголовно-правовых норм в соответствиис характером и степенью общественной опасности конкретного преступления. В.В. Мальцев верно отмечает: «Наказание, назначаемое лицу, совершившему преступление, в то же время одновременно в существенной своей части выступает и мерой гуманного отношения к пострадавшему от этого преступления»[9].

На правоприменителя также возложена обязанность признания лица потерпевшим от преступления и признания права на реабилитацию в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Если у правоисполнителя существует право на признание потерпевшим, то в случае с правоприменителем это выступает его обязанностью. Такое решение оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда в соответствии со статьей 42 УПК РФ.

Анализируя содержание правоприменительного уровня, можно сделать вывод о том, что правоприменитель обязан обеспечивать сохранность обозначенных уголовным законом объектов путем проверки соблюдения уголовно-правовых норм правоисполнителем. Сам правоприменитель выступает от имени государства, его деятельность подкреплена силой государственного принуждения. Такая деятельность должна осуществляться в строгом соответствии с действующим законодательством. В противном случае, ненадлежащее исполнение субъектом, осуществляющим охрану объектов, своих обязанностей, может служить основанием отмены процессуальных решений. Например, в соответствии со статьями 381, 382, 383 УПК РФ при неправильном применении уголовного закона, при нарушении уголовно-процессуального закона, при несправедливости приговора такой приговор подлежит отмене. Получается, что правоприменитель наделен только совокупностью обязанностей по сохранению обозначенных уголовным законом объектов, так как любое право в случае с правоохранительными органами, в конце концов, сводится к обязанности проверки соблюдения действующих уголовно-правовых норм. Например, в соответствии со статьей 38 УПК РФ следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий. При этом его самостоятельность возможна только в строгом соответствии с нормами закона. Так, решение вопроса об избрании меры пресечения должно исходитьтолько из оснований, изложенных в законе, а не по желанию правоохранительных органов.

Эффективность правоприменительного уровня состоит в обязанности проверки правоприменителем исполнения уголовно-правовых норм правоисполнителем, которая проводится в строгом соответствии с законом. В случае нарушения правоприменителем

требований закона в ходе такого рода проверки необходимо констатировать неэффективность уголовно-правовой охраны на этом уровне.

Эффективность уголовно-правовой охраны рассмотрена с точки зрения трех уровней в целях более ясного понимания содержания категории «эффективность уголовно-правовой охраны». Считается, что исследование эффективности уголовно-правовой охраны как задачи уголовного закона, которая связана с процессами правотворчества и правоприменения, может вывести на качественно новый уровень деятельность законодателя и правоприменителя. Вместе с тем, необходимо отметить важность решения таких вопросов, как территории и периоды измерения эффективности уголовно-правовой охраны. Но для этого требуется проведение отдельного научного исследования.

Литература

1. Баранов В.М. Истинность норм советского права. Саратов, 1989. 321 с.
2. Бондаренко В.Е. Основание уголовно-правовой охраны и ее прекращение: дисс… канд. юрид. наук. Саратов., 2014. 243 с.
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2000. 528 с.
4. Даурова Т.Г. Нравственное состояние уголовного права как критерий его эффективности // Эффективность уголовного законодательства Российской Федерации и обеспечение задач, стоящих перед ним. Ч. 1. Саратов, 2004. С. 25-32.
5. Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства. Т. 1. Социология права. М., 2008. 385 с.
6. Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. М., 1980. 280 с.
7. Кузнецова Н.Ф. Критерии эффективности уголовного закона // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. М., 2003. С. 37-45.
8. Мальцев В.В. Принципы уголовного права. Волгоград, 2001. 694 с.
9. Мальцев В.В. Учение об объекте преступления: моногр.: в 2 т. Т. 2. Объект преступления: роль в составе преступления, законодательстве и его реализации / В.В. Мальцев. Волгоград: ВА МВД России, 2010. 280 с.
10. Мецаев Б.К. Юридическая природа контрольной деятельности (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 28 с.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 20-е изд. М., 1989. 748 с.
12. Панов А.Т., Панова Ю.А. Некоторые проблемы эффективности уголовного законодательства // Эффективность уголовного законодательства Российской Федерации и обеспечение задач, стоящих перед ним. Ч. 2. Саратов, 2004. С. 104-111.
13. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2000. 541 с.
14. Уголовное право России: курс лекций в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. Т. 1. Кн. 1. 362 с.
15. Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. 592 с.
16. Эффективность действия правовых норм. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 31, 30–42.

17. Многоженство: за и против [Электронный ресурс]. Режимдоступа: pravo.ru/review/view/10096/ - Загл. с экрана.

18. Законодательная техника криминализации деяний на нижнем уровне их общественной опасности в свете системных принципов законотворчества и дидактики уголовного права [Электронный ресурс]. Режим доступа:cyberleninka.ru-/article/v/zakonodatelnaya-tehnika-kriminalizatsii-deyaniy-na-nizhnem-urovne-ih-obschestvennoy-opasnosti-v-svete-sistemnyh-printsipov - Загл. с экрана.

УДК 34

РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ОБОБЩЁННЫХ ПОРТРЕТОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, ОСУЖДЁННОГО К НАКАЗАНИЮ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА, И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОСУЖДЁННОГО, ОТБЫВАЮЩЕГО УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

THE RESULTS OF THE COMPARATIVE ANALYSIS OF THE GENERALIZED PORTRAITS OF JUVENILES SENTENCED TO PUNISHMENT WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY AND THE JUVENILE OFFENDER SERVING A CRIMINAL SENTENCE IN PLACES OF CONFINEMENT

Бурмакин Г.А., ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России», начальник отдела центра №2.

Burmakin G.A., PKU "Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia", head of the department of the center number 2.

Данилин Е.М., ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России, ведущий научный сотрудник, кандидат педагогических наук, доцент.

Danilin E.M., PKU "Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Leading Researcher, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Кузьмин А.Н., ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России», начальник центра №2 (2011–2014 гг.). Кандидат психологических наук, доцент.

Kuzmin A.N., PKU "Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia", Head of the Center No. 2 (2011-2014). Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

e-mail: *kuzmin.alexandr@list.ru.*

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются элементы, составляющие социально-демографическую и уголовно-исполнительную характеристику несовершеннолетних осуждённых, состоящих на учёте в уголовно-исполнительных инспекциях. Анализируется их отношение к преступлению и наказанию, а также к основным средствам исправления. В основу характеристики положены результаты исследований, проведённых ФКУ «НИИ ФСИН России» в 2014 и 2016 годах.

Abstract: This article examines the elements that make up the socio-demographic and criminally-executive characteristics of juvenile convicts who are registered with penitentiary inspectorates. Their attitude to crime and punishment, as well as to the basic means of correction, is analyzed. The basis of the characteristics is the results of a study conducted by the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia in 2014 and 2016.

Ключевые слова: несовершеннолетний осуждённый; уголовно-исполнительная инспекция; уголовно-исполнительная характеристика; отношение к преступлению; отношение к наказанию; основные средства исправления.

Keywords: juvenile offenders; criminal executive inspection; criminal executing characteristic; relation to the crime; attitude to punishment; the main means of correcting.

Одним из важных условий организации эффективной профилактической работы с несовершеннолетними осуждёнными, является знание сотрудниками ФСИН России характеристики личности подростка. Характеристику личности несовершеннолетнего осуждённого составляют: социально-демографические, уголовно-правовые и уголовно-исполнительные показатели. Чем полнее и объективнее эти показатели, тем результативнее окажется профилактика правонарушений и снижение уровня повторной преступности среди данных лиц. Она должна проводиться по следующим основным направлениям: социальная, психологическая и воспитательная работа. Все перечисленные направления работы осуществляются в комплексе с учётом индивидуальных особенностей личности подростка.

Данные проведённого ФКУ «НИИ ФСИН России» в 2016 году исследования позволили сформировать обобщенный портрет несовершеннолетнего осуждённого, состоящего на учёте в уголовно-исполнительных инспекциях органов ФСИН России (далее – УИИ): подавляющее большинство несовершеннолетних осуждённых, состоящих на учёте в УИИ, являются лицами мужского пола - 92 % и лишь 8 % – женского пола. Поэтому представленный портрет показывает в основном особенности несовершеннолетнего осуждённого мужского пола.

В основном это 16 - 17 летние подростки (84,3 %), из которых 66,1 % - городские жители. Почти все осуждённые (99,3 %) являются гражданами Российской Федерации. До осуждения 79,6 % были учащимися общеобразовательных школ, профессиональных училищ и техникумов. Начальное общее и основное общее образование имели 91,9 %. Осуждённых из неполных семей и социальных сирот – 60,6 %. Значительное количество осуждённых (65 %) положительно относятся к религии, из них 58 % исповедуют православие. Осуждённых с социально значимыми заболеваниями – 23,8 %. Большинство осуждены за совершение преступлений средней тяжести и тяжкие преступления (79,7 %). Большинство отбывают наказания за преступления против собственности (73 %). Основной мерой пресечения, избираемой судами, является подписка о невыезде и надлежащем поведении (90,6 %). В отношении 82,3 % осуждённых срок наказания не превышает 2 года. Осуждены условно – 80,6 %. Осуждены впервые – 87,3 %. Осуждённых, допустивших нарушения порядка и условий отбывания наказания, и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, – 32, 7 %. Осуждённых, положительно относящихся к обучению в школе,– 60,22 %, к труду – 38,9 %. Практически половина осуждённых характеризуется нейтрально – 48 %; отрицательно – 30 %; положительно – 22 %.

В 2014 году сотрудниками ФКУ «НИИ ФСИН России» проводилось исследование в отношении несовершеннолетних осуждённых, отбывающих уголовное наказание в местах лишения свободы, – в воспитательных колониях (далее - ВК). В результате проведённого исследования был составлен обобщенный портрет несовершеннолетнего осуждённого, отбывающего наказание в ВК: подавляющее большинство несовершеннолетних осуждённых, отбывающих наказание в ВК, лица мужского пола – 94,8 % и лишь 5,2 % – женского пола. В большинстве это 16 – 17-летние подростки (70,1 %), из которых более половины (59,8 %) – городские жители. До осуждения 78,9 % были учащимися общеобразовательных школ. Почти половина осуждённых (48,7 %) не имели никакого образования, либо имели только начальное общее образование. Осуждённых из неполных семей и социальных сирот (59,7 %).

Значительное количество осуждённых (88,2 %) положительно относятся к религии, из которых 79,1 % исповедуют православие. Осуждённых с социально значимыми заболеваниями – 47,5 %. Подавляющее большинство осуждённых (85,9 %) отбывают наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Осужденных впервые – 56,1 %. Почти половина (47,3 %) отбывают срок от 1 года до 3 лет. Осуждённых, характеризующихся положительно – 37,5 %; нейтрально – 31,6 %; отрицательно – 28,7 %; злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания – 2,2 %. Осуждённых, положительно относящихся к обучению в школе ВК, – 81,7 %; к труду – 68,8 %.

По мнению осуждённых, после освобождения большинство из них (96,2 %) не испытают трудностей в бытовом устройстве, а 67,2 % – в трудовом устройстве.

По мнению сотрудников ВК, прогнозируется следующее поведение осуждённых, освободившихся из ВК: 33,7 % будут вести законопослушный образ жизни, а 32,8 % либо совершат новое преступление, либо будут вести асоциальный образ жизни.

Проведём сравнительный анализ обобщённых портретов несовершеннолетнего осуждённого, состоящего на учёте в УИИ, и находящегося в ВК (таблица 1).

Таблица 1.Сравнительная характеристика обобщённых портретов несовершеннолетнего осуждённого, состоящего на учёте в УИИ и отбывающего уголовное наказание в местах лишения свободы (в ВК)

№ п/п	Наименование показателя:	Обобщенный портрет несовершеннолетнего осуждённого, отбывающего уголовное наказание:	
		в УИИ (без изоляции от общества или условно)	в ВК (в местах лишения свободы)
		по состоянию	
		на 1 июня 2016 года	на 1 июня 2014 года
		%	**%**
1.	мужской пол	92	94,8
	женский пол	8	5,2
2.	возраст: 16-17 лет	84,3	70,1
3.	городские жители	66,1	59,8
4.	до осуждения были учащимися общеобразовательных школ	79,6	78,9
5.	из неполных семей и социальных сирот	60,6	59,7
6.	положительно относятся к религии	65	88,2
	из них: исповедуют православие	58	79,1
7.	с социально значимыми заболеваниями	23,8	47,5
8.	отбывают наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений	41,45	85,9

9.	осужденных впервые		87,3	56,1
10.	отбывают срок от 1 года до 3 лет		58,46	47,3
11.	характеризуются	положительно	22	37,5
		нейтрально	48	31,6
		отрицательно	30	28,7
12.	злостные нарушители установленного порядка отбывания наказания		-	2,2
13.	имеют официальное предостережение		1,21	1
14.	положительно относятся к обучению в школе		60,22	81,7
15.	положительно относятся к труду		38,9	68,8
16.	не испытывают трудности в бытовом устройстве		91,25	96,2
17.	не испытывают трудности в трудовом устройстве после освобождения/снятия с учёта в УИИ		26,60	67,2
	ожидают столкнуться с трудностями в трудовом устройстве после освобождения/снятия с учёта в УИИ		26,76	28,9

Таким образом, сравнительный анализ констатирует, что по большинству показателей, характеристики двух категорий несовершеннолетних осуждённых идентичны и не имеют существенных различий.

Литература

1. Бондаренко М.В. О профилактической работе, проводимой с несовершеннолетними осуждёнными, состоящими на учёте подразделений ФКУ УИИ УФСИН России по Тульской области. // Общественный контроль за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания. № 2 (19) М; 2014.

2. Бурмакин Г.А., Данилин Е.М. Отношение несовершеннолетних осуждённых, состоящих на учёте в уголовно-исполнительных инспекциях, к преступлению и наказанию. – Международное научное периодическое издание «Новая наука: проблемы и перспективы» по итогам Международной научно-практической конференции (26 августа 2016 г., г. Стерлитамак). – Стерлитамак: АМИ, 2016. – 310 с.

3. Бурмакин Г.А., Данилин Е.М. Уголовно-исполнительная характеристика несовершеннолетних, осуждённых к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества // Уголовно-исполнительное право: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань) // Том: 12, Номер: 1, Год: 2017. - С. 48-51.

4. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. М.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. №1772-р. // Рос. газ. – 2008. – 8 марта. – С. 1.

5. Мониторинг перепрофилирования воспитательных колоний в воспитательные центры: / Е.М. Данилин, Н.В. Давыдова, П.Н. Казберов, А.Н. Кузьмин, В.В. Невский // Основные результаты научных исследований за 2013 год: Аннотированный информационный бюллетень / ФКУ НИИ ФСИН России. – М., 2014. – Вып. 11. – С. 7.

6. Организация социальной и воспитательной работы в учреждениях для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте: Методические рекомендации / А.Н. Кузьмин, Е.М. Данилин, Н.В. Давыдова, Д.Е. Дикопольцев, П.Н. Казберов // Основные результаты научных исследований за 2012 год: Аннотированный информационный бюллетень / ФКУ НИИ ФСИН России. – М., 2013. – Вып. 10.– С. 7.

7. Организация психологической работы с несовершеннолетними осуждёнными // Воспитательные колонии: сегодня и завтра. Проблемы перепрофилирования воспитательных колоний в воспитательные центры: Сб. материалов заочного круглого стола 30 октября 2013 г. – М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2013. – С. 18 – 23.

8. Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних, осуждённых к наказаниям без изоляции от общества [Текст]: аналитические материалы / А.Н. Кузьмин, В.В. Невский, Г.А. Бурмакин [и др.]. – Дюссельдорф, LAMBERT Academic Publishing, 2017. – 103 с. – (Серия «Научное обеспечение реализация Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»).

9. Результаты первого этапа эксперимента по преобразованию воспитательных колоний в воспитательные центры [Текст]: сборник материалов / А.Н. Кузьмин, Е.М. Данилин, Н.В. Давыдова [и др.]. / – Дюссельдорф: LAMBERT Academic Publishing, 2017. – 169 с. – (Серия «Научное обеспечение реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»).

10. Результаты мониторинга первого этапа внедрения системы «социальных лифтов» в исправительных учреждениях ФСИН России [Текст]: аналитический материал / А.Н. Кузьмин, П.Н. Казберов, Г.А. Бурмакин / – Дюссельдорф: LAMBERT Academic Publishing, 2017. – 59 с. – (Серия «Научное обеспечение реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»).

11. Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» // СПС КонсультантПлюс.

УДК 34

КОНЦЕПЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОРА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

THE CONCEPT OF OPERATIVE-COST ACTIVITY AS A FACTOR OF ECONOMIC GROWTH IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

Введенский А.Ю., Приволжский филиал Российский государственный университет правосудия, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права.

Vvedensky A.Yu., Privolzhsky branch Russian State University of Justice, Candidate of Law, associate professor of the Department of Criminal Procedure Law.

e-mail: *petryanin@mail.ru*

Аннотация: С реформированием национальной экономики назрела необходимость в разрешении комплекса фундаментальных теоретических и прикладных проблем защиты экономики в обеспечении экономического роста методами, силами и средствами оперативно-розыскной деятельности вызванного развитием преступности в сфере экономики и создавшейся экономической ситуации. Данная концепция не потеряет своей актуальности в любой ситуации, даже при экономической стабильности, так как стратегия государства всегда должны быть направлена на обеспечение стабильного и устойчивого экономического роста. Одним из элементов такой системы является оперативно-розыскная деятельность по обеспечению экономического роста и защиты национальной экономики на современном этапе.

Abstract: With the reform of the national economy, there is a need to resolve a complex of fundamental theoretical and applied problems of protecting the economy in ensuring economic growth by methods, forces and means of operational search activity caused by the development of criminality in the economic sphere and the current economic situation. This concept will not lose its relevance in any situation, even with economic stability, since the state's strategy should always be aimed at ensuring stable and sustainable economic growth. One of the elements of such a system is the operational-search activity to ensure economic growth and protection of the national economy at the present stage.

Ключевые слова: концепция, оперативно-розыскная деятельность, экономическая преступность, экономика, экономический рост, фактор экономического роста, структура экономики, федеральные целевые программы, бюджетное финансирование, взаимодействие.

Key words: concept, operational-search activity, economic crime, economy, economic growth, factor of economic growth, economic structure, federal target programs, budget financing, interaction.

В современный период российскую экономику ждут перемены, ее необходимо перестраивать, менять структуру управления для работы в новых условиях. Западные санкции сплотили российское общество, в новых условиях возникла возможность

перестроиться на новый лад. Ответив на глобальные вызовы, Россия получила шанс создать новую экономику с новыми источниками экспорта, более значительными, чем природные ресурсы, с минимальными затратами и с максимальной эффективностью.

В современных условиях именно экономическая политика государства должна быть направлена на создание новой российской экономики и для достижения стабильного и устойчивого экономического роста. Новая российская экономика может стать мощным импульсом экономического развития отечественной экономики. «Мировой финансовый кризис четко отразил необходимость выработки новой технико-экономической концепции, связанной с переходом на нанотехнологии, биотехнологии, биоэкономику, которые развиваются на основе новой биоэнергетики и экологически чистых производств, в противовес старой, где доминировали «грязные» технологии, создававшие угрозу жизни человека, загрязняя окружающую среду. Поэтому само время показало и подсказало необходимость выдвижения концепции модернизации российской экономики, построение ее новой модели, где главным доминирующим началом должен являться человеческий фактор, где активно осуществляются технологические и организационные инновации»[1]. Само время направляет на создание новой российской высокотехнологической экономики, и этот процесс является неизбежным. Такие возможности у России есть.

Государство разработало новую стратегию государственного развития, которая изложена в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [2], где определены основные направления, целевые ориентиры и задачи перехода страны к инновационному социально-ориентированному типу развития. Определены пути и способы обеспечения в долгосрочной перспективе устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиции России в мировом сообществе [3]. Все в стране для этого есть: огромная территория, природные богатства и самое главное большие достижения в науке.

Согласно прогнозам долгосрочного социально-экономического развития в Российской Федерации [4]огромный вклад в обеспечении экономического роста будет внесен за счет финансирования из бюджетной системы. Основное финансирование будет направлено на развитие высокотехнологичных отраслей промышленности и научные исследования и разработки, повышающие конкурентоспособность отечественной продукции.

Расходы бюджетного финансирования будут направлены на приоритетные проекты по следующим направлениям: транспортная инфраструктура, развитие науки и высокотехнологический отраслей, здравоохранение, образование, жилищные программы, поддержка экспорта, региональные проекты, поддержка сельского хозяйства, развитие единой государственной системы регистрации прав на недвижимое имущество.

Финансирование проектов по этим направлениям предполагает использование не только средств федерального бюджета, но и ресурсы Фонда национального благосостояния и пенсионных средств. В первоочередном порядке будут обеспечиваться ресурсами приоритетные федеральные целевые программы, влияющие на социально-экономическое развитие страны. Их перечень определен поручением Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2012 года № ВП-П13-1841. Масштаб финансирования составит 1 % валового

внутреннего продукта [5]. В этих условиях для государства назрела потребность в защите национальной экономики страны, где основное внимание должно быть сосредоточено на обеспечение экономического роста.

Одна из основных ролей в этой ситуации должна быть отведена органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, что позволит защитить национальную экономику от реальных и потенциальных угроз и устранить негативные последствия, тормозившие экономическое развитие. С развитием новой экономики все государственные органы обязаны работать по-новому. В этих условиях необходимо найти новый подход в работе органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по обеспечению стабильного и устойчивого экономического роста. Стабильность и устойчивость следует рассматривать как индикатор национальной экономики. Это побудило нас рассмотреть концепцию для оперативно-розыскной деятельности как фактора экономического роста.

В Толковом словаре русского языка концепцию следует рассматривать как «систему взглядов на что-нибудь; основная мысль» [6] или как «систему взглядов на те или иные явления, руководящая идея для их освещения; способ рассмотрения каких-либо явлений, определенный способ понимания чего-либо» [7].

В юридической литературе любая концепция определена как «способ понимания, трактовки какого-либо предмета, явления, процесса, основной точки зрения на предмет или явления, руководящей идеей для их систематического освещения» [8,9]. В нашем исследовании концепцию следует воспринимать как систему научных взглядов на оперативно-розыскную деятельность, как фактора экономического роста.

Следует отметить, что специальных научных исследований, посвященных оперативно-розыскной деятельности как фактора экономического роста в Российской Федерации не осуществлялось. Сегодня предпринята целенаправленная попытка создать целостную концепцию по обеспечению экономического роста методами, силами и средствами оперативно-розыскной деятельности. Попытка такого понимания сделана в процессе проведения исследования, полученного на анализе по сдерживанию преступных действий экономической направленности, что непременно будет способствовать обеспечению развития экономического роста, а значит и всей национальной экономики страны.

Потребность в такой концепции вызвана прежде тем, что с реформированием национальной экономики назрела необходимость в разрешении комплекса фундаментальных теоретических и прикладных проблем защиты экономики в обеспечении экономического роста методами, силами и средствами оперативно-розыскной деятельности, вызванных развитием преступности в сфере экономики и создавшейся экономической ситуации. Данная концепция не потеряет своей актуальности в любой ситуации, даже при экономической стабильности, так как стратегия государства всегда должны быть направлена на обеспечение стабильного и устойчивого экономического роста. Одним из элементов такой системы является оперативно-розыскная деятельность по обеспечению экономического роста и защиты национальной экономики на современном этапе.

По мнению специалистов уголовно-процессуальной науки в содержание концепции входят «теоретические положения об объекте концепции, содержании ее отдельных элементов, месте в системе научного знания, значении для теории и практики следственной работы, задачах дальнейшего научного исследования» [10, 11].

Специалистами отмечено, что объектом теоретической концепции в самом общем виде являются закономерности и тенденции в определенной сфере общественных отношений, содержащие социальные противоречия и порождающие проблемную ситуацию[12]. Применительно к нашему исследованию, объектом теоретической концепции является деятельность органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по установлению и выявлению различных социально-экономических противоречий, порождающих созданию негативных последствий в экономике, которые в современных условиях влияют на экономический рост, что способствует торможению дальнейшему развитию национальной экономики страны.

На современном этапе в процессе реформирования экономики обеспечению стабильного и устойчивого экономического роста государством должно уделяется пристальное внимание, для этого должны быть задействованы все институты. Одна из главных угроз экономики это ее криминализация.

Главным элементом теоретической концепции в обеспечении стабильного и устойчивого экономического роста и ее защиты является ее правовое и организационное обеспечение. Несовершенство и противоречивость действующего законодательства для работы в новых условиях диктует необходимость в приведении ее к реалиям сегодняшнего дня. Специфика сложившейся ситуации обуславливает необходимость исследования имеющегося российского законодательства и зарубежного опыта в рассматриваемой области для ее систематизации.

К сожалению, на современном этапе развития национальной экономики не в полной мере осознан размах преступности в сфере экономики и причиненный ущерб от преступных действий в экономической сфере и его влияние на экономический рост. Преступность в сфере экономики представляет серьезную опасность для государства. Она не стоит на месте, а продолжает развиваться, особенно ее организованные формы. Сегодня появились новые способы, приемы и методы совершения преступлений в экономической сфере. Своими преступными и противозаконными действиями преступность наносит существенный ущерб развитию экономического роста. На наш взгляд его нельзя определить в цифровом выражении, так как здесь существует еще и теневая сторона.

В настоящее время на эту проблему пристальное внимание должна обращать правоохранительная система. Справиться с такой угрозой одними гласными мерами практически невозможно. Сегодня для обеспечения стабильного и устойчивого экономического роста назрела необходимость подключить оперативно-розыскную деятельность как фактора его развития.

Однако следует отметить, что оперативные подразделения оказались слабо подготовлены к новым условиям развития национальной экономики и не в полной мере оказывают должную помощь в обеспечении стабильного и устойчивого экономического

роста, не принимают меры по его защите. Наглядно это можно увидеть по данным уголовной статистики.

К сожалению, следует отметить, что современная уголовная статистика не в полной мере отражает действительную картину. Правоохранительная система констатирует лишь те преступления, которые сама регистрирует и борется с ее последствиями. Ее анализ показал, что выявляются и раскрываются те преступления экономической направленности, которые «лежат на поверхности», а сложные и замаскированные преступления находятся в «тени».

Анализ уголовных дел экономической направленности показал, что преступления такой категории дел возбуждаются после совершения определенных криминальных действий, через какое-то время. Оперативно-розыскная деятельность не срабатывает на опережение. Сегодня в экономической деятельности стало нормой совершать незаконные финансовые операции, хищения бюджетных средств и коррупционные действия. Таким примером может служить уголовное дело «Дальспецстрой» возбужденное в отношении руководителей, обвиняемых в злоупотреблении должностных полномочий при строительстве космодрома «Восточный». Ущерб бюджету России, от их деятельности, составил 5 млрд. 160 млн. рублей [13].

Для противодействия различным криминальным действиям необходимы новее подходы, позволяющие оперативно, без проволочек, на ранних стадиях выявлять преступления экономической направленности, негативно влияющие на развитие экономического роста. Оперативные подразделения должны осуществлять оперативно-розыскную деятельность там, где совершаются злоупотребления, существуют риски и есть возможность поживиться за счет государства. В этих ситуациях органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность для защиты экономического роста должны владеть необходимой информацией и своевременно предотвращать и «точечно наносить удары» для недопущения таких действий.

Такие недостатки характерны для всех преступлений экономической направленности, где основными причинами сложившегося положения, по нашему мнению являются:

– несовершенство и неопределенность действующего законодательства к новым условиям развития национальной экономики;

– отсутствие современных методических рекомендаций для работы в новых условиях по выявлению и раскрытию преступлений такой категории;

– слабое оперативное прикрытие объектов экономики;

– неподготовленность оперативных сотрудников к новым условиям работы;

– низкий уровень взаимодействия оперативных подразделений с органами власти, контролирующими органами и общественными организациями.

Организация оперативных подразделений по обеспечению стабильного и устойчивого экономического роста включает в себя концептуальные вопросы управленческого характера и информационного обеспечения. Без решения этих вопросов не получится реализовать все это на практике. К таким вопросам следует отнести:

– совершенствование российского законодательства;

– формирование и обеспечение деятельности специализированных подразделений (групп);

– разработка современных методических рекомендаций для работы в новых условиях по выявлению и раскрытию преступлений такой категории;

– организация взаимодействия оперативных подразделений со следственными органами, с органами прокуратуры и суда;

– организация взаимодействия оперативных подразделений с органами власти, с контролирующими органами и общественными формированиями;

Решение этих вопросов внесет свой вклад в обеспечение стабильного и устойчивого экономического роста национальной экономики на современном этапе.

Рассматривая концепцию оперативно-розыскной деятельности как фактора экономического роста, видишь, что возникает потребность в разработке целого комплекса организационных мер, необходимых к принятию на законодательном, правительственном и ведомственном уровнях в целях совершенствования ее правового и организационного обеспечения.

Наиболее важным элементом теоретической концепции оперативно-розыскной деятельности как фактора экономического роста, бесспорно, является деятельность оперативных подразделений для получения своевременной оперативной информации по установлению и выявлению действий как криминального характера, так и других действий в сфере экономики, влияющих на экономический рост, а также в отношении лиц совершающих такие виды действий. Здесь следует отметить, что многие действия в экономике не относятся к разряду криминальному, но в той или иной степени они влияют на обеспечение развития экономического роста, а также в дальнейшем могут способствовать совершению преступления в сфере экономики. Обычно такие действия остаются без внимания оперативных сотрудников из-за отсутствия научно обоснованных рекомендаций. Таким примером может служить отчет оценщиков об оценке заведомо завышенной или заведомо заниженной стоимости того или иного объекта, а также использование при оценке объекта заведомо необоснованных стандартов оценки. Этот прием использует криминал для вывода активов из предприятий по существенно заниженной стоимости[14].

В данной работе мы не ставим перед собой цель разработать методику по установлению и выявлению таких действий в экономике оперативным путем, влияющих на экономический рост. Такая методика имеет закрытый характер, но она необходима и требует отдельного, глубокого и самостоятельного исследования.

В открытой печати нам необходимо разработать комплекс методических рекомендаций, отражающих специфические особенности такой категории дел, которые позволят выявлять, раскрывать и привлекать к ответственности виновных в совершении противоправных действий в экономике. Данный комплекс должен соответствовать потребностям правоприменительной практики в современных условиях.

В содержание комплекса оперативно-розыскной деятельности как фактора экономического роста должны быть отражены особенности выявления и раскрытия как преступных, так и других действий влияющих на развитие экономического роста, к ним следует отнести:

– организация и тактика проведения оперативно-розыскных мер для выявления и раскрытия такой категории дел;

– особенности документирования преступных действий при привлечении сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности;

– особенности взаимодействия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность с органами власти, с контролирующими органами и общественными организациями;

– особенности возбуждения уголовных дел по такой категории;

– особенности взаимодействия оперативных подразделений со следственными органами и с судом в процессе рассмотрения уголовных дел такой категории;

Обеспечение экономического роста силами, средствами и методами оперативно-розыскной деятельности должно осуществляться всеми доступными мерами. Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность также должна использовать организационные, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и другие меры, предоставляемые современным законодательством.

Концепция обеспечения экономического роста силами, средствами и методами оперативно-розыскной деятельности представляет междисциплинарный характер. Причина в том, что в решении поставленных задач свою частичку знаний вносит не только оперативно-розыскная деятельность, но и смежные науки: уголовно-процессуальная, уголовная, криминалистика, криминология, психология, международное право и другие.

Теоретическая концепция оперативно-розыскной деятельности, как фактора экономического роста имеет не только научное, но и практическое значение. Она направлена на создание мер по разрушению и устранению причин совершению определенных преступных действий в сфере экономики, что позволит объединить различные научные положения о деятельности правоохранительной системы по сдерживанию таких действий в экономике и коррупции, и внесет свой вклад в устойчивость экономического роста и его дальнейшее развитие.

С практической точки зрения представленная концепция предназначена для того, чтобы вооружить сотрудников оперативных подразделений рекомендациями по организации оперативно-розыскной деятельности позволяющим обеспечить стабильность, устойчивость экономического роста и его дальнейшее развитие. Предлагаемая концепция позволит повысить оперативность, эффективность и профессионализм как оперативных сотрудников, так и работников судебно-следственной практики.

Накопление научного и фактического материала по данной проблематике позволит научным работникам осмыслить имеющиеся данные, систематизировать его для создания целостной теоретической концепции. Основное направление исследований должно быть направлено на обоснование необходимости использования оперативно-розыскной деятельности для обеспечения стабильного и устойчивого экономического роста и оказание существенной помощи национальной экономики страны для ее развития.

Другими приоритетными направлениями, по мнению автора, являются:

– определение понятия, виды, основания и порядок применения сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности;

– процесс возникновения и развития концепции использования оперативно-розыскной деятельности в обеспечении стабильного и устойчивого экономического, определение ее структуры и содержания;

– классификация лиц участников противоправного поведения подрывающих развитие экономического роста;

– обобщение наиболее развитых зарубежных систем институтов и механизмов, гарантирующих защиту прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу экономических отношений принимавших участие в обеспечении экономического роста;

– выявление новых, более совершенных средств и способов правовой защиты развития экономического роста;

– разработка системы правовых мер и механизмов защиты субъектов экономических отношений участвующих в экономических отношения по обеспечению экономического роста;

– реализация полученных научных знаний на практике;

Теоретическая концепция оперативно-розыскной деятельности как фактора экономического роста предполагает перспективный подход к исследуемой теме. Представленная концепция раскрывает перспективы для проведения научных исследований в юридических, экономических, социальных и других институтах, их координации и взаимодействия со всемигосударственными и общественными организациями по обеспечению стабильного и устойчивого экономического роста и его дальнейшее развитие. Это дает возможность разработать специальную программу, предусматривающую комплекс мероприятий всех государственных органов и общественных организаций для обеспечения стабильного и устойчивого экономического роста национальной экономики страны.

Литература

1. Антонова З.Г., Комаревцева Л.В., Лившиц В.И. Проблемы экономического роста в России в современных условиях / З.Г. Антонова, Л.В. Комаревцева, В.И. Лившиц // Экономика. Вестник Томского государственного университета. - № 1 (17). – 2012. – С. 9.

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 17 ноября 2008 года № 1662-р (ред. от 8 августа 2009 года) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 47. – Ст. 5489

3. Распоряжение Правительства Российской Федерации «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 17 ноября 2008 года № 1662-р (ред. от 8 августа 2009 года) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 47. – Ст. 5489

4. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года / Минэкономразвития России – [Электронный ресурс] – Режим доступа: govemment.ru. Обращение: 07.04.2017.

5. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года / Минэкономразвития России – [Электронный ресурс] – Режим доступа: govemment.ru. Обращение: 07.04.2017.

6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. // Российская академия наук. Институт русского языка им В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник. 1997. – С. 293.

7. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. – М.: Восток-Запад, 2009. – С. 399-400.

8. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса / О.А. Зайцев. – М.: Экзамен, 2001. – С. 72.

9. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 278.

10. Григорьев В.Н. Расследование преступлений в черезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика): дисс. докт. юрид.наук / В.Н. Григорьев. – М., 1993. – С.77-97.

11. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса / О.А. Зайцев. – М.: Экзамен, 2001. – С. 76-77

12. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. / В.А. Ядов. – М., 1987. – С. 14-29.

13. Бастрыкин А. О необходимости пресечь махинации на валютном рынке / Российская газета – 2016. – 14 января. [Электронный ресурс] – Режим доступа: RG.RU. Обращение: 12.04.2017.

14. Быстрыкин А.И. Арест дома / Российская газета. – 2017. – 13 апреля.

УДК 342

ИНИЦИАТОРЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА УРОВНЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE INITIATORS OF THE INITIATION OF THE CONSTITUTIONAL PROCEEDINGS ON THE LEVEL OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Гагиева А.В., Частное образовательное учреждение высшего образования «Владикавказский институт управления», заведующий кафедрой гражданского права, кандидат юридических наук

Gagieva A.V., Private educational institution of higher education "Vladikavkaz Institute of Management", head of Civil Law Department, Candidate of Science (Law),

e-mail: *angelkolieva@mail.ru*

Аннотация: В настоящей статье исследуется круг инициаторов возбуждения конституционного судопроизводства, рассматриваются проблемы и коллизии правового регулирования, а также проблемы унификации регионального законодательства. Целью настоящей статьи является выявление проблем правового регулирования установления круга субъектов права на обращение в рамках конституционного судопроизводства. Для достижения указанной цели в работе были поставлены следующие задачи: определить перечень субъектов права на обращение в конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации; проанализировать законы субъектов РФ в сфере конституционной юстиции сквозь призму доступности конституционного правосудия различным субъектам права.

Практическая значимость исследуемых в данной статье вопросов заключается как в ее применении с целью совершенствования и унификации регионального законодательства, так и применении положений настоящей статьи в работе правовых отделов конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации.

Abstract: This article explores the range of the initiators of the initiation of the constitutional proceedings, discusses the problems and conflicts of law, as well as the problem of harmonizing regional legislation. The purpose of this article is to identify the problems of legal regulation for the establishment of a range of actors right of recourse within the framework of the constitutional proceedings. To achieve this goal in the following objectives: to define the list of subjects of the right to appeal to the constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation; analyze the laws of subjects of the Russian Federation in the sphere of constitutional justice through the prism of the availability of constitutional justice of various entities.

The practical significance of the investigated issues in this article is in its application with a view to improving and harmonizing regional legislation and applying the provisions of this article, in the work of the legal departments of the constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation.

Ключевые слова: субъекты, обращение, запрос, жалоба, конституционное судопроизводство.

Keywords: subjects, appeal, request, complaint, constitutional proceedings

Как известно, конституционное право на судебную защиту не подлежит ограничению. Реализация данного права начинается с момента обращения в соответствующий орган судебной власти. Согласно действующему законодательству субъектов РФ конституционные (уставные) суды имеют «связанную инициативу» [12, с. 126], то есть не могут по собственной инициативе возбуждать производство и рассматривать дела. Для этого необходимо обращение в конституционный (уставный) суд управомоченного на то органа или лица (лиц). Вопрос, на который мы бы хотели обратить внимание, состоит в определении круга субъектов права на обращение в конституционные (уставные) суды РФ, еще Г.Г.Арутюнян указывает, что одной из основных предпосылок эффективного и независимого функционирования системы конституционного правосудия является определение оптимального круга субъектов, имеющих право обращения в Конституционный Суд. Данная позиция применима и к конституционным (уставным) судам субъектов РФ.

Исходя из проведенного нами анализа законов субъектов РФ о конституционных (уставных) судах можно констатировать, что перечень лиц, имеющих право на обращение в конституционные (уставные) суды, определяется неоднозначно. Складывается ситуация, при которой в одном субъекте Федерации лицо получает право на конституционное судопроизводство, а в другом субъекте России это же лицо такой возможности не имеет. Никакой нормативный правовой акт, действующий в настоящее время на территории РФ, не определяет строго ограниченный круг лиц, которые были бы вправе обращаться в конституционные (уставные) суды субъектов Федерации по вопросам как абстрактного, так и конкретного нормоконтроля. Данная ситуация представляется недопустимой. Таким образом, в региональном законодательстве о конституционном судопроизводстве имеются многочисленных серьезные различия, что нарушает как конституционный принцип равенства всех перед законом независимо от места жительства [11, с.23], так и принцип доступности конституционного правосудия.

Законность в любой сфере правоотношений может быть обеспечена лишь в том случае, если субъекты данных отношений смогут защищать свои права, в том числе и посредством конституционного (уставного) правосудия. Так, в субъектах РФ наблюдается тенденция возрастания конституционно-правовых проблем местного самоуправления. А насколько четко определены субъекты данных правоотношений в качестве лиц, имеющих право инициировать конституционное судопроизводство? Приведем один пример. В законах о конституционных (уставных) судах Республики Северная Осетия – Алания, Республики Карелия, Кабардино-Балкарской Республики, Санкт-Петербурга устанавливается, что органы местного самоуправления являются инициаторами абстрактного нормоконтроля. Однако судом одного из указанных субъектов РФ было отказано в принятии к рассмотрению обращения муниципального унитарного предприятия, которое в соответствии с действующим на тот момент Федеральным законом от 28 августа 1995 года №154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» можно было отнести к органам местного самоуправления [4]. Данная проблема имела место только

по причине размытости формулировки «органы местного самоуправления» [9, с.23]. Многие субъекты РФ заранее оберегают себя от такого рода проблем в определении надлежащих субъектов права на обращение в конституционные (уставные) суды, указывая конкретные органы местного самоуправления, обладающие правом обращения с запросом. Так, в законах Республики Коми и Республики Саха (Якутия) указаны не просто органы местного самоуправления, а представительные и исполнительные органы местного самоуправления; в Республике Марий Эл и Республике Дагестан – главы муниципальных образований и представительные органы муниципальных образований; в Калининградской области – группа депутатов представительного органа местного самоуправления численностью не менее пяти человек.

Аналогичная ситуация возникает с другими субъектами права на обращение в конституционные (уставные) суды. Так, закрепленная во многих законах субъектов РФ о конституционных (уставных) судах категория «граждане» может толковаться как расширительно, так и буквально [7; 8]. В ряде субъектов РФ в качестве субъектов права на обращение в порядке абстрактного нормоконтроля выступают собственно граждане (К таковым относятся Республики Северная Осетия-Алания, Карелия, Башкортостан, Кабардино-Балкарская Республика и Ханты-Мансийский автономный округ). В законах же об уставных судах Калининградской, Свердловской областей, Красноярского края, помимо граждан субъектами права на обращение также являются иностранцы и лица без гражданства. Отсутствие конкретизации «граждан» как субъектов права на обращение порождает ряд серьезных проблем. Эти проблемы могли быть решены путем использования правовой позиции Конституционного Суда РФ, который расширительно толкует закрепленную в части 1 статьи 96 Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» категорию «граждане», включая в нее не только граждан РФ, но и иностранцев, и лиц без гражданства [2, Ст. 1142]. Однако данная норма носит для конституционных (уставных) судов лишь рекомендательный характер, поскольку Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» относит эти суды к органам государственной власти субъектов, которые самостоятельно рассматривают вопросы, отнесенные к их компетенции в порядке, установленном законом субъекта РФ.

Примечательна и проблема расширительного толкования «объединения граждан» как субъекта обращения. В определении данного субъекта права на обращение также не имеется однозначной регламентации. Например, законы РСО – Алания, Кабардино-Балкарской Республики и Республики Бурятия предусматривают в качестве субъектов права на обращение в порядке абстрактного нормоконтроля общественные объединения в лице их республиканских органов. Субъектом же инициирования конкретного нормоконтроля являются объединения граждан. Большинство законов о конституционных (уставных) судах придерживаются формулировки «объединения граждан» как субъекта права обращение в порядке как абстрактного, так и конкретного нормоконтроля. Возникает вопрос – ограничивается ли круг объединений граждан, только теми общественными объединениями, которые созданы в соответствии со статьей 30 Конституции РФ и Федеральным законом «Об общественных объединениях»?! Следует полагать, что в субъектах Федерации, закрепляющих в качестве субъекта права на обращение общественное объединение, ограничиваются рамками выше упомянутого закона. Что же касается большинства законов

субъектов РФ о конституционных (уставных судах), то вопрос о толковании такого субъекта права обращения как объединение граждан остается открытым. Эта проблема была решена на федеральном уровне Конституционным Судом РФ [4; 1; 3]. Однако, как уже говорилось выше, данные правовые позиции Конституционного Суда носят для конституционных (уставных) судов лишь рекомендательный характер. Закон «О Конституционном Суде Республики Карелия», также решил данную проблему, указав в качестве субъектов права на обращение помимо общественных объединений еще и юридических лиц. Данное положение представляется весьма верным.

Некоторые субъекты РФ закрепляют юридические условия, создающие возможность для расширения круга субъектов права на обращение. Согласно нормам законов этих субъектов РФ правом обращения в конституционные (уставные) суды наделяются также «иные органы и лица». Следовательно, в перспективе этот круг может быть расширен, так как не имеет исчерпывающего характера.

Защита прав и свобод посредством конституционного правосудия должна быть обеспечена каждому, в том числе и прямо не упомянутым субъектам права на обращение в конституционные (уставные) суды. Необходима конкретизация субъектов обращения, то есть их расширительная интерпретация, для обеспечения доступа к конституционному правосудию как можно более широкого круга субъектов, что по нашему мнению полностью соответствует целям и задачам его деятельности. Эта та сфера конституционно-правового регулирования, где давно уже назрел вопрос о проведении унификации законодательства. Некоторые ученые предлагают определить круг субъектов права на обращение в конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации в конституциях (уставах) данных субъектов [13]. На наш взгляд, данное предложение на практике не будет реализовано, так как субъекты без «центрального регулирования» никогда не придут к единым положениям своего законодательства. Некоторые ученые считают необходимым принятие Конституционного процессуального кодекса Российской Федерации [10, с.110], другие авторы предлагают принять Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности конституционных (уставных) судов Российской Федерации» [6, с. 167]. Мы позволим себе согласиться с представителями последней точки зрения. Данный закон должен носить рамочный характер и закреплять наиболее важные стороны организации и деятельности конституционных (уставных) судов, а в частности закрепить унифицированный перечень субъектов права на обращение в конституционные (уставные) суды субъектов РФ.

Принятие такого модельного федерального закона не только упорядочит создание и функционирование региональной конституционной юстиции, но и станет дополнительной правовой гарантией ее независимости, устойчивости и авторитета.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 октября 1998 г. по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» [Текст]// Собрание законодательства РФ. 1998. №1. Ст. 5211

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 1998 года «По делу о проверке конституционности положения части 2 статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 г. «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура» [Текст]// Собрание законодательства РФ. 1998. №9. Ст. 1142.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2002 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления» в связи с жалобами А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева [Текст] // Собрание законодательства РФ. 2002. №14. Ст. 1374.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 октября 1996 г. по делу о проверке конституционности части 1 статьи 2 Федерального закона от 7 марта 1996 г. «О внесении изменений в закон Российской Федерации «Об акцизах» [Текст]// Собрание законодательства РФ. 1996. №45. Ст. 5202.

5. Определение Конституционного Суда РСО - Алания от 28 сентября 2004 г. об отказе в принятии к рассмотрению обращения Владикавказского муниципального унитарного предприятия тепловых сетей [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс». Региональное законодательство.

6. Задиора В.И. Вопросы обеспечения единства основ конституционного судопроизводства в субъектах российской Федерации.; Несмеянова С.Э. Проблемы повышения эффективности конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации [Текст] // Конституционное правосудие в Российской Федерации: правовое регулирование, опыт, перспективы. Казань. 2005. С. 167.

7. Лазарев Л.В. Гражданин и Конституционный Суд [Текст]// Российская Федерация. 2010. №18. С. 55-57

8. Лучин В.О., Доронина О.Н., Жалобы граждан в Конституционный Суд Российской Федерации. [Текст]М., 1998

9. Лушников В. Конституционная жалоба госпредприятия [Текст] //ЭЖ - Юрист. 2006. №46. С.23

10. Цалиев А.М. О конституционном судопроизводстве [Текст] // Вестник Уставного суда Калининградской области №1-2. С.110.

11. Цалиев А.М. Совершенствование законодательства – важнейшее условие организации и деятельности конституционных (уставных) судов [Текст] // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. №1. С. 23.

12. Эбзеев Б.С. Конституционный (уставный) суд субъекта Российской Федерации: юридическая природа и место в системе разделения властей [Текст]// Вестник Уставного суда калининградской области. №1-2. С. 126

13. Гагиева А.В. Обращение в конституционный (уставный) суд субъекта Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук [Текст]/ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, 2012

УДК 343.1

СЛЕДСТВЕННЫЙ ОСМОТР МОДИФИЦИРОВАННОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ И СЛЕДОВ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ
INVESTIGATION EXAMINATION OF MODIFIED FIREARMS AND TRACES OF ITS USE

Дворянов И.Б., Академия управления МВД России, адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений.

Dvoryanov I.B., Academy of management of the Interior Ministry of Russia, post graduate of the department of management of crimes investigation bodies.

e-mail: *ibdvoryanov@mail.ru*

Аннотация: Рассматриваются особенности следственного осмотра модифицированного огнестрельного оружия, описаны признаки модификации огнестрельного оружия, следы на пулях и гильзах. Освещаются необходимость участия специалиста-криминалиста в ходе осмотра места происшествия.

Annotation: The features of investigative examination of modified firearms are considered, signs of modification of firearms, traces on bullets and sleeves are described. The need for the participation of a forensic expert in the course of the inspection of the scene is highlighted.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, специалист-криминалист, модификации огнестрельного оружия, пули и гильзы.

Keywords: crime scene investigation; forensic specialist; modifications of firearms, bullets and cartridges.

Осмотр отдельных предметов, вещей и объектов в ходе расследования преступлений зачастую имеет огромное значение, результаты которого могут являться основой для организации и планирования расследования, а также проведения других следственных действий.

Р.С. Белкин, Е.М. Лифшиц определяют следственный осмотр как самостоятельное следственное представляющее собой «непосредственное обнаружение и исследование следователем объектов, имеющих значение для уголовного дела, их признаков, свойств, состояния и взаиморасположения» [1; с. 44].

Н.Г. Шурухнов полагает, что под следственным осмотром следует понимать «следственное действие, состоящее в непосредственном восприятии, анализе и фиксации следователем или лицом, производящим дознание, обстановки происшествия, всех обстоятельств, имеющих значение для дела, в целях обнаружения следов преступления и других вещественных доказательств» [3; с. 232].

В свою очередь А.М. Кустов, В.М. Прошинтрактуют определение понятия значительно шире. Согласно их точке зрения, следственный осмотр это «процессуальное действие, состоящее в непосредственном восприятии, анализе и фиксации следователем или лицом, производящим дознание, различных материальных предметов и отдельных их

элементов в целях обнаружения следов преступления и других вещественных доказательств, выявления обстановки происшествия, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [2;с. 64].

Мы солидарны с мнением вышеназванных авторов, отмечая, что общее и основное, на наш взгляд, для всех приведенных определений является непосредственное восприятие, исследование следователем объектов, имеющих значение для уголовного дела.

В криминалистической литературе классификация видов следственного осмотра проводится по следующим основаниям:

1. По объектам осмотра: осмотр места происшествия; осмотр предметов (оружие, пули и гильзы и др.); осмотр документов (паспорт, водительское удостоверение и др.); осмотр животных (домашние животные, домашний скот); осмотр участков местности и помещений, не являющихся местом происшествия; осмотр трупа.

Особым видом следственного осмотра является освидетельствование, т.е. осмотр тела живого человека.

2. По последовательности производства следственный осмотр классифицируется на первичный и повторный.

3. По объему следственный осмотр бывает основным и дополнительным.

4. По способу: одновременный, параллельный или поочередный осмотр.

Правовым основанием производства следственного осмотра являются
ст. 176-180 УПК РФ.

Осмотр места происшествия, будучи разновидностью следственного осмотра, на практике оказываясь самым первым следственным действием, представляет собой не только сложнейший комплекс последовательных и параллельных мероприятий целого ряда должностных лиц с различными функциональными обязанностями (следователя, оперативного уполномоченного, участкового уполномоченного, кинолога, эксперта-криминалиста, судебного медика и др.), но и важнейшим этапом, обеспечивающим основу для их дальнейшей поисковой, аналитической, прогностической, исследовательской и иной деятельности, достаточную доказательственную базу и конечный успех раскрытия и расследования преступления.

Деликты, связанные с использованием оружия, это в основном особо тяжкие и тяжкие преступления, ущерб от которых порой бывает невосполнимым материально, а расследование должно быть максимально качественным, чтобы обеспечить неотвратимость и соразмерность наказания преступника.

Следует признать, что осмотр места происшествия по таким преступлениям является наиболее сложным следственным действием, так как требует обнаружения, фиксации, описания, изъятия для последующего исследования большого перечня материальных объектов и различных следов, позволивших в будущем изобличить преступника в причастности к данному, а возможно и иному преступлению – например, аналогичному, или к преступлениям, предусмотренным ст. 222 «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» и ст. 223 «Незаконное изготовление оружия».

Признавая специфику процессов модификации огнестрельного оружия, выражающуюся в целой совокупности признаков его переделки, использования специфического инструментария, особенностях их функционирования и следообразования на пулях, гильзах и теле жертвы, следует признать и обусловленную этим специфику осмотра места происшествия по преступлениям, связанным с использованием упомянутого оружия.

Именно выявленные в ходе первичного осмотра обстоятельства, свидетельствующие о модификации оружия, позволяют выдвинуть обоснованные версии случившегося, ограничить круг подозреваемых, спланировать мероприятия по обеспечению процесса доказывания.

Подробные рекомендации о порядке фиксации, изъятии и упаковки объектов, обнаруженных в ходе осмотра места происшествия, достаточно широко описаны в криминалистической литературе [4;5;6]. Отметим лишь отдельные специфические моменты, на которые необходимо обратить внимание следователя (дознавателя) в случае обнаружения в ходе осмотра места происшествия огнестрельного оружия, его частей и механизмов, частей патронов (пуль и гильз).

Наши исследования в области судебной баллистики показали, что при первичном осмотре огнестрельного оружия на месте происшествия следователь должен обратить внимание на признаки модификации огнестрельного оружия.

Среди них, как показал анализ экспертной практики, можно назвать следующие: замена ствола на другой с возможностью установления прибора для бесшумной стрельбы; расхождение калибра ствола с маркировочными обозначениями на кожух-затворе; несоответствие размера магазина размеру основания рукоятки пистолета и др.

В случаях, если в ходе осмотра места происшествия обнаружены и изъяты стреляные гильзы и пули, следует обратить внимание на следующие признаки, которые могут свидетельствовать об использовании модифицированного огнестрельного оружия, а именно:

1. На гильзах: наличие окопчения, вздутие или разрыв корпуса гильзы; деформация (разрыв, повреждение) капсюля гильзы, не характерные для оружия заводского изготовления и др.

2. На пулях: деформация ведущей части пуль, расположенная в одном месте относительно следов полей нарезов; наличие (более или менее четырех) или отсутствие следов полей нарезов, их различная ширина и др.

Одним из вопросов, требующих решения следователя (дознавателя), какой вид экспертизы назначить: биологическую (генетическую) или дактилоскопическую, а затем баллистическую экспертизу? Чаще всего на практике следователи назначают комплексную экспертизу, что заметно усложняет как производство данной экспертизы (в случае, если соответствующие отделы экспертно-криминалистического подразделения располагаются в разных частях города), так и значительно увеличивает сроки ее проведения.

Подводя итог, следует отметить, что наш взгляд, только участие в осмотре места происшествия по делам, связанным с применением огнестрельного оружия, специалиста (специалиста-криминалиста), обладающего специальными знаниями, как в области судебной

баллистики, так и в других областях, его тесное взаимодействие со следователем (дознавателем), позволит:

- в кратчайшие сроки тщательно провести осмотр места происшествия;
- обнаружить, зафиксировать и изъять специфические объекты исследования;
- оказать содействие следователю (дознавателю) в составлении протокола осмотра места происшествия в части правильности применения специальной терминологии, а также в полном и точном отражении в нем сведений, полученных в результате применения технических средств;
- решить вопрос «Какое оружие (вид, система, модель, экземпляр) применялось на месте происшествия?» уже в ходе обнаружения оружия на месте происшествия. Его осмотр и описание позволят установить групповые и индивидуальные признаки примененного оружия, которые в случае необходимости могут быть использованы для розыска источника его происхождения;
- обнаруженные в ходеосмотра места происшествия пуля или гильза (или то и другое вместе), и их предварительное исследование позволит установить оружие, из которого они были отстреляны. Эта информация послужит важнейшим основанием для розыска оружия, а по нему – стрелявшего;
- дать рекомендации следователю по выдвижению версий о механизме совершения преступления, организации и проведению необходимых следственных действий;
- принять участие в выдвижении версий, относительно произошедшего события, а также о совершивших преступление лицах;
- оказать содействие в постановке вопросов и определении последовательности предстоящих исследований (экспертиз), что приведет к последующему грамотному использованию их результатов и соответственно к эффективному раскрытию и расследованию преступлений.

Литература

1. Белкин, Р.С., Лифшиц, Е.М. Тактика следственных действий. – М., 1997.

2. Кустов, А.М., Прошин, В.М. Тактико-криминалистические основы производства следственных действий. – М.: Издательская группа «Граница», 2014.

3. Шурухнов, Н.Г. Тактика следственного осмотра и освидетельствования / Н.Г. Шурухнов / Криминалистика: Курс лекций. - М.: Эксмо. 2006.

4. Осмотр места происшествия: Практическое пособие / Под ред. А.И. Дворкина. — М.: Юристъ, 2001.

5. Коршунов В.М. Следы на месте происшествия. Обнаружение, фиксация, изъятие / В.М. Коршунов – М.: Экзамен, 2001.

6. Руководство для следователей / Под общ. ред. В.В. Мозякова. М.: Экзамен, 2005.

УДК 34

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОКАЗАНИЯ ПЕРВОЙ ПОМОЩИ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ
LEGAL ISSUES FOR FIRST AID TO THE POLICE EMPLOYEES

Довгань Е.А., Волгодонский филиала Ростовского юридического института МВД России, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин

Dovgan E.A., Volgodonsk branch of the Rostov Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of Russia, senior lecturer of the department of special disciplines

e-mail: *skgi_institut@mail.ru*

Жигалова Г.Г., Ставропольский филиала Краснодарского университета МВД России, Старший преподаватель кафедры криминалистики, кандидат медицинских наук

Zhigalova G.G., Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Senior Lecturer of the Department of Criminalistics, Candidate of Medical Sciences

e-mail: *skgi_institut@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с правовыми вопросами оказания первой помощи сотрудниками полиции (в том числе сотрудниками органов внутренних дел, в период выполнения обязанностей возложенных на полицию). Исполнение мероприятий первой помощи в объёме, предусмотренном нормативными актами, а также средствами, предусмотренными нормативными документами, является обязанностью сотрудников органов внутренних дел. Целью работы явился анализ случаев неоказания либо неверного оказания первой помощи пострадавшему.

Annotation. The article deals with problems related to the legal issues of providing first aid to police officers (including officers of internal affairs bodies, during the period of fulfilling duties assigned to the police). The implementation of first aid measures in the amount provided for by regulatory enactments, as well as the means provided for by regulatory documents, is the responsibility of employees of the internal affairs bodies. The purpose of the work was to analyze the cases of non-indication or incorrect first aid to the victim.

Ключевые слова: первая помощь, угрожающие жизни состояния, оставление в опасности, правовая безграмотность, причинение вреда по неосторожности.

Keywords: first aid, life-threatening conditions, abandonment at risk, legal illiteracy, causing harm through negligence.

Обязанность сотрудников органов внутренних дел по оказанию первой помощи вытекает из статьи 41 Конституции Российской Федерации, определяющей право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь.

В текущей редакции федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в статье 31 дается трактовка термина «первая помощь» [2].

Первая помощь до оказания медицинской помощи оказывается гражданам при травмах, отравлениях, несчастных случаях и других состояниях и заболеваниях, угрожающих их жизни и здоровью, лицами, обязанными оказывать первую помощь в соответствии с федеральным «законом» или со специальным правилом и имеющими соответствующую подготовку, в том числе сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации [2,4].

В законе подчеркнуто, что первая помощь не является видом медицинской помощи, и оказывается пострадавшим до медицинской помощи. В отличие от медицинской помощи, первая помощь может оказываться любым человеком. Для сотрудников полиции (сотрудников органов внутренних дел в период выполнения обязанностей полиции) оказание первой помощи является обязанностью по закону или по специальному правилу в соответствие с федеральным законом Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [3].

Необходимо отметить, что сотрудники органов внутренних дел зачастую, вопреки требованиям закона, не исполняют обязанности по оказанию первой помощи. Одна из причин этого – правовая безграмотность и неуверенность в правильности своих действий. Примерно 40% сотрудников МВД России считают, что они неспособны оказать первую помощь пострадавшим. Часть сотрудников полиции, оказавшись на месте происшествия с пострадавшим, совершают неверные, подчас лишние действия под давлением родственников или случайных свидетелей, когда те требуют спасти пострадавшего. Большая часть сотрудников считает, что в случае неправильных действий с их стороны, они могут быть привлечены к дисциплинарной или уголовной ответственности по статье 109 «Причинение смерти по неосторожности» Уголовного кодекса Российской Федерации [1]. Сформировавшаяся установка широко распространена среди сотрудников.

Инкриминировать эту статью можно лишь тогда, когда изначально жизни и здоровью гражданина ничего не угрожало, и смерть наступила при полном здравии в результате неосторожных действий (бездействий) субъекта преступления. В «Своде законов Российской Империи» эта статья звучала более внятно – «Убийство по недоумию».

Сотрудник полиции оказывает первую помощь в объёме, указанном в Приказе Минздравсоцразвития России от 04.05.2012 N 477н (ред. от 07.11.2012) «Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи» [4].

К числу состояний, при которых сотрудник полиции должен уметь оказать первую помощь относят: отсутствие сознания, нарушения кровообращения и дыхания в виде их остановки, наружные кровотечения из различных областей тела, попадание инородных тел в верхние дыхательные пути, травмы тела различных областей, отморожения и состояния, возникшие в результате воздействия низкой температуры на организм человека, ожоги и состояния, возникшие в результате воздействия высокой температуры на тело человека, отравления [4].

По данным многих источников несовместимые с жизнью повреждения не превышают 15-20%. Остальные 80% могли бы остаться в живых, если бы очевидцы своевременно оказали элементарную помощь.

Для того чтобы преодолеть этот чисто психологический барьер, необходимо знать, что в нет ни одной статьи в Российском законодательстве, по которой можно было бы привлечь к ответственности лицо без медицинского образования за неверно оказанную первую помощь.

Часто у сотрудников полиции возникают вопросы, связанные с необходимостью извлечения и перемещения пострадавшего в случае возникновения дорожно-транспортного происшествия, когда пострадавший оказался внутри транспортного средства. Важно помнить, что извлекать пострадавшего из транспортного средства нужно только в том случае, когда ему угрожает опасность в виде возгорания или взрыва транспортного средства, смещения, либо дальнейшее нахождение пострадавшего представляет угрозу его жизни со стороны имеющегося повреждения и оказать необходимый объём помощи внутри транспортного средства не представляется возможным [6].

Ещё одним моментом, вызывающим большое число вопросов в оказании первой помощи пострадавшему, является проведение реанимационных мероприятий. Речь идёт не о показаниях к проведению реанимационных мероприятий, а о ситуациях, когда у пострадавшего отсутствует дыхание и сердечная деятельность, но имеются повреждения, затрудняющие проведение реанимационных мероприятий, например, открытая черепно-мозговая травма, проникающее ранение в грудную клетку с развитием признаков пневмоторакса и др.

Не меньшее число вопросов возникает в связи с прекращением проведения реанимационных мероприятий. Что принимать за критерий неэффективности реанимационных мероприятий? Имеет ли сотрудник полиции право руководствоваться при прекращении реанимационных мероприятий Приказом Минздрава РФ от 4 марта 2003 г. №73 «Об утверждении Инструкции по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий»? В инструкции говорится о возможности прекращения реанимационных мероприятий при констатации факта наступления биологической смерти либо при признании реанимационных мер неэффективными на протяжении 30 минут выполнения полного комплекса мероприятий [5]. Сотрудник полиции способен провести лишь базовый комплекс сердечно-лёгочной реанимации.

В ряде случаев, в том числе указанных выше, проведение реанимационных мероприятий нецелесообразно. В частности, к таким ситуациям можно отнести необратимые повреждения жизненно-важных систем и органов. Имеет ли право сотрудник полиции прекратить реанимационные мероприятия при наступлении состояния клинической смерти на фоне прогрессирования острой травмы, несовместимой с жизнью? Имеет ли право сотрудник полиции прекратить реанимационные мероприятия при появлении явных признаков биологической смерти?

Принципиальное решение правовой проблемы оказания первой помощи отражено в статье 39 «Крайняя необходимость» главе 8 «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» Уголовного Кодекса Российской Федерации [1].

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности,

непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости.

2. Превышением пределов крайней необходимости признается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

На этом основании любые действия сотрудников полиции по оказанию первой помощи лицам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья, полностью оправданы и защищены законом.

Напротив, необходимо помнить, что статья 125 Уголовного Кодекса Российской Федерации «Оставление в опасности» предусматривает уголовную ответственность за совершенно противоположные действия [1].

Не имеет смысла напоминать, что основное назначение Главного закона любого цивилизованного государства - это охрана права на жизнь. Именно жизнь человека - основная ценность Конституции РФ и поэтому у сотрудника полиции никаких «правовых проблем», кроме, как с собственной совестью быть не может.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЭ: ред. от 05.05.2014/Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. -Р/д: http://www.consultant.ru.

2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 21 ноября 2011 г. №323-ФЭ: ред. от 28.12.2013/Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. -Р/д: http://www.consultant.ru.

3. О полиции: федер. закон Рос. Федерации от 07 февраля 2011г. №3-ФЭ: ред. от 03.02.2014/Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. -Р/д: http://www.consultant.ru.

4. Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи: приказ Минздравсоцразвития РФ от 04 мая 2012 г. №477н: ред. от 07.11.2012/Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. -Р/д: http://www.consultant.ru.

5. Об утверждении Инструкции по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий: приказ Минздрава РФ от 04 марта 2003 г. №73/Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. -Р/д: http://www.consultant.ru.

6. Жигалова Г.Г., Отаров А.А. Обзор нормативной базы и порядок оказания первой помощи пострадавшему сотрудником полиции. / Г.Г. Жигалова, А.А. Отаров // Мир науки, культуры, образования. – 2014. - №5 (48). – С. 216-218.

УДК 340.6

ВОЗМОЖНОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ТРУПА ПРИ ВОЗДЕЙСТВИИ ФАКТОРА ВЫСОКОЙ ТЕМПЕРАТУРЫ. IDENTIFICATION OF THE CORPSE BY THE INFLUENCE OF HIGH TEMPERATURE.

Жигалова Г.Г., Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, старший преподаватель кафедры криминалистики кандидат медицинских наук

Zhigalova G.G., Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Senior Lecturer, Chair of Criminalistics Candidate of Medical Sciences

e-mail: *skgi_institut@mail.ru*

Радзиевская Н.Г., Ставропольский государственный медицинский университет, ассистент кафедры патологической физиологии, кандидат медицинских наук

Radzievskaya N.G., Stavropol State Medical University, assistant of the Department of Pathological Physiology, Candidate of Medical Sciences

e-mail: *skgi_institut@mail.ru*

Рясов А.А., Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, профессор кафедры криминалистики, кандидат юридических наук, доцент

Ryasov A.A., Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminalistics, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

e-mail: *rdmitriy1972@mail.ru*

Аннотация. Статья раскрывает основные проблемы и пути их решения при необходимости идентификации трупов, подвергшихся воздействию высокой температуры. В статье особое внимание уделено возможности проведения исследования с использованием геномной идентификации трупов, а также возможности производства дактилоскопии трупов с повреждённым кожным покровом.

Abstract. The article reveals the main problems and their solutions, if necessary, identification of bodies exposed to high temperature. The article focuses on the possibility of conducting research using genomic identification of corpses, as well as the possibility of production of fingerprinting corpses with damaged skin.

Ключевые слова: труп, идентификация, сожжение, обгорание трупа, костные структуры, экспертиза, геномная идентификация, дактилоскопия.

Keywords: corpse identification, the burning, the burning of the corpse, bone structure, expertise, genomic identification, fingerprinting.

Благодаря «генетическому паспорту» каждый человек уникален, индивидуален и неповторим. Для идентификации личности живого лица или трупа необходимо установить данный «генетический паспорт». В практической деятельности судебного медика идентификация трупа может представлять значительные трудности в связи с такими

причинами, как: не установленные при жизни человека генетические свойства, отсутствие близких родственников, труп человека, подлежащий идентификации, находится в состоянии повреждения, будучи подвергнутым различного рода воздействию экзогенных и/или эндогенных факторов, например, разложению, гниению, сожжению.

Основной задачей судмедэкспертов является исследование образцов, представленных следователем, вынесение заключения, по которому возможно идентифицировать человека, установить кровное родство. Образцы дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) могут содержаться в биологических материалах: потожировых следах; кусочках тканей (коже, мышцах, костях); жидких средах организма (пот, кровь, сперма), волосах (только при наличии волосяных луковиц). В настоящее время создается база данных ДНК преступников. Это позволяет повысить раскрываемость преступлений даже с истекшим сроком давности. Также сведения будут очень полезны для идентификации личности в случае массовой гибели людей [7, 8, 11].

Методика судебно-медицинской идентификации личности трупов при обгорании трупа включает в себя три основных этапа: раздельное исследование обгоревших останков, сравнительное исследование останков и формулировка предположений о наличии или отсутствии сходства и различий. [3]

Этап раздельного исследования трупа в случае его сожжения представляет собой установление комплекса признаков личности неизвестного трупа или неизвестного живого человека. В качестве объектов исследования выступают живые лица, трупы, обнаруженные останки. Этап сравнительного анализа объективных данных использует данные раздельного исследования и совмещение этих данных с фотографическими изображениями. Кроме описанных методов идентификации обгоревшего трупа существует также метод восстановления лица и прижизненного облика человека по имеющемуся черепу. В основе метода восстановления лежат методы совмещения узловых точек на черепе и прижизненной фотографии человека, используя соотношения между толщиной мягких тканей лица и строением черепа. В судебной медицине при обгорании трупа этот метод имеет ограниченное применение. Вывод о тождестве личности по соотношению признаков основывается на совпадении индивидуально неповторимых признаков личности неизвестного обнаруженного человека и пропавшего человека [9].

Обгорание трупа приводит к трансформации тканей и органов трупа. В процессе обгорания трупа наблюдается полное или частичное уничтожение мягких тканей и костного скелета. Судебно-медицинская экспертиза трупов в состоянии обгорания наиболее часто наблюдается в условиях пожара, поджога [10].

Одним из основных вопросов при расследовании фактов поджогов и экспертизы обгоревших трупов, стоящих на разрешении у экспертов, является установление персональной принадлежности трупа [1, 2].

С необходимостью идентификации личности столкнулись следователи при расследовании трагедии, произошедшей в декабре 2006 года в Тверской области, когда в облитом бензином и подожжённом доме сгорела семья священника Андрея Николаева. В пожаре погиб сам священник и трое его детей.

Уничтожить труп полностью в процессе его сжигания практически невозможно, всегда остается хоть что-то. Существуют разнообразные методики, позволяющие рассчитать объёмы топлива, необходимые для разрушения трупа, время, необходимое для кремации до соответствующего имеющимся состояниям разрушения, температуру. В случае выраженного разрушения трупа, фрагментации костей или разрушения трупа до образования золы, решаются вопросы, связанные с наличием костного вещества в золе, его видовая принадлежность (принадлежность костей человеку или животному), пол, длина тела и т.д.

В ряде случаев возможно идентифицировать личность погибшего, если костные останки обнаружены в небольшом количестве [1,2]. Данная идентификация может быть проведена частично. Например, возможно установление видовой принадлежности костных останков, половой принадлежности костных останков с помощью люминесцентной микроскопии, методами молекулярно-генетического анализа.

Определение половой принадлежности костных останков сожжённых трупов возможно по особенностям строения костей, так как каждая кость имеет свои отличительные половые признаки. Для половой идентификации наиболее удобны тазовые кости и череп. Тазовое кольцо женщин широкое и низкое, таз мужчины высокий и узкий. Череп мужчины имеет большое число шероховатостей, бугристость. Женский череп более гладкий, имеет меньше костных выступов.

Для определения примерного возраста сожжённого человека можно использовать характеристики развития и степени истирания зубов. Однако, при воздействии пламени на тело человека, меняются свойства зубов: меняется цвет зубной эмали, наблюдается растрескивание, выкрашивание зубов вследствие их повышенной ломкости [6].

Кости человека, в отличие от мягких тканей, достаточно устойчивы к действию высоких температур. Даже после многочасового воздействия пламени возможно проведение их макроскопической оценки. Исследование костных останков могут дать достаточно точные данные по возрасту человека. Так, ещё во внутриутробном периоде возникают точки окостенения скелета, которые продолжают своё формирование в течение первого года жизни. В 2-3 года начинается сращение фрагментов костей (синостозы) и продолжается до 22-27 лет. С 16 лет начинается и до 50-55 и более лет продолжается заращение швов черепа. Затруднения в установлении роста человека могут быть вызваны изменением длины трубчатых костей в результате воздействия пламени в виде уменьшения их длины на 5-10%.

Согласно данным литературы, органическое вещество кости под действием пламени вначале обугливается, кости приобретают черный цвет (черное каление). При дальнейшем действии пламени, по мере выгорании органического вещества, кости становятся все более светлыми, приобретая оттенки серого цвета (серое каление). Полное сжигание органического вещества кости происходит при температурах выше 700ºС. После полного обгорания кости становятся белого цвета (белое каление) [4].

В случае обнаружения трупов неизвестных лиц при участии судебно-медицинского эксперта проводится обязательное дактилоскопирование. Если лицо ранее подвергалось дактилоскопированию, то его личность может быть установлена данным способом достаточно легко. Расположение папиллярных узоров как на кистях, так и на подошвах стоп строго индивидуально для каждого человека. При действии на кожу человека высокой

температуры поверхностный слой кожи – эпидермис сохраняется в виде волнистой бесструктурной ленты коричневого цвета с частичным сохранением ядерного содержимого клеток кожи. При обугливании кожи эпидермис принимает вид неровной, однородной полосы черного цвета, местами приподнятой над дермой, с сохранением перемычек, что позволяет использовать метод дактилоскопии.

При проведении идентификации трупа в случае воздействия фактора высокой температуры, в заключении дактилоскопического исследования отмечается пригодность для идентификации полученных отпечатков. Проведение дактилоскопической экспертизы в данном случае носит комплексный характер. Так, например, на одной из свалок были обнаружены части обгоревшего трупа. После осмотра судебным медиком установлено, что части трупа являются остатками трупа мужчины, однако, единственным объектом, сохранившие свою морфологическую и антропологическую характеристику, является фрагмент полусожженной правой руки. При попытке провести дактилоскопирование уцелевших останков обнаружено, что фаланги пальцев подверглись воздействию сильного огня, что привело к обгоранию эпидермиса, его ороговению и частичному отслоению мягких тканей от костной основы, что говорило о том, что получить отпечатки пальцев существующими методами, такими как введение в толщину ногтевых фаланг с помощью водного или маслянистого раствора, получение отпечатков со снятого эпидермиса («Перчатка смерти»), расправленных между двумя стеклами кусочков кожи; фотографированием подушечек пальцев, а также получением папиллярных отпечатков с пластических полиуретановых и иных полимеров не представилась возможным [11]. После специальной обработки кожи руки и разглаживания неровностей, введения в кожу наполнителей стало возможным определение завитковых узоров. К экспертизе был привлечён эксперт-антрополог, который, для сужения круга без вести пропавших, определил возраст и пол по рентгеновскому снимку уцелевшей руки, установил, что погибший является мужчиной в возрасте около 45 лет. В дальнейшем, используя результаты трех экспертиз (рентгенологической, дактилоскопической и идентификационной), следователь смог установить личность убитого, изобличить убийцу и привлечь его к уголовной ответственности.

Идентификация человека при воздействии пламени возможна по следам биологического происхождения, таким как кровь, сперма, волосы, частицы органов и тканей. Абсолютно точный результат при необходимости идентификации личности конкретного человека дает метод так называемой «генной дактилоскопии», основанный на прямом исследовании носителя наследственной информации – дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) или рибонуклеиновой кислоты (РНК)- генная идентификация личности.

Так, например, в мае 2012 года произошёл инцидент на пограничном посту «Арканкерген» - убийство 14 пограничников и егеря, сожжение служебных и хозяйственных сооружений погранпоста. В сгоревшем здании погранпоста были обнаружены обгоревшие останки 12 человек. На пепелище казармы обнаружены искорёженные гильзы от автоматов. При проведении судебно-медицинской экспертизы в телах военнослужащих следов алкоголя обнаружено не было. Опознание погибших проводилось с использованием генетической экспертизы. Личное опознание тел погибших пограничников не проводилось в связи с

сильным повреждением останков огнём. Из 13 тел опознаны 10, в том числе с использованием генетического анализа. Три тела остались не опознаны, т.к. судмедэксперты заявили о высокой сложности идентификации имеющихся образцов в связи с полным выгоранием материала, подлежащего исследованию.

Как видно из вышеприведенного примера, необходимым условием проведения генетических исследований является возможность изолирования из клеток пригодной для анализа ДНК.

Выделение ДНК из обгоревших тканей, пригодной для анализа, достаточно сложный процесс. Тема выделения геномной ДНК из костной ткани в практике судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств в последнее время становится всё более актуальной. В процессе выделения ДНК из биологического материала основная задача – хорошо диспергировать ткань, чтобы разрушить клетки, а затем отделить ДНК от сопутствующих ей белков и посторонних примесей для получения препарата с чистотой, пригодной для постановки ПЦР. С мягкими тканями в большинстве случаев проблем не возникает, а вот выделение ДНК из кости гораздо более трудоемко и требует специальных подходов.

При воздействии на труп высокой температуры в тканях наблюдается коагуляция белка с вытеснением воды из клеток. Извлечь ДНК из костных останков, находящихся в состоянии белого или серого каления невозможно, так как наблюдается полная деградация и распад ДНК, а из костей в состоянии черного каления крайне проблематично из-за выраженной высокотемпературной деградации белковых молекул, к которым и относится ДНК. Обращает внимание, что исследование ДНК не исключает и не подменяет другие методы идентификации личности. Метод имеет значительные ограничения, как например указанные выше изменение состояния костной ткани в результате длительного воздействие высокой температуры (400 и более градусов), а также изменения в тканях при значительной давности захоронения.

При осмотре трупа, подвергшегося действию пламени, ни ранние, ни поздние трупные изменения, как правило, не наблюдают. Обгорание приводит к замедлению в развитии процесса гниения.

При полном сожжении трупа образуется пепел, состоящий из отдельных костных фрагментов, находящихся в состоянии черного, серого и белого каления, а также недифференцируемой костной крошки [4].

Методы идентификации личности трупа, пострадавшего в результате воздействия фактора высокой температуры как это видно из статьи, достаточно широки. Возможность идентификации трупа появляется лишь при тесном взаимодействии судебно-медицинского эксперта, экспертов-генетиков, экспертов-антропологов, следователей и других специалистов [8].

Литература

1. Аветисян, А.Д. Проблемы использования следователем результатов оперативно-розыскной деятельности в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования / А.Д. Аветисян // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2016. - № 1 (33). - С. 69-74.

2. Аветисян, А.Д. Особенности разрешения проблем следователем в стадии возбуждения уголовного дела / А.Д. Аветисян, А.С. Чернова // Проблемы уголовного преследования в уголовном судопроизводстве на современном этапе: сборник материалов межведомственного научно-практического круглого стола / под ред. А.Д. Аветисян. - 2016. - С. 9-14.

3. Вагина, Н.Б. Тенденции развития системно-структурного подхода в криминалистической науке / Н.Б.Вагина // Российское государство и право: традиции, современность, будущее материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. В.Я. Музюкина, Е. С. Аничкина. Барнаул, 2011. - С. 211-212.

4. Гонтарь, С.Н. Особенности повреждений и смерти от действия высокой температуры на организм человека / С.Н.Гонтарь, А.А.Рясов, Г.Г.Жигалова // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. - 2016. - № 2. - С. 223-227.

5. Карданов, Р.Р. Место судебной экспертизы в системе криминалистики / Р.Р.Карданов, А.А.Отаров // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2016. - №1 (31). - С. 102-105.

6. Кочерова, Л.А. Особенности методики определения возраста неустановленного погибшего по его зубам / Л.А.Кочерова // В сборнике: Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: Материалы X Всероссийского научно-практического круглого стола. - 2016. - С. 192-196.

7. Лифанова, Л.Г. К вопросу об использовании сведений, полученных до возбуждения уголовного дела, в процессе доказывания / Л.Г.Лифанова // Вестник СевКавГТИ. - 2016. - Т. 1. - № 4 (27). - С. 89-91.

8. Медведицкова, Л.В. Опыт эффективного взаимодействия населения и полиции в зарубежных странах в процессе профилактики и раскрытия преступлений Л.В.Медведицкова, В.В,Зубенко // Мир науки, культуры, образования. - 2016. - №1 (56). - С. 199-201.

9. Рясов, А.А. Использование специальных медицинских познаний в расследовании преступлений против жизни и здоровья человека А.А.Рясов, Г.Г.Жигалова // Мир науки, культуры, образования. – 2014. - №5 (48). – С. 303-304.

10. Рясов, А.А. Особенности установления причин пожаров / А.А.Рясов, Н.А.Уваров // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. - 2016. - №2. - С. 287-290.

11. Ханина, Н.В. Об особенностях использования криминалистического обеспечения расследования преступлений связанных с взрывами / Н.В.Ханина, Н.А.Уваров // В сборнике: Проблемы уголовного преследования в уголовном судопроизводстве на современном этапе: Сборник материалов межведомственного научно-практического круглого стола / под ред. А.Д. Аветисян. - 2016. - С. 102-108.

УДК 343.97

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
TO THE QUESTION OF ESSENCE OF LATENT CRIME

Жиров Р.М., Кабардино-Балкарский государственный университет, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент

Zhirov R.M., Kabardino-Balkarian State University, Associate Professor of the Criminal Procedure and Criminalistics Department, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

e-mail: *skgi_institut@mail.ru*

Кабжихова М.А., Кабардино-балкарский государственный университет, магистрант направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовное право; криминология».

Kabzhikhova M.A., Kabardino-Balkar State University, the undergraduate of the direction 40.04.01 «Law» of the master program «Criminal law; criminology».

e-mail:*skgi_institut@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена исследованию сущности латентной преступности. В работе представлены различные научные подходы к определению понятия «латентная преступность». Авторы приходят к выводу о необходимости пересмотра учетно-регистрационной деятельности правоохранительных органов.

Summary: Article is devoted to a research of an entity of latent crime. In operation different scientific approaches to determination of the concept «latent crime» are provided. Authors come to a conclusion about need of revising of registration and registration activities of law enforcement agencies.

Ключевые слова: преступность; латентная преступность; естественная и искусственная латентность.

Keywords: crime; latent crime; natural and artificial latency.

Преступность как объективно-существующее социальное явление была присуща всем формациям, отличаясь на каждом этапе своими качественными и количественными характеристиками. Ни для кого не секрет, что для объективной оценки состояния преступности необходимо учитывать латентную составляющую преступности.

Несмотря на множество исследований, посвященных определению сущности латентной преступности, ее структуре, видам и методам выявления их актуальность не ослабевает. Как справедливо отмечает С.М. Иншаков: «Исследование латентной преступности- это та сфера, где криминологи, к сожалению, пока не продвинулись слишком далеко… В современных условиях, когда человечество инвестирует огромные средства в изучение далеких планет, вряд ли можно смириться с тем, что мы не имеем сведений о фактической преступности…» [1, с.107].

Латентность происходит от лат. latentis «скрытый, невидимый». Латентной частью преступности (латентной преступностью) называют скрытую или скрываемую от

официальной уголовной статистики, то есть реальную часть фактически совершенных, но незарегистрированных преступлений.

Впервые в качестве самостоятельной проблемы вопрос о латентной преступности был поднят в XIX веке создателем научной статистики бельгийским ученым-естествоиспытателем и математиком А. Кетле. Свои основные идеи ученый изложил в работе «Социальная физика, или опыт исследования о развитии человеческих способностей».

В «Социальной физике» Кетле выводит основной закон существования преступности в обществе: «Существует бюджет, который выплачивается поистине с ужасающей аккуратностью и правильностью. Это - бюджет тюрем, рудников и эшафотов. Мы можем с полной достоверностью предвидеть, сколько человек запачкают свои руки кровью ближнего, сколько будет подлогов, отравлений, мы можем это сделать с такой точностью, с какой мы предсказываем количество смертных случаев и рождений в ближайший год» [2, с. 66].

Именно А. Кетле в 1835 году выдвинул вполне обоснованное пред положение о том, что «известна лишь часть совершающихся преступлений, а доля скрытых преступлений во много раз превышает долю известных»[3, с. 262-263]. Основываясь на исследованиях классика английской юриспруденции конца XVIII века И. Бентама об имеющихся устойчивых закономерностях в области преступности, А.Кетле отмечал, что существует почти неизменное соотношение между зарегистрированными преступлениями и неизвестной нам суммой совершенных преступлений. Если бы это соотношение не существовало в действительности, то все до сих пор установленное на основании данных уголовной статистики было бы ложным и бессмысленным.

В 1853 году русский криминалист Ф. Захаревич в результате проведенных научных исследований подтвердил предположения А. Кетле относительно латентных проявлений преступности. Касаясь вопроса достоверности статистических данных, характеризующих преступность, Ф. Захаревич писал: «увеличение цифры преступлений, оказывающихся в статистической таблице, часто есть только выражение лучшей системы, принятой для открытия их. Число арестантов, переданных в руки правосудия, не есть еще средство, вполне достаточное для числа преступлений, истинно совершаемых подобно тому, как число рыб, пойманных неводом, не указывает числа рыб, плавающих в реке... Статистические цифры, взятые в массе, скорее должны считаться мерилами полицейской деятельности, чем состояния преступности в губернии или области»[4, с. 258].

Дальнейшие исследования латентной преступности связаны с именем итальянского криминалиста Э. Ферри. В начале XX века, изучая вопросы уголовной социологии, ученый обращал внимание на зависимость «действительной» преступности от состояния «видимой или обнаруженной», связывая при этом число обнаруженных преступлений «с большей или меньшей склонностью населения доводить до сведения властей информацию о совершаемых преступлениях или деяниях, кажущихся таковыми». Он же справедливо отмечал, что «даже из числа известных, обнаруженных преступных деяний более 65% остаются ненаказанными»[5, с. 257] .

Итак, А. Кетли, Ф. Захаревич, а затем и Э. Ферри первыми выявили действующую и поныне закономерность, состоящую в том, что фактическая преступность в разы превышает

зарегистрированную. Однако полноценное научное определение латентной преступности ими сформулировано еще не было [6, с. 17].

Одним из первых советских ученых, сформулировавшим понятие латентной преступности, является В.В. Панкратов. В его научной статье «Косвенные методы изучения преступности», опубликованной в 1967 году, дано следующее определение: «скрытая преступность – это совокупность преступлений, не выявленных органами милиции, прокуратуры и суда и соответственно не нашедших отражения в учете уголовно-наказуемых деяний» [7, с.7]. Впоследствии аналогичную точку зрения высказали и другие отечественные ученые [8].

Однако такое понимание латентной преступности не лишено недостатков. С одной стороны, перечисление правоохранительных органов необоснованно ограничивает перечень органов власти, наделенных правоприменительными функциями, с другой, исключает возможность отражения сведений о преступности в уголовно-правовой статистики, в том случае, если данные не поступили в органы полиции, прокуратуру и суд.

А.С. Шляпочников и Г.И. Забрянский латентным считают преступление, скрытое от одного из органов, которым по закону предоставлено право расследовать или рассматривать дела о совершенных преступлениях. Это определение, несмотря на небезупречность, следует признать более удачным. Рассуждая по этому поводу, авторский коллектив Курса советской криминологии уместно отмечает, что признак скрытое (тайное) не совсем корректен, поскольку, на практике могут быть случаи, когда факты о совершенных преступлениях не были учтены сотрудниками правоохранительных органов, значит, считать их скрытыми от правоохранительных органов нет оснований. В то же время, они попадают в число незарегистрированных преступлений, то есть, в латентную преступность [8, с. 163]. Поэтому, А.М. Ларин предлагает отнести к латентным те преступления, которые стали известны правоохранительным органам, но по различного рода мотивам сокрыты работниками этих органов от учета [10, с. 107].

В настоящее время общепринято деление латентной преступности на естественную и искусственную.

Искусственная латентность - результат деятельности правоохранительных органов, охватывающий все случаи сокрытия преступлений представителями государственных органов. К наиболее распространенным формам сокрытия следует отнести: отказ от принятия заявления по надуманным основаниям; принятие заявления с последующим его уничтожением, значит, непринятием соответствующих мер к регистрации преступления, возбуждению уголовного дела, началу расследования; необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела; необоснованное прекращение уголовного дела (в отдельных случаях сопряженное с уничтожением доказательств).

Среди мотивов сокрытия доминируют: чрезмерная загруженность работников правоохранительных органов, стремление уменьшить объём работы на службе; уверенность, что раскрыть преступление не удастся, на фоне стремления получить положительную оценку своей служебной деятельности; выполнение указаний вышестоящих руководителей; корыстные мотивы.

Естественная латентность основывается на естественном стремлении практически каждого преступника скрыть свое деяние и уклониться от ответственности. Иногда к естественной латентности относят преступления, причинившие вред конкретному лицу, о которых потерпевшие не заявили в правоохранительные органы. Обычно в основе такой пассивности лежит либо страх мести со стороны преступников, либо неверие в то, что правоохранительные органы смогут восстановить справедливость и привлечь к ответственности виновных. Вряд ли такую ситуацию следует считать нормальной и естественной. Поэтому предложена классификация латентных преступлений на: 1) невыявленные; 2) незаявленные; 3) скрытые [11, с. 110-111].

По данным некоторых исследователей латентная преступность в 4-5 раз превышает зарегистрированную преступность [12, с. 96]. Необходимо учитывать, что в ряде случаев этот показатель значительно выше (экономическая, информационная, коррупционная преступность; незаконные операции с лесом, газом, нефтью, драгоценными камнями и металлами; незаконные поставки оружия, наркотических средств, алкоголя и др.).

Стереотип мышления, сформированный под воздействием обладающей монополией официальной статистики, заключающийся в анализе имеющихся статданных (не всегда соответствующих реальному положению дел в сфере борьбы с преступностью) обусловливает некий дуализм в размышлениях о преступности [13, с. 136]. В работе «Преступность XX века» В.В. Лунеев описывает признание Генерального прокурора РФ Ю. Скуратова о реально совершаемом в стране количестве преступлений, которое в три с половиной раза превышает зарегистрированный показатель. Но, парадокс заключается в одновременной удовлетворенности работой правоохранительных органов и высоким уровнем раскрываемости преступлений [14, с. 288].

Улучшение учетно-регистрационной деятельности значительно уменьшит искусственную часть латентной преступности, а значит, позволит получить более объективную картину о состоянии преступности в стране. Кроме того, своевременная и полная регистрация заявлений и сообщений о совершенных преступлениях позволит запланировать и реализовать комплекс эффективных мер по противодействию преступности.

Литература

1. Иншаков С.М. Латентная преступность как объект исследования//Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009, №1(16).

2. Райхесберг Н. М. Адольф Кетле (его жизнь и научная деятельность). СПб., 1894.

3. Кетле, А.М. Социальная физика, или опыт исследования о развитии человеческих способностей/ А.М. Кетле. Киев, 1911.

4. Захаревич, Ф. Опыт юридической статистики // Журнал министерства внутренних дел. 1853. Ч. 41.

5. Ферри, Э. Уголовная социология. М., 1908.

6. Храмов С.М. Латентная преступность: методология познания и основные направления противодействия. Брест, 2010.

7. Панкратов В.В. Косвенные методы изучения преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1967.

8. См.: Булатов Г., Майоров Н. Показательность данных уголовной статистики // Вестник Московского госуниверситета. Серия «Право». Вып. 3. М., 1969. С. 59 - 60; Рябцев В.П. Борьбы с латентными хищениями на железнодорожном транспорте//Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 15. М., 1972. С. 127; Аванесов Г.Л. Криминология. Прогностика. Управление. Горький, 1975.

9. Курс советской криминологии. Том1. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. М.: Юрид. лит-ра, 1985.

10. Ларин А.М. Повышение эффективности расследования // Советское государство и право. 1972. № 3.

11. Иншаков С.М. Латентная преступность как объект исследования// Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009.№ 1(16).

12. Криминология: учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Инфра-М, 2010.

13. Иншаков С.М. Гносеологические проблемы исследования латентной преступности//Актуальные проблемы экономики и права. 2010, №1.

14. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005.

УДК 343.214

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССОВ
SOME FEATURES OF LEGAL INSTITUTIONS, ADMINISTRATIVE AND ARBITRATION PROCEEDINGS

Жужгов И.В., Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, доцент кафедры гражданского процесса и предпринимательского права, кандидат юридических наук.

Zhuzhgov I.V., Nevinnomyssk State Humanitory and Technical institute, docent of the department of civil law and business law, candidate of law.

e-mail: *zhuzhgov@bk.ru*

Аннотация: в статье исследуются особенности правового института судебного производства в арбитражных судах, в аспекте рассмотрения дел, возникающих из публично-правовых отношений.

Annotation: In article we study the legal institution of legal proceedings in arbitration courts, in the aspect of consideration of cases arising from public legal relations.

Ключевые слова: арбитражный суд, административное судопроизводство, публично-правовые отношения.

Key words: the court of arbitration, administrative proceedings, public legal relations.

Вопросы, возникающие в процессе рассмотрения и разрешения дел из административных правоотношений, в настоящее время, обусловлены тем, что в настоящее время на законодательном уровне отсутствует концептуальное единство по поводу правил рассмотрения данных дела в самом арбитражном процессуальном кодексе.

Так, в частности, в соответствии со статьей 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, арбитражные суды осуществляют рассмотрение, возникающих из административных и других публичных правоотношений экономических споров, в порядке административного судопроизводства, при этом данные споры связаны с реализацией гражданами и организациями предпринимательской и другой экономической деятельности. В соответствии со статьей 189 АПК, дела возникающие из административных и других публичных правоотношений подлежат рассмотрению согласно общим правилам искового производства, который предусмотрен Арбитражным процессуальным кодексом РФ, если федеральным законом не предусмотрены другие правила административного судопроизводства. 202 статья Арбитражного процессуального кодекса содержит положение, согласно которому дела о привлечении к административной ответственности индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, в связи с реализацией ими предпринимательской и другой экономической деятельности, которые отнесены к подведомственности арбитражных судов федеральным законом, рассматриваются согласно

общим правилам искового производства, установленным арбитражным процессуальным кодексом и кодексом об административных правонарушениях.

КоАП РФ, также содержит определенные правила, регламентирующие особенности рассмотрения дел об административных правонарушениях, вместе с тем данный нормативно-правовой акт не содержит указания на правила административного судопроизводства. Можно предположить, что на законодательном уровне предполагалось, что все связанные с производством по делам об административных правонарушениях дела, необходимо рассматривать по общим правилам, содержащимся в КоАП РФ.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях содержит положение согласно которому, судьи арбитражных судов осуществляют рассмотрение и разрешение дел об административных правонарушениях, которые предусмотрены статьями 6.14, 7.24, 14.1, 14.10-14.14, частями 1 и 2 статьи 14.16, частями 1, 3 и 4 статьи 14.17, статьями 14.18, 14.21-14.23, 15.10, частями 1 и 2 статьи 19.19 Кодекс об административных правонарушениях, которые совершены индивидуальными предпринимателями а также юридическими лицами.

Исследование правоприменительной практики показывает, что в настоящее время существует достаточно большое количество вопросов, возникающих при рассмотрении и разрешении споров, которые возникают из административных и других публичных правоотношений. Необходимо отметить, что проблемы соотношения правовых норм, содержащихся в Кодексе об административных правонарушениях, а также в Арбитражном процессуальном кодексе РФ, возможно разрешить различными путями: посредством внесения дополнений и изменений в соответствующее процессуальное законодательство; путем обобщения правоприменительной практики и издания верховным судом РФ соответствующих разъяснений.

Примерно так выглядит в настоящее время состояние административного судопроизводства. Представляется, что оно не самым оптимальным образом содействует процессу реализации права граждан на защиту от неправомерных действий представителей публичной власти.

Дмитрий Анатольевич Медведев в формулируя конкретные задачи, направленные на совершенствование и оптимизацию судебной системы страны, внес предложение рассмотреть ряд вопросов, среди которых значится вопрос об отнесении к специальной компетенции российских арбитражных судов, не только корпоративных споров и дел о банкротстве, но и споров, которые вытекают из антимонопольной, инвестиционной деятельности, таможенных и налоговых правоотношений[1].

В юридической науке можно найти достаточно рациональный и сбалансированный взгляд на данную проблему. А именно, в Российской Федерации необходимо осуществить серьезные шаги по оптимизации и повышению эффективности работы судебных органов. В настоящее время количество судей в нашей стране опережает Европу. В Российской Федерации работает свыше 30000 профессиональных судей. Это количество превышает количество судей, существующее в любой европейской стране, причём с развитыми традициями обращение к данным судам. Приведённые данные вовсе не говорят о том, что наши соотечественники склонны к сутяжничеству, или же, что существует рост споров и

правонарушений непомерных объемов. Но прежде всего, говорит о том, что в России досудебное урегулирование недостаточно распространено, как недостаточно распространены административные и примирительные процедуры предварительного рассмотрения жалобы. Тогда как интенсивное их развитие могло бы помочь существенно снизить нагрузку на судей и в результате получить значительное повышение качества судейской работы.

В юридической науке можно найти два пути решения данной задачи. Создание еще одной системы судов представляет из себя самый простой и очевидный первый способ. Минусы данного способа заключается в том, что его реализация потребует большого капиталовложения, длительного времени на реализацию и создание данной системы, поиск людей обладающих специализированными знаниями, организацию работы данных людей. В итоге есть опасность получить еще более усложненную судебную систему, которая к сожалению в настоящее время и так не является идеально организованный и выстроенной.

Соответственно в этом нет необходимости. Существует и другой способ – создание оптимизированный системы рассмотрения и разрешения административных споров, а именно развитие досудебного урегулирования споров. Добиться этого возможно, например посредством создания Федеральной административной службы, которая с одной стороны могла бы выступить определенным фильтром для прореживания дел, которые поступают в суды, с другой стороны для реализации облегчения рассмотрения и разрешения данных споров а также сокращения сроков их рассмотрения для сторон.

При этом необходимо понимать что достижение эффективности правосудия осуществляется не только путем верной организации досудебного урегулирования споров, но и повышением оптимальности работы каждого по отдельности суда. Ключевую роль в данном случае приобретает дальнейшее углубление специализации российских судов[2].

Исследование особенностей положения дел, связанных с рассмотрением и разрешением административно-правовых нарушений, может позволить резюмировать, что по содержанию, а также в организационном плане, принципиальных основ судебного производства, арбитражные суды более других приблизились к роли самостоятельных автономных органов административной юстиции в Отечественной в системе судов. Вместе с тем, в настоящее время, арбитражные суды реализует свою юрисдикционную деятельность в соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, а точнее по единым правилам судопроизводства установленным им. В связи с этим, зачастую, пробелы, существующие в действующем законодательстве нивелируются постановлением Верховного суда Российской Федерации по отдельным вопросам. В связи с чем, в рамках нашего исследования, хотелось бы указать на то, что в настоящее время достаточно остро стоит вопрос оптимизации правовой регламентации административно-юрисдикционной деятельности российских арбитражных судов, по рассмотрению и разрешению административных споров и созданию нового единого кодифицированного процессуального правового акта.

Стоит отметить, что если использовать доктринальный подход исследования судебного механизма разрешения и рассмотрения административных споров в арбитражной процессуальной форме, следует основываться на том, что для успешного действия данного механизма необходимо следующее:

- совокупность процессуальных способов и средств, которые обеспечивают необходимую защиту частных субъективных прав, а также частных и публичных интересов, охраняемых законом;

- гарантии, в качестве правовых средств защиты и охраны прав хозяйствующих субъектов. В данном аспекте, нельзя сводить их, исключительно к борьбе с нарушениями данных прав, в связи с тем, что тогда будут размыты ценностные рамки этого института; в сами гарантии входят средства реализации свобод и законных прав личности. В арбитражном процессе под гарантиями понимаются, регламентированные нормами действующего процессуального законодательства, содержательно различающиеся, правовые способы и средства, которые обеспечивают сторонам возможность защиты, а также реализации, имеющихся у них прав[3].

Литература

1. Выступление Президента РФ Д.А. Медведева на VII Всероссийском съезде судей [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонстультантПлюс».

2. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях / Под ред. Э.Г. Липатова, С.Е. Чаянова. – М., 2016. – С. 117.

3. Абдасалямов А.В. Административное судопроизводство в арбитражном суде. Дисс. … докт. юрид. наук. – М., 2009. – С. 289.

УДК 347.2

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИИ
THE STUDY OF THE DEVELOPMENT OF THE PENAL SYSTEM IN RUSSIA

Зырянов В.Н., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Северо-Кавказского гуманитарного института

Zyryanov V.N., Head of the chair of criminal law, Doctor of law, Full professor, North-Caucasus Humanitarian Institute

e-mail: *skgi_institut@mail.ru*

Биккинин И.А., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Чеченского государственного университета

Bikkinin I.A., Doctor of law, Full professor, Professor of the chair of criminal law and criminology of the Chechen state university

e-mail: *bikkinin@mail.ru*

Аннотация: В проведённом исследовании дана характеристика системы наказаний и нового вида уголовного наказания в виде принудительных работ. Рассматриваются проблемы законодательного регулирования назначения, исполнения и освобождения от отбывания наказаний в виде принудительных работ.

Abstract: In the conducted research the characteristic of system of punishments and a new type of criminal sanction in the form of forced labor is given. Problems of legislative regulation of appointment, execution and release from serving of punishments in the form of forced labor are considered.

Ключевые слова: уголовное наказание, принудительные работы, сущностные характеристики, условное осуждение.

Keywords: criminal punishment, forced labor, essential characteristics, probation.

Настоящая система уголовных наказаний находится в постоянном развитии [1]. При этом, в нашей стране перспективы совершенствования института наказания непосредственно связаны с назначением наказаний, альтернативных лишению свободы. Соответственно особого внимания исследователя заслуживает включение в систему уголовных наказаний принудительных работ, которые по своим качественным признакам схожи сдругими видами уголовных наказаний, не связанных с ограничением и лишением свободы, но имеют существенные особенности. На использование наказаний, связанных с трудовым воздействием направляет Резолюция ООН № 23 «О международном сотрудничестве, направленном на сокращение переполненности тюрем, и содействии применению альтернативных мер наказания», что является важным ориентиром деятельности законодателя.

Главной целью науки в определённом нами направлении является выявление существующих и прогнозирование потенциальных проблем законодательного регулирования

назначения, исполнения и освобождения от отбывания уголовных наказаний в виде принудительных работ [2].

Эти проблемы определяют задачи по выработке понятия, уяснения сущности и содержания уголовного наказания в виде принудительных работ; установлению предпосылок и криминологического обоснования включения принудительных работ в систему уголовных наказаний; проведению компаративно-правового анализа наказания в виде принудительных работ с другими уголовными наказаниями, не связанными с изоляцией осужденного от общества; проведению историко-правового анализа становления уголовных наказаний, связанных с принудительным трудом, в России; изучению опыта зарубежных государств в части законодательной регламентации назначения и исполнения уголовных наказаний, связанных с принудительным трудом; разработке предложений по совершенствованию законодательства, регламентирующего принудительные работы как вид уголовного наказания [3].

Принудительные работы выступают аналогом существовавшего начиная с 60-х годов прошлого столетия на территории нашей страны уголовно-правового института условного осуждения и условного освобождения с обязательным привлечением осужденного к труду, показавшего достаточно высокую эффективность, в частности в достижении целей специальной превенции наказания [4].

В этой связи хотим обратить наше внимание на исследование, которое проведено И.Л. Зиновьевым [5], отвечающее на многие, обозначенные нами аспекты проблемы, отметив, что некоторые обстоятельства нуждаются в корректировке.

Начнем с сущностных характеристик наказания в виде исправительных работ, которые даны автором в плане ограничительных признаков [6]. Отметим, что важнейшим правоограничением, определяющим содержание альтернативных наказаний, связанных с трудовым воздействием, выступает ограничение трудовых прав осуждённого.

По справедливому замечанию И.Л. Зиновьева, необходимость развития системы наказаний, установленных уголовным законом определяется в первую очередь тем, что большую часть осуждённых, отбывающих наказание в местах лишения свободы, составляют трудоспособные граждане, большей частью без определённых занятий, совершающие преступления в состоянии алькогольного или наркотического опьянения, ведущие паразитический образ жизни. Применение лищения свободы не может обеспечить достижения целей уголовного наказания и создаст ряд препятствий социально-экономического характера [7].

Мы солидарны с мнением профессора С.В. Максимова, что вывод о том, что эффективное исполнение принудительных работ на изолированных участках, функционирующих как исправительный центр, возможно только при колониях-поселениях, ставит вопрос о возможной избыточной дифференциации видов наказаний, суть которых выражается в ограничениии свободы в различных фомах.

Безусловно, дискуссионным остаётся вопрос о строительстве исправительных центров либо создании изолированных участков при колониях-поселениях, функционирующих как исправительные центры, только в регионах с благоприятной ситуацией на рынке труда. Даже

если представить себе существование подобных оазисов, это противоречит важнейшему принципу отбывания данного вида уголовного наказания по месту жительства осужденного.

В одном из положений, выносимых на защиту, указывается на нецелесообразность назначать принудительные работы ВИЧ-инфицированным и больным СПИДом лицам. Как следствие, в работе предлагается соответствующая редакция ч. 7 ст. 53-1 РФ. Полагаем это предложение дискуссионным, поскольку в ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 30 марта 1995 № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» указано, что «не допускаются увольнение с работы, отказ в приеме на работу, отказ в приеме в организации, осуществляющие образовательную деятельность, и медицинские организации, а также ограничение иных прав и законных интересов ВИЧ-инфицированных на основании наличия у них ВИЧ-инфекции».

В заключение отметим, что не лишним стало бы наполнение исследования статистическими данными о практике применения в зарубежных странах наказаний аналогичных принудительным работам, предусмотренным УК РФ.

Литература

1. Bikkinin I.A., Poezzhalov V.B. Corruption counteraction: strengthening of criminal reprisal or decriminalization? // In the World of Scientific Discoveries, Series A. 2013. Volume 1, Number 1, pp. 21-28.

2. АксеновС., АмировР.З., АхмедовР.М., БиккининИ.А., КузнецовИ.А., МихайловМ.В., МотинС.В., МурсалимовК.Р., МухаметшинФ.Б., РахимовР.А., УсмановН.М., ФилипповО.А., ХабибулинА.Г., ЧащинО.В., ЯловегаВ.Н., ЯхинаЮ.Х.Теориягосударстваиправа / Под редакцией Ф.Б. Мухметшина. Уфа, 2005. - 242 с.

3. Долгополов К.А., Особенности уголовной ответственности и назначения наказания несовершеннолетним. Ставрополь,2006. С.144.

4. Биккинин И.А., Долгополов К.А., Зырянов В.Н., Саруханян А.Р. Назначение наказания несовершеннолетним и освобождение их от него: теоретические, законотворческие и правоприменительные аспекты: монография. -Ростов – на - Дону, 2016. – 168 с.

5. Зиновьев И.Л. Уголовное наказание в виде принудительных работ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. - 29 с.

6. Долгополов К.А., Принципы назначения уголовного наказания. Современное право. 2011. № 12. С. 98-100.

7. Zagitov A. U., Bikkinin I.A., Ishkildin G.R.THE ISSUES OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF FORCED LABOR // Applied and Fundamental Studies : Proceedings of the 11th International Academic Conference. May 20-21, 2017, St. Louis, USA. Science and Innovation Center Publishing House, 2017. pp. 264 – 267.

УДК 34

ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ В «ШКОЛЕРОСАТОМА»
LEGAL BASIS OF FORMATION OF PROFESSIONAL MOTIVATION «ROSATOM'S COOL»

Ивченко Е.В., Волгодонский инженерно-технический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», начальник отела профориентации и связям с общественностью, кандидат политических наук

Ivchenko E.V., Volgodonsk Engineering Technical Institute the branch of National Research Nuclear University «MEPhI», Department of Professional Guidance and Public Relations

e-mail: *ivchenkoev2006@yandex.ru*

Железнякова А.В., Волгодонский инженерно-технический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», начальник центра менеджмента качества, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин

Zheleznyakova A.V., Volgodonsk Engineering Technical Institute the branch of National Research Nuclear University «MEPhI», Department of Economics and socio-humanitarian disciplines, head of quality management center

e-mail: *AVZheleznyakova@mephi.ru*

Чабанова Н.И., Волгодонский инженерно-технический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», старший преподаватель кафедры математика

Chabanova N.I., Volgodonsk Engineering Technical Institute the branch of National Research Nuclear University «MEPhI», senior teacher of the department of mathematics

e-mail: *nich@inbox.ru*

Аннотация: В статье выделены юридические основы и обоснована необходимость создания интеллектуальной среды в вузе как фактора успешности программы развития профессиональной мотивации и карьерного становления будущего специалиста на различных уровнях обучения.

Annotation: Formulated legal basis and proved the necessity of creation of intellectual Wednesday in University as a factor in the success of the program for the development of professional motivation and career formation of future specialists at various levels of education.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, информационное общество, интеллектуальная среда.

Key words: professional self-determination, information society, intellectual Wednesday.

Политический курс современной российской власти взят на формирование интеллектуального ресурса нации, который должен обеспечить успех ее лидерства в информационной экономике. С этой целью Президент В.В.Путин подписал указ об

утверждении «Стратегии развития информационного общества в России на 2017-2030 годы», реализующей стремление власти к максимальному использованию отечественных технологий в сфере информационной безопасности, что регулируется Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Претворение в жизнь данной стратегии, требует планирования и организации подготовки кадров, научной интеллигенции в сфере инженерного труда, аналитики и финансов, начиная с системы довузовского образования, в старших классах средней школы, в учреждениях средне-специальной подготовки.

Чтобы обеспечить успешное вхождение молодых специалистов в информационно-экономическое пространство в современных условиях, необходимо предварительно сформировать устойчивую мотивацию к профессиональной деятельности и карьерному росту, что требует длительного и непрерывного воздействия на учащуюся молодежь со стороны профессионального и педагогического сообщества, а также определено нормами Федерального Закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ в Главе 8, в статьях 68-69.

В настоящее время есть множество достаточно эффективных площадок формирования будущих специалистов, которые планируют свою деятельность в рамках средней школы и дошкольных учреждениях, ведут спланированный комплекс мероприятий по трудовому самоопределению учащихся старших классов. Так, на официальном сайте государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» [1] представлена программа работы «Школы Росатома», которая нацелена на поддержку и распространение инновационных моделей в сфере общего образования, «стимулирование развития культурно-образовательных сред для формирования инновационного поведения юных граждан России (в том числе талантливой молодежи), стимулирование внедрения новых финансово-экономических механизмов развития инновационного потенциала общеобразовательных учреждений, развитие цифровых форматов взаимодействия» [2].

Проект «Школа Росатома», реализуемый с 2011 года, объединил 21 город-участник по территориям расположения предприятий атомной отрасли, в том числе в Ростовской области (г.Волгодонск). В каждом городе были созданы экспериментальные площадки, реализующие важнейшие инициативы Проекта по трем содержательным линиям: 1) обновление педагогических технологий в общем и дошкольном образовании в соответствии с требованиями ФГОС ступеней общего образования и в дошкольном образовании путем проведения масштабной конкурсной программы, а затем обустройством сети площадок для стажировок на базе эффективного опыта победителей конкурсов; 2) поддержка и систематизация работы в муниципалитетах по выявлению, сопровождению и развитию талантливых детей; 3) включение педагогических и руководящих работников общеобразовательных и дошкольных образовательных организаций в проектирование моделей и механизмов модернизации образования путем их участияв научно-педагогических семинарах, зарубежных стажировках.

Особенностью вышеперечисленных организационных линий проекта является принцип создания интеллектуально-творческой профессиональной среды, актуализирующей потенциал всех участников проекта. Именно создание интеллектуальной среды обеспечивает эффективность и результативность сопутствующего комплекса мероприятий. Поэтому

особенное внимание уделяется научному исследованию и методологическому обоснованию подходов к ее созданию.

Анализируя широту и глубину проникновения имеющих свою правовую основу информационных технологий в сферу высшего образования, приходится констатировать, что ее исключительная роль в формировании личности будущего специалиста должна быть прагматично скорректирована, прежде всего, нормами доступа к информации (см. Ст.8 ФЗ №149 от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации), а также правом «осуществлять поиск и получение любой информации в любых формах и из любых источников», отраженным в ст.8п.1 ФЗ № 149.

Важно понимать (и это находит свою фиксацию в ряде современных нормативно-правовых актов) ведущую цель и пользу «эксплуатации» информационных технологий для обеспечения конечного продукта, в качестве которого выступает специалист – личность, обладающая достаточным уровнем развития личных и профессиональных компетенций для производства общественных благ. Причем в условиях конкурентной борьбы производство и, в особенности, потребление этих благ начинает зависеть от эффективности используемых технологий по доступу к разнообразным ресурсам. Законодатель стимулирует использование информационных ресурсов для извлечения определенной пользы, что и становится краеугольным принципом в функциональном назначении самой информационной среды, которая развивается согласно логике «заказа». Таким образом, доступность к информационной среде еще не гарантирует получения благ, а лишь актуализирует потребность в овладении технологиями ее использования, которые, прежде всего, требуют серьезной интеллектуальной подготовленности.

Интеллектуальная готовность специалиста к профессиональной деятельности в современной информационной среде подразумевает не просто владение навыками компьютерной работы, но и умение выстраивать стратегию и тактику поиска профессионально значимой информации, а также наличие способностей к ее аналитическому использованию, что и обусловливает необходимость развития многообразных когнитивных качеств личности, которые во многом стимулируются соответствующими условиями среды. Точнее, именно интеллектуальная среда, созданная в процессе образования будущего специалиста, является непременным условием развития его интеллектуальной культуры, т.е. ценностно-смысловых, ментальных, поведенческих установок, задающих общую направленность профессионального роста личности в информационном пространстве. Таким образом, создание интеллектуальной среды в постиндустриальном обществе является важнейшим требованием институционализации процессов обучения и образования специалиста, прежде всего, на уровне высшей школы.

Высшее образование, развиваемое на новых, меняющихся правовых основах, сегодня занимает главенствующее место в иерархии социальных сфер по обеспечению интеллектуализации всех социально значимых практик и технологий, включая инновационную экономику. А это значит, что обучение инновационной деятельности будущего специалиста происходит теперь только в условиях развитой интеллектуальной среды и перед высшей школой возникает непростая задача разработки методов создания этой среды, организации системных связей взаимодействия с ней всех субъектов обучения.

Понятие «интеллектуальная среда», к сожалению, чаще всего, используется для характеристики информационных технологий обучения, что существенно сужает его смысл и значение. В этом случае речь идет о применении интеллектуальных информационных технологий организации учебного процесса по дисциплинам, в основе которых лежат информационные технологии в различных формах обучения [3]. По отношению к такой цели обучения разрабатывается интеллектуальная инструментальная среда поддержки информационных технологий учебного процесса, повышающая степень интеллектуализации автоматизированных средств обучения, вплоть до перехода на дистанционную платформу образования. Средством достижения указанной цели является системная интеграция информационных и Internet-технологий, под которыми понимают целенаправленное объединение существующих и/или разрабатываемых информационных проектов в целостную систему, обеспечивающую непрерывность учебного процесса. В общем, это техническая задача объединения информационных объектов, повышающих эффективность инструментального программного обеспечения процессов обучения, и использования Internet-технологий для создания «интеллектуального образовательного пула» на сайте учебного заведения.

Однако, образовательная среда в том формате, в котором она уже существует в вузах, еще не является достаточным и необходимым условием формирования интеллектуальной готовности будущего специалиста, поскольку она не регламентирует процесс создания творческого интеллектуального продукта. В общем, «образовательная среда» функционально предназначена для получения доступа к учебной, методической и научной информации, что обусловлено требованиями ФЗ № 273 от 29.12.2012 «Об образовании в РФ», изложенными в ст.18п.1. в части «обеспечения реализации образовательных программ» средствами электронного доступа «к профессиональным базам данных, информационным справочным и поисковым системам, а также иным информационным ресурсам». Понятие же «интеллектуальной инструментальной среды» конечно шире, т.к. оно предлагает участникам создавать интеллектуальный продукт на основе информационных технологий, однако оно так и не получило законодательного (легального) определения, что, разумеется, является одной из ближайших (нормативно-проектных) перспектив.

Можно смело утверждать, что современная высшая школа, не просто участвующая в инновационных процессах социально-экономической жизни российского государства, подготавливающая интеллектуальные ресурсы нации, но и прямым образом влияющая на инновационную активность ее основных субъектов, должна создать особую интеллектуальную среду, формирующую творческую личность. На микроуровне – это интеллектуальная среда в отдельном вузе, в комплексах вузовских учреждений, обладающих педагогическими и научными кадрами, современными информационными базами и электронными библиотеками, развивающими инновационные технологии обучения. Таким образом, люди, отношения между ними и результаты их совместной деятельности образуют совокупность тех (в том числе и правовых) условий, которые принято называть «средой», тогда как *интеллектуальная среда вуза* – это:

- *система отношений субъектов интеллектуально-образовательной деятельности*, в которую входят преподаватели и образованные ими творческие коллективы, занимающиеся научными исследованиями, студенты, обучающиеся навыкам ведения научно-

исследовательской работы, научно-административные кадры, вспомогательный персонал, участвующий в этом процессе;

- *технологии создания интеллектуального продукта,* встроенные в учебный процесс в качестве инновационных педагогических средств обучения и обеспечивающие компетентностную подготовку специалиста, готового к инновационной деятельности в профессиональной сфере;
- *информационные ресурсы* и обширные электронные библиотеки с оперативным доступом к научным знаниям, а также операционные системы, поддерживающие дистанционные формы коммуникации.

Соответственно, можно констатировать, что наличие интеллектуальной среды в вузе как квинтэссенции пространственных связей науки и практики, наиболее эффективно влияет на профессиональное становление личности, формирует устойчивую мотивацию к последующему карьерному росту и обеспечивает оптимальное вхождение специалиста в интеллектуальное пространство информационного общества. Согласимся с Н.И.Юртаевой в том, что «процесс развития профессионально-карьерных ориентаций является оптимальным, если на этапе вузовской подготовки и последующей деятельности, специалист выступает в качестве субъекта сознательного выбора и принятия избранной профессии как приоритетной жизненной ценности. Разработка и осознание студентами карьерных целей, реалистичного планирования своей профессиональной жизнедеятельности в будущем, должны быть основаны на понимании собственной уникальности, с установкой на саморазвитие и реализацию» [4].

Со своей же стороны, отметим, что система спланированных профориентационных мероприятий только тогда будет отвечать стратегии развития информационного общества в России, когда она будет выстроена в условиях особого пространства, подчиняющего своей «логике» всех участников, начиная с довузовской ступени и заканчивая высшей ступенью – аспирантурой – уровнем подготовки кадров высшей квалификации.

Литература

1. Официальный сайт Госкорпорации «Росатом» [Электронный ресурс] – Режим доступа:http://www.rosatom.ru– свободный. Дата обращения к ресурсу 19.06.2017 г.

2. Официальный сайт «Школа Росатома» [Электронный ресурс] – Режим доступа:http://rosatomschool.ru/celi-i-zadachi/– свободный. Дата обращения к ресурсу 19.06.2017г.

3. Кафтанников И.Л. Технология повышения степени интеллектуализации при организации компьютерного образования / И.Л.Надточий, И.Л.Кафтанников // Труды Международной конференции. IEEE International Conference on Advanced Learning Technologies, 9-12 сентября 2002. Казань, 2002. С.397-401.

4. Юртаева Н.И. Управление карьерными ориентациями в профессиональном развитии студентов инженерного вуза / Н.И.Юртаева // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Том 15. № 1. С.300-306.

УДК 343.9

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

PROBLEMATIC PROCEDURAL ISSUES OF APPLICATION OF SPECIAL KNOWLEDGE IN INVESTIGATION OF CRIMES IN THE ECONOMIC SPHERE

Калайдова А.С., Ростов-на-Дону, Ростовский государственный экономический университет (РГЭУ «РИНХ»), профессор кафедры судебной экспертизы и криминалистики, к.ю.н., доцент

Kalaidova A.S., Rostov-on-don, Rostov state economic University (Rostov state University "rinkh)", Professor of the Department forensic expertise and criminalistics, doctor of law.N., associate Professor

e-mail: *calaidova2009@yandex.ru*

Семенцова И.А., Ростов-на-Дону, Филиал ЧОУ ВО «МУ им. С.Ю.Витте» в г.Ростове-на-Дону, доцент кафедры уголовного права и процесса, кандидат юридических наук, доцент

Sementsova I.A., Rostov-on-don, a Branch of CHOW IN "MU them.With.Yu.Witte" in Rostov-on-don, associate Professor of criminal law and process, candidate of legal Sciences, associate Professor

e-mail: *Irina_semen@indox.ru*

Аннотация: в статье авторы отграничивают ревизионную и экспертную деятельностьпри расследовании преступлений в экономической сфере и обосновывают позицию относительно законодательного закрепления их разграничения.

Annotation: the authors delimit the audit and expert activities in the investigation of economic crimes and justify a position regarding legislative recognition of their differentiation.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство; экономические преступления; судебно-следственная практика; специалист-криминалист; судебная экспертиза; ревизия.

Key words: criminal procedural law; economic crimes; judicial-investigatory practice; specialist forensic; forensics; audit.

В настоящее время степень проникновения преступности в сферу экономических отношений достигла уровня, который представляет реальную угрозу национальной безопасности. Для эффективного расследования преступлений в данной сфере необходимо применение специальных знаний, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством.

Практика показывает, что «70% следователей постоянно обращаются за консультациями к сведущим лицам, к которым относятся эксперт, специалист, переводчик, ревизор и др. [1], 20% следователей предпочитают самостоятельно решать вопросы, требующие специальных познаний, 10% - действуют по ситуации» [2].

В соответствии со ст., ст. 58, 168 УПК РФ [3] специальные знания при расследовании преступлений могут быть получены путем привлечения специалиста к производству следственных и судебных действий. При этом знания и навыки специалистов используются для содействия в обнаружении, фиксации и изъятии предметов и документов, применения технических средств, оказания помощи в постановке вопросов эксперту, разъяснения сторонам и суду вопросов, которые входят в его профессиональную компетенцию.

В судебной и следственной практике широко используются разные виды экспертиз. Зачастую следователь по имеющейся в документации информации, даже при наличии ревизионных и других проверочных материалов не имеет возможности без специальных знаний выявить все факты, которые криминалистически значимы для дела. То есть необходимо использовать знания и навыки эксперта, например, бухгалтера.

По финансовым преступлениям обычно проводятся экономические, финансово-экономические, бухгалтерские, налоговедческие, и другие виды экспертиз. В практике расследования часто возникают сложности постановки вопросов в ходе назначения того или иного вида экспертиз.

Под термином «экономическая экспертиза» в криминалистике подразумевается то, что на разрешение эксперту может быть поставлен любой экономический вопрос. Однако спектр постановочных вопросов настолько широк, что в целях методического обеспечения целесообразно сгруппировать их в зависимости от области экономических знаний. Это позволит более эффективно проводить специализацию экспертов, развивать необходимые познания в соответствующей области, и как следствие, в перспективе постепенное разделение экономической экспертизы на другие виды.

Судебно-бухгалтерская экспертиза представляет собой процессуально-правовую форму применения специальных бухгалтерских знаний с целью получения источника доказательств по расследуемым экономическим преступлениям. В процессе производства экспертизы анализируется финансово-хозяйственная деятельность предприятий различных форм собственности. Объектом исследования являются хозяйственные операции, получившие отражение в первичных бухгалтерских документах, учетных регистрах и формах отчетности.

Зачастую при расследовании уголовных преступлений, например, в сфере жилищно-коммунального хозяйства, возникает необходимость в проведении документально-бухгалтерской ревизии до назначения судебно-бухгалтерской экспертизы, поскольку «ревизор при производстве ревизии может использовать методы как документальной, так и фактической проверки учетных данных, а значит, проводить, например, один из действенных методов фактической проверки – инвентаризацию» [4]. Эксперты при отсутствии результатов инвентаризации, часто не имеют возможности проведения судебно-бухгалтерской экспертизы и сами ходатайствуют перед следователями о назначении ревизии, в рамках которой возможно получить эти данные.

Основными проблемами использования документально-бухгалтерской ревизии в ходе расследования уголовного дела о преступлении в сфере жилищно-коммунального хозяйства являются отсутствие процессуального порядка ее проведения, сбора доказательств, получения и использования результатов, процедурные вопросы назначения и производства, а

также процессуальный статус ревизора. Поэтому следователи привлекают к расследованию уголовных дел ревизоров в качестве специалистов, что также порождает немало вопросов.

С.П. Голубятников [5] отмечает, что в действующем законодательстве не решен вопрос о порядке использования акта ревизии в качестве доказательства по уголовному делу. Некоторые специалисты-ревизоры указывают на то, что составленные ими справки не приобщаются к уголовному делу, а легализуются путем проведения экономической экспертизы. Считаем неоправданным дублирование результатов ревизии судебно-бухгалтерской экспертизой.

Считаем, что акт, полученный в результате ревизии в обязательном порядке должен приобщаться к уголовному делу в качестве иного документа. Лицо, осуществляющее расследование уголовного дела обязано ознакомить лиц относительно деятельности, которых проводилось исследование документов, с актом ревизии. При оспаривании выводов специалиста оно принимает решение о назначении судебно-бухгалтерской экспертизы.

В последнее время судебно-следственная практика показывает, что проблемы выявления и раскрытия преступлений в сфере экономической деятельности в форме проведения ревизии постепенно уходит в прошлое, а заменяется необходимостью назначения судебно-экономических и бухгалтерских экспертиз. Это связано, прежде всего, с тем, что суды не всегда признают выводы ревизионных и аудиторских проверок доказательствами. Но следует заметить, что этот путь часто бывает ошибочным. Ведь сами акты проверок являются источниками необходимой криминалистически значимой информации по делу, и в том числе, для проведения той же судебно-экономической экспертизы.

Е.Р.Россинская [6], справедливо замечает, что следует различать, например, проведение ревизии или аудиторской проверки, являющейся формой хозяйственного контроля и судебно-экономической экспертизы. Аудитор и ревизор проверяют все документы, связанные с производственно-хозяйственной деятельностью, в то время как судебный эксперт производит исследования в соответствии с процессуальным законодательством и отвечает на конкретные вопросы следователя и суда. В принципе, лицо, проводящее ревизию, может быть, затем привлечено в качестве эксперта, если оно обладает необходимыми специальными знаниями [7].

Важно, на наш взгляд, предложение о необходимости установления в Уголовно-процессуальном кодексе РФ формы использования специальных познаний, к которым можно относить: оказание технической помощи, консультирование следователя и выдачу справочных данных.

Практика производства экономических экспертиз показывает, что органы, назначающие экспертизу, испытывают затруднения с формулировкой постановочных вопросов эксперту, не знают какой вид экспертизы лучше назначить. Более того, сами эксперты-экономисты часто не могут разграничить вопросы различных видов этих экспертиз. На наш взгляд это обусловлено рядом причин: в настоящее время отсутствует необходимая законодательная база, нет единой четкой формулировки предмета

экономических экспертиз, наукой слабо проработаны вопросы, касающиеся экономической экспертизы.

Объекты финансово-экономической и судебно-бухгалтерской экспертиз типичны и включают в себя, в первую очередь, документацию: договоры, накопительные документы бухучета, книга регистрации хозяйственных операций, баланс предприятия, выписки банка, платежные документы и пр. документы.

Суды зачастую, заменяют производства экспертизы допросом эксперта, чего не должно происходить, поскольку допрос эксперта может иметь место только после производства экспертизы на суде и оглашения своего заключения.

Многолетней является проблема постановки точных и ясных вопросов следователя эксперту. Зачастую ставятся некорректные вопросы, в том числе, с недостаточной четкой формулировкой, а также с отсутствием ссылок на объекты, подлежащие исследованию. Чтобы ответить на все эти вопросы, требуется исследовать всю документацию, т.е. провести проверку финансово-хозяйственной деятельности организации или предприятия, или ревизию. Как показывает судебно-следственная практика, именно постановка подобных вопросов приводит к затягиванию времени, значительному увеличению сроков производства экономических экспертиз.

Поэтому привлечение специалиста к производству следственных и судебных действий достаточно важный момент расследования, при этом используются знания и навыки специалистов для содействия оперативно-следственной группе в обнаружении, фиксации и изъятии предметов и документов. Немаловажна и проблема применения технических средств.

При расследовании уголовных дел следователи сталкиваются с другой серьезной проблемой. Процессуальное законодательство предусмотрело возможность привлечения специалиста-экономиста со стороны. Но здесь необходимо признать, что в настоящее время не существует какой-бы то ни было единой концепции применения следователями, дознавателями и судами различных форм использования экономических знаний.

Сегодня можно лишь говорить о двух основных формах использования экономических знаний при расследовании уголовных дел по экономическим преступлениям: привлечение специалиста или эксперта-экономиста.

Однако следует заметить, что правоохранительные органы, осуществляющие предварительное расследование, часто назначали и продолжают назначать судебные экспертизы в случаях, когда при этом нет никакой необходимости. Это ведет к тому, что безосновательно затягиваются сроки производства по уголовным и гражданским делам, вхолостую используется труд экспертов, затраты на выполнение экспертиз.

В адвокатской практике часто возникает необходимость оценки заключений судебных экспертов. Но, используемые методики для исследования вещественных доказательств, имели гриф «Для служебного пользования», что не позволяло сделать их доступными для ознакомления не только адвокатов, но и обвиняемыми и потерпевшими тоже. Это обстоятельство заставило ускорить процесс стандартизации в области судебно-экспертной деятельности и приведение ее к общим требованиям международного стандарта.

Под неясностью следует понимать нечеткость, расплывчатость ответов эксперта, в результате чего следователь, суд не понимает смысла, сказанного экспертом, или хода его мысли. Неполнота экспертного заключения означает, что экспертом решены не все поставленные перед ним вопросы, либо, не все представленные, в его распоряжение объекты, были исследованы.

Необходимо отметить, что если недостаточная ясность или полнота заключения судебного эксперта могут быть устранены путем допроса эксперта, то назначать дополнительную экспертизу нет необходимости.

Думается, что это положение ч.1 ст. 207 УПК РФ целесообразнее было бы изложить в такой редакции: «Если недостаточная ясность или полнота заключения эксперта могут быть устранены путем допроса эксперта, дополнительная экспертиза не назначается».

При расследовании налоговых преступлений у оперативных и следственных подразделений очень часто возникает потребность в проведении криминалистических исследований различных финансовых документов с целью определения их подлинности. Технико-криминалистическое исследование документов базируется на научно обоснованных методиках и рекомендациях и тесно связанных с последними достижениями физики, химии и ряда других естественных наук.

В криминалистической практике при расследовании налоговых преступлений исследуются самые разнообразные официальные документы. Все они представляют собой, как правило, бланки, заполненные рукописным или машинописным текстом. При расследовании также возникает достаточно много непростых проблем квалификации налоговых преступлений. Во многом они обусловлены динамикой изменения налогового законодательства. А от правильной квалификации налоговых преступлений зависит справедливость и законность реагирования со стороны государства на поведение лиц, уклоняющихся от уплаты налогов. Здесь еще одна проблема, и мы согласны с профессором Е.Р.Россинской, что пока не устранены конфликты между федеральным законом и отраслевым законодательством (УПК РФ, ГПК РФ, и др.) [6] и поэтому необходимо усовершенствование законодательной регламентации о едином Федеральном законе, о судебной экспертизе в РФ [8].

Литература

1. Михайлова, Л.Л. Комплексная судебно-экономическая экспертиза как средство расследования и предупреждения преступлений в сфере предпринимательской деятельности.- М.: Норма, 2008. – 202с.

2. Махов, В.Н. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: дис... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Вадим Николаевич Махов. - М., 1993. – 338с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // Парламентская газета. - № 241-242. - 22.12.2001.

4. Ситдикова, Г.З., Канищева, О.И. Использование специальных бухгалтерских знаний при расследовании экономических преступлений в сфере ЖКХ // Вестник ННГУ. - 2017. - №2. – С.179-183.

5. Голубятников, С.П. Проблемы использования специальных экономических знаний при расследовании преступлений (уголовно-процессуальные аспекты) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2012. - №17. – С.93-97.

6. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. - М.: Норма, 2011. – 668с.

7. Лившиц, Ю.Д., Кудрявцева, А.В. Использование специальных познаний в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. - Челябинск, 2001. – 95с.

8. Материалы VI Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». - М.: Норма, Инфра-М, 2017. – 528с.

УДК 340.15

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ И МЕНТАЛИТЕТ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ
PROFESSIONAL LEGAL CONSCIOUSNESS AND MENTALITY IN THE SOCIO-CULTURAL DIMENSION

Каминская Д.Ю., Таганрог, Таганрогский институт управления и экономики, аспирант кафедры теории и истории государства и права

Kaminskaya D.Y., Taganrog, Taganrog Institute of management and economics, PhD student at the Department of theory and history of State and law

e-mail: *aum.07@mail.ru*

Аннотация: В статье рассмотрены особенности профессионального правового сознания в контексте российской национальной правовой культуры, русского духовного мира.

Summary: in the article the features of professional legal education, in the context of national legal culture, Russian spiritual peace.

Ключевые слова: правовое сознание, правовая культура, правовой менталитет, правовые ценности.

Key words: legal consciousness, legal culture, legal mentality, legal values.

В профессиональном плане трудно спорить с тем, что «чем ближе правовед к юридическому быту своего народа, чем больше он «задет» уникальной его правовой культурой, тем ближе и адекватнее реальной правовой жизни будут его правовые идеи, суждения модели» [1].

В настоящее время очевидной становится неэффективность многих проводимых реформ в сфере государственно-правового строительства, большинства управленческих решений, принятых для российских условий, зачастую без соотношения с содержанием правового сознания и национальным правовым менталитетом. Это приводит к тому, что сегодня наблюдается дестабилизация политической и правовой системы, отторжение индивидов от многих политико-правовых институтов, власти, государства, и как результат – правовой нигилизм, расширение маргинальной среды, увеличение преступности и др.

В условиях, происходящих в современной России перемен, отмечается повышение интереса со стороны российской юридической науки к проблемам национальной культуры как фактора устойчивого развития российской государственности. В связи с этим представляется актуальным акцентирование внимания на преемственности в государственно-правовом развитии российского общества и правовых традициях, формирующих культурно-правовое пространство. Осознание происходящего в правовой жизни сквозь призму правового профессионального менталитета и самобытности русской культуры позволит наиболее всесторонне проанализировать и выявить существующие

закономерности российской государственно-правовой действительности в условиях самоидентификации России как цивилизованной страны.

Неслучайно и то, что сейчас актуален вопрос о влиянии исторических традиций, обычаев, религии, менталитета на динамику профессионального правосознания лиц, занимающих те или иные должности в органах государственной и муниципальной власти. В российском законодательстве происходят серьезные изменения, определяемые внутренними и внешними процессами интеграции и дифференциации сфер социального бытия, расширением либо сужением объема их правового пространства.

В настоящее время динамично меняется российское законодательство, и служащим в органах государственной власти (особенно судьям, следователям, дознавателям и другим лицам, уполномоченным принимать властно-распорядительные решения) приходится перманентно *адаптироваться* к постоянно меняющимся в качественном отношении правоотношениям, что, безусловно, требует от них определенной гибкости, пластичности правового сознания и правового мышления.

В целом же, для постсоветского государства характерна определенная бинарная ситуация. С одной стороны, и система образования, и семейное воспитание, и государство заинтересованы в воспроизведении стандартных культурных образцов. С другой стороны, поступательное развитие современного мирового сообщества (и соответствующая ориентировка российской правовой системы) априорно признает высшим социальным принципом приоритеты свободы в становлении личности и направляет свой научный интерес на изучение возможности расширения сфер свободы в социальной практике.

Это системное противоречие характерно не только для данного периода социокультурного развития России. В стабильных обществах современности это противоречие также существует, но оно не столь очевидно и актуально, в периоды же революционных перемен оно выходит на первый план, как вечное противостояние традиций и инноваций.

В настоящее время в России наблюдается некий «кризис ценностей, разрушение нравственных основ, размывание критериев добра и зла, потеря идеалов в российском обществе» [2], что детерминирует необходимость изучения духовных констант русского менталитета, оснований стабильности и устойчивости русской культуры. Обращение к самобытности русской культуры имеет принципиальное значение для осознания смысла российской цивилизации и особенностей ее дальнейшего развития.

Русские правоведы обосновывали право религиозно-нравственными ценностями, многократно усиливая правовую мотивацию поведения человека. Национальное правосознание и народный дух рассматривались ими как источники права только в пределах их православной истинности и симфоничности с христианскими заповедями. Так, русский философ «серебряного века» С. Булгаков отводит нравственным основам православия особую роль в формировании духовного климата в обществе: «…вместо служения похоти и сребролюбию обратить к служению высшим целям человечества и христианской любви» [3].

В этой связи задачей православия, считает философ – священник, является проповедь социального христианства, участвующего в повседневной жизни общества и оплодотворяющего ее своими ценностями [3].

Таким образом, в работах российских философов и правоведов были заложены основы поиска истоков отечественного права и его смысла в русском народном духе и культуре, славянской самобытности. К чести отечественных правоведов необходимо отметить, что они сделали сложную проблему национального менталитета и русской культуры предметом глубокого исследования, по большей части, не впадая в крайности истерического, демагогического национализма или отрицания национальной самобытности.

Исследование основ профессионального правосознания в контексте отечественной культуры, необходимо сформулировать определение понятия профессионального правового менталитета: профессиональный правовой менталитет представляет собой устойчивую систему, представляющую собой глубинный уровень симбиоза национальной культуры народа и профессионального правового сознания, носителями которого являются юристы и которое детерминированно особенностями правового воспитания, юридического образования и правового регулирования.

Воспринимая менталитет в качестве ядра, основы, условия и гаранта самобытности отдельной культуры, А.А. Гирко выделяет два его структурных компонента [4]:

1) *базовый* компонент (или, используя терминологию Ж. Дюби, «темницы постоянного времени»[5]), к которому следует отнести черты и свойства, характерные для данной социокультурной общности на протяжении всей истории ее существования. В этот компонент русского менталитета входят, например, терпение, жертвенность, милосердие, которые могут проявляться в самых разных сферах общественной и духовной жизни человека, в частности в моральных и правовых отношениях.

2) *периферийный* компонент, или «социальный отклик» (по И. Мостовой [6]), под которым необходимо понимать реакцию определенной социокультурной общности на те или иные крупные события (например, попытки современной модернизация российского общества), и которая отличается длительностью исторического существования на некотором социокультурном пространстве.

Такой подход к структуре менталитета дает возможность понять объективность сосуществования «тезиса – антитезиса» в менталитете любого народа. Один из них (базовый компонент) есть более раннее порождения, а другой (периферийный) – возник в более позднее время.

Заметим, что в русской культуре менталитет представляет собой синтез различных элементов: языческого наследия, православия, азиатского влияния и советской культуры. Это обуславливает наличие взаимоисключающих свойств русского национального менталитета: иррационализм, общепризнанная стихийность, преобладание образных форм мышления над понятийными.

В 1990-е годы произошла ломка традиционных для советского периода форм сознания. Лидирующие позиции завоевывает современная западная точка зрения, представляющаяся многим авторам как более «адекватная» и «прогрессивная», а именно та, согласно которой формы национального менталитета отражают не застывшую «естественно-историческую» реальность, а являются мыслительными инструментами социального конструирования [2].

Вообще русской культуре характерна парадигма культурного взрыва, периодическое крушение ценностно-смысловой системы, которое имело место в начале и конце XX века. Историческое развитие через взрыв и скачок - характерная для России особенность цивилизационного процесса. В настоящее время капитализация России, кризис культурной идентичности русских коренным образом меняет культурную семантику и социальную организацию русской цивилизации. Подобный кризис культуры отмечается состоянием, при котором человеческая деятельность сознательно либо бессознательно продуцирует новые формы реальности, не обеспечивая при этом эффективной адаптации к ним.

В настоящее время происходит ломка культурной основы русского менталитета, выражающееся в наполнении ключевых понятий культуры противоположными смысловыми оценками. Попытки модернизации менталитета приводят к осуществлению такого синтеза форм, который ведет к разрыву со всем культурным наследием прошлого, выступая как последовательное отрицание. Попытки изменения нравственно-ментальных установок личности детерминирует перестройку всей системы ценностей, что подразумевает ломку культурной традиции. Происходит кризис социальных установок и ценностных ориентаций личности.

Подобный кризис затрагивает все социальные слои общества, а особенно этот печальный факт актуализируется в ломке системы традиционных ценностей у представителей профессиональной правовой элиты (должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления, сотрудников право-охранительных органов, судей, адвокатов).

В результате подобного преломления возникает такой правовой феномен, как профессиональный правовой менталитет. *Профессиональный правовой менталитет должностных лиц органов государственной власти* можно определить как сбалансированное состояние свойств и характеристик национального менталитета, правосознания, нравственности и интеллектуального развития. Однако это модель, которая, как известно, всегда идеальна. На практике же встречается множество ее искажений – от неполноты правовых знаний до жестких преступных установок, когда должностное лицо органов государственной власти использует свой опыт и служебные возможности для сокрытия собственной преступной деятельности, организации системы коррупции и др.

Очевидно, столь негативные проявления нельзя назвать «профессиональным правовым менталитетом» в строгом смысле. Следует оперировать более точным понятием, а именно «деформации профессионального правового менталитета». Под деформациями профессионального правового менталитета подразумеваются такие отклонения от его сбалансированной модели, при наличии которых необходимые профессиональные качества сотрудника государственного органа направлены на разрушение устоявшихся отношений, нормального функционирования того или иного института.

Деформации правосознания в переживаемый Россией переходный период развития общества возникают вследствие рассогласования потребностей и интересов, ценностных ориентации и установок, норм и традиций, сознательных правовых образов субъектов правовых отношений. На наш взгляд подобные деформации детерминированы прямолинейной, без учета самобытности русской культуры, модернизацией (можно даже

сказать вестернизацией) российской государственности. Что и влечет рассогласованность ценностных ориентаций и установок, заложенных в базовом менталитете самобытностью русской культуры, и внедрением прозападного образа жизни.

Литература

1. Баранов П.П., Овчинников А.И. Актуальные проблемы теории правосознания и правового мышления / П.П. Баранов, А.И. Овчинников, - Ростов н/Д, 2006. С. 143

2. Мурунова А.В. Социокультурные детерминанты русского менталитета. автореф. дис… канд. философ. наук: 09.00.11. / Анна Васильевна Мурунова. - Н. Новгород, 2005. – 27 с. С. 3

3. Булгаков С.Н. Православие / С.Н. Булгаков, - М., 1991. с. 356

4. Гирко А.А. Влияние российского менталитета на правовое сознание граждан в современных условиях: автореф. дис… канд. философ. наук: 09.00.11 /Александр Александрович Гирко. - Ставрополь, 2006 – 25 с.

5. Дюби Ж. Европа в средние века /Ж. Дюби, - М., 1992

6. Мостовая И. Архетипы и ориентиры российской ментальности // ПОЛИС. – 1995. - № 4. – С. 35-42.

УДК 620.91+470.620+34

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЯ КАК ВИДА СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА[1]

THE LEGAL REGULATION OF ENERGY CONSERVATION AS A FORM OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP

Камышанский В.П., Краснодар, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, зав. кафедрой гражданского права, доктор юридических наук, профессор

Kamyshanskii V.P., Krasnodar, Kuban state agrarian University named after I. T. Trubilin, head. the Department of civil law, PhD, Professor

e-mail: *vpkam@rambler.ru*

Диденко А.А., Краснодар, ЗАО «Кубаньстройпроект», юрист, кандидат юридических наук

Didenko A.A., Krasnodar, CJSC "Stroyproekt", lawyer, candidate of legal Sciences

e-mail: *Asya.didenko@yandex.ru*

Кусаинова А. Республика Казахстан, Астана, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, зав. кафедрой гражданского и экологического права, кандидат юридических наук, доцент

Kusainova A. The Republic of Kazakhstan, Astana, Eurasian national University named after L. N. Gumilev, head. the Department of civil and environmental law, candidate of legal Sciences, associate Professor

e-mail: *aiman_kusainova@mail.ru*

Аннотация: Энергоэффективность является ключом к обеспечению безопасной, надежной, доступной и устойчивой энергетической системы любой социальной общности в будущем. Она является самым быстрым и наименее затратным способом достижения энергетической безопасности, разрешения экологических, социальных и экономических проблем. Энергосбережение рассматривается как разновидность социального предпринимательства и социально-правовой механизм его регулирования. В статье проанализированы предпринятые попытки законодательного регулирования государственных мер поддержки данного вида предпринимательской деятельности, а также предложены правовые формы негосударственной поддержки энергосбережения.

Annotation: Energy efficiency policies are becoming a key part of the global energy market. Energy efficiency is the key to ensuring a safe, reliable, affordable and sustainable energy system for the future. It is the quickest and least costly way of addressing energy security, environmental and economic challenges. The article considers the concept of «energy efficiency»as a new element

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Краснодарского края, проект «Социально-правовые механизмы обеспечения энергосбережения: на примере Краснодарского края» № 17-13-23006.

of entrepreneurial activity in Russia. The author gives emphasis to the lack of legal regulation of energy efficiency as the social entrepreneur-ship business and peculiarities of the development of this kind of business in modern conditions.

Ключевые слова: энергосбережение, энергетическая эффективность, социальное предпринимательство, бизнес в социальной сфере, социальный предприниматель, социально-ответственный бизнес, правовое регулирование.

Keywords: energy saving, energy efficiency, social entrepreneurship, business in the social sphere, social entrepreneur, socially responsible business, legal regulation.

Энергосбережение, энергоэффективность и вопросы использования возобновляемых источников энергии стали предметом научных исследований сравнительно недавно, о чем свидетельствуют как разработки современных ученых. Во многом значительный рост интереса к указанным проблемам обусловлен тенденцией поиска оптимальных путей рационального использования природных ресурсов и совершенствования современной экономики России. Сегодня политика энергоэффективности лежит в основе общей стратегической направленности развития энергетической отрасли, поддерживается Правительством РФ и международным организациям.

В сложившихся социально-экономических условиях главной целью юридической науки является разработка концептуальных идей, направленных на последующее формирование законодательной базы, регулирующей отношения в области энерго-сбережения, энергоэффективности и использования возобновляемых источников энергии. Практическим аспектом данной научной деятельности должно выступать создание действенных механизмов правового регулирования отношений в сфере производства и потребления энергии, создание механизмов стимулирования энергоэффективности путем признания энергосбережения особым видом социального предпринимательства. Научные разработки в исследуемой области также способствует обмену знаниями между всеми заинтересованными сторонами на основе проведения совместных исследований и работ для поддержки энергоэффективных программ на ключевых мировых форумах и конференциях.

Энергосбережение в самом общем понимании можно охарактеризовать как целенаправленную и последовательную *деятельность по уменьшению расходов на производство, передачу, хранение и объемов потребления энергии при устойчивом увеличении производства и расширении сети потребителей*[1]. Энергосбережение это также деятельность, связанная с уменьшением имущественных затрат при использовании традиционных источников энергии и общего объема их использования, а равно деятельность по увеличению использования альтернативных источников энергии[2, 3].

В рамках данной статьи определенный интерес представляет изучение энергосбережения как определенного вида предпринимательской деятельности в контексте *концепции развития социального предпринимательства*, разработанной и внедренной в настоящее время учеными, занимающимися проблемами предпринимательского права [4, 5].

Действующее гражданское законодательство закрепляет легальное определение понятия «предпринимательская деятельность» (абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ). Однако помимо этого в судебной практике уже давно укоренился подход, согласно которому для квалификации таких действий, как предпринимательская деятельность, необходимо исследовать содержание понятия «деятельность» и характер совершаемых действий; квалификацию деятельности, осуществляемой для собственных нужд; реальность осуществления деятельности; цели деятельности, состоящие в создании товара для введения в оборот и получения прибыли и др.[6]

В итоге некоторые авторы приходят к выводам, что содержание ст. 2 ГК РФ не может рассматриваться как определение предпринимательской деятельности. Она только устанавливает, какая часть предпринимательской деятельности регулируется ГК РФ[4, 7, 8]. Таким образом, понятие предпринимательской деятельности является межотраслевым, а при формировании понятия энергосбережения, как вида предпринимательской деятельности, носящей социальный характер, должны применяться как частноправовые, так и публично-правовые подходы.

Энергосбережение как деятельность по реализации энергии (производство, передача, хранение и потребление энергии) это, прежде всего, определенный *вид экономической деятельности*. Деятельность является наивысшим уровнем человеческого поведения и представляет собой активную, целенаправленную систему действий и поступков. С этих позиций предпринимательскую деятельность в области энергосбережения нельзя ограничивать исключительно конкретными фактическими действиями по энергосбережению. Представляется, что ее социальная сущность намного глубже и составляет совокупность последовательных действий, объединенных единой *целью – достичь энергоэффективности* в процессе производства товаров, выполнении работ или оказании услуг за счет последовательного решения задач по созданию, внедрению и введению в коммерческий оборот новейших энергосберегающих технологий, альтернативных источников энергии, увеличив при этом рост производства энергии, расширив сеть потребителей, сохранив благоприятную среду для жизнедеятельности будущих поколений.

По мнению Международного Энергетического Агентства (далее – МЭА[2]) преимущества энергоэффективности выходят далеко за рамки простого сокращения спроса на энергоресурсы. В исследовании, опубликованном МЭА раскрыты взгляды ученых о, так называемых, «скрытых топливных ресурсах». Одновременно МЭА показывает, как энергоэффективность влияет на стимулирование экономического роста, активизации социального развития общества, продвижения экологической устойчивости, обеспечения энергетической системы безопасности в целом. Таким образом, по данным МЭА энергоэффективность имеет потенциал, чтобы стимулировать экономический рост при одновременном снижении спроса на энергоносители. Но, несмотря на жизненно важную роль, которую может сыграть энергоэффективность, оценки МЭА предполагают, что в

[2] Международное энергетическое агентство является независимой организацией, которая работает для обеспечения надежной, доступной и чистой энергии для 29 стран-членов и за его пределами.

соответствии с действующим в развитых странах законодательством, две трети экономически целесообразного потенциала энергосбережения, доступного в период до 2035 останется нереализованным[9].

В новейшем учебнике по предпринимательскому праву энергосбережение понимается, как реализация организационных, правовых, технических, технологических, экономических и иных мер, направленных на уменьшение объема используемых энергетических ресурсов при сохранении соответствующего полезного эффекта от их использования (в том числе объема произведенной продукции, выполненных работ, оказанных услуг) [10]. Основное отличие социального предпринимательства от обычного представления о предпринимательской деятельности связано с таким свойством, как акцентированность на «целенаправленное решение одной или нескольких разделяемых в обществе социальных проблем» [11].

Классическая идеология *социального предпринимательства* как деятельности, направленной на решение социальных проблем с использованием инновационных методов и технологий, в настоящее время, по мнению одного из ведущих специалистов в данной области Я.С. Гришиной, уже вышла за рамки традиционного его понимания. В настоящее время социально ориентированная предпринимательская деятельность приобретает новый уровень осмысления как межсекторного взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества в решении различных социальных проблем с использованием инновационных технологий, правовое обеспечение которых осуществляется гармоничным воздействием частного и публичного правового инструментария[12].

Именно в этом заключается идея о том, что бизнес должен соблюдать баланс между деятельностью по извлечению прибыли и деятельностью, которая приносит пользу обществу. Прибыль это уже не арифметическая разница между доходами и затратами. Западное бизнес сообщество давно осознает, что решение экологических и социальных проблем может создать новые возможности для бизнеса, которые в последующем могут принести пользу и экономике и обществу. Это одна из основных философий устойчивой деловой практики за рубежом. «Глубоко, философски, мы считаем, что большинство экологических проблем в обществе, существуют, потому что бизнес не считает их решение приоритетной задачей», – говорит Гэри Хиршберг, основатель и генеральный директор компании Stonyfield йогурт. «Наша идея заключается в том, что эти проблемы уйдут, только если бизнес позволяет найти решения приоритетной задачей» [13].

С позиций современной теории социального предпринимательства энерго-сбережение также является социально ориентированной деятельностью, поскольку, в конечном счете, оно направлено на достижение общественно полезных целей, способствующих повышению эффективности энергетической отрасли экономики и способствующей разрешению целого ряда экологических проблем, таких как глобальное потепление, уменьшение выбросов углекислого газа в атмосферу и пр. Выявление и реализация потенциала повышения энергоэффективности способствует экономическому росту высокотехнологичных отраслей экономики, обеспечению социального развития общества, продвижению экологической устойчивости, обеспечению энергетической системы безопасности. С этих позиций социальных эффект предпринимательской деятельности по

энергосбережению заключается в обеспечении энергоэффективности как основного инструмента экономического и социального развития современного общества.

Энергосбережение как вид социального предпринимательства базируется на балансе *частных и публичных интересов*[14] в сфере энергоснабжения. Представляется, что *публичный (социально-значимый) интерес в области энергосбережения* – это признаваемый государством и обеспеченный правом социально-значимый интерес, направленный на постоянное совершенствование эффективного использования существующих возобновляемых энергетических ресурсов, а также стимулирование развития альтернативных источников энергии. Удовлетворение обозначенного интереса выступает условием и гарантией энергетической безопасности государства и общества в целом. Из этого следует, что социально-значимый интерес в основе своей базируется на существовании определенных потребностей общества в целом. Одновременно если социально-значимый публичный интерес относится к общему благу, то частный интерес преследует, в первую очередь, индивидуально-определенные субъективные цели участников отношений в области энергосбережения.

Энергосбережение в качестве разновидности социального предпринимательства также должно выступать действенным инструментом правового механизма энергоэффективности как целостной системы поддержки или стимулирования субъектов предпринимательского права в этой области. Однако на сегодняшний день можно констатировать, что действующие в настоящее время федеральные и региональные нормативные акты [15, 16, 17] в указанной сфере носят, преимущественно, декларативный характер и не содержат целостной системы конкретных организационно-правовых и социальных мер, стимулирующих развитие данного вида предпринимательской деятельности. Дальнейшее совершенствование правового механизма энергоэффективности в Российской Федерации предопределяет принятие специального федерального закона, законов субъектов РФ, способных обеспечить необходимый уровень правовой регламентации данных общественных отношений. В настоящее время учеными уже разработан проект закона «О государственных гарантиях развития социального предпринимательства» [18], который заслуживает положительной оценки. Представляется, что этим законом необходимо четко зафиксировать легальное определение социального предпринимательства, как деятельности направленной на достижение общественно полезных социально значимых целей, способствующих решению крупных социальных проблем. С этой целью необходимо определить примерные перечни социально полезных целей и социальных проблем, разрешение которых должны создать прочную основу социального партнерства в сфере энергосбережения.

Энергосбережение как разновидность социального предпринимательства должно получить особый правовой режим, прежде всего, путем создания механизма, *стимулирующего* такую деятельность. В настоящее время в мировой практике предложено большое количество стимулирующих мер как экономического, так и правового характера, которые могут использоваться в российском сегменте «энергосберегающего бизнеса». В частности, такими правовыми средствами могут служить: льготные кредиты, налоговые

льготы, отсрочки, государственные дотации, субсидии, иные меры материального и морального поощрения.

Как указано в государственной программе Российской Федерации «Энергоэффективность и развитие энергетики» в контексте диверсификации источников энергоснабжения, за возобновляемыми источниками энергии признается важная роль, поскольку их применение разрешает задачи понижения антропогенной нагрузки на окружающую среду и отрицательного влияния на климат, а также позволяет сократить зависимость от не возобновляемых источников энергии [19]. Поэтому ключевой экономической мерой, стимулирующего характера может стать уменьшение имущественных затрат при использовании традиционных источников энергии и общего объема их использования, увеличение использования возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ) в сетевой и распределенной генерации[2, 3, 20].

Государственная поддержка также призвана стабилизировать и улучшить положение этой категории предпринимателей. В частности к основными мерам государственной поддержки энергосбережения можно отнести:

1) стимулирование инвестиционной инновационной деятельности в области энергосбережения;

2) развитие правового механизма нормирования потребления населением энергетических ресурсов;

3) поддержка научно-технического обеспечения создания и внедрения установок по энергосбережению;

4) поддержка в области капитального строительства недвижимых объектов, имеющих высокий класс энергетической эффективности;

5) реализация программ стимулирования производства и продажи товаров, имеющих высокую энергетическую эффективность, для обеспечения их в количестве, удовлетворяющем спрос потребителей, при установлении запрета или ограничения производства и оборота аналогичных по цели использования товаров, результатом использования которых может стать непроизводительный расход энергетических ресурсов.

6) признание за мерами по повышению энергоэффективности характера природоохранной деятельности с установлением соответствующих льгот для юридических и физических лиц, осуществляющих деятельность в области энергосбережения;

7) установление ускоренной амортизации оборудования, используемого в целях энергосбережения;

8) применение критериев энергетической эффективности при размещении государственного (муниципального) заказа [21].

Представляется, что наиболее перспективным направлением в системе государственных мер поддержки в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности можно отнести стимулирование инвестиционной инновационной деятельности в указанной области. А наиболее эффективным правовым механизмом реализации данного направления на сегодня выступает *государственно-частное партнерство*.

Одновременно правовое регулирование энергосбережения как разновидности социального предпринимательства не может исчерпываться одними правовыми стимулами. Эффективное функционирование рассматриваемой предпринимательской деятельности возможно только при формировании правовых ограничений. В.П. Камышанский верно отмечает, что правовые ограничения это совокупность элементов механизма правового регулирования, направленных на установление пределов (границы) дозволенного поведения субъектов. Ограничения же права «позволяют в рамках собственных границ субъективного права очень гибко учитывать и обеспечивать наиболее важные права и законные интересы других лиц и общества в целом. Границы права призваны охранять свободу личности внутри обозначенных пределов»[22]. Следуя данному теоретическому подходу, правовые ограничения в исследуемой области следует понимать как систему взаимосвязанных юридических средств, направленных на обеспечение эффективности энергетической политики государства в области энергосбережения, недопущение злоупотреблений и правонарушений со стороны всех субъектов права, участвующих в отношениях по энергосбережению.

Таким образом, энергосбережение как вид социального предпринимательства, направлено на реализацию энергоэффективности как приоритетной социально-значимой цели такой деятельности. Одновременно правовой механизм обеспечения такой деятельности должен включать в себя как комплекс мер по стимулированию и поддержке таких социально-ориентированных предпринимателей, так и определенные меры, содержащие правовые ограничения. Одновременно считаем, что дальнейшее совершенствование правового регулирования энергосбережения, как вида социального предпринимательства, должно предполагать принятие целого ряда специальных норм, стимулирующих такую деятельность.

Совершенно очевидно, что государственная поддержка социального предпринимательства в области энергосбережения должна осуществляться с целью создания благоприятных условий для производства энергии с использованием альтернативных источников энергии для снижения энергоёмкости экономики и воздействия энергетического сектора производства на окружающую среду и увеличение доли альтернативных источников энергиидля достижения наиболее высокого уровня энергосбережения.

Представляется, что наиболее перспективным направлением в системе государственных мер поддержки в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности можно отнести стимулирование инвестиционной инновационной деятельности. Однако должное развитие данного вида предпринимательской деятельности требует формирование адекватного правового регулирования сложившихся инновационо-инвестиционных отношений в области энергосбережения, определения субъектов такой деятельности, выбора оптимальных договорных форм и методов инновационной деятельности в энергетике. В рамках развития данного направления правового механизма энергоэффективности важная роль должна признаваться за государственно-частным партнерством в исследуемой области как системы, объединяющей различные правовые формы сотрудничества участников энергетических отношений.

Литература

1. Камышанский В.П. Понятие и источники гражданско-правового регулирования энергосбережения / В.П. Камышанский, А.А. Диденко, К.С. Марченко// Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 101. – С. 1428-1440.

2. Ксиропулос С.Г. Правовое регулирование энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии / С. Г. Ксиропулос// Власть закона. – 2010. – № 4. – С. 98-101.

3. Ксиропулос С.Г. О правовом регулировании стимулирования использования квалифицированных генерирующих объектов и роли гражданско-правовых форм / С. Г. Ксиропулос// Власть закона. – 2013. – № 1.– С. 165-168.

4. Барков А.В. Социальная направленность предпринимательской деятельности как правовой принцип / А.В. Барков // Предпринимательское право. – 2016. – № 3. – С. 21-24.

5. Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства: диссертация ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 /Яна Сергеевна Гришина. – М., 2016. – 505 с.– Библ.: с. 460–505.

6. Олейник О.М. Формирование критериев квалификации предпринимательской деятельности в судебной практике / О.М. Олейник // Предпринимательское право. – 2013. – № 1. – С. 2-7.

7. Лескова Ю.Г. Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право/ Ю.Г. Лескова // Юрист. – 2004. – № 9. – С. 11-15.

8. Пьянкова А.Ф. Понятие предпринимательской деятельности в российском и зарубежном праве / А.Ф. Пьянкова // Предпринимательское право. – 2017. – № 1. – С. 18-23.

9. Исследование, опубликованное Международным энергетическим агентством. [Электронный ресурс]. – Режим доступа :URL: https://www.iea.org/newsroom/news/2014/september/energy-efficiency-a-key-tool-for-boosting-economic-and-social-development.html

10. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г.Лахно. – М.: НОРМА, 2017. – 740 с.

11. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / отв. ред. А.А. Московская. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 310 с.

12. Гришина Я.С. Перспективы реализации концептуальной модели правового обеспечения российского социального предпринимательства: концепция Федерального закона «О государственных гарантиях развития социального предпринимательства» / Я.С. Гришина // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2016. – № 1. – С. 34-42.

13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://saylordotorg.github.io/text_the-sustainable-business-case-book/s09-entrepreneurship-innovation-an.html

14. Камышанский В.П. О публичных и частных началах в гражданском праве и конвергенции гражданского права / В.П. Камышанский // Актуальные проблемы частного и публичного права в свете теории конвергенции : сбор. научных статей. – М., 2012. – С. 128-137.

15. Об электроэнергетике: Федеральный закон от 26 марта 2003 № 35-ФЗ в ред. от 28.12.2016 № 508-ФЗ // СЗ РФ. – 2003. – № 13. – Ст. 1177; 2017. – № 1 (Часть I). – Ст. 49.

16. Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 3 марта 2010 г. № 1912-КЗ // Кубанские новости. – 2010. – № 36.

17. Об утверждении государственной программы Краснодарского края Развитие топливно-энергетического комплекса: Постановление Главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 14.10.2013 № 1183 в ред. от 25.12.2013 // Кубанские новости. – 2013. – № 230.

18. Правовое обеспечение деятельности социальных предпринимателей. Обзор № 5 // Банк социальных идей. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.social-idea.ru/montly-News/Pravovoe-obespechenie-deyatelnosti-socialnyhkh-predprinimatelej-Obzor-5.

19. Об утверждении государственной программы «Энергоэффективность и развитие энергетики»: Распоряжение Правительства РФ от 3 апреля 2013 г. № 512-р // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

20. Камышанский В.П. Гражданско-правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии / В.П. Камышанский, А.А. Диденко, С.Г. Ксиропулос // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – № 08 (092) – С. 1292-1305.

21. Диденко А.А. К вопросу о моделях заключения гражданско-правовых договоров в сфере государственных закупок // Власть Закона. – 2013. – № 3 (15). – С. 72-84.

22. Камышанский В.П. Право собственности на недвижимость: вопросы ограничений / В. П. Камышанский. – Элиста: Дело, 1999. – 240 с.

УДК 342.553

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
THE ISSUES AND WAYS OF OPTIMIZATION OF LOCAL GOVERNMENT INSTITUTION

Караев Р.Ш., Филиал «РЭУ им. Г.В. Плеханова» в г. Пятигорске Ставропольского края, доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук

Karaev R.Sh., The Pyatigorsk branch of the Plekhanov Russian University of Economics, Associate Professor at the Departament of the theory and history of state and law, Candidate of Juridical Sciences

e-mail: *karaev73@mail.ru*

Пазулова З.Я., Филиал «РЭУ им. Г.В. Плеханова» в г. Пятигорске Ставропольского края, студент юридического факультета

Pazulova Z.Ya., The Pyatigorsk branch of the Plekhanov Russian University of Economics, student of Law Faculty

e-mail: *pazulovaz@mail.ru*

Полякова Э.И., Филиал «РЭУ им. Г.В. Плеханова» в г. Пятигорске Ставропольского края, студент юридического факультета

Polyakova E.I., The Pyatigorsk branch of the Plekhanov Russian University of Economics, student of Law Faculty

e-mail: *esma96@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены дискуссионные вопросы по организации и функционированию местного самоуправления. Проанализированы характерные особенности реформирования единой системы местного самоуправления. Выявлены существенные проблемы в становлении и развитии данного института и предложены механизмы, обеспечивающие существующую демократическую взаимосвязь населения с государством.

Abstract. The article gives a detailed analysis of debatable issues connected with the organization and functioning of local government. Having analyzed the characteristics of reforming in the sphere of local government system, the essential issues of formation and development of this institute are revealed and the mechanisms providing the existing democratic interrelation of the population with the state are offered.

Ключевые слова: местное самоуправление, оптимизация, проблемы.

Keywords: local self-government, optimization, problems

На сегодняшний день острой проблемой в формировании государственного устройства России является недостаточное урегулирование взаимоотношений органов государственной власти и местного самоуправления. Назрела необходимость реформирования всего комплекса законодательства, определяющего финансово-экономическую основу местного самоуправления РФ, социальную защиту населения, а

также рационального распределения обязанностей между всеми уровнями власти и усовершенствования механизмов контроля за деятельностью органов местного самоуправления как со стороны государства, так и институтов гражданского общества, что обуславливает актуальность проблемы.

Исторический опыт становления института местного самоуправления в Россиипоказывает довольно неоднородный характер формирования муниципального права, имеющего как прогрессивные предпосылки, так и периоды противоречий и застоя. Однако на его основе были сформированы представления в пользу местного самоуправления и признания объективной необходимости его существования и правовых гарантий на высшем законодательном уровне [1, с.133].

На современном этапе институтместного самоуправления, являясь своего рода посредником между интересами граждан и государства, призван обеспечивать оптимальное сочетание местных и общественных интересов, стабилизируя и укрепляя взаимоотношения между ними. Конституция РФ выделяет местное самоуправление в особое положение (ст. 12), но в настоящее время на доктринальномуровне не достигнут консенсус в определении этого института. Он по-разному трактуется в российском законодательстве и имеет множество толкований. Кроме Конституции РФ правовые основы местного самоуправления закреплены в международных актах ив федеральном законодательстве. Целесообразно, конечно, акцентировать внимание на Европейской хартии местного самоуправления, которая закрепляет право граждан на прямое участие в местном самоуправлении, а не только через выборные органы.

Несмотря на предпринятые государством усилия по усовершенствованию единой системы местного самоуправления имеются существенные проблемы, препятствующие эффективному развитию данного института:

во-первых, асимметрия пространства, обусловленная географическим различием регионов России. В этой связи отмечается наличие разных моделей организации местного самоуправления в следствии выраженного менталитета каждого субъекта, исторических и религиозных взглядов, а также специфики властных отношений и влияния главы региона. Имеются к тому же не равные экономические возможности в следствии географического расположения субъектов. Так регионы России разделены на две неравные группы: 14 регионов-доноров и подавляющее большинство депрессивных регионов. Анализ официальных документов на сайте Минфина России дает нам рейтинг 10 самых дотационных регионов России на 2016 год (в расчете на млрд. руб.): 1) Республика Дагестан – 46,7; 2) Республика Саха (Якутия) – 43,1; 3) Камчатский край – 37,5; 4) Республика Крым – 22,3; 5) Чеченская Республика – 22,2; 6) Алтайский край – 16,9; 7) Республика Тыва – 13,5; 8) Республика Бурятия – 13,2; 9) Ставропольский край – 12,3; 10) Республика Башкортостан – 11,0 [2]. Такая расстановка сил во многом является следствием глобальных просчетов при осуществлении реформирования, неправильного выбора приоритетов при заимствовании зарубежных моделей организации рыночных отношений, осуществляемых без учета особенностей всех регионов России их менталитета и национального стратегического интереса.

во-вторых, ограниченность муниципальной автономии, выраженная:

а) в постоянном государственном контроле;

б) в наличии пробелов и коллизионных норм в законодательной системе, регулирующей финансовые отношения:

– отсутствии четкого разграничения доходных и расходных полномочий между уровнями бюджетной системы РФ. Налоговая автономия органов местного самоуправления сильно ограничена, и основную, подавляющую часть средств, муниципалитеты получают в виде финансовой целевой помощи из федерального и регионального бюджетов;

– формальный характер научной экспертизы принимаемых проектов, законов и нормативно-правовых актов в финансовой сфере;

– нечеткие формулировки и сложный псевдонаучный язык в нормативных документах, приводящие в определенных случаях к директивному управлению финансами [3, с. 31], вместо законодательного регулирования данного вопроса.

в-третьих, существует ограниченность вопросов, которые может решить местное самоуправление без вышестоящей вертикали власти, даже при условии, что решение данных вопросов посильно для местного бюджета. Вместе с тем, муниципалитеты стали ответственными за вопросы, которые должны решаться на федеральном государственном уровне, как-то: образование, медицина, пожарная охрана и пр. При этом муниципалитеты не обладают для решения этих государственных вопросов средствами и не имеют юридического права самостоятельно принимать решения.

в-четвертых, отсутствие доверия населения, приводящего к гражданской пассивности, политической апатии и отчуждению населения от публичной власти. Отмечается высокий уровень политического нигилизма, особенно в молодежной среде иногда переходящий в крайнюю форму – экстремизм. Причинами такого поведения являются:

– высокий уровень коррупционной преступности во всех системах управления, где «взяточничество» самый распространенный вид коррупционных преступлений, а взяточником выступает в основном служащий (чиновник), и именно в среднем и низшем уровнях государственных и муниципальных органов власти и управления осуществляется постоянное взаимодействие чиновников с гражданами. Очевидный масштаб распространения низовых коррупционных преступлений создает благоприятный фон для взращивания и процветания других более изощренных форм коррупции [4, с. 74]. Процветанию коррупции на уровне муниципальных образований способствуют: уравнительный подход к оплате труда государственных и муниципальных служащих, который провоцирует создание незаконных механизмов компенсации дополнительных затрат; относительно низкая заработная плата труда служащих [5, с. 236]; наличие психологической готовности у значительной части граждан совершать подкуп государственных и муниципальных чиновников для совершения как законных, так и незаконных деяний; наличие мнения, что большинство чиновников коррумпированы.

– низкий уровень развития институтов гражданского общества, вследствие чего отсутствие эффективного контроля за исполнительной властью и служащими;

– отсутствие на местном уровне высококвалифицированного кадрового состава, в следствии чего наблюдается низкая эффективность работы муниципальных институтов;

– низкая социальная защищенность граждан. Согласно данным Росстата, около 15% населения России находится за чертой бедности и еще 10% – в опасной близости от нее [6];

– низкий уровень правовой культуры. В 2016 г. из общего числа избирателей 111,6 млн. человек на выборах не присутствовали больше половины – 64% населения нашей страны, которые отказались осуществлять свои политические права. Низкий уровень правосознания и правовой культуры, не позволили им участвовать в правовых явлениях общественной жизни происходящих в государстве [7, с. 47-47].

в-пятых, слабая информационная обеспеченность местных самоуправленческих структур, в частности низкий уровень учебно-методического обеспечения подготовки специалистов.

Для устранения выявленных проблем и эффективной реализации задач в сфере развития местного самоуправления необходимо:

1. Активизировать обратную связь органов власти с населением, институтами гражданского общества, СМИ путем установления открытости и прозрачности деятельности органов власти и должностных лиц.

2. Повысить уровень правовой культуры в обществе, а именно правовой активной жизненной позиции граждан, их включения в процесс реализации институтов прямой демократии. В этой связи мы предлагаем использовать позитивный исторический опыт в развитии института гражданского общества: привлечение населения к участию в решении местных вопросов путем создания действенной правовой базы, позволяющей использовать формы непосредственной демократии (на основе вечевых традиций), поскольку на сегодняшний день имеющиеся правовые механизмы не способны обеспечить демократическую взаимосвязь между гражданином и государством, что порождает определенные кризисные ситуации; проведение просветительской деятельности, разъясняющей феномен местного самоуправления; для увеличения доверия населения к своим избранникам необходимо усилить их ответственность перед народом путем введения штрафных санкций за неисполнение своих обязанностей депутатами представительных органов и должностными лицами местного самоуправления (система наказаний за непосещение заседаний Думы гласными).

3. Для увеличения кадрового потенциала необходимо организовывать учебную подготовку депутатского корпуса, усилить подготовку кадрового состава муниципальной службы, проводить повышение квалификации должностных лиц, ведающих вопросы местного самоуправления;

4. Оптимизация территориальной организации. Необходимо найти компромисс между чрезмерной централизацией управления, увеличивающей бюрократические процессы и неспособностью органов местного самоуправления, особенно мелких поселений, не имеющих достаточной материально-финансовой базы, реагировать на нужды населения.

5. Рациональное распределение полномочий между органами государственной власти РФ, субъектов РФ и местного самоуправления для максимального удовлетворения интересов граждан. В этой связи для устранения существующих противоречии в регулировании вопросов местного значения целесообразно на законодательном уровне:

– расшифровать понятия вопросов местного значения, и расписать приоритеты

нормативных документов федерального, регионального и местного уровня с целью устранения имеющихся ограничений дееспособности органов местного самоуправления;

– закрепить принцип разделения власти для органов местного самоуправления, уточнив вопросы, находящиеся в исключительной компетенции исполнительно-распорядительного и представительного органа местной администрации, во избежание дисбаланса прав и обязанностей различных органов публичной власти.

Таким образом, подводя итоги данного анализа можно констатировать с полным основанием, что механизмы, обеспечивающие существующую демократическую взаимосвязь населения с государством, еще не совершенны, так как в них наблюдаются определенные кризисные моменты. В этой связи реализация указанных выше задач должна способствовать реальному достижению целей по созданию благоприятных условий для тесного взаимодействия органов власти с общественностью при осуществлении публично-властных функций, что будет содействовать воплощению стратегической концепции государственной политики по совершенствованию института местного самоуправления в целом, а в частности эти методы и предложения позволят вырастить настоящего патриота, гражданина, заинтересованного в судьбе своей страны.

Литература

1. Караев Р.Ш., Прокопович А.Е., Асиев Р.Ш., Полякова Э.И. Характерные черты становления и развития местного самоуправления в период советской власти // Выпуск 22. Вестник СевКавГТИ. 2015. №3 (22).

2. Регионы: доноры и реципиенты – в какой «центр» уходят деньги // Сетевое издание общественно-политический журнал «POLITRUSSIA». URL: http://politrussia.com/ekonomika/regiony-vsyakie-nuzhny-796/ (дата обращения: 27.08.2017).

3. Караев Р.Ш., Арутюнян Г.А., Полякова Э.И. Современные проблемы управления государственными финансами и пути их решения // Вестник СевКавГТИ. 2016. №4 (27).

4. Щербович И.А., Караев Р.Ш. Анализ детерминантов низовой коррупционной преступности в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 2 (67).

5. Караев Р.Ш., Полякова О.А., Тавалаев Т.Р., Шавхалов, А.А. Сущностные факторы, детерминирующие коррупцию и основные направления противодействия // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. №1 (21).

6. Росстат: число россиян, живущих за чертой бедности, достигло почти 23 млн. человек // Milknews – Новости молочного рынка. URL: http://milknews.ru/index/Rosstat_chislo_rossijan_zhivushhih_za_chertoj_bednosti_dostiglo_pochti_23_mln_chelovek.html (дата обращения: 22.02.2017).

7. Караев Р.Ш., Акопян Л.Р. Детерминанты электоральной пассивности в современной России // Конституционное и муниципальное право 2017. №4.

УДК 343.541

ВООРУЖЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ
ARMED CRIME IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL CRIMINOLOGICAL SYSTEMS

Катбамбетов М.И., Адыгейский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права.

Katbambetov M.I., Adygeya State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Criminal Law.

e-mail: *12011979@list.ru*

Аннотация: в работе рассмотрен вопрос о целесообразности легализации оружия. Основное внимание обращено на оценку связи между динамикой насильственной и вооруженной преступности и владением оружием. Автор обращается к оценке криминологических систем и формулирует выводы на основе регионального анализа.

Annotation: the issue of the expediency of the legalization of weapons is considered in the work. The focus is on assessing the relationship between the dynamics of violent and armed crime and possession of weapons. The author refers to the evaluation of criminological systems and formulates conclusions based on regional analysis.

Ключевые слова: преступность, вооруженные силы, криминология

Key words: crime, armed forces, criminology.

В поисках поддержки отдельных социальных групп различные политические силы аппелируют к вопросам распространения оружия: одни настаивают на легализации оружия, другие, напротив, рассматривают такую практику как стимул к эскалации насилия. Обращаясь к зарубежной практике, стороны, как правило, ограничиваются наиболее удобными для них казусами, намеренно уходят от системной криминологической оценки вооруженного насилия и, что особо важно, искусственно проецируют «удобные» тенденции на российскую почву.

Методологической ошибкой компаративного анализа является изучение статистики вооруженной преступности вне рамок исследования региональных криминологических систем, под которыми понимаются особые системы социальных, культурных, политических, идеологических и иных предпосылок, определяющих качественное и количественное своеобразие преступности, правовое регулирование и практическую организацию предупредительной деятельности в отдельных регионах и странах[1].

С определенной долей условности можно выделить следующие криминологические модели: американская, британская, западноевропейская, восточноазиатская, социалистическая и иные системы.

Например, для американской системы характерна обратная зависимость между легальным оборотом оружия и ростом преступности. Если все штаты, которые к 1992 году

еще не имели законов о праве граждан на ношение оружия, приняли бы их в 1992 году, можно было бы ежегодно предотвращать 1570 убийств, 4177 изнасилований и более 60000 случаев физического насилия. Но эта тенденция не универсальна.

Высокие показатели вооруженного насилия, массовые расстрелы и самоубийства, отмеченные в США в начале 90-х годов XX века, заставили правительство взять курс на постепенное ужесточение режима оборота оружия (Федеральный закон «Об особо опасных преступлениях и охране правопорядка» 1994 года, Федеральный закон 1996 г., получивший название «Запрет Сенатора Лаутенберга»). Это привело к положительным результатам: в середине 90-х XX века уровень преступности стал снижаться и в 2016 году сократился на 19% по сравнению с 1996 годом.

В Великобритании, напротив, наблюдается прямая зависимость между ужесточением правового режима оборота огнестрельного оружия и динамикой насильственной преступности. Но и эта зависимость не носит прямого характера и опосредуется иными криминогенными факторами: миграцией, наркотизмом, общими тенденциями преступности, появлением большого количества нелегального оружия.

Сторонники и противными легализации нередко оставляют без внимания тот факт, что на эффективность предупреждения вооруженного насилия влияет не сам по себе режим оборота оружия, а осуществление комплексных программ борьбы с преступностью. Именно они привели к снижению криминальной активности в США в 80-90-е годы XX века в условиях легализации оружия, и имели очевидный превентивный эффект в КНР в 90-е годы при ужесточении режима оборота огнестрельного оружия.

Индикаторами криминологического благополучия является не только уровень насильственных преступлений, но и показатели вооруженных убийств и самоубийств. Если рассматривать их в совокупности с данными о вооруженных убийствах, криминологическая ситуация со многих странах не кажется столь однозначной (США, Латвия, Литва, Эстония и др). Высокий уровень убийств, суицида и несчастных случаев в развитых странах (США, Норвегии, Северной Ирландии и др.) опровергает тезис о том, что вооруженная преступность – это признак слабой экономики, неустойчивого политического и правового развития.

Важным аргументом сторонником и противником легализации оружия является неблагоприятная криминологическая ситуация в России.

Опыт зарубежных государств показывает, что последствия либерализации оборота оружия напрямую зависят от предшествующих и сопутствующих криминологических процессов. Если отмечается спад преступности, легализация оружия приводит к ее дальнейшему снижению, если наблюдается рост – разрешительный режим оборота огнестрельного короткоствольного оружия вызывает эскалацию вооруженного насилия[2].

Согласно официальной статистике, современный период является наиболее благоприятными для расширения перечня гражданского оружия. Но только на первый взгляд.

Как показывает статистика, несмотря на сокращение уровня индексной преступности, в России регистрируется заметный рост показателей вооруженного насилия. Если в 2015 году было зарегистрировано 6769 преступлений, из них 2025 посягательств, совершенных с

применением огнестрельного оружия, то в 2016 г. уровень преступности составил 7576 и 2689 деяний соответственно.

Кроме того, беспрецедентной для России является латентность тяжких вооруженных преступлений. Об этом свидетельствует явное несовпадение данных полицейской и медицинской статистики о летальных случаях применения огнестрельного оружия. В среднем регистрируется около 300 уголовных дел по убийствам, совершенных с применением огнестрельного оружия, в то время как в бюро судебно-медицинской экспертизы органов управления здравоохранением РФ регистрируется около 4 000 трупов с огнестрельными ранами. Из числа умерших от огнестрельной раны, постоянно на первом месте находится количество умерших от пулевых ранений (в 2010 году – 2227); на втором месте – дробовых снарядов (1635); на третьем месте – прочих ранений (128).

Даже если допустить, что часть смертельных ранений приходится на случаи необходимой обороны, превышения ее пределов, спецопераций, невозможно объяснить разрыв между показателя вооруженных убийств и трупов с огнестрельными ранениями более чем в 13 раз!

Тревогу криминологов вызывает тот факт, что вооруженное насилие постепенно избавляется от корыстной, политической и экстремистской мотивации, и приобретает черты «упрощенной» бытовой преступности. Оружие начинает восприниматься как доступное и эффективное средство разрешения межличностных (бытовых) конфликтов.

Ключевым фактором воспроизводства вооруженной преступности является уровень безработицы населения. И в условиях сохранения ее высоких показателей нет оснований для благоприятных криминологических прогнозов.

Корреляционная связь между вооруженным насилием, алкоголизмом и психическими расстройствами свидетельствует об утрате вооруженной преступностью профессионального характера и ее сближении с деяниями, совершаемыми лицами с психическими аномалиями либо в состоянии алкогольного опьянения.

Отмечается две разносторонние тенденции. С одной стороны, вооруженное насилие выдавливается системой общественных отношений и образуется отдельное криминальное сообщество. Показателем этого процесса является качественная трансформация вооруженных разбоев и бандитизма, приобретение ими свойств профессиональной и высокоорганизованной преступности. Относительно закрытый характер вооруженных корыстно-насильственных преступлений позволяет рассматривать их не только как составное звено профессиональной преступности, но и как индикатор создания «бандитской» модели криминального общества.

Другой тенденцией является проникновение и встраивание в систему социальных, правовых и экономических отношений, криминальное изменение культурной и духовной жизни общества. Этот процесс имеет менее выраженный характер и касается бытовой насильственной преступности. Тревожными тенденциями последних десятилетий являются «популяризация» милитаристских настроений, увеличение случаев разрешения межличностных конфликтов посредством применения огнестрельного оружия и др.

Даже приведенные выше данные являются свидетельством того, что легализация огнестрельного оружия в обозримой перспективе в России неприемлема.

На преждевременность легализации огнестрельного оружия указывает и пробельность уголовного и регулятивного законодательства в части оценки применения и использования оружия.

В частности, очевидна несогласованность теории, закона и практики в определении правомерности необходимой обороны. Нет научно-обоснованных рекомендаций, касающихся применения оружия в состоянии необходимой обороны. В итоге, оружие самообороны автоматически становится оружием преступника. Как показал анализ уголовных дел, только в 10% случаев применение оружия признавалось правомерным. Реальную картину могла бы прояснить статистика, однако по фактам правомерного причинения вреда она не ведется, что не позволяет оценить вооруженную оборону в полной мере.

Литература

1. Сидоренко Э. Правовое положение политических партий // Российская юстиция. 2001. № 10. С. 53 – 55.

2. Сулакшин С.С., Сидоренко Э.Л., Куропаткина О.В., Буянова Е.Э. Целесообразность, возможность и содержание реформы оборота оружия. М., 2011.

УДК 347.4

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ФИНАНСОВОГО ЛИЗИНГА
FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL FINANCIAL LEASING

Кокоева Л.Т.,Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет) д.ю.н., профессор кафедры предпринимательского и трудового права

Kokoeva L.C., North Caucasian Mining and Metallurgical Institute (State Technological University), doctor of law, Professor Department of Entrepreneurial and Labor Law

Хадиков М.К., Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет) старший преподаватель кафедры предпринимательского и трудового права

Khadikov M.K., North Caucasian Mining and Metallurgical Institute (State Technological University), senior lecturer, Department of Entrepreneurial and Labor Law

e-mail: *ltkokoeva@yandex.ru*

Аннотация: понятие, виды, особенности и правовое регулирование международного лизинга, его главные преимущества и недостатки. Классификация форм лизинговых сделок, применяемые в международной практике. Основные отличия лизинговых операций от обычной аренды.

Abstract: concept, types, features and legal regulation of international leasing, its main advantages and disadvantages. The classification of forms of leasing transactions, applied in international practice. The main differences between leasing operations, from the usual rent.

Ключевые слова: договор, международный лизинг, договор купли продажи.

Key words: Treaty, international leasing, the contract of sale.

Договоры международного лизинга, то есть такие, который заключаются сторонами, чьи коммерческие предприятия находятся в разных государствах, регулируется в основном национальным законодательством. Вместе с тем, как уже отмечалось, в мае 1988 г. в Оттаве на дипломатической конференции была подписана Конвенция о международной финансовой аренде, которая оказывает значительное влияние на регулирование подобного рода сделок. Данная Конвенция закрепляет широкую свободу договорных отношений - положения, содержащиеся в этой Конвенции, могут стать материальным правом финансово-арендной сделки, в том случае когда в силу коллизионных норм, или в соответствии с выбором сторон, к этой сделке должно применяться право того государства, которое является участником Оттавской Конвенции.

Хотя разработка Конвенция осуществлялась с учетом уже существующей нормативной базы, в то же время она сама может стать основой для новых национальных законов.

По мнению разработчиков Конвенции, эффективное правовое регулирование международного лизинга возможно лишь в случае:

- признания лизинга в качестве самостоятельного правового института, а не в качестве разновидности ранее существующих;

- рассмотрения двух договоров – договора купли продажи и непосредственно договора лизинга как единой трехсторонней лизинговой сделки.

Следует обратить внимание еще на два важных момента, на которые опирались разработчики Конвенции:

1) определяющая роль пользователя оборудования, который является инициатором всей сделки, осуществляет выбор оборудования, поставщика и при этом несет фактически все риски, присущие собственнику, но при этом с юридической точки зрения не являясь таковым;

2) срок действия договора лизинга должен быть таким, чтобы на его протяжении арендодатель смог возвратить свои финансы, вложенные в оборудование, то есть этот срок должен приближаться к сроку амортизации оборудования.

Как отмечали комментаторы Оттавской конвенции, одной из причин ее принятия было то, что в большинстве, если не во всех правовых системах, законодательство четко не определяло отличительные характеристики финансового лизинга, в частности, "трех-сторонний" характер отношений, которые при этом устанавливаются.

Данный пробел был устранен, и Конвенция закрепила такую важную черту финансовой аренды, как специфическая трехсторонняя сделка.

Следует отметить, что в отечественной доктрине признание российским законодательством финансового лизинга в качестве разновидности договора аренды (§ 6 гл. 34 ГК РФ) привело к его неоднозначной характеристике. В частности, поднимался вопрос о том, является ли финансовая аренда (лизинг) исключительно двусторонней сделкой, или обязательному учету должно подлежать все своеобразие лизинга, что возможно осуществить лишь в рамках "трехсторонних отношений", возникающих из сделки финансового лизинга.

Как отмечает К. Шмиттгофф: «Для регулирования международного финансового лизинга в Конвенции использована правовая конструкция, в которой банк или иная финансовая компания (арендодатель) оказываются между собственником (поставщиком) и арендатором оборудования».

Как следует из определения финансового лизинга, приведенного в Конвенции, хотя договор лизинга носит относительно самостоятельный характер, он не может существовать в отрыве от договора купли-продажи. Это, в частности, подтверждается взаимообусловленностью обязательств, которые содержаться в обоих договорах, оформляющих всю совокупность лизинговых правоотношений, при которой участники лизинга одновременно выступают сторонами указанных договоров (договора купли-продажи и договора лизинга), создавая своего рода «перекрестную связь». В этом аспекте правоотношения лизинга можно охарактеризовать как сложный юридический состав (сделку), оформляемый двумя видами взаимосвязанных договоров: договором лизинга идоговором купли-продажи.

Согласно ст. 1 Оттавской Конвенции финансовый лизинг оформляется двумя взаимосвязанными договорами: договором купли-продажи (поставки) между лизингодателем (арендодателем) и поставщиком оборудования, выбранного по спецификации лизингополучателя (арендатора), а также договором лизинга между лизингодателем и лизингополучателем, на основании которого лизингополучатель использует оборудование взамен выплаты периодических платежей (п. 1 ст. 1).

Итак, с позиции Оттавской Конвенции финансовый лизинг имеет место быть в случае наличия двух соглашений. Согласно с первым лизингодатель (арендодатель), получив от лизингополучателя (арендатора) описание (спецификацию) предмета будущей финансовой аренды, и исходя из этой спецификации, должен заключить соглашение о покупке (поставке) предмета лизинга. В этом случае лизингополучатель (арендатор) становится собственником приобретенного имущества. При этом условия этого заключенного соглашения должны получить одобрение со стороны будущего лизингополучателя (арендатора) в той мере, в какой это будет затрагивать его интересы.

В соответствии со вторым соглашением лизингодатель (арендодатель) должен передать лизингополучателю (арендатору) для использования приобретенное согласно с первым соглашением имущество, а последний обязуется за это производить оплату соответствующих арендных платежей.

В Оттавской Конвенции также отмечается, что арендатор самостоятельно определяет оборудование и осуществляет выбор поставщика, не полагаясь на имеющиеся знания и опыт арендодателя. Арендодатель и арендатор должны заключить арендное соглашение, на основании которого будет осуществлена его поставка. Размер арендной платы, подлежащей уплате в соответствии с арендным соглашением, должна устанавливаться исходя, в частности, из условий амортизации всего или существенной части стоимости арендованного оборудования.

Итак, сделка финансового лизинга в соответствии с Оттавской Конвенции должна обладать следующими характеристиками: а) лизингополучатель (арендатор) самостоятельно определяет оборудование и осуществляет выбор поставщика, не полагаясь "на опыт и суждение арендодателя"; б) предоставляемое в лизинг оборудование приобретается лизингодателем (арендодателем) только в связи с договором лизинга, заключенным между лизингополучателем и лизингодателем, который, приобретая оборудование, должен поставить об этом в известность продавца; в) периодические платежи, подлежащие выплате по договору лизинга, рассчитываются с учетом амортизации всей или существенной части стоимости оборудования (п. 2 ст. 1).

Отметим, что право лизингополучателя на покупку оборудования - предмета лизинга не является непременным условием договора лизинга. Конвенция применяется к договору финансового лизинга независимо от того, предоставлено ли в нем арендатору право выкупить оборудование или он будет пользоваться им на условиях лизинга (сублизинга) в последующий период (п. 3 ст. 1).

При этом обращаем внимание, что некоторые виды арендных соглашений исключены из сферы действия Конвенции. В первую очередь это те виды аренды, при которых арендные отношения непосредственно возникают между производителем (поставщиком) оборудования и арендатором, иными словами, когда имеет место обыкновенный договор аренды.

Конвенция также не распространяется на краткосрочную аренду (прокат) и аренду, направленную на удовлетворение личных потребностей арендатора (потребительские сделки).

Конвенция применяется в тех случаях, если лизингодатель (арендодатель) и лизингополучатель (арендатор) находятся в различных государствах. Эти государства, а также государство, в котором расположено коммерческое предприятие поставщика оборудования, должны быть участниками Конвенции.

С учетом указанных особенностей отмечались четыре основных положения, на которых в Оттавской Конвенции базируется регулирование финансового лизинга: перенос ответственности за неисправности оборудования с лизингодателя на поставщика (п. 1 а) ст. 8); ограничение ответственности лизингодателя перед третьими лицами за причинение оборудованием вреда их жизни, здоровью, имуществу (п. 1 б) ст. 8); сохранение вещных прав лизингодателя в случае несостоятельности лизингополучателя (п. 1 ст. 7); обеспечение эффективности положений, направленных на возмещение лизингодателю понесенных убытков (ст. 13).

В самой Конвенции содержатсяотдельные коллизионные нормы, содержащие формулы прикрепления, с помощью которых в целях данной статьи определяется право, подлежащее применению к вещным правам на различные виды имущества (морские и воздушные суда, авиационные двигатели, иное оборудование) (п. 3 ст. 7 Конвенции) и т.д.

В целом отметим, что положения Оттавской Конвенции призваны обеспечить сбалансирование правовых позиций участников международных лизинговых сделок и создать еще более благоприятные условия для их осуществления.

Литература:

1. Goode R., Kronke H., McKendrick E. Transnational Commercial Law. P. 390.
2. См., в частности: Юсева Ю.В. Понятие финансовой аренды и ее регулирование в международном частном праве // Актуальные проблемы гражданского права. М., 2003. Вып. 5. С. 494; Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально правовое и коллизионное регулирование - М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 361; Медников В. Лизинг в международном праве // Закон. 1999. N 8. С. 40
3. Шмиттгофф К. Экспорт: право и практика международной торговли. М., 1993. С. 238.
4. Об этом см.: Кабатова Е.В. Лизинг: правовое регулирование, практика. М., 2006. С. 31.
5. См.: Goode R., Kronke H., McKendrick E. Op. cit. P. 395.
6. Проблемы унификации международного частного права: монография / Н.В. Власова, Н.Г. Доронина, Т.П. Лазарева и др.; отв. ред. А.Л. Маковский, И.О. Хлестова. М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2012. С.156
7. Канашевский В.А. Указ. соч. С. 359
8. Розенберг М.Г. Из практики МКАС при ТПП РФ // Хозяйство и право. 2009. N 3. С. 106 - 110.

УДК 347.1

ФИДУЦИАРНЫЕ (ДОВЕРИТЕЛЬНЫЕ) ОТНОШЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ИХ ТОЧНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ
FIDUCIAL (TRUSTED) RELATIONS AND THE PROBLEM OF THEIR EXACT DEFINITION

Колиева А.Э., ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т.Трубилина», к.ю.н., доцент, доцент кафедры земельного, трудового и экологического права

Kolyeva A.E., FGBOU VO "Kuban State Agrarian University named after. IT Trubilina, Candidate of Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Land, Labor and Environmental Law

e-mail: *angelkolieva@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы доверительных отношений применительно к сделкам, определяются существенные признаки (основные черты) доверительных (фидуциарных) отношений.

Abstract: The article deals with the issues of trust relations with respect to transactions, the essential features (main features) of trust (fiduciary) relations are determined.

Ключевые слова: гражданские правоотношения, фидуциарные сделки, доверительные отношения, договор, добросовестность, разумность, личный характер, чужой интерес

Keywords: civil legal relations, fiduciary transactions, confidential relationship, contract, conscientiousness, intelligence, personal character, someone else's interest.

Договоры, заключаемые на основе доверительных отношений, с давних пор нашли свое место в имущественном обороте Российской Федерации. Так, отношения гражданина практически любой страны Евросоюза и органов государственной власти строятся по модели – пользователь доверенным объектом (гражданин) и собственник, который доверил объект в фидуциарную собственность.

Данный факт говорит о том, что государство, предоставляя гарантию на конкретный объем прав гражданам государства, проявляет высшую степень доверия и обязуется не вмешиваться в процесс «распоряжения» фидуциарной собственностью и способствовать реализации всех правомочий собственника. Граждане, со своей стороны, обязуется не злоупотреблять своими правами, то есть распоряжаться предоставленной «фидуциарной собственностью» таким образом, чтобы не наносить ущерб имуществу и его собственнику.

Совместная работа на общий социально-полезный результат приобретает особую ценность во время экономического кризиса. Доверие среди членов общества является одной из важнейших составляющих взаимодействия в социальной сфере. Американский социолог Ф. Фукуяма считает, что доверие между гражданами, есть не что иное, как потенциальный источник благосостояния, стабильности и власти [1].

Анализируя данную позицию, можно сделать вывод, о том, что социальное доверие является элементом не только культурного развития общества, но и затрагивает экономическую сферу.

Таким образом, социальное доверие имеет важнейшее значение в жизни гражданского общества, которое ставит своим приоритетом частно-правовое регулирование экономических отношений, на принципах равенства, экономического партнерства, содействия, что является основными элементами, составляющими гражданское доверие.

Вавина Н.Г. считает, что доверие должно иметь обязательный признак – взаимность. Он говорит, что фидуциарные сделки, это сделки, которые совершаются на взаимном доверии сторон в той форме, которая предоставляет одной из них больше прав, чем это вытекало бы из их правоотношений, которыми они в дальнейшем имеют намерение связать себя. Этот разрыв конструкции и функции оправдан тем, что между сторонами возникает особое доверие. Можно полагать, что именно в фидуциарных договорах находит свое место высокий уровень доверия, в другой ситуации стороны не связывали бы себя отношениями.

Боровая Л.Д. размышляет о взаимном доверии участников, как об основании возникновения, существования и прекращения отношений.

На сегодняшний день, в гражданском праве нет точного определения доверительных и фидуциарных отношений. А так же, необходимо отметить, что в российской науке гражданского права категория доверительных (фидуциарных) отношений специально не разработана.

О данных отношениях в науке гражданского права упоминается очень мало, и практически только в рамках договора поручения.

В правовой литературе приводится мнение, что фидуциарные (основанные на доверии) отношения не имеют распространения в российском праве, являются крайне редкими. Подтверждает данный факт появление в российском праве совместно с Гражданским кодексом РФ института доверительного управления имуществом, так как никаких лично-доверительных отношений, подобных отношениям в договоре поручения, между сторонами договора доверительного управления имуществом не предполагается. Этот термин "доверительное" не имеет никакого юридического значения, а носит лишь условный характер. [2].

Профессор О.С. Иоффе, размышляя о фидуциарных отношениях, так же упоминает, что они не имеют большого распространения, однако он более широко раскрывает их доверительный характер. Он утверждает, что доверие является необходимым элементом любой сделки.

Но есть и такие сделки, существование которых зависит от доверия их участников. Для разъяснения данного утверждения, О.С. Иоффе сравнивает договор купли-продажи с договором поручения.

В договоре купли-продажи стороны, могут не знать друг друга, но у покупателя должны быть основания полагать, что продавец управомочен на отчуждение вещи. Отсутствие данных оснований и предполагает доверие, достаточное для совершения данной

сделки. А договор поручения, наоборот заключается лишь с тем, кого сторона договора знает, и кому может доверить осуществление принадлежащих ему прав и обязанностей.

Таким образом, получается, что в договоре поручения доверие является более значимым элементом, чем в договоре купли-продажи.

Исходя из данных рассуждений, можно сделать вывод, что, по мнению О.С. Иоффе, фидуциарной называется та сделка, которая обусловливает несовпадение между внутренними отношениями участников сделки и их внешним выражением [3].

Профессор А.П. Сергеев считает, что доверительные (фидуциарные) отношения в сделке, могут и по-другому проявляться. В пример он приводит договор пожизненного содержания с иждивением, а именно указывает на то, что в данном договоре стороны постоянно контактируют друг с другом, следствием чего является доверие, которое оказывается получателем ренты плательщику. Именно на этом основании А.П. Сергеев утверждает, что договор пожизненного содержания с иждивением, является договором доверительного (фидуциарного) характера [4].

Правовое регулирование таких отношений исходит из наличия основания - доверия и направлено на то, чтобы это основание сохранялось, и доверие таким образом - оправдывалось. Именно поэтому конкретные правовые нормы, которые регламентируют отношения, в основе которых лежит доверие, могут не соответствовать правовой модели внешнего проявления правоотношений, но при этом они берут во внимание основу отношений - их внутреннее содержание и расцениваются как обоснованные исключения-дополнения устоявшихся правил, в силу их прямого закрепления законом.

Обозначение доверительного характера отношений разными по звучанию терминами, совершенно не означает, что они имеют неодинаковое значение. Понятия "доверительный" и "фидуциарный" могут употребляться в одинаковом значении.

Отношения доверия определяют добросовестность и разумность поведения их участников. Действует общее правило: если закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются. [5]

Таким образом, доверительными (фидуциарными) можно называть такие правоотношения, в которых мотивом возникновения, существования и прекращения является взаимное доверие участников. Мотив доверительности в этих правоотношениях является таким элементом, который пронизывает само существо правоотношений.

Доверительные правоотношения, в итоге, характеризуются спецификой[6]. С одной стороны, они характерны использованием оценочных категорий разумности, добросовестности, старательности, заботливости, осмотрительности и т.п. Учитывая, что вытекающие соответствующие права и обязанности включены в содержание доверительных правоотношений, независимо от их специального закрепления.

Если посмотреть с другой стороны, то для доверительных (фидуциарных) правоотношений характерны конкретные и нередко императивных норм, которые объясняются влиянием элемента доверия. Часто это императивные нормы, гарантирующие наступление необходимого результата.[7]

Таким образом, существенными признаками доверительных (фидуциарных) отношений являются: личный характер; длящийся характер; взаимодействие участников; несовпадение внутренних отношений участников с их внешним проявлением; нормативная гарантированность правового результата, обусловленного сущностным доверительным характером; оперирование оценочными категориями добросовестности, разумности, чужого интереса.

Литература

1. Фукуяма Ф. «Доверие» /Научная статья М.: АСТ, 2006.
2. Комментарий части второй Гражданского кодекса РФ для предпринимателей. М., 1996. Городов О. Доверительное управление исключительными правами // Хозяйство и право. 1999. № 3, 4.
3. Советское гражданское право. Т. 1 / под ред. О.С. Иоффе, Ю.К. Толстого, Б.Б. Черепахина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.
4. Алексеев С.С. Гражданское право: учебник – М: Проспект , 2017.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 № N 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016). Российская газета. 1994 г. № 238-239.
6. Беспалов Ю.Ф., Агафонова Г.А., Егорова О.А. Комментарий к гражданскому процессуальному кодексу (постатейный научно-практический) – М: Проспект, 2015.
7. Степанюк Н.В.Толкование гражданско-правового договора: проблемы теории и практики – М: Инфра-М / Научная мысль, 2017.

УДК: 343.3/.7

ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ЗАКОНОПРОЕКТА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О БЕЗОПАСНОСТИ КРИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

SEPARATE OPINION REGARDING THE LAW OF PROJECTS «ON AMENDMENTS TO THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND TO THE CRIMINAL-PROCEDURAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CONNECTION WITH THE ADOPTION OF THE FEDERAL LAW» ON SECURITY OF THE CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION»

Комаров А.А., Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры уголовного права и процесса, кандидат юридических наук.

Komarov A.A., Siberian Institute of Management - branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, associate professor of the Criminal Law and Process Department, Candidate of Legal Sciences.

e-mail: *reise83@mail.ru*

Аннотация: в статье отражено критическое мнение относительно целесообразности и эффективности предлагаемых уголовно-правовых норм с точки зрения многолетнего опыта автора по исследованию проблем компьютерной преступности. Проанализированы основные элементы состава преступления, предлагаемых новелл Уголовного кодекса РФ. Показаны наиболее подходящие пути совершенствования уголовного закона в подобной ситуации.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МК-5413.2016.6

Abstract: In this paper, we take the aim to analyze some legislative initiatives (enacted legislation and bills introduced but not enacted) in Russian criminal law. They relate to cybersecurity and based on recently signed legislation: "On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation". As a result, we pointed to possible ways of improving legislation.

Ключевые слова: Интернет, компьютер, преступность, Россия.

Keywords: Internet, computer, crime, Russia.

В связи с принятием Государственной Думой Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» необходимо рассмотреть вопрос об установлении оснований уголовной ответственности за

компьютерные преступления. Проект федерального закона (далее по тексту ПЗ 47591-7) предлагает дополнить УК РФ статьей 274.1, объединяющей в себе несколько составов преступлений, уже имеющихся по отдельности в главе 28 УК РФ.

Исходя из содержания пояснительной записки, основанием подобных решений является «необходимость повышенной уголовно-правовой защиты безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Однако насколько такой подход отражает социальную действительность? Для ответа на этот вопрос предлагаем обратить внимание на несообразности предлагаемых новелл с точки зрения юридической техники.

Первым моментом является объект новых составов преступления. В главе 28 УК РФ он может быть определён как совокупность общественных отношений, по правомерному обращению компьютерной информации на территории Российской Федерации [1, С.101]. Ориентируясь на название предлагаемой статьи 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации» можно сказать, что инфраструктура будет выступать в качестве предмета преступления, а её «безопасность» – как некое состояние защищённости от компьютерных атак (определение содержится в ст. 2 ПЗ 47591-7) в качестве непосредственного объекта.

Но в тексте закона понятие инфраструктуры выражается посредством совокупности её объектов – информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей, автоматизированных систем управления технологическими процессами и сетей электросвязи общего пользования, для организации взаимодействия этих объектов между собой. Становится понятно, что это некий материально-технический комплекс подчинённый единой задаче, приведение которого в негодность (т.е. невозможность выполнения им изначально установленных функций) и есть состояние его уязвимости, т.е. опасности, которую требуется устранить. При этом в тексте закона и в предлагаемых новеллах уголовных норм не уточняется, что охране подлежит именно компьютерная информация и программные средства объектов инфраструктуры. Это делает размытым объект уголовно-правовой охраны. Если бы в действительности надлежало защищать аппаратные средства объектов, то предлагаемые деяния нельзя криминализировать, ибо все формы собственности защищены одинаково. Государство не имеет оснований получить особые инструменты уголовно-правовой охраны своего имущества, для которого (к слову сказать) успешно применима ст. 167 УК РФ. Приведём к тому пример. Виновный вызывает короткое замыкание, которое выводит из строя компьютеры, содержащие критически важную информацию и программное обеспечение обрабатывающее её, в результате чего эта информационная система на долгое время теряет свою работоспособность (установленную для неё функцию).

В противовес описанной ситуации, воспринимая как возможный объект некий интерес государства в сфере обеспечения безопасности в соответствии с многочисленными требованиями доктрин, непонятно почему предлагаемая статья будет находиться в главе 28 УК РФ, а не в следующем разделе отечественного уголовного закона: «Преступления против государственной власти»? Подобное также можно проиллюстрировать примером. Совершение виновным вышеперечисленных действий, в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности следует квалифицировать как диверсию (ст. 281 УК

РФ), поскольку в диспозиции имеется прямая отсылка к средствам связи, различным объектам инфраструктуры и даже перечень действий остаётся открытым по воле законодателя. Если обратиться к ст. 6 ПЗ 47591-7 легко убедиться, что категорирование инфраструктурных объектов совпадает с таковым в диспозиции диверсии: «объектов обеспечения жизнедеятельности населения, транспортной инфраструктуры, сетей связи…».

Если же принять за аксиому, что действительным объектом уголовно-правовой охраны в нашем случае являются общественные отношения по обороту компьютерной информации, то всё как будто встаёт на свои места. Информация в человеческом обществе имеет различные правовые режимы и как следствие защищается далеко не всегда одинаково [2]. Но не создаёт ли автор законопроекта тем самым лишние для себя сложности в квалификации деяний? К примеру, те вопросы, что касаются информации связанной с государственной тайной, итак подведомственны Федеральной службе безопасности (автору законопроекта) – к примеру, в ст. 283.1 УК РФ. Существуя в электронном виде, обязана ли она подчиняться иному правопорядку, устанавливаемому ПЗ 47591-7? Если нет, то в чём состоит действительная необходимость подобной «дифференциации» уголовной ответственности, ведь в УК уже существуют нормы, охраняющие оборот «обычной» компьютерной информации? Никто из нас не возражает против защиты критически важной информационной инфраструктуры уголовно-правовыми средствами, как то прописано в ст. 15 ПЗ 47591-7. Но думается, что для этого нет необходимости конструировать новые составы преступлений, не будучи в силах точно определить объект преступного посягательства в столь изощрённых бланкетным характером нормах.

Тем паче, совокупность критически важных информационных объектов инфраструктуры не являет собой пример замкнутых систем. Поскольку по смыслу законопроекта они не изолированы от общедоступных способов распространения компьютерной информации. Неизбежно часть критически-важной информации будет свободно передаваться от одного объекта другому посредством того же Интернет. Это неоправданно расширит сферу действия указанной уголовно-правовой нормы, коль скоро мы защищаем компьютерную информацию этих инфосистем (в момент передачи), а не их целостность и функциональность.

Более того, в соответствии с законопроектом будет проведена категоризация объектов в зависимости от назначения: в целях обеспечения обороноспособности, экономической безопасности, экологической безопасности и т.д., что по идее свидетельствует о различной правовой оценке охраняемых информационных ресурсов. В нормах же устанавливающих уголовную ответственность подобная дифференциация не проводится.

Вторым противоречивым моментом являются способы совершения отдельных составов преступлений, образующие объективную сторону. Полагаем, что авторы законопроекта напрасно объединили в одну статью несколько составов преступлений, уже известных уголовному закону. Приём законодательной техники «всё то же, но в отношении… карается…» присущ способу описания квалифицирующих признаков, но не самостоятельной норме.

Меж тем, есть довольно интересные конкретизации. В части первой ст. 274.1 рассматривается создание и распространение вредоносных компьютерных программ (и иной

информации), заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру. Наибольшего возражения заслуживает заведомость, как неоднозначно трактуемый признак[3]. Под уголовно-правовой запрет ставится создание специальных средств совершения неправомерного доступа. Но не совсем понятно, какими объективными признаками должна обладать компьютерная программа, в целях указанной статьи. Утверждение будет верным лишь в том случае, если объекты инфраструктуры обретут уникальный механизм программной защиты. Что представляется весьма сомнительным, ибо принципы построения технологий защиты одинаковы для множества сфер оборота компьютерной информации. Но это лишь один из вариантов развития противоправных событий. Представляется, что существует целый ряд программных средств, способных причинить вред отдельному инфраструктурному объекту без всякой специфической направленности. К примеру, в ситуации DDOS-атак на государственные информационные ресурсы происходит блокирование критически-важной информации и средств их обработки. В подобном случае, становится фактически невозможно разграничить между собой составы преступлений, предусмотренные ст. 273 УК и ч.1. ст. 274.1.

В части второй ст. 274.1 предлагается криминализировать неправомерный доступ к информации, хранящейся на объектах инфраструктуры. Основное возражение вызывает последствие данного преступления: причинение вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации или создание угрозы его наступления. В общем случае неправомерный доступ влечёт за собой в виде последствий: уничтожение, блокирование, модификацию, копирование защищаемой компьютерной информации, если ориентироваться на существующую ст. 272 УК РФ.

Лишь в ч. 3 ст. 272 УК удаётся усмотреть некую аналогию с предлагаемой нормой: неправомерный доступ влечёт за собой тяжкие последствия или угрозу их причинения. Хотим обратить пристальное внимание читателя на тот факт, что в части третьей неправомерного доступа отражается классический способ изложения квалифицирующего признака: «то же деяние…». Таким образом, механизм причинения тяжких последствий посредством неправомерного доступа исходит из того, что первоначально осуществляется доступ; затем копируется, блокируется, модифицируется, уничтожается охраняемая информация; что выливается в последующем в тяжкие последствия или неизбежно ведёт к ним при непринятии мер.

В законопроекте Федеральной службы безопасности мы видим иное: «неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации… если он повлек причинение вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации или создал угрозу его наступления». Мало того, что авторы законопроекта опускают этап неправомерного воздействия на охраняемую информацию, так они ещё дают повод задуматься о действительном объекте состава данного преступления, как мы и писали ранее. Ибо характер причиняемого вреда явно не конретизирован.

В части третьей анализируемой новеллы (устанавливающей ответственность за нарушение правил эксплуатации аналогично содержанию ст. 274 УК РФ) также следует отметить некую несообразность. Исходя из смысла самого ПЗ 47591-7 в части толкования

основополагающих терминов, а также существующих ГОСТ 34.321-96 содержание предлагаемой уголовно-правовой нормы кажется излишне тавтологичным. По объективной стороне деяние представляет собой нарушений неких правил по «эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации». В связи с этим вызывает возражение использование далее по тексту таких формулировок как: «…или информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей и их оконечного оборудования, относящихся к критической информационной инфраструктуре Российской Федерации». Ведь информационная система как раз представляет из себя совокупность средств хранения, обработки и выдачи компьютерной информации, что по ГОСТу, что в соответствии с терминологией самого ПЗ 47591-7.

При этом авторы законопроекта считают возможным сформулировать диспозицию альтернативно. Наряду с «нарушением правил эксплуатации» равно возможно совершить «нарушение правил доступа к указанной информации, информационным системам, информационно-телекоммуникационным сетям и их оконечному оборудованию…», что не совсем логично, ибо неправомерный доступ к информации уже образует отдельный состав. Следовало бы обратить пристальное внимание на оригинальный посыл ст. 274 УК РФ, которая предусматривает нарушение правил доступа исключительно к материальной инфраструктуре, не смешивая её собственно с информацией, как таковой.

Очевидно, что в конструкции предлагаемых составов преступлений достаточно много логических ошибок, требующих устранения, прежде чем законопроект о поправках в УК РФ можно будет рассматривать по существу. Ныне оставим в стороне вопрос о предлагаемых авторами законопроекта квалифицирующих признаках, которые воспроизводят уже известные по тексту современного закона формулировки: группой лиц, организованной группой, с использованием лицом своего служебного положения и пр. Отдельные из них всё ещё носят дискуссионный характер в научных кругах[4, С.89].

За сим остаётся порекомендовать законодателю исходить из тех средств юридической техники, что уже имеются в его распоряжении: легальное определение компьютерной атаки, понятия объектов информационной инфраструктуры, компьютерного инцидента.

В таком случае диспозиция предлагаемой новеллы может свестись к простой не противоречащей уже существующим нормам конструкции: «Компьютерная атака в целях нейтрализации средств защиты информации, хранящейся в базах данных объектов критической информационной инфраструктуры влечёт за собой…». В таком виде норма представляет собой формальный состав, уже учитывающий «острую» необходимость противодействия угрозам информационной безопасности в каком бы смысле они не употреблялись узком – в терминологии ПЗ 47591-7, либо же в широком.

Ещё более логичной позицией было бы закрепление в тексте уголовного закона нового квалифицирующего признака: «то же деяние в отношении защищаемой законом компьютерной информации, содержащейся в базах данных объектов критической информационной инфраструктуры РФ». В данном случае мы советуем дополнить УК РФ примечанием к первой статье в которой он будет использован, которое будет содержать указание на нормативные акты, устанавливающие правовой режим критически важной

информации. Это упростит восприятие содержания бланкетной нормы для правоприменителя.

Литература

1. Амиянц К.А. Перспективы противодействия преступности с использованием «Черного Интернета» // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2017. – № 1 (21). – С. 101-104.

2. Ефремова М.А. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: монография. – Москва: Юрлитнформ, 2015. – 200 с.

3. Кобзева Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе: дисс. … к.ю.н. – Саратов, 2002. – 318 с.

4. Чемеринский К.В. Новеллы нормативной регламентации понятия должностного лица в уголовном праве: проблемы и перспективы // Международное научное издание Современные фундаментальные и прикладные исследования. – 2015. – № 3 (18). – С. 87-92.

УДК 378

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ, ВПЕРВЫЕ ПРИНИМАЕМЫХ НА СЛУЖБУ В ОВД И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

THE ISSUES OF TRAINING OF EMPLOYEES, FIRST EMPLOYED IN THE POLICE DEPARTMENT AND THEIR SOLUTIONS

Кочерова Л.А., преподаватель кафедры криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

Kocherova L.A., a teacher of the Department of Criminology of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MOI of Russia

e-mail: *kocherova1975@mail.ru*

Кочеров Ю.Н., кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

Kocherov Y.N., candidate of pedagogical Sciences, a teacher of the Department of administrative law and administrative activities of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MOI of Russia

e-mail: *kocherov71@mail.ru*

Димитров А.Н., старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

Dimitrov A.N. a senior teacher of the Department of administrative law and administrative activities of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MOI of Russia

e-mail: *dimitrovxxx71@ya.ru*

Аннотация: В статье рассмотрены актуальные вопросы и недостатки, связанные с организацией профессиональной подготовкой сотрудников полиции впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел на должности участкового уполномоченного полиции, лиц рядового и младшего начальствующего состава, предложения по их решению.

Abstract: The article deals with topical issues and shortcomings related to the organization of professional training of police officers for the first time taken on service in bodies of internal Affairs on the post of divisional Commissioner of police, persons of ordinary and younger commanding structure, suggestions for their solution.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, сотрудники полиции, самообразовательная деятельность, участковый уполномоченный полиции.

Keywords: professional training, police self-education activity, the district Commissioner of police.

Трагические события, которые произошли за последние 20 лет в городах Буденновске, Кизляре, Каспийске, Буйнакске, Владикавказе, Грозном, Нальчике, Москве, Беслане, Волгограде поставили под угрозу безопасность людей и целостность нашего

государства, вызывали серьезную озабоченность общества.[1, с. 406] «Рост преступлений различного рода в России в последние годы, гибель сотрудников органов внутренних дел при выполнении служебного долга, возрастающие требования в обществе к проблеме борьбы с преступностью предопределяют необходимость существенного повышения уровня профессиональной подготовки личного состава, поиска новых, эффективных путей его обучения». [2, с. 282]

Должное решение профессиональных задач зависит от степени их профессиональной образованности, подготовленности, ответственности. Поскольку их будущая профессиональная деятельность сопряжена с риском для жизни и здоровья и физического состояния, внутренней психологической напряженностью, поэтому процесс обучения лиц впервые принимаемых на службу в ОВД предъявляет особые требования к его организации, содержанию, контролю и оценке [3, с.56].

Примерная программа профессионального обучения (профессиональной подготовки) лиц рядового и младшего начальствующего состава, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел (на базе общего среднего и (или) среднего профессионального (неюридического) образования) по должности служащего «Полицейский», утвержденная 24.12.2013 г. начальником Департамента государственной службы и кадров МВД Российской Федерации, определяет цели и задачи обучения, сроки обучения, квалификационные требования и структуру подготовки, рабочий учебный план, включающий дисциплины обучения [4].

При детальном рассмотрении учебной нагрузки обучающихся по дисциплинам общепрофессионального и профессионального цикла наблюдаются несоответствия предъявляемых требований к сотрудникам ОВД.

Так при введении дисциплины «Русский язык в деловой документации. Культура речи» объемом учебного времени в 30 часов, из дисциплины «Первая помощь» убрали 6 часов, дисциплина «Организационно-правовые основы деятельности полиции» составила 8 часов учебного времени, в которой объем учебных часов отведенных на изучение такой темы, как «применение полицией физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия», опять составляет всего лишь 2 часа учебного времени (лекция) за весь период обучения, из этой темы в пользу дисциплины «Русский язык в деловой документации. Культура речи» забрали 4 часа учебного времени, в том числе из выше указанной темы.

Вызывает множество вопросов факультативные дисциплины, объем учебного времени, которых составляет 98 часов (дисциплина «Строевая подготовка» - 28 часов, «Общефизическая подготовка» - 30 часов, «Иностранный язык» - 40 часов).

На наш взгляд строевую подготовку достаточно проводить тренажами в период самоподготовки, построений и подготовке к предстоящим праздникам, где необходимо проведение построений подразделений, т.к. сотрудники ОВД мужского пола прошли военную службу 100%. Общефизическая подготовка должна войти в дисциплину «Физическая подготовка» это даст возможность уделить больше внимания на обучение сотрудников полиции боевым приемам борьбы. Изучение иностранных языков как показала практика обучения в период подготовки сотрудников ОВД к проведению XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи не принесла желаемых результатов,

здесь необходимы другие подходы к обучению, например, разработать памятку по общению с иностранными гражданами и внести изменения в приказ МВД России от 29.01.2008 № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» п. 89. «В зависимости от характера выполняемых задач наряду ППСП дополнительно может выдаваться» дополнив пунктом 89.24. «Памятка по общению с иностранными гражданами».

Также приказ МВД России от 29.01.2008 № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» в разделе «Полномочия нарядов ППСП по обеспечению безопасности дорожного движения» п. 218 определяет, что «Патрульные и постовые наряды обязаны: знать основные положения Правил дорожного движения, требования законодательства Российской Федерации об ответственности за их нарушение и порядок применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения», но не в одной дисциплине программы профессионального обучения нет ни слова об изучении Правил дорожного движения и требований законодательства Российской Федерации об ответственности за их нарушение. Этот пробел необходимо ликвидировать, путем введения дисциплины «Правила дорожного движения» или раздела в дисциплину «Профессиональные модули».

В связи с тем, что подразделения вневедомственной охраны вошли в состав нового министерства, войск национальной гвардии, назрела необходимость выведения из программы профессионального подготовки раздела 8.4. «Охрана имущества и объектов, в том числе на договорной основе» дисциплины «Профессиональные модули» и заменой его на такие разделы как «Взаимодействие сотрудников полиции с подразделениями ВНГ РФ», «Правила дорожного движения», «Применение полицией физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия и порядок оформления процессуальных документов», перераспределив учебные часы (в объеме 48 часов учебного времени) на вышеуказанные разделы и дисциплины.

Отдельно хотелось бы предложить рассмотреть вопрос о внесении во все примерные программы профессиональной подготовки актуальных, перспективных и жизненно необходимых тем в дисциплины по различным направлениям служебной деятельности такие, как лекция на тему: «Ядерный и радиологический терроризм. Ядовитые и радиоактивные вещества», «Экстремизм и терроризм в России» и практические занятия по теме «Тактика действий патрульно-постовых нарядов по предупреждению и пресечению правонарушений, совершаемых с помощью ядовитых и радиоактивных веществ».

Распространение в России экстремизма и терроризма, связывают чаще всего с территорией Северного Кавказа, в силу определенной криминализации округа, влияния новых реалий на обеспечение безопасности стратегических объектов и транспортных магистралей, масштабами и последствиями миграции, открытостью административных границ. [7, с 47]

Приведу некоторые примеры, так «в 1995 году в Измайловском парке в Москве был обнаружен размещенный чеченскими экстремистами контейнер с радиоактивным изотопом цезий-137. По данным «Независимой газеты», содержимое контейнера могло быть взято на

спецкомбинате по захоронению радиоактивных веществ «Радон», который использовался для содержания отходов 72 предприятий северокавказских республик, расположенном на территории Чечни. В 1998 г. на обочине шоссе Грозный-Аргун нашли маленькую железную болванку с источником излучения, дающую до 200 рентген в час. При кратковременном контакте с ним 2 человека получили сильные ожоги, одному из них в московской клинике пришлось ампутировать кисть руки. В 1999 г. в пригороде Гудермеса нашли две подготовленные к подрыву 200 литровые железные бочки, которые, судя по маркировке, были вытащены из могильника. В Мурманске, 25 ноября 2003 года, признан виновным и осужден заместитель директора ФПУП «Атомфлот», который двумя месяцами ранее пытался продать капсулу в которой находился примерно 1 килограмм радиоактивного вещества, содержавшего уран-235, уран-238 и радий-226, получивший в прессе название «дело о продаже "грязной бомбы"».. По данным ООН, только за 2014 год по всему миру зафиксировано более 250 преступлений, связанных с радиоактивными материалами. Угроза того, что рано или поздно они попадут в руки террористов, постоянно растет. Все приведенные примеры показывают, что необходимость усиления защищенности нашей страны от возможного применения ядерных и радиоактивных материалов возрастают». [6, с. 139]

Хотелось бы также уделить внимание проблеме самообразовательной деятельности сотрудников ОВД проходящих профессиональную подготовку.

Под самообразовательной деятельностью понимается такой процесс, при котором субъект соответственно своим внутренним побуждениям, поставленным перед собой целям, добровольно на основе имеющегося опыта самостоятельной работы стремится к овладению новыми знаниями, умениями и навыками, которые ложатся в основу его личностного и профессионального совершенствования. [8, с. 13]

В ходе исследования установлено, что «понимание личностью ценности самообразования наталкивается на ряд трудностей. Так, отсутствие интереса к самообразовательной деятельности обычно имеет место тогда, когда она не приобрела личностный смысл. Чтобы преодолеть такую ситуацию, уже на этапе профессионального обучения сотрудника органов внутренних дел необходимо формировать внутреннее «пристрастное» отношение к самообразовательной деятельности раскрывая два главных момента: 1) осознание объективной значимости самообразования как феномена в современных условиях жизнедеятельности; 2) понимание личностью субъективной значимости самообразования как ценности для себя». [10, с. 64]

Это достигается путем формирования у сотрудника органов внутренних дел положительной устойчивой мотивации к самообразовательной деятельности и может осуществляться с помощью таких приемов, как разъяснение практической значимости самообразования; развитие потребности у сотрудника в самообразовании и др. [9, с. 64]

Для решения этого вопроса предлагаю ввести факультативные занятия на такие темы, как «Самообразование сотрудника органов внутренних дел», «Готовность сотрудника ОВД к самообразовательной деятельности» и другие варианты. Таким образом обучение должно быть согласовано с уровнем развития, умственных способностей, первоначального образования, психофизиологических особенностей будущих сотрудников органов внутренних дел, следовательно, необходимо прибегнуть к различным педагогически

обоснованным технологиям. [10, с. 253] Сотрудников необходимо учить самообразовательной деятельности, для получения опыта самостоятельной работы, тогда и самостоятельная подготовка будет давать хорошую отдачу при подготовке к дисциплинам обучения.

Так в своей статье «Оптимизация организационно-структурного построения территориальных органов МВД России в условиях сокращения объема финансирования» заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации генерал-полковник полиции А. Гостев указывает, что «непростая экономическая ситуация, сложившаяся в стране, диктует необходимость сосредоточить усилия МВД РФ и руководителей всех уровней на адаптации служебной деятельности органов и подразделений с сокращенным штатным наполнением и ограниченным кадровым потенциалом», и добавляет «приоритетной задачей становится повышение эффективности использования всех имеющихся ресурсов… так как на первый план выходит необходимость учитывать финансовые возможности МВД России». [5]

Таким образом, можно сделать вывод:

1. ежегодно вносить предложения от образовательных учреждений и территориальных органов МВД РФ, по изменению дисциплин, разделов, тем в примерные программы профессиональной подготовки;
2. Внедрять новые актуальные темы в процесс обучения в пределах установленных часов учебной нагрузки дисциплин.
3. Ввести факультативные занятия в программу профессиональной подготовки для приобретения слушателями опыта самостоятельной работы к овладению новыми знаниями, умениями и навыками.

Литература

1. Димитров А.Н., Кочеров Ю.Н. Актуальные вопросы применения сотрудниками полиции мобильных инспекционно-досмотровых комплексов и рентгенотелевизионных интроскопов по предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию доктора юридических наук, профессора Виктора Васильевича Денисенко. 2016. С. 406-410.

2. Кочеров Ю.Н. Актуальные вопросы в оценке профессиональной подготовленности сотрудников патрульно-постовой службы полиции // В сборнике: Актуальные вопросы науки и практики Сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции, посвященной Дню российской науки. 2017. С. 282-284.

3. Кочеров Ю.Н. Рейтинговая оценка профессионального обучения будущих бойцов отрядов милиции особого назначения // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2009. № 12. С. 56-58.

4. Кочеров Ю.Н. Самопознание в профессиональном становлении и развитии сотрудника органов внутренних дел // Вестник Академии права и управления. 2015. № 40. С. 268-273.

5. Кочеров Ю.Н. Кочерова Л.А. Актуальные проблемы профессиональной подготовки участковых уполномоченных полиции в вузах МВД России // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 15-2. С.151-153.

6. Кочерова Л.А., Кочеров Ю.Н. Применение сотрудниками полиции мобильных инспекционно-досмотровых комплексов как средства противодействия ядерному и радиологическому терроризму // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37). С. 138-142.

7. Сотников С.С., Кочеров Ю.Н. Совершенствование деятельности участковых уполномоченных полиции по профилактике экстремистских проявлений в высших и средних специальных учебных заведениях // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения): в 3-х томах. Под редакцией Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. 2016. С. 47-51.

8. Кочеров Ю.Н. Формирование готовности сотрудника органов внутренних дел к самообразовательной деятельности (на материале профессионального обучения лиц, впервые принимаемых на службу в ОВД РФ): автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.08. Владикавказ, 2016.

9. Кочеров Ю.Н. Психолого-педагогические условия, детерминирующие готовность сотрудника органов внутренних дел к самообразовательной деятельности// Мир науки, культуры, образования. 2014. № 2 (45). С. 64-66.

10. Кочерова Л.А., Кочеров Ю.Н., Медведщикова Л.В. Индивидуально-дифференцированный подход как педагогическая технология в профессиональной подготовке сотрудников ОВД // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 1 (21). С. 249-253.

УДК 34

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОПРОЕКТА «О РОДОВЫХ ПОМЕСТЬЯХ И РОДОВЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ В РФ»

ACTUAL ISSUES ON IMPROVEMENT OF THE LAW OF PROJECT «ON GENERAL PORTRAITS AND GENERAL SETTLEMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION»

Куджева Е.К., Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин

Kudzheva E.K., North-Caucasian state Humanitarian and Technological Academy, senior lecturer of the department civil and legal disciplines

e-mail: *elenakerimovna@yandex.ru*

Аннотация: В статье отмечается, что идея Родовых поместий - единственно возможный ответ на многие неразрешимые вопросы современной цивилизации. Выполнен анализ законопроекта «О Родовых поместьях и Родовых поселениях». Выявлены недостатки законопроекта, оценено их влияние на реализацию задач инновационного развития России. Сформулированы предложения, необходимые для продвижения и принятия законопроекта о Родовых поместьях.

Annotation: The article notes that the idea of ancestral estates is the only possible answer to many unsolvable problems of modern civilization. The analysis of the draft law "On the Ancestral Manors and the Ancestral Settlements" was carried out. The shortcomings of the draft law have been identified, their impact on the implementation of the tasks of Russia's innovative development has been assessed. The proposals necessary for the promotion and adoption of the Bill on the Ancestral Manors are formulated.

Ключевые слова: Родовое поместье, Родовая земля, родовая усадьба, пожизненное пользование землей, селение родовых поместий, сотворение, право на землю.

Keywords: Family estate, Family land, Family manor, lifelong use of land, village of ancestral estates, creation and right to land.

В России земля всегда считалась матерью богатства, отцом был труд, который дает неиссякаемую силу земле, делая ее милой, красивой, необъятной, щедрой и хлебодарной. Это она, земля, обласканная трудом крестьянина, кормила, кормит и будет кормить еще многие годы не одно поколение, давая к столу самое необходимое для жизни - продовольствие.

Когда были неурожайные годы, проходили опустошительные войны, людей постигало ужасающее испытание -голод. Об этом старшее поколение помнит и всегда с признательностью и почтением относиться к его величеству Хозяину земли – за его усердие и нелегкий труд, за то, что он кормит нас, дает возможность жить и творить.

На самом деле россияне испокон веков относились к родной земле как к матушке, к хлебу с уважением и с большим трудолюбием. Очень важно, чтобы тот, кто на сегодня хочет взять Родовое поместье в России не утратил эти уникальные качества и чувство хозяина земли.

Согласно законопроекту «О Родовых поместьях и Родовых поселениях в Российской Федерации», который был опровергнут Государственной Думой в 2015 году, Родовое поместье – это специально отведенный участок земли размером от 1 гектара до 1 гектара 10 соток с находящимися на нём зданиями, строениями, сооружениями, предоставленный гражданам на праве пожизненного наследуемого владения для создания на нем гражданами родовых поместий и родовых поселений. Законопроект, имеет сложную и трудную ориентацию нашего современного движения**.**

В нем содержится ряд понятий, которые не раскрываются в настоящее время в законодательстве Российской Федерации. Это такие понятия, как родовое поместье, родовая земля, пожизненное пользование землей, селение родовых поместий, сотворение, право на землю и др. Вступление этих понятий в законодательство РФ требует внесения поправок в Конституцию РФ, Земельный кодекс и другие законодательные акты.

Раскрывая понятие родовая земля, надо отметить, что оно несёт двоякий смысл. Родовая земля – это уникальная новая категория и форма землепользования предназначенная для создания на ней родовых поместий, и в то же время, это место проживания и укрепление рода, на которой создаётся новое родовое поместье 21 века.

Необходимо отметить, что эта категория, имеет ряд отличительных признаков – в состав родовых земель могут входить земли из других категорий земель, она предназначается только для создания родовых поместий. Это земли, которые выведены из сельскохозяйственного оборота, и могут войти в основываемый Фонд родовых земель, предназначенный для обустройства родовых поместий. Это земли заброшенных деревень, плешины, неиспользуемые земли, гари, редины в землях лесного фонда и др. Они не покупаются, не продаются, находятся в пожизненном наследуемом пользовании, не облагаются налогами. Таких брошенных земель в Российской Федерации 450 млн. га. Для создания родовых поместий в России этого вполне достаточно. [3]

В соответствии с законопроектом гражданин России, достигший 18 лет, имеет право в безвозмездное пользование получить для обустройства РП – земельный участок размером не менее 1 гектара, так как создание желаемой им экосистемы затруднительно на меньшей площади. Земельный участок передается во владение гражданам вместе с правом его пожизненного и наследуемого владения, но при этом собственник такого земельного участка не имеет право наего отчуждение (продажу), дарение, залога или изменение назначения пользования данным земельным участком. Законом также предусмотрена возможность создание родовых поселений – населенных пунктов, состоящих из нескольких родовых поместий. Органом местного самоуправления в таком поселении может быть территориальное общественное управление или другой орган, который избирают на общем собрании жителей такого поселения.

Размеры земельных участков будут определяться местными органами в зависимости от численности граждан, проживающих на территории данного населенного пункта и

претендующего на земельный участок, а также типа земли, ее плодородия, место расположения и т.д.

В соответствии с законопроектом «О Родовых поместьях и Родовых поселениях в Российской Федерации» на данной территории можно построить дом, гараж, баню и другие строения; посадить сад, огород; выращивать многолетние травы; открыть мастерскую; выкопать свой пруд для выращивания водорослей и рыбалки; поставить беседку; заложить лес по периметру, завести пчел, птицу, животных и.т.д. Следовательно, на одном гектаре можно разместить все необходимые для человека объекты, что невозможно на дачных 6 сотках земельного участка.

Этот закон поможет восстановить в России сельское хозяйство, заселить пустующие территории, освоит их и превратить в цветущие сады.[7]

Серия художественных книг Владимира Мегре «Звенящие Кедры России» нас глубоко знакомят с Родовыми поместьями и с Родовыми поселениями. Читатели этих книг по-разному относятся к ним и по-разному представляют жизнь в родовых поместьях.

Одни считают, чтоэти территории будут способствовать изменению образа жизни многих людей и принесет людям мир, гармонию, достаток и процветание государству. Они уверены, что жизнь в родовых поместьях, будет беззаботной и без особого на них труда с неба, будут сыпаться все блага и манна небесная.

Другие считают, что на сегодняшний день, лишняя земля, это лишние затраты и проблемы. На самом деле обрабатывать и наводить должный порядок на 1 га земли это очень трудно, сложно и тяжело, не имея под рукой ни машин, ни сельскохозяйственной техники, ни знаний и умений. Мало того Родовые поместья хотят освоить в основном молодые люди, не имеющие представления о сельской жизни горожане, да и многие современные сельчане, которые сейчас ничем не отличаются от них. По имеющейся информации большинство граждан, которые на сегодня хотят иметь эти поместья, не имеют должного опыта и образования. Это в основном те, которые в руках не держали косу, тяпку, лопату, топор и не знают, как выращивают овощи, фрукты и другие сельскохозяйственные культуры. Тут не каждый может найти себе применение в Родовых поместьях и родовых поселениях. Так сельскохозяйственный труд не легок, зачастую он тяжелый и требует соответствующие, навыки знания, и должные умения. К нему надо привыкнуть и очень надо его полюбить.

Например, в Родовом поместье, чтобы выращивать какие-нибудь культуры необходимо обработать почву вручную, прорывать, удалять сорняки (полоть), подсыпать грунт к саженцам, подкармливать питательными веществами, вести постоянную борьбу с болезнями и вредителями растений, собирать урожай и т.д. Повторять эти операции приходится десятки и сотни раз в течение сезона. [5. С.6]

Не меньше, чем физическая сила, в Родовых поместьях нужны глубокие знания по сельскохозяйственному производству, так как с ними люди будут сталкиваться со многими растительными культурами и животными, а для этого нужен определенный минимум профессиональных знаний. Даже при наличии сельскохозяйственного образования необходимо периодически обновлять свои знания, следить за специальной литературой,

стараться использовать те или иные новшества, новые агротехнические приемы и следить за охраной почвы в своей повседневной работе.[1С.12.]

Специфика работы в Родовом поместье предполагает постоянное совмещение физического и умственного труда. Житель Родового поместья должен уметь все делать без лени и на научной основе.

Владельцу Родового поместья предстоит серьезная психологическая перестройка, концентрация нравственных и физических усилий, необходимая для борьбы с неизбежными на первых этапах трудностями. Он должен быть готов взять на себя весь риск, связанный с производственной деятельностью в Родовом поместье.

Прежде чем принять решение о создании Родового поместья, будущему хозяину очень важно все тщательно взвесить и обдумать, оценить свои силы, знания, возможности и способности. В первую очередь необходимо знание основных нормативных правовых актов, регулирующих всю трудовую деятельность Родовых поместий, местных природно-экономических условий, основ выращивания различных сельскохозяйственных растений и животных.

Российский законопроект о Родовых поместьях предполагает возможность для граждан России получить один раз бесплатный земельный участок в любом субъекте Российской Федерации страны на постоянное владение и пользование. Предполагается, что земля, полученная гражданином РФ во владение и пользование, а также постройки, строения и сооружения на территории родового поместье не должна облагаться никакими налогами и сборами, и передается эта земля по наследству. Налогами не облагаются также сельскохозяйственная продукция и изделия народного промысла, полученные, путем использования территорий РП.

Участок земли, который выделяется, для создания на нем родового поместья может быть предоставлен гражданину по его заявлению в соответствующий орган. Такой участок земли может быть предоставлен в любом субъекте Российской Федерации, по желанию лица подавшего заявление, независимо от его прописки и места жительства. Однако, этот земельный участок должен располагаться на территории, которая была специально выделена в соответствии с генеральным планом.

Государство имеет право отказать в предоставлении требуемого земельного участка только в следующих случаях: 1) если он исключен из оборота; 2) если егов соответствии с федеральным законом нельзя приватизировать; 3) если он запланирован для государственных или муниципальных нужд. Наличие иных факторов или обстоятельств не может служить основанием для отказа в предоставлении земельного участка для обустройства Родового Поместья.

Иностранные граждане и лица без гражданства, получившие российское гражданство могут приобрести земельные участки для обустройства Родового Поместья в Российской Федерации.

Рассматривая законопроект «О Родовых поместьях и Родовых поселениях в Российской Федерации», а именно тот вариант, который разработан на сегодняшний день, можно заявить, что на данный момент — это еще достаточно «сырой», не проработанный в деталях, законопроект, который должен подвергнуться серьезным изменениям.

Проблемы данного законопроекта:

1. Законопроект предусматривает, что в случае развода супругов родовое поместье при согласии обеих сторон остается у одного из супругов, а если согласия нет, то родовое поместье остается у того супруга, с которым будут жить дети. Анализируя данный законопроектнадо отметит, что несмотря на то, что родовое поместье находится во владении хозяина мужчины (женщины), например, в третьем родовом поколении, то при разводе оно может быть потеряно владельцем фактически из-за того, что со вторым супругом матерью остаются жить дети.

2. Законопроектом не регулируется возможность получения денежной компенсации для владельцев родовой земли в случае передачи ее другому владельцу. Это условие является спорным, так как на этих землях, предыдущим владельцем, могли быть проведены все необходимые земельные работы (расчистка поверхности участка, проведение мелиоративных работ, благоустройство территории, рекультивация земель), в результате которых многократно увеличилась бы стоимость земли.

3. Из-за того, что право выделять землю во владение граждан в соответствии с законопроектом принадлежит местным властям, то появляется возможность того, что это может породить широкие возможности коррумпирования соответствующих чиновников, которые за соответствующую плату могут предоставить лучшие земли более предприимчивым гражданам России.

4. Из данного законопроекта вытекает, что родовая земля не может быть передана за долги, но за постройки и насаждения владелец земель может получить денежную компенсацию. Из этого возникает вопрос, могут ли постройки и насаждения на родовой земле пойти в счет погашения долгов, и какая процедура для этого существует?

5. Принимая во внимание многонациональный состав некоторых субъектов Российской Федерации, с ее многовековыми традициями и обычаями и нравами и особенно в вопросах расселения с учетом интересов родоплеменных и национальных особенностей нам кажется, что рассмотрений вопросов о родовых поместьях и родовых поселениях особенно народов Северного Кавказа следует крайне внимательно и тщательно изучить все стороны этой проблемы и выработать такой вариант закона, который-бы удовлетворил все пожелания лиц желающих иметь родовое поместье или проживать в конкретном родовом поселении.

6. Еще одной проблемой, связанной с данным законопроектом, является то что, историческая память граждан имеет продолжительный характер, и никто из них не забыл о том, как после революции 20-го столетия все земли и строения на них были принудительно изъяты из собственности граждан в государственную собственность. Гарантий повторения таких мер никаких нет, что аналогичное не повторится в будущем.

Для продвижения и принятия законопроекта «О Родовых поместьях и Родовых поселениях в Российской Федерации » на наш взгляд необходимо:

1. Органам государственной власти РФ более тщательно переработать данный законопроект, и после этого сделать разработанный законопроект доступным для всеобщего общественного обсуждения граждан.

Считаем, что доработкой данного законопроекта должны заниматься профессиональные юристы, у которых есть способности для изменения данного законопроекта в безупречный действенный закон, без существенных юридических ошибок и упущений, которые перечислены в нашей статье и другие серьезные пробелы, которые имеются в этом законопроекте.

Так же для доработки законопроекта, нужно привлекать и других грамотных и квалифицированных специалистов, которые являются специалистами в области земельного, экологического, природоресурсного, водного, а также и других правовых дисциплин. Необходимо в свою очередь привлечьдолжных специалистов, которые способны в проведении качественногоанализа и исследования и внедрения подобного исторического опыта за рубежом и внутри России в прошлом.

2. Органам государственной власти в РФ, с учетом негативного исторического прошлого и опыта владения гражданами родной землей, необходимо попытаться, чтобы граждане смогли поверить в то что, изъятие у них земли невозможно, по примеру того что было в России в XX веке.

Важнейшим направлением деятельности Родового поместья должно стать производство экологически чистой продукции. В родовых поместьях следует добиться производства экологически чистой безопасной продукции на осваиваемых целинных земельных участках, путем внедрения путем отказа от применения вредных химических препаратов и замены их биологическими средствами защиты растений, путем широкого внедрения природных мелиоративных методов защиты почвы, путем современных агротехнических приемов по обработке почв и использовании органических удобрений. [1.С.145]

Особая роль в Родовых поместьях должна уделяться семье. Для того, чтобы дети были целеустремленными, развитыми, здоровыми, испытывали неиссякаемую любовь к природе и берегли её, следует предусматривать целевые программы, сконцентрированные на упрочение семьи, семейно-родовых связей и рождение потомства уже с новым сознанием.

Немаловажное место в законопроекте уделяется вопросам экологии, и в первую очередь улучшению верхнего гумусового слоя земли. В родовых поместьях должны знать все о том, что повышение плодородия почвы - основа получения высоких урожаев, тем более земля должна находиться в пожизненном наследуемом пользовании Рода, и поэтому жители Родовых поместий должны постоянно заботиться о непрерывном повышении ее плодородии. Такая работа проводится для того, чтобы передали следующему поколению плодородную и обогащенную землю необходимыми питательными веществами. Нельзя забывать в РП о щадящих агротехнических приемах, направленных на повышение плодородия почвы. Так будет происходить процесс возрождения заброшенных земель в РФ.

Всесторонность проживания человека в родовых поместьях немыслимо без культуры. В проекте закона есть раздел, связанный с возрождением культуры наших предков. Он направлен на создание и упрочение семьи, по-этому в законопроекте имеются главы о возрождении обрядов любви; праздниках, связанных с циклами природы, что укрепляет слаженную связь с окружающей природой.[4] Новые методы воспитания и обучения детей

сделают сельскую культуру более привлекательной и соблазнительной, что приведет к притоку людей в село и восстановлению села.

Личное Родовое поместье для каждого по-своему необычно, уникально и неповторимо. Следует отметить, что в них много общего, что закономерно. Ведь нельзя создавать уютное компактное родовое поместье, не используя опыта предков, соседей, других народов, а также национальные традиции, которые необходимо беречь и развивать. Это место жизнедеятельности семьи, где совмещаются функции жилья и производства сельскохозяйственной продукции. [7.С.10.]

Реализовать идею создания родовых поместий можно только через принятие закона о родовой земле и родовых поместьях. Это можно было обеспечить через внесение поправок в существующие законы. А для выражения всей полноты идеи о родовых поместьях необходим отдельный закон, который требует изменений не только в Конституции РФ и Земельном кодексе, но и в других нормативно-правовых актах и тем самым, такой подход изменит развитие общества в сторону приоритетов семьи, экологии, образования, культуры.

Самым основательным образом обсуждается сейчас закон о земле, потому, что Президентом РФ В.В. Путиным обозначена задача возрождения села и развитие сельских территории, а для этого нужны новейшие законы о земле. Исходя из всего сказанного, надо отметить, что государство готовится к новой земельной реформе в России и намерено принять все необходимые законы по передаче людям земли под поместья.

Возможны и другие варианты проведения закона на государственном уровне. И такие варианты уже есть во многих регионах России. Так что процесс юридической легализации родовых поместий уже идет. Осталось только ждать реализации закона на уровне федерального закона. И это сбудется.

В заключении следует подчеркнуть, что родовые поместья наш национальный приоритет на весь XXI век. Задачи, которые предстоят решать, необычные по значимости и масштабу, а это значит, что шаги наши должны быть нестандартными. Вот предложенный вашему вниманию проект федерального закона как раз один из невероятных и нестандартных средств решения тех закоренелых проблем, которые существуют у нас в России. Мы считаем, что данный закон повысит привлекательность России и нашего региона для местных жителей в первую очередь и позволит привлечь граждан Российской Федерации из других регионов.

Литература

1. Азбука фермера: учеб. пособие /П.А. Андреев [и др.].- М.: Колос, 1994.

2. Голошевская И.С., Агафонова О.В. // Производство экологически чистой продукции: сегодня и завтра // Молодой ученый. - 2011. - №4. - Т.1.- С. 145-148;

3. Возрождение России. Программа развития родовых поместий[Электронный ресурс], Режим доступа: http://gazeta.rodpomestye.info;

4. Земля-пространство любви. Земля – пространство родовых поместий. [Электронный ресурс], Режимдоступа: http://rodnoe.info/tvor/kostin6.html;

5. Куджева Е.К. Азбука хозяина земли: пробный учебник по основам фермерства Карачаево-Черкесской Республики/ Е.К. Куджева. - Черкесск.: Книжное издательство, 1997.;

6. Международный портал «Звенящие кедры» [Электронный ресурс], Режим доступа: http://www.anastasia.ru/. – Загл. с экрана;

7. Энциклопедия сельского хозяина: учеб. пособие/ Саченко Б.И. [и др.].- МИНСК.: Издательство «Белорусская Энциклопедия» имени Петруси Бровки, 1994;

8. Вопросы и ответы по оформлению земли. [Электронный ресурс], Режим доступа: rasvetkubani.ru›znanie/text…oformlenie_zemli.html.

УДК 34.347

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСНОВАНИЯ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ
PROBLEMS OF DETERMINING THE LIMITS OF PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE ARBITRATION PROCESS

Кулик Т.Ю., Филиал ЧОУ ВО «МУ им.С.Ю.Витте» в г.Ростове-на-Дону, зав. кафедрой гражданского права и процесса, кандидат юридических наук

Kulik T.Yu., Branch of the Private Enterprise «MU named after S.Yu. Witte» in Rostov-on-Don, Head of Department of Civil Law and Process, Candidate of Legal Sciences

e-mail: *rostnev@gmail.com*

Аннотация: Рассмотрены подходы к определению категорий дел, по которым прокурор вправе участвовать в арбитражном процессе.

Annotation: Approaches to determining the categories of cases on which the prosecutor is entitled to participate in the arbitration process.

Ключевые слова: арбитражный процесс, арбитражный суд, прокурор.

Key words: arbitration process, arbitration court, prosecutor.

Основу статуса прокурора составляют правомочия, перечисленные в Федеральном законе от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Вместе с тем процессуальные аспекты участия прокурора в арбитражных судах закреплены в арбитражном процессуальном законодательстве. В связи с этим возникает ряд коллизий, решение которых необходимо для эффективного правового регулирования деятельности прокурора в арбитражном процессе.

Традиционно прокурор относится арбитражным процессуальным законодательством к лицам, участвующим в деле (ст. 40 АПК РФ). В литературе подчеркивается наличие заинтересованности – процессуальной, в исходе дела [1], хотя и отмечается, что высказывается и другая точка зрения на статус прокурора в процессе [2]. Такой же статус отводится прокурору и в гражданском процессе (ст. 34 ГПК РФ). Причем, в отличие от ГПК РФ, который подчеркивает, что «прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований» (ст. 45), арбитражное процессуальное законодательство отводит прокурору более «скромную» роль, ограничивая его полномочиями, указанными в ст. 52 АПК РФ.

Следует особо подчеркнуть, что последняя категория дел была включена в ст. 52 АПК РФ только в 2014 году. И участие прокурора в этой категории дел имеет ряд особенностей. Так, в иске прокурор должен осуществлять выбор способа защиты нарушенного права и формулировать заявленные требования в соответствии с правовыми нормами, добиваясь реальной защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод или законных интересов граждан, общества или государства [3]. Причем, «будучи процессуальным истцом по делу,

действуя в соответствии с принципами диспозитивности, прокурор не вправе требовать возмещения ущерба, взыскания суммы долга, присуждения иных выплат» [4].

Поэтому дискуссионной можно признать точку зрения Г.И. Залюковой, которая полагает, что «если в соответствии со ст. 46 ГПК и ст. 53 АПК органы власти обращаются в суд в защиту чьих-либо интересов исключительно в случаях, предусмотренных законом, то в ст. 45 ГПК и ст. 52 АПК таких ограничений нет. Сравнение юридического интереса органов власти и прокуратуры показывает, что круг гражданских дел, в которых может участвовать и которые может инициировать прокурор гораздо шире, но самое главное – он не ограничен случаями, предусмотренными законом» [5].

По указанным в ст. 52 АПК РФ категориям дела прокурор вправе вступить в арбитражный процесс на любой стадии, т.е. не только при рассмотрении дела по первой инстанции, но и при пересмотре судебных актов. О.В. Янчуркин подчеркивает, что своевременное и эффективное выполнение прокурорами своих полномочий, в т.ч. путем обращения в арбитражный суд, является важным механизмом обеспечения законности в сфере управления и распоряжения государственной и муниципальной собственностью является основным средством восстановления нарушенных прав Российской Федерации, экономических интересов общества и государства, пресечения установленных нарушений закона, привлечения правонарушителей к ответственности [6].

Вместе с тем ограничение категорий дел, по которым в суд могут обращаться не сами стороны материального правоотношения, в общем допускается в рамках закона. Например, ЕСПЧ подчеркивает, что право на доступ к правосудию не является абсолютным и, как следствие, может быть подвергнуто определенным ограничениям со стороны национального законодательства, но с условием разумной соразмерности между используемыми средствами и законной целью таких ограничений [7]. Данный смысл дает направление закрепления в российском законодательстве различных условий, которые устанавливают ограничения при инициировании судебной деятельности в арбитражный суд. Например, соответствующие ограничения по обращению в арбитражный суд есть у прокурора [8].

Однако, несмотря на ограниченный, казалось бы, перечень дел, указанных в ст. 52 АПК РФ, Конституционным Судом РФ подчеркивается, что часть 1 статьи 52 АПК Российской Федерации, содержащая перечень дел, инициируемых прокурором в суде, не исключает право заинтересованного лица на судебную защиту путем самостоятельного обращения в арбитражный суд и не может рассматриваться как нарушающая конституционные права [9]. Другими словами, если лицо считает свое право нарушенным, но по этой категории дел участие прокурора в арбитражном процессе исключено, он вправе сам обратиться в арбитражный суд. Аналогичный вывод содержится и в других актах Конституционного Суда РФ [10].

Некоторые авторы, в частности А.А. Котов, не соглашается с законодателем в части установления исчерпывающего перечня дел, по которым АПК РФ предусматривает право прокурора на обращения в арбитражный суд. Он указывает, что при таком подходе ограничиваются возможности прокуратуры в решении поставленных перед ней задач, поскольку споров, в которых могут затрагиваться интересы государства, значительно больше, нежели указанных в ст. 52 АПК РФ [11].

Анализируя ранее действующее законодательство, нетрудно заметить, что статьи 4 и 41 ранее действующего АПК РФ 1995 года предоставляли прокурору право на обращение в арбитражный суд с иском в защиту государственных и общественных интересов, не уточняя при этом перечень дел. Именно поэтому авторами неоднократно указывалось на такие недостатки АПК РФ 1995 года, как конфликт частного и публичного интересов в делах с участием прокурора, а также недопустимость вмешательства в частноправовые отношения, не связанные с защитой публичных интересов [12]. В.М. Шерстюк категорично отмечает, что «в период действия АПК РФ 1995 г. участие прокурора в арбитражном процессе стало по существу нормой, а не исключением, что не способствовало укреплению принципа диспозитивности» [13].

Отрицательно относится к участию прокурора вне уголовной юстиции и Европейский Суд по правам человека, который неоднократно подчеркивал, что «одно лишь присутствие прокурора на судебных заседаниях, «активное» или «пассивное», нарушает право на справедливое разбирательство дела… Однако это напоминание относится к случаям, когда отсутствуют какие-либо особые обстоятельства, оправдывающие участие прокурора в процессе (обоснованная, признанная цель, публичный интерес)» [14].

В современном арбитражном процессуальном законодательстве законодатель пошел по пути ограничения участия прокурора, что и нашло закрепление в ст. 52 АПК РФ. По мнению, В.М. Шерстюка, «изложенные правила сформулированы четко и ясно, а потому не дают возможности для их расширительного или ограничительного толкования» [13]. В тоже время, несмотря на, казалось бы, закрытый перечень дел, уже в п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 марта 2012 года № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» категория дел конкретизируется. В частности, указывается, что «с учетом части 1 статьи 202 и части 1 статьи 207 АПК РФ, поскольку главой 25 Кодекса не установлено иное, полномочия прокурора на участие в делах об административных правонарушениях определяются в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Арбитражным судам следует иметь в виду, что прокурор вправе обратиться в арбитражный суд, в частности, с требованием о ликвидации юридического лица вследствие неоднократного или грубого нарушения этим юридическим лицом исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации, а также с требованием о сносе самовольной постройки в целях защиты публичных интересов (статьи 1253, 222 Гражданского кодекса Российской Федерации)» [15]. Еще одним примером может случить правило, закрепленное в ст. 61 ГК РФ.

Дополняется категория дел, по которым прокурор может обращаться в арбитражный суд и другими актами судов. Например, в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 9 декабря 2010 года № 143 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации» указывается: «Прокурор вправе обратиться в арбитражный суд с иском о сносе самовольной постройки в целях защиты публичных интересов». Вместе с тем прокурор в силу статьи 52 АПК РФ не обладает правом на предъявление иска о сносе самовольной постройки, которая создана с нарушением исключительно гражданского права законного владельца земельного участка» [16].

В связи с таким подходом арбитражных судов к реализации права прокурора обратиться с заявлением о сносе самовольной постройки, в научной литературе предлагается прямо отразить это право в ст. 52 АПК РФ [17].

Предложения о расширении компетенции прокурора не раз высказывалось в литературе. Д.Х. Валеев полагает, что «прокурор вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом: когда им обнаружены признаки преднамеренного банкротства; когда у должника имеется задолженность по обязательным платежам; в интересах кредитора по денежным обязательствам – Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования; в иных случаях, предусмотренных федеральными законами» [18]. Хотя АПК РФ такого указания не содержит.

Е.В. Рыгалов выделяет два условия, при наличии которых прокурор вправе обратиться в арбитражный суд: если такое обращение единственно возможный способ устранения нарушения законности и сами нарушители отказываются добровольно их устранить [19].

Касательно возможности прокурора обращаться в арбитражный суд по делам, возникающим из административных правоотношений, в литературе высказываются различные точки зрения. Одни авторы предлагают закрепить возможность его обращения по таким категориям дел в качестве административного органа [20], другие считают возможным направление прокурором материалов по факту выявленных нарушений законов в орган административной юрисдикции, должностные лица которого уполномочены в соответствии со ст. 28.3 КоАП РФ составлять протоколы о таких административных правонарушениях с тем, чтобы уже административный орган возбуждал дело по данному правонарушению [21], что представляется весьма сложным, т.к. ряд дел об административных правонарушениях в принципе может возбуждать только сам прокурор, а рассматривать – арбитражный суд.

И.С. Викторов прямо отмечает, что «в сфере административной юрисдикции продолжается тенденция роста нарушений законов, в связи с чем задачи прокурорского надзора обусловлены состоянием законности на этом направлении деятельности органов прокуратуры» [22]. И если ранее прокурор исключался из субъектов обжалования по данной категории дел, как не являющийся непосредственным лицом, участвующим в деле по ст. 24.5 КоАП РФ, то Верховный Суд РФ внес коррективу в такой подход, указав, что «положения ст. 24.6 КоАП РФ, согласно которой прокурорский надзор не может осуществляться в отношении дел, находящихся в производстве суда, не исключает право прокурора приносить протест на любое постановление по делу об административном правонарушении независимо от его участия в деле, поскольку это прямо предусмотрено в ст. 25.11 КоАП РФ» [23].

Кроме того, в литературе указывается на возможность участия прокуроров в арбитражном процессе по определенным, не включенным в ст. 52 АПК РФ, категориям дел. Так, А.К. Мухаметов пишет, что «по спорам, возникающим из экологических правоотношений, участие прокурора в арбитражных судах осуществляется по незначительной категории дел, к которой относятся споры, связанные с правом публичной собственности на земельные участки. Это, в частности, дела о признании отсутствующим права собственности Российской Федерации на земельный участок, в рамках которых

прокурор вступает в дело в порядке ч. 5 ст. 52 АПК РФ, или по спорам о признании недействительным договора купли-продажи земельного участка, часть которого является береговой полосой водного объекта [24]» [25].

С.А. Халатов обращает внимание и на еще одну особенность. ГК РФ в ст. 1253 предусматривает возможность ликвидации юридического лица при неоднократном или грубом нарушении прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации по требованию прокурора по решению суда. Но ни Конституция РФ, ни арбитражное процессуальное законодательство не предусматривает регулирование процессуальных отношений нормами материального права. С.А. Халатов полагает, что принимая во внимание правило lex specialis derogat generali «следует сделать вывод о том, что норма ст. 1253 ГК является специальной по отношению к нормам АПК, поскольку регламентирует не общие вопросы участия прокурора в арбитражном процессе (как нормы АПК), а специальное основание для обращения прокурора в арбитражный суд» [26].

Говоря об оспаривании ненормативных правовых актов, необходимо учитывать, что Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 марта 2012 г. № 15 содержит указание на то, что «прокурор вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным ненормативного правового акта, если полагает, что оспариваемый акт не соответствует закону или иному нормативному правовому акту и нарушает права и законные интересы неопределенного круга лиц или иные публичные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (абзац первый части 1 статьи 52, часть 2 статьи 198 АПК РФ)». Это положение уточняет ч. 2 ст. 198 АПК РФ, которая, говоря о полномочиях прокурора, предусматривает, что «прокурор, а также органы, осуществляющие публичные полномочия, вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц, если они полагают, что оспариваемый ненормативный правовой акт, решение и действие (бездействие) не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту и нарушают права и законные интересы граждан, организаций, иных лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, незаконно возлагают на них какие-либо обязанности, создают иные препятствия для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности».

Однако с учетом положений ст. 52 АПК РФ не вполне ясной видится позиция ВАС РФ, выраженная в указанном постановлении. ВАС РФ использует формулировку «и нарушает права и законные интересы неопределенного круга лиц или иные публичные интересы». Но в ст. 52 АПК РФ не говорится прямо про защиту неопределенного круга лиц. Да и публичные термин «публичные интересы» можно вывести лишь путем толкования нормы самой статьи и иного законодательства. В ст. 52 АПК РФ законодатель говорит об оспаривании «затрагивающих права и законные интересы организаций и граждан» нормативных и ненормативных правовых актах. Толкуя буквально Постановление ВАС РФ, можно прийти к выводу о наличии в совокупности двух условий: оспариваемый акт не соответствует закону или иному нормативному правовому акту и нарушает права и законные интересы неопределенного круга лиц или иные публичные интересы в сфере

предпринимательской и иной экономической деятельности. Представляется, что необходимо толковать данную коллизию с учетом позиции ВАС РФ, как более соответствующую тенденции правового регулирования участия прокурора в арбитражном процессе. Хотя судебная практики идет все же по пути установления наличия нарушений. Так, рассмотрев требования прокурора о признании недействительными Постановлений мэра г. Магадана от 13 июня 2007 года № 1361 и от 29 октября 2007 года № 2712, суд апелляционной инстанции, выводы которого поддержал суд кассационной инстанции, признал, что прокурором не представлено надлежащих доказательств нарушения прав и законных интересов неопределенного круга лиц оспариваемыми ненормативными актами [27].

Если при рассмотрении заявления прокурора об оспаривании ненормативного правового акта арбитражный суд установит, что оно предъявлено в интересах конкретного лица (лиц), в отношении которого акт принят, суд со ссылкой на пункт 1 статьи 150 АПК РФ прекращает производство по делу об оспаривании ненормативного правового акта. В этом случае заинтересованное лицо вправе самостоятельно обратиться в арбитражный суд с заявлением на основании статьи 4 и части 1 статьи 198 АПК РФ.

В целом позиция, нашедшая закрепление в судебной практике, нашла поддержку и в теории. Например, Е.А. Котова особо подчеркивает, что «право прокурора на оспаривание ненормативного правового акта в арбитражный суд не может и не должно быть обусловлено имеющимся или предполагаемым нарушением прав, свобод и законных интересов конкретного лица (предпринимателя или организации). Это право предопределяется задачами и функциями органов прокуратуры и должно быть направлено, в первую очередь, на защиту государственных и общественных интересов, интересов неопределенного круга лиц, обеспечение законности и правопорядка в правоприменительной деятельности органов, осуществляющих публичные полномочия» [28].

Тем не менее, все чаще в литературе предлагается расширить категорию дел, указанную в ст. 52 АПК РФ. М.В. Гадиятова и И.Г. Слышкин отмечают, что «отсутствие у прокурора права на предъявление исков о признании права собственности, истребовании имущества из незаконного владения, признании незаконным зарегистрированного права существенно снижает эффективность защиты прокуратурой интересов государства, органов местного самоуправления в сфере защиты права государственной или муниципальной собственности» [29].

Проблемы с определением круга дел, по которым прокурор может участвовать в арбитражном процессе, могут возникнуть и в случае, когда уже после возбуждение гражданского дела в арбитражном суде меняется структура уставного капитала. С.А. Бессчастный и В.А. Дорожкина приводят следующий пример из практики прокуратуры Приморского края: «В июне 2015 года первый заместитель прокурора Приморского края обратился в арбитражный суд Приморского края с исковым заявлением о признании недействительным в части кредитного соглашения, заключенного между банком и выполняющим государственный оборонный заказ заводом, а также договора залога, заключенного между указанными лицами.

В ходе рассмотрения спора по ходатайству одного из ответчиков суд вынес Определение от 29 сентября 2015 г о прекращении производства по делу на основании п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК.

При вынесении судебного акта принят во внимание список зарегистрированных лиц – владельцев ценных бумаг завода по состоянию на 5 августа 2015 г., согласно которому РФ напрямую перестала быть его акционером…

Были представлены доказательства сохранения косвенного участия РФ в управлении заводом как единственного акционера судостроительной корпорации, имеющей, соответственно, долю участия в заводе более 50%... Прокурор обратился в суд с иском 10 июня 2015 г., т.е. до передачи доли участия РФ в пользу судостроительной корпорации… При таких обстоятельствах, несмотря на то, что на момент рассмотрения дела не было непосредственного государственного участия в уставном капитале (фонде) завода, правовой интерес РФ в рассматриваемом деле не утрачен, поскольку было опосредованное участие в качестве единственного акционера одного из акционеров завода – судостроительной корпорации» [30]. Авторы верно обращают внимание на отсутствие сформированной судебной практике по этому вопросу [30].

Однако общепризнанной является точка зрение, что необходимо установить право прокурора на обращение в суд именно на момент подачи иска. К такому выводу приходят и сами арбитражные суды, и юристы-теоретики.

Поводя итог анализу дел, по которым прокурор вправе обращаться в арбитражный суд, также необходимо упомянуть, что, как верно подчеркивает С.А. Халатов, «обращение прокурора в арбитражный суд в защиту прав и законных интересов иных лиц не может изменять общие правила подведомственности юридических дел» [26].

Литература

1. Арсанукаева М.С. Некоторые проблемы унификации законодательства, регулирующего участие прокурора в гражданском и арбитражном процессе // Юстиция. – 2016. – № 1. – С. 78-87.

2. Маслова Т.Н. Проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. Режим доступа: URL: http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=107221. Загл. с экрана.

3. Постановление Президиума ВАС РФ от 3 июня 2014 года № 1152/14 по делу № А10-78/2013. [Электронный ресурс]. Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс». Раздел «Судебная практика».

4. Гадиятова М.В., Слышкин И.Г. Проблемы эффективности участия прокурора в арбитражном процессе // Российский юридический журнал. – 2013. – № 4. – С. 176-181.

5. Залюкова Г.И. Некоторые особенности процессуального положения прокурора, участвующего в рассмотрении гражданских дел // Законность. – 2017. – № 1. – С. 43-45.

6. Янчуркин О.В. Меры прокурорского реагирования на факты нарушений законодательства, регулирующего управление и распоряжение государственной и муниципальной собственностью // Законность. – 2014. – № 9. – С. 14-18.

7. Проценко против России (Protsenko v. Russia): Постановление ЕСПЧ от 31 июля 2008 года (жалоба N 13151/04). [Электронный ресурс] URL: http://europeancourt.ru/ tag/dostup-k-sudu/. Загл. с экрана.

8. Соловых С.Ж. Конкретизация содержания субъективного процессуального права на доступ к правосудию в арбитражном судопроизводстве // Современное право. – 2013. – № 9. – С. 76-80.

9. Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 года № 409-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Балаева Виктора Николаевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 52, частью 3 статьи 292 и статьей 304 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс». Раздел «Судебная практика».

10. Определение Конституционного Суда РФ от 18 ноября 2004 года № 367-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Владимир и Ольга» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 52 и частью 4 статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс». Раздел «Судебная практика».

11. Котов А.А. Проблемы реализации военным прокурором полномочий в арбитражном процессе // Право в Вооруженных Силах. – 2015. – № 9. – С. 33-38.

12. Приходько И.А., Пацация М.Ш. Арбитражный процесс в современной России: Актуальные проблемы. – М., 2002.

13. Шерстюк В.М. Отрицание отрицания в арбитражном процессуальном законодательстве // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 2. – С. 11-42.

14. Лиховидов К.С. Участие военных прокуроров в гражданском и арбитражном судопроизводстве в свете прецедентной практики Европейского суда по правам человека // Военное право: электрон. научн. изд. 2014. Выпуск № 1.

15. Постановление Пленума ВАС РФ от 23 марта 2012 года № 15 (ред. от 25 января 2013 года) «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» // Вестник ВАС РФ. – № 5. – 2012.

16. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 9 декабря 2010 года № 143 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. – № 2. – 2011.

17. Мухаметзянова Л.М. Прокурор как субъект, имеющий право на предъявление в суд исковых требований по искам о сносе самовольных построек // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 8. – С. 13-17.

18. Арбитражный процесс: учебник / К.М. Арсланов, Д.Х. Валеев, Р.Н. Гимазов и др.; отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Челышев. – М.: Статут, 2010.

19. Рыгалов Е.В. Полномочия прокурора в части восстановления нарушенных прав хозяйствующих субъектов с использованием механизмов, предоставленных арбитражным процессуальным законодательством // Безопасность бизнеса. – 2013. – № 3. – С. 5-9.

20. Фиалковская И.Д., Тоненкова О.А. Рассмотрение дел об административных правонарушениях судами общей юрисдикции и арбитражными судами: сравнительно-правовой анализ // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 11. – С. 37-39.

21. Винокуров К. Вынесение прокурором постановления о возбуждении производства по делу об административном правонарушении // Законность. – 2003. – № 11. – С. 13-16.

22. Викторов И.С. Прокурорский надзор за исполнением законодательства об административной ответственности: учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук проф. Ю.Е. Винокурова. – М.: Экзамен, 2006.

23. Соловьев А.А. Обращение прокурора в суд как способ защиты экономических прав граждан // Российский судья. – 2016. – № 4. – С. 12-15.

24. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 марта 2013 года № 14182/12 по делу № А56-40992/2011 // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 7.

25. Мухаметов А.К. Участие прокурора в судах по спорам, возникающим из экологических правоотношений // Современное право. – 2016. – № 3. – С. 88-89.

26. Халатов С.А. Отдельные замечания к Постановлению Пленума ВАС РФ от 23 марта 2012 года № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» // Закон. – 2012. – № 7. – С. 66-76.

27. Концевой А.В. Разъяснения Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам участия прокурора в производстве по делам, возникающим из административных правоотношений, и их значение в практике «нового» Верховного Суда Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. – 2014. – № 7. – С. 50-54.

28. Котова Е.А. Реализация полномочий прокурора по оспариванию ненормативных правовых актов в порядке арбитражного судопроизводства // Законность. – 2012. – № 11. – С. 11-14.

29. Гадиятова М.В., Слышкин И.Г. Проблемы эффективности участия прокурора в арбитражном процессе // Российский юридический журнал. – 2013. – № 4. – С. 176-181.

30. Бессчасный С.А., Дорожкина В.А. Прекращение непосредственного участия Российской Федерации в уставном капитале стороны по сделке в контексте полномочий прокурора на обращение в арбитражный суд // Законность. – 2016. – № 6. – С. 11–13.

УДК 347.4

ПРОБЛЕМАТИКА КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛИЗИНГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
PROBLEMATIC OF COLLISION REGULATION OF LEASING OBLIGATIONS

Кокоева Л.Т.,Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет) д.ю.н., профессор кафедры предпринимательского и трудового права

Kokoeva L.T., North Caucasian Mining and Metallurgical Institute (State Technological University), doctor of law, Professor Department of Entrepreneurial and Labor Law

Хугаев С.Т., Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), ассистент кафедры предпринимательского и трудового права

Khugaev S.T., North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University), Assistant of the Chair of Entrepreneurial and Labor Law

e-mail: *ltkokoeva@yandex.ru*

*Аннотация**:** международные конвенции, регулирующие международные лизинговые сделки, являются источником не только материального, но и в определенных случаях, коллизионного права, применимого к международным лизинговым сделкам. Применение конвенций в определенных случаях может снять коллизионный вопрос и не требует дополнительного поиска применимого права.*

Abstract: the international Convention that regulates international leasing transactions are a source of not only material, but in certain cases, conflict of laws, applicable to the international leasing transactions. Application of the conventions in certain cases can make choice of law question and does not require additional search of the applicable law.

Ключевые слова: коллизионное регулирование, лизинг, международные сделки, коллизионные нормы.

Keywords: conflict regulation, leasing, international transactions, conflict of laws rules.

На международном уровне коллизионное регулирование осуществляется посредством конвенций, которые унифицируют коллизионные нормы, и на национальном уровне – посредством национальных коллизионных норм. При этом коллизионное регулирование международных лизинговых сделок происходит на основе единых, общих для всех междунродных сделок коллизионных норм и правил.

Следует отметить, что в странах Европейского Союза (далее – ЕС), до 2009 года коллизионное регулирование договорных обязательств, в том числе договоров международного лизинга, осуществлялось Римской конвенцией о праве, применимом к договорным обязательствам, заключенной в 1980 г. странами ЕС (Конвенция вступила в силу с 1 апреля 1991 г.) (далее – Римская конвенция). Нормы этой Конвенции имели приоритет над нормами национального законодательства государств – участников,

определявшими выбор применимого права к международным лизинговым договорам. При этом право, определяемое в соответствии с Конвенцией, должно было применяться независимо от того, являлось ли оно правом Договаривающегося государства, иными словами, для применения положений Конвенции не требовалось, чтобы сторона – участник спора была зарегистрирована или проживала в государстве – участнике Конвенции. Единственным условием для применения Конвенции, являлось положение о том, чтобы спор должен был рассмотрен в государстве-участнике.

17 июня 2008 г. в г. Страсбурге был принят (вступил в силу 24 июля 2008 года. Россия не участвует) Регламент N 593/2008 Европейского Парламента и Совета Европейского союза «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам ("Рим I")», который пришел на смену Римской конвенции. Вслед за Римской конвенцией, в статье 2 Регламента закрепляется универсальный характер права, и закрепляется, что «Право, указанное настоящим Регламентом, применяется даже в том случае, если оно не является правом одного из государств-членов».

Это означает, что если спор, возникший, например, между российской и испанской компаниями, будет по соглашению сторон договора международного лизинга, передан на рассмотрение в испанский или немецкий суд, то применимое право будет определяться судом в соответствии с принципами, закрепленными в Регламенте Рим I. В этом случае ни испанскими, ни немецкими судьями не будут применяться коллизионные нормы национального законодательства в области регулирования договорных лизинговых обязательств.

Документом, который унифицирует коллизионно-правовые нормы в странах Латинской Америки, является Межамериканская конвенция о праве, применимом к международным контрактам, 1994 г. Так же как и в Регламенте Рим I, в этой Конвенции закрепляется, что «избранное в соответствии с Конвенцией право подлежит применению, даже если указанное право не является правом одного из Договаривающихся государств». В соответствии с Конвенцией, международным является контракт, стороны которого имеют обычное место жительства или коммерческие предприятия в разных Договаривающихся государствах, или контракт, имеющий объективную связь более чем с одним Договаривающимся государством.

В названных выше международных актах закреплены первостепенные коллизионные принципы, которые составляют основу коллизионного регулирования договорных обязательств в целом и, соответственно, международных лизинговых отношений, в частности.

Что касается Российской Федерации, то основой российского коллизионно-правового регулирования международных сделок являются нормы разд. VI части третьей ГК РФ «Международное частное право».

Выбор коллизионной нормы, которая подлежит применению для определения права, осуществляется по закону государства, в котором рассматривается дело, то есть в соответствии с законом страны суда (lex fori) правоприменительным органом, которым и разрешается возникший спор. По мнению В.П. Звекова «Преодоление коллизионной проблемы, обусловленной иностранным элементом, который осложняет частноправовое

отношение, непосредственно связано с выявлением особой правовой связи отношения с иностранным правопорядком, формирующей основание для постановки коллизионного вопроса и определения в качестве применимого иностранного права». Иными словами, на этапе, когда происходит выбор коллизионной нормы, орган, в который обращаются за исковой защитой, должен принять решение о том, насколько он наделен эффективной властью, рассматривать заявленное истцом требование. Как отмечается в литературе «Судья, учитывая все обстоятельства конкретного дела, должен определить страну или правовую систему, имеющую наиболее существенный интерес применить к транснациональной ситуации свои нормы». При этом, в процессе выбора применимого права обязательно необходимо учесть существо правоотношения, интересы каждой из сторон обязательства, связь этого правоотношения с различными странами, а также интересы, «преследуемые» теми или иными нормами правовых систем этих стран.

Теперь перейдем к рассмотрению проблем коллизионного регулирования лизинговых обязательств. И первой актуальной является проблема выбора сторонами международной лизинговой сделки применимого права.

В качестве исходной коллизионной привязки для регулирования международной лизинговой сделки выступает принцип автономии воли сторон (lex voluntatis), как признание за сторонами этой сделки возможность самим осуществить выбор применимой к их отношениям национальной правовой системы. Данный принцип нашел свое закрепление в качестве основополагающего правила во всех международных документах: статье 3 Регламента Рим I, статье 7 Межамериканской конвенции и выражается он следующей формулой: «договор регулируется правом, избранным сторонами». В Российской Федерации данная формула в соответствии со статьей 1210 ГК РФ выражается следующим образом: «стороны договора могут при заключении договора или в последующем выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору». Выбор применимого права должен быть прямо выражен сторонами лизинговой сделки или конкретно вытекать из положений договора либо из обстоятельств дела. Отметим, путем осуществления данного выбора стороны могут указать подлежащее применению право как для договора в целом, так и для отдельной его части.

Выбор права, применимого к международной лизинговой сделке, чаще всего, обусловлен стремлением сторон контракта минимизировать свои риски по сделке и гарантировать эффективную защиту своих интересов. Иными словами, принцип автономии воли сторон представляет собой механизмом, при помощи которого стороны международной лизинговой сделки осуществляют управление потенциальными рисками, которые могут возникнуть в процессе ее осуществления.

Основными интересами сторон международной лизинговой сделки являются:

а) лизингодатель желает возвратить предоставленное им по сделке финансирование; при этом возврат капиталовложений обеспечивается в том числе, за счет сохранения за ним права собственности на объект лизинга;

б) лизингополучатель желает получить объект лизинга во владение и в пользование с дальнейшей перспективой приобретения его в собственность по окончании действия срока договора лизинга, либо досрочно;

в) продавец (поставщик) – стремится получить деньги за свой товар.

Соответственно, основными для сторон международной лизинговой сделки являются следующие риски:

а) для лизингодателя - риск утраты своих капиталовложений в связи с неплатежеспособностью лизингополучателя, а также риск невозможности изъятия объекта лизинга в случае неисполнения договорных обязательств лизингополучателем;

б) для лизингополучателя – риск непоставки объекта лизинга;

в) для продавца (поставщика) – риск неполучения оплаты за товар.

Желание сторон управлять потенциальными рисками и стремление обезопасить себя от нарушений обязательств со стороны контрагента приводит к следующим особенностям, которые оказывают влияние на выбор сторонами международной лизинговой сделки применимого права:

а) расщепление договорного статута, которое характеризуется возможностью выбора разного права для отдельных частей сделки. Так, стороны международной лизинговой сделки могут выбрать разное право к отделимым частям своей сделки, например, для договора поставки - право страны местонахождения поставщика (lex venditoris); для договора лизинга - право страны местонахождения лизингодателя;

б) расщепление вещного и обязательственного статутов. Как отмечается в литературе, вопросы вещных прав на имущество, передаваемое по договору, не охватываются обязательственным статутом. «Если предметом договора является собственность, то его последствия расщепляются на обязательственно-правовые и вещно-правовые, в отношении которых при определенных обстоятельствах компетентны два различных статута (договора и имущества)», следовательно, вещный статут не охватывается обязательственным статутом.

Эти особенности оказывают влияние как на выбор права, осуществляемый сторонами международной лизинговой сделки в процессе ее заключении, так и на выбор права судами при разрешении спора при отсутствии указания на него в договоре сторонами.

В договоре международного лизинга может быть прямо указано право, регулирующее договор, например: «к отношениям сторон применяется Конвенция УНИДРУА О международном финансовом лизинге 1988 г.». или «Заключенный договор лизинга регулируется законодательством Российской Федерации».

В завершение отметим, что в зарубежных странах право, которое избирается для урегулирования международных лизинговых сделок, при отсутствии об этом указания сторон подчиняется разнообразным коллизионным правилам. Так, например, в соответствии с пунктом 3 статьи 1 Гражданского кодекса Мексики договоры найма и временного использования движимого и недвижимого имущества регулируются правом места нахождения данного имущества (lex rei sitae). Применение закона места заключения договора (lex loci contractus) в отношении лизинговых обязательств предусмотрено нормативными актами таких стран как Египет, Иран, Йемен, Тайланд, Бразилия и Япония. В свою очередь в законах Кубы, Перу и Турции к отношениям возникающим из лизинговых обязательств закрепляется привязка закона места исполнения договора (lex loci solutionis). В законодательстве таких стран как Грузия, Венесуэла, Китай, США предусматривается применение к отношениям из лизинговых обязательств закона наиболее тесной связи (proper

law). Привязка к праву страны продавца (lex venditoris) закрепляется в законодательстве Монголии, Туниса и стран ЕС.

Литература

1. Конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам [англ.] (Вместе с "Протоколом" и <Совместными заявлениями>) (Заключена в г. Риме 19.06.1980)// Treaty Series. Volume 1605.- New York: United Nations, 1997. P. 59 - 156

2. Регламент на русском языке подготовлен для публикации в системах КонсультантПлюс // Консультант Плюс

3. Версия Проф [Электрон. ресурс] // АО «Консультант Плюс». М. 2016

4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-11547/2011-ГК от 17.06.2011 по делу №А40-120095/10-157-1011 // [электронный ресурс] Режим доступа: URL：http://kad.arbitr.ru/data/pdf/51471c41-45f7-4a3f-9410-49f0aa21b561/A40-120095-2010_20110617_Postanovlenie+apelljacii.pdf (дата обращения 30.07.2016)

5. См.: Гражданское и торговое право зарубежных государств: Учебник // под ред. Е.А. Васильева, А.С. Комарова. 5-е изд., Т II. V. 2011. С. 121

6. Канашевский В.А. Указ. соч. С.114

7. Giuliano – Lagarde Report; Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части третьей // под. Ред. Т.Е. Абовой, М.М. Богуславского, А.Г. Светланова.- М. Юрайт. 2014. С 80-81 РГ № 223, 04.10.2013

УДК 340

ОРГАНИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ
ORGANIC LINKAGE OF LEGAL AND POLITICAL CULTURE: THE ASPECT RATIO

Лаута О.Н., Ставрополь, Северо-Кавказский федеральный университет, доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат исторических наук, доцент

Lauta O.N., Stavropol, North Caucasian Federal University, docent of the Department of theory and history of state and law, candidate of historical sciences, docent

e-mail: *oligarxx@inbox.ru*

Попова Л.А, Ставрополь, Северо-Кавказский федеральный университет, доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, доцент

Popova L.A., Stavropol, North Caucasian Federal University, docent of the department of theory and history of state and law, candidate of law, docent

e-mail: *ms.plus894w@yandex.ru*

Семенов В.Е., Ставрополь, Северо-Кавказский федеральный университет, доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент

Semenov V. E., Stavropol, North Caucasian Federal University, docent of the department of theory and history of state and law, candidate of historical sciences, candidate of law docent

e-mail: *caf.teorii@yandex.ru*

Струтинская Т.А., Ставрополь, Северо-Кавказский федеральный университет, доцент кафедры конституционного и международного права, кандидат юридических наук, доцент

Strutinskaya T.A., Stavropol, North Caucasian Federal University, docent of constitutional and international law, candidate of law, docent

e-mail: *strutinskayat@bk.ru*

Аннотация: Анализируется органическая связь правовой и политической культуры в современном российском государстве.

Annotation: Examines the organic relationship of the legal and political culture in the modern Russian state.

Ключевые слова: право, политическая культура, правовая культура, политические партии.

Key words: law, political culture, legal culture, political parties.

Россия стремительно развивается, и главным показателем этого развития является зримое стремление всех членов общества к большей политической и правовой активности. Как правовая культура, так и политическая культура являются главными аспектами развития духовной и социальной жизни общества, обеспечивая достойную жизнь граждан. Проводя

государственную политику в той или иной сфере общественной жизни, власть, закрепляет свои приоритеты нормами права.

Нигилизм, охвативший все российское общество, все чаще и чаще уступает место осознанного отношения к правовой и политической культуре. Связи, которые возникают между политикой и правом составляют основу гармоничного развития современного российского общества. Значительное место в данной системе занимают отношения «политика-право». Между политикой и правом связь осуществляется через государство, в котором право выступает в качестве юридических норм. Так, в сентябре прошлого года состоялись выборы в российский парламент. Были внесены изменения в российское законодательство продемонстрировавшие близость правовых и политических норм. Российское право составляет основу государственной политики, в которой и кодифицируется политическая культура.

Анализируя, влияние права и политики необходимо отметить, что право реализуется в политическом курсе государства. Ценность права - это отношения к политической жизни, проявляющиеся в его функциях, как информационная и охранительная. Информационная функция используется, как средство доведения до масс политического курса государства. Охранительная функция заключается в том, что существующие законы направлены на совершенствование правовых и политических норм, защищающих интересы государства.

Теория показывает, что в политической науке, как право, так и политическая культура определяются через единство различных аспектов, определённых ценностными ориентирами.

Существует около 250 определений правовой культуры. Процесс воспитания высокого уровня правовой культуры требует взаимодействия всех субъектов правовоспитательной деятельности при этом необходимо отличать правовую компетентность и реализации её на практике. Ибо правовая компетентность далеко не всегда приводит к правомерным поступкам, так как решающие воздействие на поведение молодёжи оказывают коррупционные явления, низкий уровень профессиональной деятельности средств массовой информации (далее-СМИ), которые приводят к деформации личных установок молодых людей.

Естественно, что уровень политико-правовой культуры молодёжи нельзя оценивать по сумме полученных знаний, а только по их правомерному поведению. Так, в 2015 году в Ставропольском крае было проведено социологическое исследование [1], в рамках которого были вопросы, касающиеся и нашего исследования. Так, анкеты предусматривали оценку знания политико-правовых норм, и принципиальное значение имела экспертная характеристика реального поведения молодых людей в сфере права и политики. Необходимо отметить, не является лучшей формой в получении информации, в том случае, когда мы делаем замеры уровня поведения молодых людей. В этом случае трудно рассчитывать на достаточно полную объективность, ибо часть отвечающих на анкету пытается повысить свой престиж.

Оценка уровня правовой культуры подразделялась на три группы.

К первой группе выявлялся уровень правовой информированности по различным отраслям современного российского законодательства.

Вопросы второй группы были направлены на определение уровня правовой сознательности молодёжи.

К третьей группе вопросов выявлялось реальное поведение молодёжи, как негативное и позитивное, в целом исследование показало, что наиболее позитивное знание были показаны в области конституционного и теории права.

Важнейшим фактором воспитания политической культуры является деятельность, политических партий, молодёжных общественных объединений.

Содержание конкретно исторического типа политической культуры может быть раскрыто только лишь, с учётом её отношения к предшествующему, социальному и политическому опыту.

Анализируя понятие политической культуры, мы исходим из того, что политическая культура органически связана с правовой культурой и является частью общей культуры, но при этом она обладает определённой автономией. Развитие политической культуры осуществляется вместе с её носителями – различными социальными общностями. При передаче от поколения к поколению политический опыт подвергается различным воздействиям, которые или укрепляют основы сложившейся политической культуры, модернизируют её, либо коренным образом меняют её сущность. Сущность политической культуры органически связана с правовой культурой личности, с ментальностью общества, народа. Источником формирования и развития политической культуры является участие гражданина в выборах, референдуме, в сфере государственного управления.

Значима и мотивация, связанная с возможностью конкретного молодого человека в выработке политики государства. Личная мотивация, личная заинтересованность молодого человека может успешно развиваться только при создании условий для развития гражданского общества.

В связи с этим можно согласиться с мнением Т.В. Воротилиной и Л.А. Поповой в том, что одним из самых значимых факторов становления гражданского общества в целом и формирования его важнейших элементов является гражданско-правовое образование.[2, С.99]

Развитие политической культуры молодёжи органически связано с накоплением определённых знаний, прежде всего в области конституционных прав и обязанностей граждан.

Особое значение в структуре политической культуры играет информированность молодого человека, уровень информированности. Информированность каждого молодого человека - или юноши, или девушки - о политической жизни страны, о программах политических партий и движений предвыборных блоков, является одной из важнейших задач реформирования политической культуры.

Естественно, что информированность должна базироваться на определённых фундаментальных принципах: правдивость, объективность, честность, компетентность, аргументированность, взвешенный и объективный анализ. Анализируя влияние СМИ на молодого гражданина, в современных условиях, необходимо отметить, что резко уменьшилась сфера влияния периодической печати. Это связано с рядом объективных причин: с резким ростом цен на периодические издания и падением тиража. Отрицательное

воздействие имеют такие факторы как, недостаточно взвешенная информация и частое отсутствие объективного анализа происходящих событий, конъюнктурность освещения анализа от того обстоятельства чьим органом является данное издание, произошла коммерциализации средств массовой информации. И это определило даже тон ряда центральных и местных изданий.

Стало модой объяснять, например, меры, носящие антиконституционный характер революционной целесообразностью, отсутствием других альтернативных способов решения данной проблемы. Молодёжь остро переживает резко противоположное освещение одних и тех же проблем. В силу традиций, переданных старшими поколениями, еще жива память, когда с уважением относились к печатному слову, к написанному в газете или журнале.

Публикуемые материалы должны соответствовать таким требованиям как объективность, достоверность, отсутствие конъюнктуры. Исследование показало и позволило сделать вывод о том, что интерес молодёжи к острейшим вопросам политической жизни сохраняется и имеет устойчивую тенденцию развития. Анализируя влияние СМИ, повышения уровня информированности молодёжи необходимо отметить, что она выполняет как конструктивную, так и деструктивную роль. Характеризуя этот процесс необходимо отметить, что СМИ сыграли огромную роль в ломке имевшихся уже у части молодёжи стереотипов мышления. Конечно, наблюдается процесс размытости правового и политического сознания. Значительная часть молодёжи не принимает участие в выборах федерального уровня. И ещё меньше молодёжи принимает участие в местных выборах. Большая часть молодежи, принимающая участие в выборах, не всегда объективно, честно ответить на вопрос: В чем суть той или иной политической партии. Ещё большим недостатком является то, что не анализируются предвыборные обещания политических партий.

Многое в формировании политической культуры зависит от установок, переданных старшими поколениями, усвоенных в течение многих лет, из опыта старших поколений. В тоже время необходимо отметить, что появление возможности плюралистических подходов в значительной степени способствовало поиску новых ориентиров, увеличило интеллектуальную основу политического действия. Политическая культура органически связана с процессом регуляции политических отношений. В настоящее время мощное воздействие на этот процесс стала оказывать многопартийность. Да, собственно анализируя этот процесс мы исходим из того, что складывание многопартийной системы процесс сложный и противоречивый.

Существование многопартийной системы является основой развития широких демократических начал в обществе, одним из условий формирования демократического общества. Принципиально важно чтобы элементы политической культуры стали в качестве нормативности.

Анализируя процесс развития норм, необходимо отметить, что реализуемое в нормах общественное сознание даёт возможность политической культуре обеспечивать ориентацию молодёжи на политические ценности и идеалы, социализацию личности, постепенное вовлечение различных групп молодежи в активную политическую деятельность, повышает уровень правовой культуры.

Литература

1. Социологическое исследование «Молодежь и выборы» // http://https://infourok.ru/anketa-dlya

2. Попова Л.А., Воротилина Т.В. Гражданско-правовое образование как элемент гражданского общества: сб.Современное общество: к социальному единству, культуре и миру: Материалы Международного форума (21-22 апреля 2016 года / Попова Л.А., Воротилина Т.В. – Ставрополь: ООО ИД ТЭСЭРА., 2016. – 286 с.

3. Семенов В.Е. Правовая культура молодежи: историко-теоретический аспект: монография / Семенов В.Е. - Пятигорск: РИА-КМВ, 2011. - 384 с.

УДК 343.1

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИИ В XVIII-XIX ВЕКАХ
THE INVESTIGATION OF CRIMES IN RUSSIA IN XVIII-XIX CENTURIES

Лифанова Л.Г., Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, доцент кафедры криминалистики, кандидат юридических наук, доцент

Lifanova L.G., Stavropol branch of the Krasnodar University of the MOI of Russia, Professor of Criminology, PhD, Associate Professor

e-mail: *laliy@mail.ru*

Аннотация: В статье дан краткий анализ процессуальной деятельности по расследованию преступлений, начиная с «Краткого изображения процессов» до принятия Устава уголовного судопроизводства 1861 года.

Abstract: The article gives a brief analysis of the procedural activity for the investigation of crimes, beginning with the "Brief Image of the Processes" before the adoption of the Criminal Procedure Charter of 1861.

Ключевые слова: следователь, формальное следствие, предварительное следствие, доказательства, полиция.

Key words: investigator, formal investigation, preliminary investigation, evidence, police.

Преобразования, сделанные Петром I по всем частям государственного устройства и управления, были причиной значительных изменений судоустройства и подсудности по уголовным делам. С изданием «Краткого изображения процессов» следственный порядок сделался господствующим для преступлений всех видов.

Последующие законы также закрепляли правило об установлении прежде всего события преступления (деяния): в Учреждении об управлении губерний сказано, что «следователь должен учинить немедленное исследование происшедшего преступления» [1, с.15]. В Уставе Благочиния следователю предписывается исследовать «в случае учинения уголовного преступления: 1) над кем, или каким, или во вред чей, или чему 2) что, 3) чем, 4) когда, 5) где, 6) как, 7) кем учинено» [2, с.61]. Наконец, в указе от 23 апреля 1801 г. сказано: «В случае доносов или усмотренного со стороны полиции преступления наперед удостовериться, что преступление не есть каковая-либо ложь, клевета или вымыслы, и потом уже в изыскании участвующих в оном поступать» [3, с.63].

Итак, можно заключить, что в описываемое время четко определяется цель следствия: «… чтобы посредством его привесть в возможно полную известность все обстоятельства, которые обусловливают приложение уголовного закона к известному случаю и на основании которых можно сделать решительный приговор, т.е. обвинительный или освобождающий совершенно, или только в известном отношении» [3, с.50].

Обозначим процессуальные действия и полномочия следователя при расследовании преступлений в исследуемый период.

Следствие делилось на предварительное и формальное. Различие между ними заключалось в характере и направлении выполняемых действий: в рамках предварительного следствия устанавливались факт преступления и лицо, его совершившее, а в формальном следствии осуществлялся сбор доказательств и иных данных необходимых для разрешения дела в суде. Формальное следствие без предварительного проводиться не могло – предварительное либо предшествовало формальному следствию, либо проводилось параллельно.

Решение о начале следствия принималось следователем самостоятельно либо по указанию начальства. Напомним, что расследование преступлений относилось к компетенции полиции.

Причинами и поводами к началу предварительного следствия являлись собственное наблюдение и усмотрение следователя (судьи), а также молва, извещение, донос, доношения должностных лиц, жалоба, явка с повинной, поимка виновного в деле и оговор. Срок следствия ограничивался одним месяцем, включая выходные и праздничные дни. При производстве формального следствия все процессуальные действия должны были оформляться постановлениями и (или) протоколами. Отступление от надлежащей формы оформления доказательств лишало их доказательственного значения. При производстве предварительного следствия письменное оформление производимых действий по общему правилу не требовалось.

Средствами сбора доказательств при расследовании преступлений были:

– допрос обвиняемого;

– личный осмотр;

– осмотр посредством лиц, сведущих в предмете исследования;

– собственное признание;

– допрос свидетелей;

– очная ставка;

– повальный обыск;

– выемки и обыски в домах;

– опись бумаг;

– получение предметов преступления.

Допрос обвиняемого проводился в срок не позднее трех суток с момента задержания (ареста) обвиняемого. Следователь уведомлял обвиняемого о причине его ареста, а также до начала допроса должен был разъяснить целесообразность правдивых показаний. В случае отказа от дачи показаний либо даче ложных показаний рекомендовалось приглашение священнослужителя, чтобы тот убедил обвиняемого в неправоте его действий. Запрещено было в процессе допроса применять физическое воздействие в отношении допрашиваемого лица. Если обвиняемый не владел русским языком, ему обеспечивался переводчик. Разрешалось при необходимости проводить повторные допросы обвиняемого. Допрос оформлялся протоколом (журналом), в который надлежало записывать все вопросы и ответы в строгой последовательности. По окончании допроса обвиняемому предоставлялась возможность ознакомления с протоколом, после чего допрашиваемый протокол подписывал. Если же он отказывался от подписи, об этом делалась отметка в протоколе. Если

допрашиваемое лицо являлось безграмотным, за него протокол могли подписать другие лица, удостоверявшие своей подписью правильность сделанных записей (стряпчий, депутат).

Личный осмотр состоял в непосредственном осмотре следователем признаков, следов, предметов, имеющих значение для дела. В ходе личного осмотра допускалось изъятие различных вещей и документов для приобщения к делу, причем лица, у которых данные предметы изымались, не могли препятствовать действиям следователя. О ходе и результатах осмотра составлялся журнал (протокол) за подписью следователя.

Осмотр посредством лиц, сведущих в предмете исследования. Это был своего рода прообраз судебно-медицинской экспертизы. Проводился данный осмотр или освидетельствование врачом в присутствии следователя или суда. Обвиняемый мог заявить отвод врачу, производящему осмотр. (Кстати, обвиняемый мог заявить отвод следователю или судье). В ходе осмотра врач должен был полно и ясно ответить на вопросы, которые поставил перед ними следователь. Весь ход исследования записывался в протокол. Причем велось одновременно два протокола: один медицинским чиновником, другой – членом полиции. По окончании осмотра протоколы зачитывались, сличались, и при необходимости забытое или пропущенное добавлялось из одного протокола в другой. После этого протоколы подписывались всеми присутствующими при осмотре лицами. По общему правилу в срок не более суток врач был обязан составить акт осмотра или освидетельствования. Примечательно, что закон предусматривал повторный осмотр или освидетельствование в случае подозрения на несостоятельность или ложность первого заключения.

Собственное признание. Процитируем из источника 1841 года наставления следователю для получения собственного признания обвиняемого: «Ежели следователь желает получить признание от обвиняемого, то он должен преимущественно заботиться о том, чтобы пробудить в нем такое расположение духа, при котором бы он не мог противиться внутреннему понуждению, внутреннему голосу совести, требующему от него признания. Это может быть достигнуто только посредством того, когда будет уничтожена и устранена та причина, по которой обвиняемый не сознается; но эта причина, состоит ли она в страхе наказания или в чувстве стыда, заключается только в рассудке, который обвиняемому, находящемуся в страстном положении, дает довольно силы и твердости не признаваться и присоветывает ему запирательство, как самое лучшее средство; поэтому вся деятельность следователя должна быть при этом направлена к тому, чтобы препобедить действие рассудка в подсудимом. Это может быть сделано или а) помощью непосредственного действия на рассудок, когда следователь будет уметь утомить его силою и ясностью обвиняющих подсудимого доказательств и его же противоречиями так, что обвиняемый ясно будет видеть, что его насквозь видят и ему уже нет возможности опровергнуть представленные против него доказательства и выскользнуть из тех противоречий, в которые он сам себя запутал; или б) посредством действия на подавленное в нем рассудком чувство, на внутренний голос совести, которая никогда не может быть принуждена преступником к молчанию; к этому ведет человеколюбивое обращение с преступником, участие в его положении, прилично и кстати делаемое увещание и пользование теми минутами, когда он склонен к раскаянию и доступен для того, чтобы возбудить в нем нравственные и

религиозные чувствования» [3, с. 108-109]. Полученное признание отражалось в протоколе, где, кроме прочего, указывались обстоятельства, при которых оно было получено.

При необходимости *допроса* какого-либо лица в качестве *свидетеля* он вызывалось к следователю. Явка по такому вызову являлась обязанностью для свидетеля, а уклонение от дачи показаний влекло определенное наказание. Впрочем, законодательство предусматривало уважительные причины неявки, которые не влекли ответственности (например, болезнь лица, дворянское происхождение знатных людей и лиц женского пола и др.).

Начинался допрос с *очной ставки* между вызванным свидетелем и обвиняемым, в ходе которой выяснялось тем ли лицом является обвиняемый, о котором свидетель будет давать показания. У обвиняемого, в свою очередь, спрашивали «не имеет ли он на свидетеля порочащих сведений». Обвиняемый мог «отвести» свидетеля, и тогда последний не допрашивался. Но происходило это в случае подтверждения сведений, заявленных обвиняемым. Важно это было сделать до приведения свидетеля к присяге, потому как отводы свидетелю после нее удовлетворялись в исключительных случаях.

Свидетель должен был быть допрошен немедленно после присяги. Начинался допрос с увещевания свидетеля следователем говорить только то, что ему известно, не приуменьшая и не преувеличивая известных обстоятельств. Свидетель был обязан сообщить источник своей осведомленности и отношения его с потерпевшим и обвиняемым. Вопросы следователя должны были быть понятны свидетелю, они вместе с ответами записывались либо самим свидетелем, либо кем-то другим. После допроса показания подписывались допрошенным свидетелем, а в случае его безграмотности – кем-то другим, кому свидетель доверял.

Не могли допрашиваться в качестве свидетелей:

лица, не достигшие 15-летнего возраста;

безумные, сумасшедшие и глухонемые;

убийцы, разбойники, воры, люди, портившие тайно межевые знаки;

изгнанные из государства;

публично наказанные и явные прелюбодеи;

не бывшие у святого причастия;

отчужденные и проклятые от церкви;

иностранцы, поведение которых неизвестно;

сделавшие в суде лживую присягу и склонявшие других к ложному свидетельству.

По конкретным делам не допрашивались заинтересованные в деле лица (причастные к преступлению, родственники, друзья), дети против родителей (родители против детей показания давать были обязаны), отпущенные на волю против прежних своих помещиков и их детей, жены против мужей, раскольники в делах правоверных, крепостные люди обвиняемых (подсудимых), их вольноотпущенные; люди, находящиеся в услужении у обвиняемых могли быть допрошены только за неимением других свидетелей.

Повальный обыск означал допрос всех или многих лиц по поводу происшествия, о котором эти лица могли обладать информацией. Повальный обыск делился на большой и малый: при последнем допрашивались лица на небольшом удалении от места происшествия,

при большом – на расстоянии до 20 верст. Допросы производились по месту жительства допрашиваемых лиц. Сам порядок допроса был таким же, как и при допросе свидетеля: лица допрашивались врозь, увещевались говорить только правду, показания их записывались и подписывались ими.

Следует заметить, что до издания «Краткого изображения процессов» повальный обыск являлся одним из главных доказательств, а после издания - роль его значительно уменьшилась, переведя в разряд второстепенных доказательств.

Выемки и обыски в домах как для обнаружения обвиняемого, так и для сбора доказательств применялись в русском праве с давних времен, а в Уставной книге Разбойного приказа их процессуальный порядок определен уже с достаточной точностью. Впоследствии нормы эти дополнялись и совершенствовались. В итоге к середине девятнадцатого столетия при производстве обыска должны были соблюдаться следующие правила: при обыске домов и выемке нельзя было причинять вред собственнику, нарушать тишину и спокойствие в доме; обязательно было присутствие понятых из числа местных жителей; принудительно открывать запертые помещения дозволялось только по причине отсутствия хозяина или если последний откажется отпереть помещения добровольно; выемки и обыски в квартирах и домах иностранных министерств производились по предварительному соглашению с Министерством иностранных дел.

Опись бумаг являлась разновидностью домашнего обыска и применялась только в отношении лица, «находящегося в самом сильном подозрении», либо обвиняемого в тяжком преступлении, либо когда из бумаг можно было установить состав преступления. Требования к производству данного процессуального действия были такие же, как и при производстве обыска и выемки в домах.

Получение предметов преступления. Мерами для получения предметов преступления являлись обыски и выемки в домах, а также сбор вещественных доказательств. Выражение «вещественные доказательства» было впервые употреблено в Уставе Полевого уголовного судопроизводства в параграфе 31 и в указе от 9 февраля 1828 года и означало те предметы, которые служили или орудием, или предметом преступления. За отказ выдать нужные для производства по делу предметы было предусмотрено наказание. Вещественные доказательства приобщались к делу и должны были храниться в опечатанном виде.

По окончании расследования следователь направлял дело в суд. «Следователь, заключая следствие и представляя его в суд, должен представить судьям во всей полноте, ясности и подробности открытые и собранные им обстоятельства и материалы, на основании которых они могли бы сделать решительный, обвинительный или оправдательный приговор» [3, с.130]. Материалы дела должны были быть «за скрепою и в надлежащей полноте». Сроки для направления дела в суд отечественными законами определялись как немедленные после того, как следователь сочтет следствие полным и завершенным.

Таким образом, резюмируя сказанное, можно сделать следующие выводы, что к середине XIX столетия формирование института досудебного производства завершено, четко обозначены полномочия лица, осуществляющего расследование, процессуально определен ход и порядок расследования преступлений и сбора доказательств.

Литература

1. Сводъ законовъ Россійской Имперіи. Томъ второй. Учреждение об управлении губерний. С. Петербургъ, 1857. С. 15.

2. Линовскій В. Опытъ историческихъ розысканій о следственномъ уголовномъ судопроизводстве въ Россіи. Одесса, 1849. С.61.

3. Баршев Я. Основанія уголовнаго судопроизводства, с применениемъ к Россійскомй уголовному судопроизводству. С.Петербургъ, 1841.

УДК 343.985.1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

TOPICAL ISSUES OF PROCEEDINGS OF THE INTERROGATION WITH THE PARTICIPATION OF MINORS IN CASES OF CRIMES AGAINST SEXUAL INVIOLABILITY AND SEXUAL FREEDOM OF THE PERSON

Лобова С.А., Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук

Lobova S.A., the Novorossiysk branch of Krasnodar University Ministry of internal Affairs of Russia, professor department of criminal process and criminalistics, candidate of law

e-mail: *anaskirillova@yandex.ru*

Бондарева И.О., Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики

Bondareva I.O. Novorossiysk, the Novorossiysk branch of Krasnodar University Ministry of internal Affairs of Russia, lecturer of the Department of criminal process and criminalistics

e-mail: *plyuginairina@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются особенности осуществления в процессе расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности допроса с участием несовершеннолетнего.

Annotation: The article discusses the features of implementation process of investigation of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual interrogation involving minors.

Ключевые слова: допрос, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, несовершеннолетний.

Keywords: questioning crimes against sexual inviolability and sexual freedom, minors.

Материалы уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, совершенных несовершеннолетними свидетельствуют о значительном удельном весе в структуре общей преступности.

Так за период 2016 года несовершеннолетними или при их соучастии было совершено 384 преступлений, предусмотренных главой 18 УК РФ. Из них за преступления, предусмотренные ч.1 ст. 131 УК РФ было осуждено 19 человек; по ч.2 ст. 131 УК РФ осуждено 77 человек; по ч.3-5 ст. 131 УК РФ-94 и по ст. 132-189 человек. В подавляющем большинстве случаев, преступления несовершеннолетними совершались в группе, либо с участием взрослых[1].

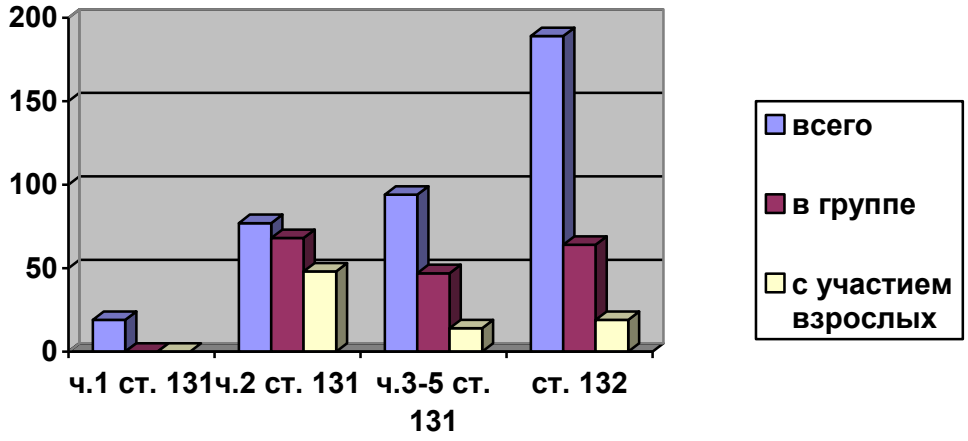


Рисунок 1. Число несовершеннолетних, осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности за 2016 год.

Одним из высокоинформативных следственных действий, осуществляемых при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности выступает допрос.

Допрос наряду с осмотром места происшествия неизменно выступает в качестве одного из безотлагательных следственных действий, вне зависимости от категории совершенного преступления.

Правовая основа допроса регламентирована в ст. 187-190 УПК РФ и отдельная статья посвящена особенностям допроса с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля, и подозреваемого и обвиняемого. Норма ст. 191 УПК РФ устанавливает особенности производства допроса лица, не достигшего 18-летнего возраста и имеющим процессуальный статус потерпевшего или свидетеля по уголовному делу.

Своевременное и организационно-тактически безупречное проведение допроса усиливается в связи со специфичностью возраста допрашиваемого лица. [2].

Лица подросткового возраста, как правило, характеризуются неуверенностью, внушаемостью. Связано это, прежде всего, с незавершенностью процессов психологического развития.

Выявим особенности допроса несовершеннолетних по рассматриваемой категории преступлений:

1. Участие при допросе педагога или психолога.

Для достижения целей допроса необходимо установить психологический контакт следователя с несовершеннолетним допрашиваемым. Регламентируя производство допроса несовершеннолетнего, УПК РФ указывает на участие в следственном действии педагога или психолога. Следует заметить, что законодатель разграничивает этих участников и регламентирует, что принимать участие в следственном действие необходимо одному из них. Полагаем, что следователь приглашает указанных лиц в качестве специалиста, который обладает специальными познаниями в области подростковой психологии. Отметим, что в ч. 1 ст. 191, ч.4 ст. 425 УПК РФ законодатель определяет, что при проведении допроса с

участием несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля, подозреваемого или обвиняемого не достигшего возраста шестнадцати лет, либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. При производстве указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя. В данных случаях у следователя есть право выбора относительно того, кого следует привлечь для участия в допрос - педагога или психолога. Однако в ч.4 ст. 191 УПК РФ регламентировано участие именно психолога, и законодатель указал, что его участие напрямую зависит от категории рассматриваемого преступления. Так, при допросе потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно. Указанная норма носит уже императивный характер.

2. Время допроса.

Допрос является не только длительным, но и многоплановым следственным действием, а допрос несовершеннолетнего вдвойне.

Несовершеннолетние в силу своего возраста обладают психическими особенностями, которые оказывают влияние на процесс формирования и дачи показаний, что вызывает у следователя трудности в получении и оценки таких доказательств.

В криминалистической и процессуальной литературе производство допроса несовершеннолетнего в возрасте до трех лет упоминается крайне редко. В общем массиве допрашиваемых несовершеннолетних число лиц дошкольного и младшего школьного возраста невелико, однако часто именно несовершеннолетние являются потерпевшими по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности и в силу этого являются важной информацией, имеющей исключительно важное значение для органов следствия и суда. «Несовершеннолетним в возрасте от 7 до 8 лет, учитывая запас знаний, еще не под силу хорошо изложить и логически описать увиденное» [3, с.173].

В связи с психологическими возрастными особенностями несовершеннолетних и уровнем их развития законодатель регламентировал время допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших.

Нормативно установлено, что допрос с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до семи лет не могут продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности - более одного часа, в возрасте от семи до четырнадцати лет - более одного часа, а в общей сложности - более двух часов, в возрасте старше четырнадцати лет - более двух часов, а в общей сложности - более четырех часов в день.

3. Участие законного представителя несовершеннолетнего

Участие законного представителя при производстве допроса несовершеннолетнего по делам о преступлении против половой неприкосновенности и половой свободы носит диспозитивный характер. Соответственно участие законного представителя является его правом, а не обязанностью. Однако, в случае участия законного представителя при производстве допроса с участием несовершеннолетнего, первый выступает вне интересов

несовершеннолетнего, следователь вправе отстранить его от участия в производстве следственного действия и обеспечить участи е другого законного представителя.

4. Применение видеозаписи или киносъемки

Современный уровень технического прогресса позволяет следственным органам широко применять видеозаписывающую аппаратуру. Бесспорным преимуществом именно видеозаписи является возможность фиксации звуковой и зрительной информации, эмоционального состояния запечатленных лиц. Ее просмотр облегчает восприятие соответствующей информации.

Так, Федеральным законом от 28 декабря 2013 года № 432-ФЗ [4] статья 191 УПК РФ изложена в новой редакции, согласно которой применение видеозаписи или киносъемки обязательно в ходе следственных действий, прямо указанных в законе, с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель против этого возражает.

Законодатель регламентирует, что необходимо согласие лишь одного участника судопроизводства: допрашиваемого или законного представителя. В случае, если несовершеннолетний свидетель или потерпевший возражает против видеосъемки, а законные представитель дает согласие будет ли это выступать как действие законного представителя вне интересов несовершеннолетнего или следователь дожжен воспринять эту информацию как согласие одного из лиц, указанных в норме ст. 191 УПК РФ и применить видеосъемку. И не повлечет ли указанная ситуация в последующем признание следственного действия недопустимым.

Полагаем, что опыт законодательного и практического осуществления видеозаписи при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних позволяет сделать положительный прогноз относительно дальнейшей детальной регламентации соответствующей процедуры в УПК РФ и роста эффективности использования видеозаписи при производстве следственных действий.

Литература

1. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения 18.08.2017)

2. Коновалов С.И., Плюгина И.О. Криминалистические аспекты изучения личности потерпевших по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, совершенных группой несовершеннолетних // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. –2015. – №2-2. – С.10-16.

3. Максимова Е.И. Возраст малолетнего, как важный фактор при допросе несовершеннолетних: постановка проблемы и поиск решения // Интеллектуальный и научный потенциал XXI века. Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 4 частях. – 2017- С. 172-174.

4. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ // «Российская газета», № 295, 30.12.2013

УДК 349

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕОЧЕВИДНЫХ ДЕТАЛЕЙ (БЭКГРАУНДА) В МАТЕРИАЛАХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
STUDY OF NON-OBVIOUS PARTS (BACKGROUND) IN THE EXTREMIST MATERIALS WHEN CONDUCTING DUE DILIGENCE

Майборода Э.Т., Северо-Кавказский федеральный университет, доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат философских наук, доцент

Mayboroda E.T., North-Caucasian Federal University,docent of the department of theory and history of state and law, candidate of philosophical sciences, docent

e-mail: *ellamaiboroda@mail.ru*

Аннотация: В статье освещены новые методики проведения комплексной экспертизы по материалам экстремистской направленности

Annotation: The article highlights new techniques for integrated examination of extremist materials

Ключевые слова: экстремизм, комплексная экспертиза, неочевидные признаки экстремистских призывов.

Keywords: extremism, comprehensive examination, subtle signs of extremist appeals.

Реализуемая Российской Федерацией политика системного противодействия экстремизму сталкивается с проблемами правоприменительного характера, возникновение которых во многом обусловлено недостаточностью доктринального понимания квалификации экстремизма в качестве уголовно наказуемого деяния. В настоящее время отраслевым законом, дающим понятия: экстремистской деятельности, экстремизму, экстремистской организации, экстремистским материалам и символике экстремистской организации является Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[1]. Данный закон находится в системной взаимосвязи с уголовным законодательством, административным и гражданским, поскольку формы противодействия экстремистской деятельности установлены в виде юридических санкций, применяемых как к физическим, так и к юридическим лицам. Последние не являются субъектами состава уголовного преступления и в их отношении наступает административно-правовая ответственность. Применительно к средствам массовой информации может применяться такой вид ответственности как приостановление реализации соответствующих: номера периодического издания, либо тиража аудио- или видеозаписи программы либо выпуска соответствующей теле-, радио- или видеопрограммы. Такой вид ответственности по своей природе является процессуальной обеспечительной мерой, реализация которой возможна как в рамках гражданского, так и административного судопроизводства. Таким образом, материалы, имеющие потенциальную возможность к отнесению их к экстремистским могут являться предметом судебного исследования в рамках уголовного, гражданского и административного судопроизводств.

Кроме того в части нормативного закрепления базовой терминологии в области экстремистской деятельности следует отметить наличие Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденной Президентом Российской Федерации 28.11.2014 г.[2]. Названная Стратегия дает определения терминам «идеология экстремизма (экстремистская идеология)»; «проявления экстремизма (экстремистские проявления)»; «субъекты противодействия экстремизму»; «противодействие экстремизму» и «радикализму». Смысловая наполненность идеологии экстремизма отличается от определения экстремистской деятельности по указанному Федеральному закону определением в идеологии только субъективной стороны. По определению это система взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как средство разрешения конфликта. Экстремизм же приведенным выше законом определен только как действия (бездействия). То есть применительно к доктрине corpusdelicti идеология характеризует субъективную сторону состава, а определение экстремизма охватывает объективную сторону состава преступления (административного правонарушения).

Сложность системной взаимосвязи в анализе правовой природы экстремистской деятельности обусловлена различной правовой природой регулятивного источника. В соответствии п. 1 ст. 8 Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» к полномочиям Президента Российской Федерации в области обеспечения безопасности отнесено утверждение иных концептуальных и доктринальных документов в области обеспечения безопасности[3]. Приведенная Стратегия не является нормативным правовым актом по определению, – она утверждена Президентом Российской Федерации в рамках обеспечения деятельности Совета безопасности Российской Федерации и размещена на сайте Совета безопасности Российской Федерации. Таким образом, имеющаяся правовая неопределенность в самой дефиниции экстремистской деятельности сказывается и на формировании иного понятийного аппарата данных правоотношений.

Одним из ключевых является определение вербальных материалов в качестве экстремистских. Такое определение может происходить в гражданском, административном и уголовном производстве. Для определения содержания тех или иных материалов в качестве содержащих экстремистские назначается комплексное экспертное исследование. В силу ст. 25 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы[4]. При наличии разночтений параметров содержания заключения эксперта в отношении представленного для исследования объекта в процессуальном и отраслевом законодательстве приоритет должен оставаться последнему в смысле регулирования экспертной деятельности. В то же время не соблюдение требований процессуального закона при оформлении экспертного заключения, являющегося доказательством по делу может влечь отмену судебного акта по основаниям необоснованности[5].

В приведенной связи требование к оформлению заключения эксперта может закрепляться позиционированием корреспонденции с отраслевым, а не процессуальным

законом. То есть в заключении эксперта необходимо прямо указывать, что оно оформлено не только в соответствии с нормами ГПК РФ, но и в случае наличия в нем описания объекта исследования – в соответствии с Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», даже в случае оформления экспертного заключения самим экспертом, а не государственным экспертным учреждением.

Предметами экспертных исследований все чаще становятся электронные носители информации: содержание страниц на публичных Интернет-ресурсах, видео-ролики, аудио обращения. Увеличение общественного значения обороту документов, размещаемых на публичных информационных ресурсах находит свое повсеместное закрепление в части совершенствования законодательства Российской Федерации. Ярким примером фактического вхождения в обыденный оборот электронных носителей является реформа института нотариата, в результате которой нотариату приданы возможности удостоверения не только юридически значимых действий в объективной реальности, но и удостоверения подлинности электронного документа бумажному и наоборот[6].

Материалы, подлежащие экспертному исследованию распространяемые в виде аудио и видео информации имеют дополнительные, неочевидные признаки формализации первичной информационной составляющей такого обращения. Такое неочевидное сопровождение вербальной информации правоохранительными органами (иными лицами), выступающими инициаторами экспертного исследования, как правило, оставляется без внимания. Вместе с тем такие неочевидные информационные спутники вербальной информации становятся доминирующими факторами в качестве индикации информации для «своих» и для «чужих». Практика показывает, что рассмотрение очевидного текстового (вербального) содержания объекта экспертного исследования, предположительно содержащего экстремистские материалы с дополнительными, неочевидными признаками в объекте исследования позволяет эксперту констатировать наличие (отсутствие) призывов к экстремистской деятельности в системной взаимосвязи с информационной рецепцией исследуемого объекта.

Применительно к информационным источникам, распространяемых в качестве аудио-обращений в качестве яркого примера такого маркера следует выделить надиш, представляющее собой мусульманское песнопение, традиционно исполняемое мужским вокалом соло или в хоре без сопровождения музыкальных инструментов. Исполняется, как правило, на арабском языке. В последнее время распространилось исполнениенадиша и на русском языке. Само исполнение такого произведения создает атмосферу вовлечения причастности к исламу в целом. Полагаю уместной в данном случае аналогию с монодией, которая представляет собой музыкальный склад, главным фактурным признаком которого является одноголосие (пение или исполнение на музыкальном инструменте, в многоголосной форме с дублировками в октаву или унисон). Произведения монодического склада не подразумевают гармонизации закономерности их звуковысотной структуры, поэтому монодические сочинения не то же самое, что одноголосные сочинения[7]. Как надиш, так и монодия направлены на создание настроения и такого состояния у воспринимающего информационного реципиента, при котором сведения экстремисткой направленности

подлежат восприятию минуя естественную критичность восприятия неординарной информации.

Применительно к информационным источникам, распространяемых в качестве видео-ряда в качестве яркого примера следует выделить наличие у протагониста видео ряда свободно размещенного стрелкового оружия, камуфляжной формы, солнцезащитных очков, бороды и т.д. Наличие всех или части из перечисленных признаков позволяет закономерно предполагать возможность идентификации протагониста видео ряда в качестве потенциального носителя экстремистской идеологии. Следует заметить, что перечисленные признаки должны находится в системном единстве того или иного культурного слоя. Только при наличии единой культурологической основы сформированный указанными неочевидными признаками образ вступает во взаимодействие с вербальным информационным рядом, формируя в сознании реципиента уже его собственное представление о неординарной информации, её значении и её нахождении в системе иных информационных источников. Преодоление естественной критичности восприятия неординарной информации по существу основная функция рассматриваемых неочевидных признаков экстремизма в объекте комплексного экспертного исследования.

В указанной связи представляется необходимым обозначение самого факта существования названных неочевидных признаков экстремизма в объекте комплексного экспертного исследования и их фактическое вовлечение в правоотношения экспертных исследований.

Следует отметить, что вопрос необходимости нормативного регулирования в закреплении в экспертном исследовании неочевидных признаков информации, носящей экстремистский характер в оказании стимулирующего воздействия на сознание информационного реципиента в настоящее время находится на стадии доктринального обсуждения. Кузнецов С.А. и Оленников С.М. указывают, что устоявшаяся практика предполагает описание объектов исследования в констатирующей, статичной форме [8].Гордеев Н. анализируя конкретные исследования материалов в качестве содержащих экстремистские материалы, приходит к выводам о том, что введение в текст судебного решения зачастую спорных неправовых дефиниций свидетельствует о значительных трудностях, возникающих у правоприменителя, причины которых во многом обусловлены несовершенством методов судебной экспертизы по рассматриваемой категории дел [9].

Проводя комплексное экспертное исследование необходимо:

во-первых, объект исследования описывать с точки зрения его технической составляющей: имена файлов, их размеры, формат записи, контрольные суммы сегментов и т.п., а не с точки зрения описания информационного носителя, на котором размещен предмет исследования;

во-вторых, результаты экспертного исследования подлежат закреплению в соответствии с отраслевым законом об экспертной деятельности с отражением процессуальных нюансов только в необходимых случаях;

в-третьих, описание предмета исследования должно носить описательный характер не только вербальной (текстовой) информации, но и должно содержать описание сопутствующих неочевидных признаков (маркеров) отнесения информации,

распространение которой её протагонистом подлежит квалификации в качестве распространения экстремистской информации;

в-четвертых, оценка вербальной (текстовой) информации и неочевидных признаков экстремизма в объекте комплексного экспертного исследования должна отражаться в экспертном заключении в системной взаимосвязи слов и окружающей обстановки, одежды протагониста, его атрибутов, музыкального сопровождения, жестов и т.п.;

в-пятых, описание окружения (аудио сопровождения) в исследуемом объекте должно занимать самостоятельное место в экспертном заключении. Приведенные выводы являются суммированием эмпирического багажа экспертной деятельности и направлены на совершенствование как непосредственно экспертной деятельности, так и на обеспечение реализации общепризнанного принципа отравления правосудия – полноты и всесторонности исследования и предоставления гарантий обеспечения эффективного правосудия.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. –29.07.2002. –№ 30. –Ст. 3031.

2. Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонстультантПлюс».

3. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства РФ.– 03.01.2011. –№ 1.– Ст. 2.

4. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. –04.06.2001. –№ 23. –Ст. 2291.

5. Майборода В.А. Родовая подсудность оспаривания нормативных правовых актов представительных органов муниципальных образований // Судья.– 2016. –№ 3.– С. 43-46.

6. Майборода В.А. Планирование территориального размещения нотариальной конторы // Нотариус. –2015.– № 6.– С. 12-15.

7. Пожидаева Г.А. Традиция древнерусской монодии в песнопениях Типографского устава //Древняя Русь. Вопросы медиевистики. –2005. –№ 4 (22).–С. 80-102.

8. Кузнецов С.А. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство / С.А. Кузнецов, С.М. Оленников. – М.: Издательский дом В. Ема, 2014. – 312 с.– (Научно-практическое издание).

9. Гордеев Н. Проблема терминологии в «экстремистских делах» // ЭЖ-Юрист. –2016. –№ 1.– С. 1, 11.

УДК 343

ОБЪЕКТ ВОЗБУЖДЕНИЯ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ, А РАВНО УНИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА
THE OBJECT OF EXCITATION OF HATE AND HUMAN RIGHTS, AND EQUALITY OF DEGRADING HUMAN DIGNITY

Мармута И.Л., Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, начальник кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук, доцент

Marmuta I.L., Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

e-mail: *w09marmutail@mail.ru*

Аннотация: Проведен анализ мнений отдельных авторов об объекте преступления, предусмотренного ст.282 УК РФ, определены авторские понятия видов объекта исследуемого состава.

Annotation: The analysis of the opinions of individual authors about the object of the crime provided for in Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation is carried out, author's concepts of the types of the object of the investigated composition are determined.

Ключевые слова: экстремизм, ненависть, вражда, социальная группа, объект преступления, человеческое достоинство.

Key words: extremism, hatred, enmity, social group, object of crime, human dignity.

Деяние, предусмотренное ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», является центральным составом среди всех преступлений экстремистской направленности. Ведь именно с данного преступления, как правило, начинается экстремистская деятельность. Оно посягает на конституционный принцип равенства граждан независимо от расы, национальности, вероисповедания и принадлежности к какой-либо социальной группе.

Прежде чем перейти к понятию непосредственного объекта исследуемого деяния, считаем необходимым определить объект экстремистских преступлений.

Согласно п.5 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, «экстремизм во всех его проявлениях ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает общественную безопасность и государственную целостность Российской Федерации, создает реальную угрозу сохранению основ конституционного строя, межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия»[6]. Исходя из вышеуказанного нормативно-правового акта, считаем возможным определить объект экстремистских преступлений как общественные отношения и интересы, охраняющие общественную безопасность и государственную целостность Российской Федерации, основы конституционного строя, межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия.

При определении непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст.282 УК РФ, в соответствии с классификацией объекта «по горизонтали», будем выделять его следующие виды – основной, дополнительный и факультативный.

Начнем с основного непосредственного объекта.

Согласно мнения одних ученых, основным непосредственный объектом преступления, предусмотренного ст.282 УК РФ являются «общественные отношения, гарантирующие признание и уважение равного достоинства личности независимо от каких-либо физических или социальных признаков, которые выступают одной из основ конституционного строя России»[7].

Другие к основному непосредственному объекту относят «интересы безопасности государства по обеспечению равенства прав и возможностей любого человека вне зависимости от его национальности, расовой и религиозной принадлежности, а также принадлежности к какой-либо социальной группе»[5].

Отдельные ученые вообще не выделяют основной объект и к непосредственному объекту относят общественные отношения и интересы, обеспечивающие нормальное сосуществование в обществе лиц разного пола, расы, национальностей, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе, провозглашенные Конституцией РФ[8].

Позволим себе на основании вышеуказанных мнений сформулировать определение основного непосредственного объекта анализируемого деяния, как совокупности общественных отношений и интересов, охраняющих равенство прав и свобод человека, независимо от национальности, вероисповедания, расы и (или) принадлежности к какой-либо социальной группе, а также обеспечивающих межнациональное (межэтническое) и межконфессиональное согласие, как одну из основ конституционного строя России.

Потерпевшим данного преступления выступают лица, чье достоинство было унижено по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе.

Исходя из этого, необходимо выделить дополнительный объект преступления предусмотренного ст. 282 УК РФ – честь и достоинство конкретного человека или группы лиц, в отношении которых было совершено исследуемое преступление. При этом дополнительный объект будет присутствовать только тогда, когда объективную сторону будет составлять унижение достоинства человека или группы лиц по указанным в диспозиции признакам.

В п.9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №11 от 28.06.2011 г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» специально указано, что «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение человеческого достоинства, сопряженные с нанесением побоев, совершением иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (например, связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.), а также с умышленным причинением легкого или средней тяжести вреда здоровью, охватываются пунктом «а» части 2 статьи 282 УК РФ» [3].

Таким образом, при совершении данного деяния с применением насилия или угрозой его применения факультативным объектом будет выступать здоровье конкретного человека или группы лиц, которые будут также являться и потерпевшими.

Далее нам необходимо определиться, что понимать под указанными в диспозиции исследуемой нормы признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

Начнем с признаков пола, которых традиционно различаются два – мужской пол и женский. К половым признакам необходимо относить не только физиологическое строение человека, но и присущие именно данному полу социально-демографические признаки. Однако при изучении судебно-следственной практики фактов привлечения к уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства по признакам пола выявлено не было.

Отдельные ученые считают, что совершение вышеуказанных действий по половым признакам имеет место в отношении лиц нетрадиционной сексуальной ориентации[1]. На наш взгляд, отнесение признака нетрадиционной сексуальной ориентации к признакам пола не является возможным, так как данная ориентация присуща отдельным группам лиц – сексуальным меньшинствам. И возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства в отношении указанных лиц совершается по признакам принадлежности к какой-либо социальной группе (группе сексуальных меньшинств), а не по признакам пола. Судебная практика подтверждает наше предположение.

Так, Епихина Е.В., находясь в общественном месте, а именно на санкционированном митинге, организованном политической партией, раздавала проходящим мимо неустановленным гражданам изготовленные ею самостоятельно в домашних условиях, под своим псевдонимом - ИВК, листовки и брошюры, при этом активно призывая вслух указанных граждан к дальнейшему распространению указанных брошюр, в том числе в школьных учреждениях, в целях формирование у них негативных чувств и отрицательных эмоций по отношению к лицам еврейской национальности и социальной группе гомосексуалистов[2].

Следующим подлежит рассмотрению признак расы или расовый признак. Общепризнано наличие в мире трех рас – европеидная, монголоидная и негроидная, однако четких границ между ними уже практических нет. Поэтому считаем возможным согласиться с мнением С.В. Борисова и А.В. Жеребченко, которые предлагают «изменить законодательное определение преступлений экстремистской направленности посредством указания не на расу, национальность, и т.д. в целом, а на признак (признаки), их характеризующий, что позволит более точно определить мотив и цель деяния, в том числе при установлении отличающегося цвета кожи представителей ненавистных для виновных социальных групп»[1].

Признак национальности является самым распространенным при совершении преступлений экстремистской направленности вообще и возбуждения ненависти или вражды в частности. При этом достаточно редко виновные конкретизируют национальность - «еврейской национальности», применяя собирательные названия – «лица кавказской национальности», «нерусские», «представители коренных народов Кавказа и Закавказья».

Так, Казбанов А.О. при помощи баллончиков с красящим веществом черного цвета, нанес в общественных местах на стенах зданий центральных улиц и на зданиях в проходных дворах отчетливо видимые и хорошо читаемые надписи и символику, содержащие призывы населения к осуществлению экстремистской деятельности, пропагандирующие идеи ненависти и вражды по отношению к представителям негроидной и монголоидной рас, еврейской национальности, коренных народов Кавказа и Закавказья, а также к представителям ряда иных народов по признакам расы, национальности, языка, происхождения[4].

Признаки языка и происхождения являются производным от признаков расы и национальности, так как представители отдельный наций имеют отличный от иных наций язык и наречия, что может явиться причиной ненависти или вражды к ним со стороны других национальностей. Однако отдельно от национальных и расовых признаков, в качестве самостоятельных составообразующих признаков признаки языка и происхождения в ходе изучения судебной практики выявлены не были.

Религиозный признак или признак отношения к религии наряду с национальным является одним из самых распространенных в экстремистских преступлениях. В настоящее время в мире существует четыре основные религии – христианство, ислам, буддизм и иудаизм, а также значительное количество отдельных религиозных течений, как относящихся к вышеуказанным основным религиям, так и не относящихся. Представляется, что религиозный признак будет иметь место и тогда потерпевший является лицом, не относящимся к какой либо из религий и их не признающим, не верующим в какие-либо «высшие силы». Также необходимо определиться, будут ли действия, содержащиеся в диспозиции ст.282 УК РФ, совершенные в отношение запрещенных в России религиозных объединений и организаций, составлять данное преступление. На наш взгляд, представителей таких религиозных сект и секций нельзя признавать потерпевшими от исследуемого преступления, а противоправные действия в их отношении необходимо квалифицировать, при наличии на то оснований, по иным статьям УК РФ, предусматривающих ответственности за преступления против личности без указания экстремистских мотивов.

И, наконец, рассмотрим самый спорный и неоднозначный признак - принадлежность к какой-либо социальной группе. Ранее, рассматривая признак пола, мы уже упомянули такую социальную группу - группу сексуальных меньшинств, которая была конкретизирована в одном из судебных решений как социальная группа гомосексуалистов[2].

Критерием образования и выделения социальных групп могут быть как социально значимые биофизиологические признаки (физическое, умственное развитие, наличие заболеваний или отклонений, инвалидность), так и социально-демографические (пол, возраст, должностное, семейное положение, уровень образования, наличие или отсутствие постоянного места жительства или наличие или отсутствие постоянного источника средств существования). При этом один и тот же человек будет состоять в нескольких из них. Однако отнесение себя человеком к какой-либо социальной группе не будет являться достаточным для наличия признака принадлежности к какой-либо социальной группе, необходимо

отнесение к данной группе и восприятие этого лица именно ее членом со стороны виновного – того лица, которое будет возбуждать ненависть или вражду, а равно унижать достоинство.

Так же необходимо согласиться с мнением отдельных ученых, о нецелесообразности признания социальными группами «совокупности людей, характеризующихся различными видами асоциального поведения: попрошайничеством, бродяжничеством, проституцией, систематическим употреблением алкоголя, наркотических средств или психотропных веществ» [1]. Преступления, совершаемые в отношении данным лиц вряд ли возможно признать экстремистскими в силу неприятия осуществляемых ими действий большинством населения страны, что не исключает уголовной ответственности, предусмотренной иными статьями УК РФ, за преступные действия в их отношении.

Подводя итог, необходимо сделать следующие выводы:

Объектом экстремистских преступлений являются общественные отношения и интересы, охраняющие общественную безопасность и государственную целостность Российской Федерации, основы конституционного строя, межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия.

Основным непосредственным объектом ст.282 УК РФ является совокупность общественных отношений и интересов, охраняющих равенство прав и свобод человека, независимо от национальности, вероисповедания, расы и (или) принадлежности к какой-либо социальной группе, а также обеспечивающих межнациональное (межэтническое) и межконфессиональное согласие, как одну из основ конституционного строя России.

Дополнительный объект преступления предусмотренного ст. 282 УК РФ – честь и достоинство конкретного человека или группы лиц, в отношении которых было совершено исследуемое преступление. При этом дополнительный объект будет присутствовать только тогда, когда объективную сторону будет составлять унижение достоинства человека или группы лиц по указанным в диспозиции признакам.

Факультативным объектом будет выступать здоровье конкретного человека или группы лиц, которые будут также являться и потерпевшими.

Литература

1. Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография / С. В. Борисов, А. В. Жеребченко ; отв. ред. С. В. Борисов. - М.: Юриспруденция, 2015. –С.264.

2. Постановление Останкинского районного суда г. Москвы от 6 февраля 2013 года // «Суд РФ.ру»: [сайт]. URL: Режим доступа:http:// ostanskij—msk.sudrf.ru/ modules/plp?name=sud-1540006(дата обращения : 30.07.2017).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ №11 от 28.06.2011 г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонстультантПлюс».

4. Приговор Воркутинского городского суда Республики Коми № 1-…/10 от 2010 года // «РосПравосудие»: [сайт]. URL: Режим доступа: https://rospravosudie.com/court-vorkutinskij-gorodskoj-sud-respublika-komi-s/act-105716736/ (дата обращения : 30.07.2017).

5. Современное уголовное право. Общая и особенная части / под редакцией доктора юридических наук, профессора А.В. Наумова. - Москва: Илекса, 2007. – С.1040.

6. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденная Президентом РФ 28.11.2014, Пр-2753 [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонстультантПлюс».

7. Уголовное право России. Части общая и особенная: учебник. Издание второе, переработанное и дополненное / Под общей редакцией заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2016. – С.1184.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации. Особенная часть. Постатейный научно-практический комментарий / под ред. д-ра юрид. наук, профессора А.В. Наумова, д-ра юрид. наук, профессора А.Г. Кибальника. М.: ЗАО «Библиотечка РГ», 2012. - С.751.

УДК 343.431

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ ОТ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

PROBLEMATICAL ISSUES OF LIMITATION OF TRAFFICKING BY PEOPLE FROM HUMAN ABDUCTION ON THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Мартыненко Н.Э., Москва, Академия управления МВД России, д.ю.н., доцент, заместитель начальника кафедры уголовной политики

Martynenko N.E., Academy of Management of the MIA of Russia, doctor of law, assistant professor, deputy Head of the Department of Criminal Policy

e-mail: *kafedra_up_au@mail.ru*

Бухориев Б.Р., Академия управления МВД России, адъюнкт кафедры уголовной политики.

Bukhoriev B.R., Academy of Management of the MIA of Russia, adjunct of the Department of Criminal Policy

e-mail: *Buhoriev_1991@mail.ru*

Аннотация: В статье проведен сравнительный анализ норм об ответственности за похищение человека и торговлю людьми по Уголовному Кодексу Республики Таджикистан и предлагаются меры, направленные на восстановление принципа справедливости, нарушенного при имплементации положений международного соглашения о противодействии торговли людьми в Уголовный Кодекс Республики Таджикистан

Annotation: *The article compares the norms of responsibility for kidnapping and trafficking in persons under the Criminal Code of the Republic of Tajikistan and proposes measures aimed at restoring the principle of fairness, violated in the implementation of the international agreement on combating trafficking in persons into the Criminal Code of the Republic of Tajikistan*

Ключевые слова: торговля людьми, похищение человека, разграничение, квалификация.

Key words: human trafficking, kidnapping, delineation, qualification.

В 2003 годув Уголовный Кодекс Республики Таджикистан (далее – УК РТ) была введена новая норма - ст. 130^1 «Торговля людьми». Появление в УК новой статьи явилось имплементацией положений международного соглашения Республики Таджикистан о противодействии торговле людьми[1]. Однако одновременно не были внесены изменения в другие статьи, которые ранее предусматривали возможность привлечения к уголовной ответственности за торговлю людьми, что повлекло за собой ряд проблем, связанных с квалификацией данного преступления и отграничением его от смежных составов.

До криминализации ст. 130^1 УК РТ, общественно опасные деяния, подпадающие под признаки торговли людьми, квалифицировались как похищение человека, совершенное из корыстных побуждений (п. «з» ч.2 ст.130 УК РТ).

Между нормами о торговле людьми и о похищении человека есть много общего. Обе они расположены в главе 17 «Преступления против личной свободы, чести и достоинства», и имеют своим родовым объектом безопасность личности. Оба преступления совершаются путем активных действий и могут быть совершены только умышленно, относятся к категории тяжкого (ч. 1 ст. 130 и 130^1 УК РТ) и особо тяжкого преступления(ч. 2 и 3 ст. 130 и 130^1 УКРТ), предусматривают один и тот же срок лишения свободы (до восьми лет) в качестве наказания (ч.1 ст.130 и ч.1 ст. 130^1). Основные составы преступлений формальные в виду особой тяжести самого преступления и считаются оконченными с момента совершения любого из альтернативных деяний, перечисленных в их диспозициях.

Теперь, что касается отличий. Видовым объектом похищения человека выступают общественные отношения в сфере личной свободы человека [2]. При торговле людьми видовым объектом является неприкосновенность личности, а непосредственным объектом его честь и достоинство.

При похищении потерпевшими близкие родственники быть не могут, т.к. похищают обязательно у кого-нибудь. А похитить, например, свою жену у себя самого вряд ли возможно. При торговле людьми потерпевшими могут стать любые лица (родители, родственники, друзья, знакомые потерпевшего).

Анализ положений, содержащихся в диспозициях статей 130 и 130^1 УК РТ, позволяет сделать вывод о том, что законодатель при конструировании статей пошел по пути описания способов совершения преступлений, не уделив внимания характеристике самого преступного деяния. А это необходимо было сделать хотя бы потому, что термин «похитить» означает тайно увести, унести, украсть[3]. Следовательно, основной признак похищения, который должен был быть указан в диспозиции ст. 130 УК РТ - это тайное место удержания похищенного, т.к. способы завладения человеком могут быть самые разные (как открытые, так и тайные). А место удержание похищенного, должно быть никому не известно[4].

Аналогичным образом сформулирована и диспозиция ст. ст. 130^1 УК РТ «Торговля людьми». Законодатель перечислил пять способов приготовления к торговле людьми, некоторые из которых образуют самостоятельные составы преступлений, но не включил главный признак деяния – куплю-продажу человека, т.к. торговля, исходя из этимологического значения этого слова, представляет собой куплю-продажу чего-либо [5]

Кроме того, объективная сторона торговли людьми включает самостоятельное преступление - похищение человека в качестве одного из способов совершения торговли людьми. Такое законодательное установление не могло не привести к проблемам квалификации рассматриваемых преступлений. Такая ситуация возникла потому, что законодатель, формулируя признаки преступления, торговли людьми полностью имплементировал положения ст.3 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [1]. При этом не были учтены уже имеющиеся статьи УК РТ, предусматривающие ответственность за посягательства на свободу человека.

Для решения проблемы квалификации торговли людьми и отграничения этого преступления от похищения человека, прежде всего, следует определиться с решением

вопроса о том, нужна ли совокупность преступлений в случае, если лицо совершает похищение человека с целью в дальнейшем продажи потерпевшего. Известно, что правила законодательной техники допускают случаи, когда одно менее общественно опасное преступление является отягчающим обстоятельством (квалифицирующим признаком) другого более тяжкого преступления. В качестве примера можно привести п. «г» ч. 2 ст. 104 УК РТ, предусматривающий ответственность за убийство, сопряженное с похищением человека либо захватом заложника, которые являются самостоятельными преступлениями, по степени общественной опасности «уступающими» убийству.

Однако случаи, когда одно преступление является только способом совершения другого основного состава преступления (причем эти преступления одинаковы по степени общественной опасности), правила законодательной техники не предусматривают.

Выход из сложившейся ситуации видится только один – следует исключить способ похищения из диспозиции основного состава преступления. Но данное предложение тоже не решит всех проблем. Как показало изучение материалов уголовных дел РТ, возбужденных по факту торговли людьми, зачастую преступники для того чтобы совершить это преступление, сначала похищают человека. Нужна ли в этом случае квалификация по совокупности преступлений, либо похищение человека следует предусмотреть в ст. 130^1 УК РТ как обстоятельство, отягчающее наказание?

Решение данной проблемы особенно важно еще и потому, что, как было показано выше, похищение человека указано в ст.130^1 УК РТ в качестве способа совершения этого преступления. При этом в ст. 130 УК РТ содержится такое отягчающее обстоятельство как похищение человека совершенное из корыстных побуждений (п. «з» ч. 2 ст. 130 УК РТ), которое не исключает извлечения выгоды от совершения данного деяния, в частности, обогащения за счет торговли людьми. Кроме того, санкция квалифицирующего состава п. «з» ч. 2 ст. ст.130 УК РТ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до двенадцати лет. Санкция основного состава ст. 130^1 УК РТ кумулятивная и предусматривает лишение свободы на срок от пяти до восьми лет с конфискацией имущества. Таким образом, при квалификации торговли людьми, совершенной путем похищения человека (ч.1 ст. 130^1), она может наказываться максимально восьмью годами лишения свободы с конфискацией имущества (если содеянное квалифицировать как единичное преступление), а похищение человека считать способом совершения торговли людьми. Если же такие действия квалифицировать по совокупности преступлений – похищения человека и торговли людьми, - то наказание может возрасти до двадцати лет лишения свободы. Однако если предусмотреть похищение как особо квалифицирующий признак состава преступления торговли людьми, то в данном случае максимальный срок наказания равен пятнадцати годам лишения свободы.

Как было сказано выше, проблема квалификации возникла потому, что способ совершения торговли людьми - похищение, взятый в качестве самостоятельного отдельного преступления ст.130 УК РТ, равен по степени общественной опасности и соответственно санкции, - самому преступлению – торговле людьми. Не помогает решить этой проблемы и ст. 20 УК РТ, содержащая понятие совокупности преступлений. Это отличает понятие совокупность преступлений от аналогичного, данного в ст. 17 УК РФ.

Для того, чтобы восстановить принцип справедливости и разрешить имеющуюся проблему квалификации, считаем необходимым, как говорилось выше, исключить из диспозиции ч. 1 ст. 130^1 УК РТ способы совершения преступления, которые образуют самостоятельные составы преступлений (похищение человека, мошенничество, злоупотребления полномочиями), т.к. это противоречит правилу законодательной техники, согласно которомуодно преступление может быть не способом другого, а только его квалифицирующим признаком. Однако при этом следует изменить и редакцию ст. 20 УК РТ, закрепив в ней положение о том, что совершение двух или более преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, совокупности преступлений не образуют. Таким образом, если способ совершения преступления (похищение), являющийся самостоятельнымпреступлением, равен по степени общественной опасности другому преступлению (торговле людьми), или превышает ее, содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений[6].

Еще одной проблемой, связанной с нарушением принципа справедливости и возникающей при анализе отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 130 и 131^1УК РТ, является установление в этих статьях разного наказания за одинаковое отягчающее обстоятельство. Так, и торговля людьми и похищение человека в качестве квалифицирующего признака предусматривают совершение этих преступленийс целью изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации (п. «в» ч.3 ст. 130 УК РТ, п. «д» ч.2 ст. 131^1УК РТ). В норме о похищении человека данное деяние наказывается сроком от двенадцати до двадцати лет лишения свободы, тогда как торговля людьми, совершенная с аналогичной целью, наказывается от восьми до двенадцати лет лишения свободы. Представляется, что разная оценка общественной опасности деяния со стороны законодателя не совсем правильна. Решение данной проблемы видится в унификации квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков в ст. 130 и 130^1 УК РТ.

По изучению российского опыта установления уголовной ответственности за похищение человека (ст.126 УК РФ) и торговлю людьми (ст.127^1 УК РФ) можно сделать вывод о том, что российский законодатель избежал тех ошибок, которые допущены законодателем Республики Таджикистан при формулировании статей, предусматривающих ответственность за вышеназванные преступления, т.к. не стал полностью имплементировать положения вышеназванного Факультативного Протокола, указав в диспозиции лишь название преступления (похищение человека) либо основной признак деяния (купля-продажа).

Все вышеизложенноеприводит к выводу о том, что для решения проблем квалификации торговли людьми и отграничения ее от похищения человека необходимо (с учетом опыта Российской Федерации) изменить редакцию ст. 130^1 УК РТ, указав в диспозиции, что торговля людьми является куплей продажей человека. Кроме того, следует унифицировать квалифицирующие признаки, содержащиеся в ст.130 и 130^1 УК РТ и одновременно изменить редакцию ст. 20 УК РТ, по аналогии со ст. 17 УК РФ, предусматривающей правила квалификации по совокупности преступлений.

Литература

1. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступностиот 15 ноября 2000 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. №40. Ст.3884.

2. Алиев А.Ш. Уголовная ответственность за похищение человека. Душанбе, Шуджоиен. 2011. С. 46.

3. Словарь русского языка. - М., Русский язык, 1983. Т. 3. С. 339.

4. Мартыненко Н.Э. Похищение человека: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дисс. … канд. юрид. наук. М., 1994. С. 41.

5.Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. Серия Русский язык от А до Я. // Издательство «ЮНВЕС» М., 2003. С. 704.

6.Черненко Т.Г. Квалификация реальной совокупности преступлений // Вестн. Том.гос. ун-та. 2012. № 357.С. 144.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА
SOME PROBLEMATIC QUESTIONS OF CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Мельников В.Ю., Ростовский институт (филиал) ВГУЮА (РПА Минюста России), доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Melnikov V.Yu., Rostov Institute (branch) VGUYUA (RPA of the Ministry of Justice of Russia), doctor of Law, associate Professor, professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics

e-mail: *juliameln@mail.ru*

Аннотация: В работе рассмотрены актуальные и важные проблемы, возникающие в ходе обеспечения прав человека в уголовном процессе России. На примере рассмотрения вопросов, связанных с следственной деятельностью, рассматривается деятельность следователя, дознавателя, прокурора, суда, направленная на создание оптимальных условий для реализации процессуальных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства.

Annotation: The paper considers current and important problems arisingIn the article the urgent and important problems that arise in the course of human rights in the criminal process of Russia. For example, consideration of issues related to investigation activities, describes the activities of the investigator, Prosecutor, court, aimed at creating optimal conditions for realization of the procedural rights and obligations of participants of criminal proceedings.

Ключевые слова: следственные действия, следователь, обеспечение прав и свобод человека

Keywords: investigations, the investigator, ensuring the rights and freedoms of man

Как неоднократно отмечалось, обеспечение прав личности в уголовном процессе России – это деятельность следователя, дознавателя, прокурора, суда, направленная на создание оптимальных условий для реализации процессуальных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства.

По мнению М.В. Сидоренко, одним из основных элементов принципа верховенства права и главным средством его функционирования является определенность, которая все чаще характеризуется российским законодателем и в доктрине в качестве идеи общеправового, универсального характера, в той или иной форме проявляющей себя в каждой отрасли российского права, в том числе уголовно-процессуального[1, с. 3, 30].

Исходная неопределенность закона не всегда является закономерным и определяющим фактором коллизионности в динамике его применения, ибо наличествующие дефекты воли закона во многом нивелируются надлежащим правосознанием и опытом публичных участников правовых отношений, не порождая негативных последствий.

Нормативное содержание идеи правовой определенности в уголовном судопроизводстве России не может быть сведено ни исключительно к ясности и точности действующих предписаний закона. Реально оно проявляется через: потребность в стабильном правовом регулировании; потребность в определенности динамики права.

Правовая определенность проявляет себя в качестве самостоятельной, фундаментальной, универсальной идеи общеправового характера, взаимосвязь которой с идеей верховенства права вполне объяснима с позиций диалектики категорий «средство» и «цель». Ее назначение – обеспечить состояние стабильности и безопасности функционирования личности, гражданского общества и правового государства через стабильность изначально определенного статуса участников правовых отношений, актов и стабильность актов применения права.

Помнению Ахмеда Камаран Сабах Ахмеда, закрепления назначения уголовного процесса и принципов уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальном законе способствует обеспечению механизма реализации гарантий прав личности, как на законодательном уровне, так и в рамках правоприменительной практики [2, с. 10].

Всего в 2016 году в суды поступило 961083 уголовных дел (в 2015 году – 965925) [3]. Вято под стражу по приговору суда с реальным сроком наказания – 89171 (в 2015 году – 89338). Освобождено из-под стражи в связи с оправдательным приговором или прекращением уголовных дел – 17486 (в 2015 году – 19565).

На переднем плане вопроса законности всегда должны стоять гарантии прав и свобод человека, в первую очередь со стороны именно тех лиц, которые наделены властными полномочиями.

Помнению О.И. Бойченко, от надлежащих действий по отысканию носителей информации, с помощью которых могут быть получены сведения о преступлении, действий по собиранию этих сведений и их процессуальному закреплению, во многом зависят обеспечение и соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [4, с. 3].

Законодатель определил перечень органов и лиц, чьи действия (бездействие) и решения могут быть обжалованы (ч. 1 ст. 123 УПК РФ).

По мнению Н.В. Горак, к обжалованию следует относить не только этап рассмотрения жалобы, но и её подготовку (составление), предшествующую подаче жалобы; разрешение, т.е. проверку по существу обозначенных в ней доводов; вынесение процессуального решения и направление ответа заявителю, а также обеспечение выполнения решения по жалобе [5, с. 31]. Трудно согласиться с таким утверждением.

Под обжалованием прокурору, по мнению Н.В. Горак, следует понимать процесс составления и подачи жалобы участниками уголовного судопроизводства и иными лицами, интересы которых затронуты процессуальными действиями (бездействием) и решениями органов предварительного расследования и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, её приема, рассмотрения и разрешения прокурором, обеспечения выполнения решения по ней в целях устранения нарушений закона, защиты и восстановления прав и законных интересов лиц.

Она же считает, что в качестве бездействия следует рассматривать решения, так и отказ в принятии решения, оформленный определенным в законе образом (например, отказ в возбуждении уголовного дела). А в предмет обжалования прокурору должны входить любые процессуальные действия, бездействие и решения органов предварительного расследования и их должностных лиц, а в определенной части - органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Оперативно-розыскные мероприятия, результаты которых внедрены в уголовный процесс и стали частью материалов проверки сообщения о преступлении или уголовного дела, равно как и все действия и решения, с ними связанные, также могут быть обжалованы в порядке ст. 124 УПК РФ. Также трудно согласиться с данными утверждениями. Как правило, такие материалы приобщаются к материалам дела в качестве вещественных доказательств. В этом случае прокурору необходимо будет давать оценку вещественным доказательствам, а не действиям (бездействия) следователя (дознавателя). Суд даст им объективную оценку при вынесении судебного решения. Как можно оценивать бездействия следователя в связи с вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела?

Лицо, подавшее жалобу, является субъектом уголовно-процессуальных правоотношений. Элементами процессуального статуса заявителя являются права: подать жалобу, получить своевременный ответ по существу жалобу, быть уведомленным о продлении срока проверки по жалобе, обжаловать ответ вышестоящему должностному лицу либо в суд, знакомиться с материалами проверки по жалобе. В число его обязанностей входят дача объяснений по существу доводов поданной жалобы, предоставление имеющихся у него документов, необходимых для проверки жалобы, недопустимость злоупотребления правом на обжалование, но нести ответственности за заведомо ложный донос. Предложение Н.В. Горак предупреждать заявителя по жалобе об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ – не имеет законного основания.

Отдельными авторами также формулируется вывод о том, что документ, содержащий результаты предварительного расследования, проведенного как в форме предварительного следствия, так и в формах дознания в общем порядке и сокращенной форме, и основанное на этих результатах предъявленное обвинение, было бы более верным именовать обвинительным заключением [6, с. 26].

Для обеспечения обоснованности ходатайств участников уголовного процесса, заинтересованных в исходе уголовного дела, о вызове эксперта на допрос необходимо предусмотреть в УПК РФ реальную, а не декларативную возможность ознакомления их с заключением эксперта [7, с. 6,17].

В целях обеспечения права участников уголовного судопроизводства знать о принесенных по уголовному делу жалобах и подавать на них возражения необходимо возложить на прокурора обязанность при поступлении таких жалоб незамедлительно уведомлять об этом потерпевшего, гражданского истца, законных представителей и представителей потерпевшего и гражданского истца, обвиняемого, гражданского ответчика и его представителя. При получении от них возражений рассматривать их одновременно с жалобой, о результатах разрешения уведомлять не только заявителя, но и лицо, подавшее возражения.

Актуальным для обеспечения прав человека, безопасности общества и государства является своевременное раскрытие и эффективное расследование преступлений субъектами предварительного следствия. Большое значение имеет то обстоятельство, чтобы производством предварительного расследования, выполнением следственных действий, применением мер процессуального принуждения, занимаются наиболее подготовленные следователи.

Как обеспечиваются дознавателями, следователями, прокурорами, права и законные интересы участников уголовного судопроизводства на современном этапе? Рассмотрим этот вопрос на примере производства некоторых процессуальных и следственных действий в отношение подозреваемого.

Все чаще появляются научные работы, касающиеся вопросу производству следственных действий, допустимости доказательств в уголовном процессе. Так, например, М.В. Кравченко считает, что «…обозначение доказательств «недопустимыми» противоречит методологическим основам понимания сущности самой категории «доказательство». Появление и существование доказательств в уголовном процессе возможно благодаря собственно результату установления специальных признаков, характеризующих доказательства. Доказательства не могут сочетаться с такими терминами, как «недопустимость», «неотносимость» или «недостоверность»[8]. Трудно согласиться с данными утверждениями.

Доказательства, собранные в ходе ненадлежащих следственных (процессуальных) действий либо действий, не указанных в УПК РФ, подлежат исключению из производства по уголовному делу, именно как недопустимые доказательств. К допустимым же способам получения доказательств по уголовным делам относятся производство следственных действий.

Как известно, в пункте 32 статьи 5 УПК РФ дается понятие процессуального действия, охватывающее в своей совокупности следственное, судебное или иное действие, предусмотренное УПК РФ. Вместе с тем в законе не указаны отличительные признаки, присущие следственному или иному действию, предусмотренному УПК РФ, позволяющие отграничить друг от друга эти правовые категории.

В.А. Семенцов справедливо отмечает, что одним из процессуальных средств раскрытия преступлений и изобличения виновных является институт следственных действий, основные положения которого регламентируются законом в рамках досудебного производства [9, с. 3–5]. В научной литературе до сих пор разрабатываются различные подходы к определению этого понятия, с учетом главных признаков, отражающихся в предлагаемых дефинициях и позволяющих сформулировать развернутое определение следственных действий.

Как известно, расследование преступлений представляет собой разновидность познавательной деятельности, которая преследует цель получить достоверное знание о каком – либо объекте. Оно, как и любой вид познавательной деятельности, имеет свою структуру. Принято различать следующие основные структурные элементы процесса расследования преступления: этапы расследования; отдельные следственные действия[10].

В юридической литературе принято именовать следственными лишь те действия, специфическим признаком которых является непосредственная направленность на собирание, исследование, оценку и использование доказательств (осмотр, допрос, обыск, выемка). В то же время уголовно - процессуальная природа расследования обусловливает потребность в выполнении следователем процессуальных действий, отличных от следственных и направленных на: регулирование хода расследования и его окончания; обеспечение соблюдения и реализации прав и законных интересов участников уголовного процесса; вынесение различного рода постановлений, составление обвинительного заключения и т.д. Такие процессуальные действия, в отличие от следственных, не являются средством реализации задач доказывания, а лишь создают необходимые условия расследования по уголовному делу.

Следовательно, следственные действия – это выполняемые лицом, производящим расследование, в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона процессуальные действия по собиранию доказательств. Для производства следственных действий существуют общие условия, представляющие собой совокупность требований, предусмотренных уголовно - процессуальным законом, предъявляемых к процедуре каждого отдельного следственного действия.

Правомерность следственных действий определяется, в частности, общими условиями и правилами производства процессуальных действий. Недопустимы нарушение прав и законных интересов участвующих в нем лиц, ограничение которых не предусмотрено уголовно-процессуальным законом, унижение чести и достоинства участвующих лиц; угроза здоровью и жизни лиц, участвующих в производстве следственного действия.

Последовательность производства следственных действий законом не предусмотрена: она зависит от конкретной следственной ситуации и устанавливается следователем, дознавателем самостоятельно.

Другим аспектом, на который следует обратить внимание, является определение понятий повторных и дополнительных следственных действий, их разграничение. В юридической литературе не сложилось четкого единообразного понимания этих терминов, если не касаться судебной экспертизы, где понятие повторной экспертизы, равно как и близкое ему понятие дополнительной экспертизы, определено в законе [11, с. 44].

В уголовно - процессуальном законе отсутствуют какие-либо указания, препятствующие проведению повторных следственных действий. Применительно к ряду следственных действий закон прямо разрешает их повторное проведение. Как известно, это касается осмотра трупа при эксгумации (ст. 178 УПК), допроса на очной ставке (ст. 192 УПК), допроса обвиняемого при изменении и дополнении обвинения (ст. 173, 175 УПК), назначения повторной экспертизы (ст. 207 УПК). В отношении других следственных действий указаний в законе о возможности их повторного проведения не содержится, в связи с чем, однако, не следует делать вывод о недопустимости их повторного проведения. Такможет оказаться необходимым повторный следственный эксперимент (ст. 181 УПК), обыск и другие следственные действия. При повторном проведении осмотра места происшествия бывает невозможно наблюдать все те детали обстановки места происшествия,

которые воспринимались при первичном осмотре. Однако повторный осмотр может выявить такие детали, на которые следователь не обратил внимания при первичном осмотре.

Необходимость производства повторных следственных действий определяется рядом факторов, которые можно условно разделить на две большие группы: факторы объективные и субъективные. В первую группу входят следующие факторы: обстоятельства, затрудняющие при первичном следственном действии возможность собирания, исследования и оценки доказательств (метеорологические условия, невозможность при первичном следственном действии обнаружить или зафиксировать специфические объекты имеющимися научно - техническими средствами и др.). Во вторую группу включаем некоторые недостатки в организации и тактике ранее проведенного следственного действия; необходимость личного восприятия объектов познания, ранее исследованных другим лицом; иные тактические соображения.

Многообразие следственных ошибок, факторов, обусловливающих их возникновение, привело к тому, что до настоящего времени нет и единого понимания следственной ошибки. Этозатрудняет оценку ошибочных действий следователя. При сознательном нарушении закона следует говорить не об ошибке, а о правонарушении.

Организационные ошибки связаны с принятием решения о производстве следственного действия, определением его целей, с мерами по подготовке к его производству; с организационными мерами при производстве следственного действия; с оценкой хода и результата следственного действия. Тактические ошибки связаны с содержанием линии поведения следователя при проведении следственного действия, с применением определенных тактико - криминалистических приемов и рекомендаций по его производству, или неверным их применением; с неэффективностью использования научно - технических средств и т.п.

Уголовно - процессуальный закон предусматривает при производстве следственных действий применение фотографирования, киносъемки, звукозаписи, а также иных научно - технических средств для обнаружения, фиксации и использования доказательств (ст. ч.6 ст.164УПК). Иные научно - технические средства чаще всего применяются для обнаружения, фиксации и изъятия вещественных доказательств [12, с. 89].

Следовательно, цель следственных действий – установление фактических обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Процессуальное действие, например, задержание не обладает познавательными свойствами, а лишь создает необходимые предпосылки для проведения таких следственных действий, как личный обыск задержанного, допрос подозреваемого, осмотр его одежды, освидетельствование [13, с.39–40].

Задержание подозреваемого, по мнению автора, понимается законодателем напрямую, как мера принуждения и косвенно, как неотложное следственное действие. Уголовно-процессуальный закон не содержится прямой нормы, запрещающей производить задержание подозреваемого до возбуждения уголовного дела. При непосредственном задержании заподозренного лица, основаниями для возбуждения уголовного дела будут объективные данные, указывающие на причастность к нему задержанного. Указанные

данные означают наличие не только повода, но и основания для возбуждения уголовного дела.

А.В. Гриненко отмечает, что способы закрепления в уголовно-процессуальном законетаких действий, как задержание подозреваемого (ст. 91 УПК) дают основание утверждать, что они являются процессуальными, но не следственными действиями, так как производство указанных действий осуществляется главным образом для обеспечения надлежащих условий производства следственных действий или для достижения иных целей, не связанных непосредственно с получением доказательств [14, с.160].

Б.А. Комлев Б.А. указывает, что не все процессуальные действия являются следственными (п. 32 ст. 5, ч. 1 ст. 86 УПК РФ), поскольку не имеют свойств и признаков, присущих только им, например, непосредственная направленность на собирание доказательств [15, с. 98–102].

На сегодняшний день в УПК РФ система следственных действий расширена за счет проверки показаний на месте, контроля и записи переговоров, получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Важное значение имеет правильное установление оснований производства следственных действий, их формальная выраженность в процессуальных решениях органа предварительного расследования. Законность и обоснованность проведения следственных действий определяются не только наличием фактических и юридических к тому оснований, но и соблюдением условий и общих правил производства, которые требуют своего совершенствования.

Некоторых случаях вопрос о применении меры пресечения до предъявления обвинения может быть решен только с учетом результатов допроса подозреваемого. Показания задержанного лица о совершенном им преступлении могут быть приняты во внимание при решении вопроса об избрании ему меры принуждения.

Литература

1. Сидоренко М.В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права: автореф.дис. …д-ра.юрид.наук. – Краснодар, 2017. – С. 3,30.

2. Ахмед Камаран Сабах Ахмед. Гарантии прав личности в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству России и Ирака: автореф.дис. …канд.юрид.наук. – Краснодар, 2017. – С. 10.

3. Официальный сайт судебного департамента ВС РФ// http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

4. Бойченко О.И. Пределы доказывания по уголовным делам: автореф.дис. …канд.юрид.наук. – Краснодар, 2017. – С. 3

5. Горак Н.В. Обжалование прокурору действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования: автореф.дис. …канд.юрид.наук. – Краснодар, 2017. – с. 31.

6. Долгов А.М. Дознание как форма предварительного расследования: автореф. дис. …канд. юрид. наук, 2016. – 26 с.

7. Немира С.В. Достоверность заключения эксперта в уголовном процессе: автореф.дис. …канд.юрид.наук. – Краснодар, 2016. – С. 6, 17.

8. Кравченко М.Е. Допустимость вещественных доказательств в уголовном процессе: автореферат дис. …канд.юрид. наук 12.00.09 / М.Е. Кравченко. – Краснодар, 2017. – С. 16.

9. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве: монография. – М.: Юрлитинформ, 2017. – С. 3–5.

10. Громов Н.А. Уголовный процесс России: Учебное пособие. М.: Юристъ, 1998. – 552 с; Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко. 3-е изд., изм. и доп. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – 960 с.

11. Семенцов В.А.Следственные действия и розыскные меры в стадии предварительного расследования / В.А. Семенцов, О.В. Гладышева, М.С. Репкин. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2010.– С. 44.

12. Специалист в уголовном процессе: научно – практическое руководство / под ред. А.П. Рыжакова. – М.: Экзамен, 2007. –С.89.

13. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве: монография. – М.: Юрлитинформ, 2017. – С. 39–40.

14. Руководство по расследованию преступлений: учеб.пособие / под ред. А.В. Гриненко. М.: Норма–Инфра.– М.,2002. – С. 160.

15. Комлев Б.А. относил задержание к следственным действиям. Действие «процессуальное» и «следственное: содержание и соотношение понятий» // Право и государство. – 2010. – № 3. – С. 98–102.

УДК 343.9

К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
TO THE QUESTION ABOUT CONDITIONS OF CARRYING OUT OF OPERATIVELY-SEARCH ACTIONS

Мещерин А.И., Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники, кандидат юридических наук, доцент

Mescherin A.I., Stavropol branch of the Krasnodar universities of MIA of Russia, professor of the department of operational-investigative activities and special equipment, candidate of jurisprudence, associate professor

e-mail: *mai.aleksander@yandex.ru*

Рясов А.В., Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники, кандидат юридических наук

Ryasov A.V., Stavropol, Stavropol branch of the Krasnodar universities of MIA of Russia, associate professor of the department of operational-investigative activities and special equipment, candidate of jurisprudence

e-mail: *aleks_rav@mail.ru*

Аннотация: В статье рассмотрены проблемные вопросы, связанные с определением условий проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Annotation: The article deals with the problematic issues connected with definition of conditions of carrying out of operatively-search actions.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, классификация оперативно-розыскных мероприятий.

Key words: operational-investigative activity, operational-search measures, conditions of carrying out of operatively-search actions, classification of operative-investigative activities.

Положения об условиях проведения оперативно-розыскных мероприятий, закреплённые в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее, ФЗ «Об ОРД»), являются одними из важных базовых предписаний профильного законодательства, определяющих основные правила осуществления оперативно-розыскных действий, требования, предъявляемые к ним, либо обстоятельства их проведения [1].

Рассмотрению вопросов, касающихся проведения оперативно-розыскных мероприятий, определения оснований и соблюдения условий их осуществления сотрудниками оперативных подразделений, отводится достаточно большое количество учебного времени в образовательных организациях Министерства внутренних дел России в

ходе изучения, например, таких дисциплин, как «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел», а также «Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел». Необходимо отметить, что в ходе подготовки и проведения теоретических занятий по рассматриваемой проблематике авторами выявлены отдельные проблемные вопросы, связанные с определением специальных условий для осуществления некоторых оперативно-розыскных мероприятий.

Так, одним из оснований для классификации оперативно-розыскных мероприятий, является необходимость их санкционирования. В соответствии с этим все оперативно-розыскные мероприятия можно разделить на оперативно-розыскные действия, требующие судебного либо ведомственного санкционирования и, соответственно, не требующие чьего-либо разрешения, проводимые по инициативе сотрудников оперативных подразделений.

Непременным условием проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих отдельные конституционные права человека и гражданина, является необходимость получения судебного разрешения на их осуществление, в виде решения (санкции) судьи. В предыдущих публикациях авторами уже указано на наличие коллизии в определении перечня конкретных конституционных прав человека и гражданина, для ограничения которых в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий необходимо судебное решение (напомним, что суть проблемы заключается в определённом несоответствии конституционных прав человека и гражданина, необходимость соблюдения которых закреплена в ст. 5 ФЗ «Об ОРД» с конституционными правами человека и гражданина, ограничиваемыми в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, указанными в ст.8 данного закона).

При определении оперативно-розыскных мероприятий ведомственного санкционирования следует ориентироваться, прежде всего, на положения ст.8 ФЗ «Об ОРД», закрепляющих, помимо прочего, исчерпывающий перечень мероприятий, для проведения которых необходимо вынесение постановления, утвержденного руководителем, правомочным на осуществление оперативно-розыскной деятельности. Так, к данным оперативно-розыскным мероприятиям, по указанному выше признаку, относятся: проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативное внедрение, оперативный эксперимент. Тем не менее, проведя анализ ведомственных подзаконных нормативных актов, например, приказа МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199, можно включить в число мероприятий данной группы гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (т.е. фактически всех объектов, не относящихся к числу жилых помещений), которое проводится на основании распоряжения руководителя, правомочного издавать подобный акт, что фактически является ведомственным санкционированием, так как и постановление и распоряжение являются юридически-властными актами - предписаниями. Следует отметить, что в соответствии с ч.2 ст.4 ФЗ «Об ОРД» оперативно-розыскные органы вправе издавать нормативные акты, определяющие организацию и тактику проведения оперативно-розыскных мероприятий, но данное предписание не относится к формулированию дополнительных условий проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий. Представляется, что базовые положения оперативно-розыскной деятельности, устанавливающие новые правила проведения

оперативно-розыскных мероприятий, подлежат изначальному закреплению в оперативно-розыскном законе. Соответственно, указанные положения должны быть обязательны к исполнению и соблюдению всеми органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность в Российской Федерации. Ситуация, когда путём ведомственного нормотворчества фактически определяются дополнительные условия проведения тех или иных оперативно-розыскных мероприятий, по мнению авторов, является недостатком нормативно-правового регулирования общественных отношений, возникающих в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Следующий вопрос, касающийся определения условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, заключается в юридической конструкции ФЗ «Об ОРД».

Представляется, что формулируя положения об условиях проведения оперативно-розыскных мероприятий, законодатель пошёл по пути их перечисления в отдельной (специальной) норме, от общего - к частному, тем самым, как уже отмечалось выше, заложив одно из оснований для классификации оперативно-розыскных мероприятий, непосредственно закрепленное в оперативно-розыскном законе. Тем не менее, если провести детальный анализ ФЗ «Об ОРД», можно сделать вывод о том, что отдельные положения, фактически образующие условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, содержатся в иных статьях указанного закона.

Так, если исходить из тезиса о том, что условия проведения оперативно-розыскных мероприятий представляют собой определенные правила либо требования, предъявляемые к осуществлению последних, то подобные предписания можно обнаружить не только в ст.8 ФЗ «Об ОРД», непосредственно закрепляющей условия проведения, как всех без исключения оперативно-розыскных мероприятий, так и отдельных из них, но, к примеру, и в ч.1, ч.2, ч.8, ч.9 ст.5, ч.3, ч.4, ч.6 ст.6 [1].

Действительно, запреты, изложенные в ч.8 ст.5 ФЗ «Об ОРД», являются ни чем иным, как требованиями, предъявляемыми к проведению всех без исключения оперативно-розыскных мероприятий. Небезынтересно отметить тот факт, что в ходе преподавания дисциплин оперативно-розыскного цикла у различных категорий обучающихся, в том числе и действующих сотрудников различных оперативных подразделений органов внутренних дел, были выявлены определенные пробелы в знаниях положений оперативно-розыскного закона о соблюдении прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, так как, зачастую, они воспринимаются как декларативные. Возможно если, указанные положения включить в структуру ст.8 ФЗ «Об ОРД», то они уже будут восприниматься не как декларативные, а обязательные для исполнения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Аналогичная ситуация прослеживается в ходе анализа положений ст.6 оперативно-розыскного закона, которая закрепляет перечень оперативно-розыскных мероприятий, но помимо этого содержит и отдельные предписания, касающиеся применения технических средств при их проведении, которые также можно отнести к условиям осуществления тех или иных оперативно-розыскных действий, проводимых с использованием различных технических средств либо, собственно, оперативно-технических мероприятий.

Возможно, выступало бы целесообразным, включение в структуру оперативно-розыского закона условий проведения каждого оперативно-розыскного мероприятия с закреплением понятия (содержания) каждого их них, что способствовало бы более точному и единообразному толкованию как со стороны сотрудников оперативно-розыскных органов, так и стороны судебно-следственных, надзирающих и контролирующих органов.

Так, в практической деятельности оперативных подразделений, нередки случаи предъявления дополнительных требований со стороны следственных органов к содержанию (порядку проведения) различных оперативно-розыскных мероприятий, а также их результатам. К примеру, требования со стороны следственных органов о необходимости привлечения статистов при проведении отождествления личности (либо предъявления не менее трех фотографий), для того, чтобы впоследствии использовать полученные результаты в доказывании по уголовным делам, хотя в ведомственных нормативных правовых актах, регламентирующих организацию и тактику проведения оперативно-розыскных мероприятий данные требования не закреплены. Подобные ситуации влекут фактическое дублирование функций следственных органов оперативными подразделениями, что коренным образом меняет сущность, характер, направленность оперативно-розыскной деятельности в целом и конкретных оперативно-розыскных мероприятий в частности.

Таким образом, в настоящее время появляется всё больше предпосылок к принятию оперативно-розыскного кодекса либо существенному изменению и дополнению действующего оперативно-розыскного законодательства, так как объективно, назрела необходимость устранения противоречий между различными по характеру нормами, регламентирующими оперативно-розыскную деятельность.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. Об оперативно – розыскной деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995г. №144 – ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru. - (Дата обращения: 17.05.2017).

УДК 340.13

БАЛАНС МЕЖДУ ЧАСТНЫМ И ПУБЛИЧНЫМ ПРАВОМ В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ
THE BALANCE BETWEEN PRIVATE AND PUBLIC LAW IN THE MODERN RUSSIAN LEGISLATION

Михайлов А.Е., Саратовская государственная юридическая академия, доцент кафедры теории государства и права, кандидат юридических наук, доцент

Mikhaylov A.E., Saratov state law academy, associate professor at the department of state and law theory, candidate of juridical sciences, associate professor

e-mail: *aemihaylov@yandex.ru*

Алиев М.К., Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия, директор юридического института, кандидат юридических наук

Aliyev M.K., North Caucasus State Humanitarian-Technological Academy, Director of the Institute of Law, Candidate of Legal Sciences.

e-mail: *aliyuk@mail.ru*

Аннотация: В статье исследуется баланс между частным и публичным правом в современном законодательстве России. Рассматриваются проблемы реализации «Материнского капитала», выплаты алиментов и др. Авторами высказываются конкретные предложения по изменению действующего законодательства.

Annotation: The article examines the balance between private and public law in the modern legislation of Russia. The problems of the implementation of the "Mother's Capital", payment of alimony, etc. are considered. The authors make specific proposals on changing the current legislation.

Ключевые слова: Частное право, публичное право, законодательство.

Keywords: Private law, public law, legislation.

Взаимодействие частного и публичного права, его реализация в законодательстве и нахождение баланса между теорией и практикой являются актуальными проблемами на протяжении всего времени жизни людей. Испокон веков многие учёные занимались исследованием данных вопросов и добились соответствующего результата, предлагая различные пути решения. К ним относятся М.И. Агарков, М.И. Байтин, Д.Е. Петров, Н.И. Матузов, А.Р. Дарвина и др. Так, ещё древнеримский юрист Домиций Ульпиан говорил, что публичное право есть то, которое относится к положению Римского государства, тогда как частное относится к пользе отдельных лиц [1]. Действительно, частное право призвано регулировать отношения между гражданами, общественными организациями, частными лицами защищать их права и свободы, учитывая их интересы в первую очередь. Оно предоставляет свободу, независимость, самостоятельность людям в своих действиях и не позволяет государству вмешиваться в их дела. Тогда как в публичном праве государство контролирует деятельность органов и указывает каждому конкретному лицу его

юридическое место, выражая свою волю. Публичным отношениям присуще неравенство, они связаны более чёткими правилами, так как власть является либо создателем правовых норм, либо вплотную вовлечена в создание и приведение их в исполнение. По каким же критериям делят частное и публичное право? Первый критерий это метод построения правоотношений. Он предусматривает правоотношения между юридически равными субъектами, которые регулируются частным правом, и между юридически властвующим и подчинённым-публичным в публичном праве. Но следует отметить, что данная теория не во всех случаях остаётся верной.

Например, в ч. 1 ст. 47 Конституции РФ указано, что каждый имеет право на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которого оно относиться. Этот пример не является иллюстрацией публичных интересов, так как и гражданин, и судья выполняют свои субъективные права и юридические обязанности. Другим методом разграничения систем принято считать способ защиты прав их участников. Он основан на том, что гражданин сам заинтересован в защите своих нарушенных прав, но если она исходит от уполномоченных органов, то ситуация будет решаться в соответствии с публичным правом.

Следовательно существуют разные точки зрения на данную проблему. Г.Ф. Шершеневич и К.И. Малышев разделяли данные пласты права, считая, что они никоим образом не могут быть связаны, так как их сущности противоположны. Ф.К. Савиньи различал гражданское и публичное право по выражению интересов сторон. Германский учёный Тон различал частное и публичное право на основании того, как распределяется защита прав от нарушений, охраняется ли право по инициативе самого потерпевшего. Мы можем сказать, что сегодня чёткой границы между частным и публичным правом в современном законодательстве нет, она размыта, стёрта реальной жизнью. Но при взаимодействии обе стороны права должны гармонировать и учитывать интересы друг друга, находить равновесие, не переступая за рамки.

Таким образом, публичное право «есть область власти и подчинения», гражданское — «область свободы и частной инициативы»[2]. Но зачастую при реализации взаимодействия двух структур права на практике интересы одной или другой стороны ущемляются, при этом, на наш взгляд, чаще всего это относится к частным лицам. Считаем, что в настоящие время в правотворчестве России такое соотношение не получило должной разработки, несмотря на то, что наш законодатель стремиться к этому.

Например, в 2016 году Президент РФ указал на то, что необходимо поддержать людей с низкими доходами, наиболее уязвимые категории граждан, перейти, наконец, к справедливому принципу оказания социальной помощи, когда её получают те, кто в ней действительно нуждается. Также нужно расширить свободу предпринимательской деятельности, сосредоточить ресурсы на предприятиях, которые демонстрируют свою эффективность в импорт замещении, обеспечить внутренний рынок отечественным продовольствием. Продлить программу материнского капитала ещё как минимум на 2 года, продолжить индексацию пенсий, предоставить образование, творческое развитие сегодняшней молодёжи. Открыть новые лаборатории, поощрить научную деятельности, выпустить линейку грантов, продолжать модернизацию здравоохранения[3]. Теперь давайте

посмотрим, как реализуется соотношение частного и публичного права в различных отраслях законодательства России. Так, в уголовном процессуальном праве мы можем увидеть тот самый баланс интересов. Он проявляется в вынесении законного, справедливого приговора виновному в совершении преступления. С одной стороны – участники судопроизводства, представляющие публичное право, следят, чтобы процесс проходил в соответствии с законом, а с другой стороны – простые граждане, желающие, чтобы суд вынес приговор, который соответствовал преступлению.

Так и в семейном праве мы можем проследить соотношение частного и публичного права. Согласно ст. 7 и ст. 38 Конституции РФ государство оказывает поддержку и защищает семью, материнство, отцовство и детство. Это проявляется в различных социальных программах. Например, сегодня в России при рождении второго ребёнка семья получает «Материнский капитал», который направлен на улучшение жилищных условий, получение образования, здравоохранение, пенсионные накопления[4]. Такая политика проводиться государством неслучайно, она обращена на повышение рождаемости, а, следовательно, и уровня населения в стране. Таким образом, законодательство не только решает потребности мирного населения, но и демографическую проблему, которая является глобальной. Казалось бы, на первый взгляд вот тот самый баланс, но следует отметить, что в 2016 году размер материнского капитала не индексировался[5]. Возникает вопрос: почему государство не повышает размеры выплат? Ведь сегодня инфляция не стоит на месте, цены на товары и услуги всё больше растут, вследствие чего молодым семьям трудно вырастить детей, и обеспечить им достойное будущее. Воздействие государства на семейные отношения также обусловлено необходимостью защиты несовершеннолетних и нетрудоспособных лиц. В законодательстве это проявляется в выплате алиментов, то есть когда детям, престарелым, инвалидам оказывается материальная поддержка, что позволяет им удовлетворять свои жизненные потребности. Но с нравственной точки зрения члены семьи обязаны оказывать друг другу помощь и проявлять опеку. Таким образом, моральное представление, которое заложено у каждого человека в душе, и соответственно он волен поступать, как пожелает, превращается в юридическую обязанность, за ни исполнение которой государство вводит санкции[6].

Приведём противоположный пример, когда частное и публичное право не гармонируют, а вступают в противоречия. Современная Россия должна идти по пути рыночной системы, где господствует частная собственность, процветает инициатива предпринимателей, где государство заботиться и защищает права частных лиц, реализует множество планов, направленных на снижение безработицы и повышение занятости населения, создание конкурентной среды, предоставление экономической свободы[7]. Но во многих случаях всё выходит наоборот. Законодательство не может в полной мере учесть все аспекты предпринимательской деятельности. Оно не становиться той надёжной опорой, которая защищает производителей и потребителей, развивает торговые отношения и страну в целом. Вследствие чего предприниматели «терпят фиаско» и разоряются, что ведёт к экономическому кризису, возникновению инфляции, увеличению числа безработных из-за сокращения рабочих мест. Мы можем также сказать что сегодня, в предпринимательской сфере частный и публичный интерес сливается воедино. Это можно увидеть на примере

акционерных обществ, в которых одна часть акций принадлежит государству, а другая частным лицам. Российской Федерации принадлежат 100% акций ОАО «Российские железные дороги», не менее 50% и плюс одна голосующая акция – в ОАО «Газпром», ОАО «Сбербанк России. Такое положение даёт государству право участвовать в управлении предприятием или его акциями.

Другой пример. С 1 июня 2016 года действует Федеральный закон РФ № 119-ФЗ[8]. Государство предоставляет бесплатно земли на Дальнем Востоке в общественных интересах. Считаем, что, во-первых, данный закон привлечёт массу людей, которые готовы жить, развивать, обустраивать местность, ведь, как известно эта территория не так полноценно развита как центральная часть России. Во-вторых, правительство не только учитывает свои, но и частные интересы граждан, так как с предоставлением земли открываются новые возможности, люди могут воплощать свои идеи, заниматься бизнесом, фермерским хозяйством.

Вместе с тем, судебная практика ярко демонстрирует нам основные подходы государства к проблеме ограничения частной, личной сферы человека в публичных интересах. Примером соблюдения баланса частных и публичных интересов служит Конституционный Суд РФ, который при вынесении решений в разных отраслях права принимает во внимание данный принцип. Конституционный суд отмечает, что частная жизнь не подлежит контролю со стороны общества и государства и защищает её от их вмешательства. Следует сказать, что он также выступает за признание ценностей личных прав и свобод человека. По статистике за период с 2012 года по первый и второй квартал 2015 года в Конституционный суд поступило 517 обращений по вопросам охраны личных прав и граждан, что составило 3,1% от общего числа обращений [9]. Однако нашим государством допускается возможность ограничения прав гражданина в публичных интересах. Так, Верховный Суд РФ указал, что нормы международного законодательства признают допустимым право государства ограничивать права и свободы граждан, иностранцев, для предотвращения беспорядков или преступлений, охраны здоровья или нравственности и в интересах национальной безопасности, экономического благосостояния страны [10].

Кроме того, другой пример: Конституционный суд РФ признал за пожизненно осужденными право на длительные свидания фактически с момента начала отбывания наказания. Новая интерпретация положений УПК РФ даёт им возможность, находясь в заключение, даже зачать детей. Темой данного вывода послужило принятое 15 ноября 2016 г. Постановление КС РФ N 24-П «По делу о проверке конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 УИК РФ в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой»[11]. Королевы обратились в КС РФ, потому что запрет на длительные свидания в течение первых 10 лет исключает возможность естественного зачатия ребенка. На наш взгляд, данное Постановление КС РФ не имеет точной и единогласной оценки со стороны специалистов данной сферы правовой действительности и общества и впоследствии может серьезно отразиться на жизни граждан России в связи с появлением в стране социальной и экономической проблемы.

Для наиболее полного представления рассматриваемой темы, проведем небольшой экскурс в историю до принятия Постановления КС РФ. Ранее приговоренные к пожизненному заключению в течение первых 10 лет были не вправе получить длительное свидание (трое суток). Такое право они получали только спустя 10 лет, по прибытию в исправительную колонию особого режима, при условиях, закрепленных в статьях 127, 125, 124 УИК РФ[12]. В принятом Постановлении Конституционный суд РФ признал нормы УИК РФ, исключающие возможность длительных свиданий для пожизненно заключенных в течение первых 10 лет их срока, не соответствующими Основному закону. Эта норма стала действовать сразу после утверждения Постановления, до момента корректировки УИК РФ. Таким образом, осужденные к пожизненному лишению свободы теперь могут рассчитывать на одно длительное свидание в год. В своей позиции КС РФ руководствовался мнениями ЕСПЧ, который указал, что Россия нарушает ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод[13] («каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни...»), Совета Европы и ООН, тогда как в США разрешена, узаконена смертная казнь[14]. В Америке изначально лишают преступника, совершившего тяжкое преступление, жизни, а соответственно ограничивают его естественные права, включая и право на семью.

Право пожизненно заключенных на зачатие детей вызывает у нас немалое удивление. Рассмотрим нарушения, за которые полагается наказание в виде лишения свободы на пожизненный срок: особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь; особо тяжкие преступления против здоровья населения и общественной нравственности; общественной безопасности; половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста[15]. Получается, что закон, который эти люди нарушают, совершая такие тяжкие преступления, защищает их интересы, не смотря на то, что, судя по их действиям, он их не устраивает. Считаем, что если пожизненно заключенные лишатся права на осуществление репродуктивной функции, это не окажет негативного воздействия на общество. Но при реализации данного им КС РФ права, возникнут проблемы, которые мы указали ранее, т.е. социальная и экономическая.

Социальная проблема заключается в том, что будет увеличиваться рост неполных семей, а в современных условиях эта проблема довольно актуальна. Высока вероятность того, что семья будет неполноценной, т.к. не будем забывать о таком важном факторе, как наследственность (моральные, социальные и психологические качества). Не исключено, что мать не будет давать ребенку надлежащее воспитание. Вероятность того, что женщина, которая захочет родить ребенка от, например, педофила или террориста, будет обладать высоким правосознанием, очень мала. Отсутствие надлежащего воспитания, частые нападки со стороны окружающих – все это приведет к тому, что данный ребенок не будет адаптирован к социальной жизни, станет неполноценной личностью, маргиналом. В конечном счете, это может привести его в те же места, куда и его отца. Опять же пострадает свободная, законопослушная часть населения.

Экономическая проблема от части вытекает из социальной. Государство будет обязано выплачивать пособия, материальную помощь, предоставлять льготы как неполным семьям. Это крупные затраты и на экономическое состояние страны они будут оказывать

немалое влияние. К тому же, на сегодняшний день, эта проблема довольно актуальна в России, потому что количество неполных семей увеличивается.

Таким образом, с одной стороны данный пример показывает баланс частной и публичной отраслей. Государство идёт навстречу осужденным и их родственникам, предоставляя длительные свидания. Но если посмотреть с другой стороны, мы выражаем несогласие с правовой позицией Конституционного суда РФ. Предлагаем Конституционному суду РФ учесть все проблемы и нюансы, возникновение которых довольно вероятно в связи с принятием данного постановления, имеющего влияние для нормального функционирования общества и государства. Также необходимо ограничить круг лиц, обладающих правом на осуществление репродуктивной функции, путем внесения корректировок в законодательство РФ. Например, можно внести изменение в ст. 89 УИК РФ, путем создания перечня ограничений при осуществлении длительных свиданий для лиц, отбывающих пожизненное заключение. Другими словами, создать перечень преступлений, за совершение которых пожизненно заключенные утрачивают право на зачатие детей. Это значительно снизит вероятность появления неполных или неполноценных семей; субъектов, неадаптированных к социальной жизни; малоимущих семей (другими словами, тем самым частично выровнять социальный состав общества); снизит процесс дестабилизации экономики страны, так как в современных условиях она находится в шатком положении. Вот тот самый камень преткновения, когда реализация частного права государством не выгодна для общества.

Также и в трудовом праве во взаимоотношениях работника и работодателя мы можем наблюдать, как публичный интерес государства ограничивает частный. Например, при приёме на работу в законодательстве России прописаны запреты на занятие определённых должностей для некоторых категорий работников. В таких случаях правительство защищает интересы общества и частных лиц, которые заинтересованы в мире и правопорядке.

В связи с изложенными теоретическими правовыми аргументами и некотором обзором практики, думаем возможно сделать следующие выводы: единство и баланс частного и публичного права является двигателем развития и государства, и права, а их соотношение нужно учитывать при обсуждении, принятии законопроектов, внесении поправок в законодательство, так как это поможет избежать просчётов и ошибок! Правильное соотношение публичных и частных интересов при регулировании определенных отношений помогает не только установить чёткие полномочия их участников, но и подобрать адекватные средства их реализации. При этом нельзя допускать, чтобы под видом публичного права осуществлялись частные интересы чиновников.

Литература

1. Кравченко О.Ю. Публичные и частные интересы в праве: политико-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук / Казань, 2004. 156 с.

2. Агарков М.И. Ценность частного права // Правоведение. 1992. № 1. С. 25-41.

3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 «Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации». URL: https://rg.ru/2016/12/01/v-gosdume-nazvali-kliuchevye-polozheniia-poslaniia-prezidenta.html (дата обращения: 11.08.2017).

4. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». URL: http://www.consultant.ru/search/?q(дата обращения: 11.08.2017).

5. Ст. 4.1 Федерального закона от 06.04.2015 № 68-ФЗ (ред. от 19.12.2016) «О приостановлении действия положений отдельных законодательных актов Российской Федерации в части порядка индексации окладов денежного содержания государственных гражданских служащих, военнослужащих и приравненных к ним лиц, должностных окладов судей, выплат, пособий и компенсаций и признании утратившим силу Федерального закона "О приостановлении действия ч. 11 ст. 50 Федерального закона "О государственной гражданской службе РФ" в связи с Федеральным законом "О федеральном бюджете на 2015 г. и на плановый период 2016 и 2017 годов». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=190485#0(дата обращения: 11.08.2017).

6. Шершень Т.В. Частные и публичные начала в правовом регулировании алиментных обязательств // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Выпуск 4 (10). С. 166-174.

7. Федеральный закон от 24 июля 2007 № 209-ФЗ (в ред. от 26.07.2017) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». URL:http://www.consultant.ru/search/?q (датаобращения: 14.08.2017).

8. Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/search/?q(дата обращения: 14.08.2017).

9. Статистика по решениям Конституционного Суда Российской Федерации // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации.URL: http://www.ksrf.ru/ru(дата обращения: 14.08.2017).

10. Определение Верховного Суда РФ от 10 декабря 2014 г. по делу № 5-АПГ14-55URL: http://www.pravosudie.biz/064989 (дата обращения: 14.08.2017).

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 24-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.08.2017).

12. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.08.2017).

13. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) (с изм. от 13.05.2004 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.08.2017).

14. Квашис В. Смертная казнь в США // Российская юстиция. 1996. № 6. С. 55-57 и др.

15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.08.2017).

УДК 343.98.

ВОЗМОЖНОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ. THE POSSIBILITY OF CRIMINALISTIC DIAGNOSTICS IN CRIME INVESTIGATION

Михалёв А.В. Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики

Mikhalev A.V., Novorossiysk branch Krasnodar University of the MIA of Russia, senior lecturer of the Department of criminal process and criminalistics,

e-mail: *av_mikhalev@mail.ru*

Аннотация: в данной статье рассматривается актуальная проблема использования криминалистической диагностики при расследовании преступлений, а также возможности использования теоретических основ рассматриваемых методов криминалистической диагностики при расследовании преступлений.

Abstract: this article considers the actual problem of the use of forensic diagnosis in the investigation of crimes, as well as the possibility of using the theoretical foundations of these methods of forensic diagnosis in the investigation of crimes.

Ключевые слова: диагностика, криминалистическая диагностика, экспертная диагностика, следственная диагностика, криминалистическая версия.

Key words: diagnostics, forensic diagnostics, expert diagnostics, investigative diagnostics, forensic version.

Криминалистическая диагностика, как главный инструмент криминалистической деятельности, представляет собой отдельную теорию, имеющую различные взгляды на её понимание. Рассмотрение идентификации в криминалистике с различных аспектов позволяет найти множество различных способов её применения при расследовании преступлений.

Проблемами криминалистической диагностики занимались многие ведущие советские и российские ученые, такие как: В.А. Снетков[1], А.И. Винберг[2], Б.Я. Петелин [3], Г.Л. Грановский [4], Р.С. Белкин [5], Ю.Г. Корунхов [6], В.А. Тимченко[7], О.И. Шахтарина [8] и другие.

В данной статье мы считаем необходимым рассмотреть способы применения криминалистической диагностики в рамках процесса расследования преступных деяний, как основной инструмент работы.

Так, проблематика данной статьи выражается в рассмотрении вопроса о целесообразности и возможных способах применения методов криминалистической диагностики в рамках процесса расследования преступлений.

Актуальность выражается в необходимости пояснения способов эффективной работы с противоправными деяниями и рассмотрения возможности использования теоретических

основ рассматриваемых нами методов криминалистической диагностики в практической деятельности.

Принято считать, что криминалистическую диагностику можно использовать в раскрытии и расследовании преступлений в качестве эффективного метода установления истины по уголовным делам. Как свидетельствует следственная и экспертная практика, ни одно сложное дело, особенно по неочевидным преступлениям, не может быть раскрыто без использования этого метода.

Объект диагностики - механизм преступления, познаваемый методами диагноза по его отображению, в том числе через механизм следообразования, и содержательная сторона процесса установления механизма преступления[6].

Диагностике подвергаются следующие элементы характеристики преступного деяния:

1. Способ совершения преступления;
2. Признаки личности преступника;
3. Время совершения преступления;
4. Иные свойства, состояния и другие особенности объектов, явлений, процессов, имеющих значение для расследовании преступления.

Необходимость проведения операций, связанных с криминалистической диагностикой и её применением, исходя из специфики диагностируемых свойств, явлений или признаков, обосновывается методом расследования преступлений, выражающимся в построении версий. По мнению И.М. Лузгина, версия представляет собой обоснованное предположение относительно события преступления, его отдельных элементов либо о происхождении и связи доказательственных фактов[9]. Так, мы получаем представление том, что криминалистическая диагностика в деятельности следователя даёт возможность определить варианты возможного события преступления или свойств личности преступника с определённой вероятностью. При этом нельзя говорить об абсолютной точности результата диагностики, так как в процессе диагностирования мы получаем только версию.

Точность версий может быть доведена до максимально возможного уровня при помощи соблюдения следующих правил:

1. Обязательная опора на достоверные факты;
2. Приближении процедуры построения версии к логическому процессу, оканчивающемуся созданием умозаключения;
3. Необходимость постоянной проверки логического хода мышления и достоверности выводов, получаемых на каждой стадии логического мышления;
4. Превращение умозаключения, путём анализа и синтеза, в следственную версию, подлежащую практической проверки.

Данные правила выражают достоинства использования криминалистической идентификации в процессуальной деятельности.

Стоит добавить, что знания о диагностике строятся на основе разделения её на виды, в частности, на судебную, следственную и экспертную. Это означает, что субъекты, использующие основы диагностики разнятся, при этом отличаются и способы использования диагностики каждым из представленных субъектов.

Особенностью следственной диагностики является необходимость распознавания и объяснения свойств, состояний, а так же иных особенностей предметов, имеющих значение для расследования. Диагностированию так же подвергается обстановка места преступления, субъекты, фигурирующие в рамках преступной деятельности и следственные ситуации.

В рамках судебной диагностики проверке подлежат все те события и факты, которые были выяснены в ходе предварительного следствия и выступают в качестве доказательств каждой стороны судебных разбирательств. Цели данного вида диагностирования состоят в проверки информации, выясненной при проведении предварительного следствия.

В рамках диагностики экспертами производятся экспертизы различных видов. При этом свойства и состояния объектов могут распознаваться в следующих случаях:

– при их непосредственном исследовании (является ли объект огнестрельным оружием, пригодно ли оно для производства выстрелов, можно ли открыть сейф с помощью тех или иных средств, каким изменениям подвергался первоначальный текст документа);

– при исследовании признаков их отражения вовне (пригодны ли выявленные следы пальцев рук и обуви для идентификации, в каком состоянии находился пишущий в момент выполнения рукописи, подписи и т.д.);

– при изучении механизма отдельных этапов, фрагментов преступного события, его динамических и других особенностей (с какой стороны осуществлен взлом преграды, какими частями соударялись транспортные средства при столкновении и др.) [6]

Перечисленные выше возможности использования диагностики рассматриваемыми субъектами не являются исчерпывающими и оставляют возможность применения диагностики для решения иных задач.

Так же, стоит отметить, что при расследовании преступлений используются все перечисленные виды диагностики. При проведении экспертиз – экспертная, при совершении действий, связанных с проведением следственного эксперимента и иных следственных действий используется экспертная диагностика, и на стадии судебного разбирательства наступает черёд судебной диагностики.

Рассматривая криминалистическую диагностику, учёные научились отделять применения её методов для раскрытия различных видов преступлений. Так, Тимченко В.А. в статье «Методика криминалистической диагностики хищения денежных средств»[7] отразил методы, наиболее подходящие для расследования именно данного вида преступлений. Так же, в его статье «Цели и задачи криминалистической диагностики преступлений в сфере экономики» были рассмотрены варианты получения информации, необходимой для доказывания факта совершения преступления в сфере экономической деятельности. В данной статье им были сформулированы следующие задачи, решение которых возможно только при применении методов криминалистической диагностики:

1. Установление несоответствий в деятельности субъекта предпринимательской деятельности, указывающих на возможное наличие признаков преступной деятельности;

2. Криминалистическая оценка выявленных несоответствий;

3. Определение финансовых и хозяйственных операций в процессе или под видом совершения которых осуществлялась преступная деятельность;

4. Получение сведений, характеризующих пространственную структуру преступной деятельности;

5. Получение сведений характеризующих ущерб потерпевшим или доход субъекту преступления от осуществления преступной деятельности[8].

Стоит отметить, что все эти задачи нельзя решить одним только методом диагностики, здесь не обойдётся так же без отождествления, идентификации и иных методов.

Так же, Шахтарина О.И. в статье «Виды и особенности типовых ситуаций, связанных с использованием результатов криминалистической диагностики по речевым навыкам автора при расследовании преступлений» [9] представляет способ применения криминалистической диагностики в рамках расследования преступлений в качестве средства для распознавания автора речи. В своей статье она утверждает: «Как показал анализ оперативно-розыскной и следственной практики, ситуации, связанные с необходимостью решения диагностических задач на основе исследования произведений речи, чаще всего возникают в ходе расследования таких преступлений как убийство (ст. 105 УК РФ), похищение человека (ст. 234 УК РФ), похищение несовершеннолетних (ст. 235 УК РФ), похищение человека с целью вымогательства (ст. 239 УК РФ), доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), оскорбление (ст. 130 УК РФ), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УКРФ), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282УК РФ)» [9].

Такой богатый перечень составов преступлений так же является доказательством значимости криминалистической диагностики в следственной деятельности, и одновременно выступает в качестве очередного метода применения криминалистической диагностики в деятельности следователя.

Таким образом, в настоящий момент выделяют несколько видов криминалистической диагностики: судебную, экспертную и следственную, которые различаются по сферам её применения. Ведутся множество разработок по применению криминалистической диагностики в рамках расследования разных категорий преступлений, что подтверждает значимость данного метода в науке криминалистике.

Литература

1. Снетков В.А. Проблемы криминалистической диагностики//Труды ВНИИИ МВД СССР. М. 1972. №23 С.103-106

2. Винберг А.И. Идентификационная, диагностическая и ситуационная криминалистические экспертизы// Сов.государство и право. 1978. С.71-75

3. Петелин Б.Я. Методы практической диагностики личности в уголовном процессе// Вопросы судебной психологии. М. 1971.

4. Грановский Г.Л. Теоретические вопросы программирования трасологической экспертизы// Труды ВНИИСЭ.М. 1979. №37

5. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т.2: Частные криминалистические теории//М., 1997, Юрист, С.282-288.

6. Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений// М., 1998.

7. Тимченко В.А. Методика криминалистической диагностики хищения денежных средств// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2016, № 1, С. 171–176.

8. Тимченко В.А. Цель и задачи криминалистической диагностики преступлений в сфере экономики // Пробелы в российском законодательстве. 2014. №1. С.193-197

9. Шахтарина О.И. Виды и особенности типовых ситуаций, связанных с использованием результатов криминалистической диагностики по речевым навыкам автора при расследовании преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2012. №1-2. С.309-318.

10. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования.// М., 1973, С. 133—134.

УДК 343.9

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОПЕРАТИВНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ВОЗБУЖДЕННЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
SOME ASPECTS OF THE OPERATIONAL SUPPORT OF CRIMINAL CASES

Мещерин А.И., Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники, кандидат юридических наук, доцент

Mescherin A.I., Stavropol branch of the Krasnodar universities of MIA of Russia, professor of the department of operational-investigative activities and special equipment, candidate of jurisprudence, associate professor

e-mail: *mai.aleksander@yandex.ru*

Рясов А.В., г. Ставрополь, Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники, кандидат юридических наук

Ryasov A.V., Stavropol, Stavropol branch of the Krasnodar universities of MIA of Russia, associate professor of the department of operational-investigative activities and special equipment, candidate of jurisprudence

e-mail: *aleks_rav@mail.ru*

Аннотация: В работе представлены теоретические аспекты проведения оперативно-розыскных мероприятий в рамках оперативного сопровождения возбужденных уголовных дел.

Annotation: The paper presents theoretical aspects of carrying out operatively-search actions within the framework of the operational support of criminal cases.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, взаимодействие, оперативные подразделения, оперативное сопровождение.

Key words: operatively-search actions, interaction, operational units, operational support

Эффективность деятельности различных правоохранительных органов государства по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений зависит от многих факторов. Одним из них выступает оптимальная организация взаимодействия правоохранительных органов в ходе раскрытия и расследования преступлений.

Следует напомнить, что в теории оперативно-розыскной деятельности под взаимодействием понимается согласованная по месту, времени, целям (задачам), способам выполнения совместная деятельность по раскрытию и расследованию преступлений нескольких неподчинённых субъектов (например, оперативных подразделений органов внутренних дел и следственных подразделений).

Необходимо отметить, что взаимодействие между оперативными и следственными подразделениями может осуществляться как до возбуждения уголовного дела (например, в ходе проверки информации о преступлении и преступнике, в целях определения

первоначальной квалификации деяния, либо документирования преступных действий фигурантов и последующей реализации материалов), так и после, причем одним из основных направлений взаимодействия во втором случае, будет выступать оперативное сопровождение возбужденного уголовного дела.

В контексте данной статьи будет рассмотрено именно данное направление взаимодействия следственных и оперативных подразделений.

Следует отметить, что в ст.2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144 – ФЗ (далее, ФЗ «Об ОРД») сформулированы основные задачи органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Так, оперативные подразделения органов внутренних дел нацелены преимущественно на выполнение следующих задач:

- выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

- осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших и иных категорий лиц – объектов розыскной работы оперативных подразделений органов внутренних дел, например, установление личности неопознанных трупов без признаков насильственной смерти[1].

Бесспорно, что оперативные подразделения органов внутренних дел могут и должны выполнять указанные задачи уже после возбуждения уголовных дел.

К такому же выводу можно прийти, анализируя основания осуществления оперативно-розыскных мероприятий, среди которых существуют, например, такие как наличие возбужденного уголовного дела, сведения оперативного характера, поручения следователя, руководителя следственного органа, органа дознания или определения суда по уголовным делам, находящимся в их производстве [1].

Кроме того, говоря о соотношении процессуальной деятельности следственных подразделений по расследованию преступлений и оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по их раскрытию, следует указать на тот факт, что оперативно-розыскная деятельность, применительно к процессуальной, на стадии предварительного расследования во многом имеет обеспечительный характер. Действительно, зачастую, расследовать преступление лишь определенными в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации гласными мерами (следственными действиями) не представляется возможным. В этом отношении заслуживающим внимания представляется введение в уголовный процесс ряда государств института негласных следственных действий, позволяющих в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности получать напрямую доказательства негласным путем (например, отдельная глава Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан регламентирует проведение именно негласных следственных действий).

Следует отметить, что информация, полученная в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности уже после возбуждения уголовного дела, может быть использована:

- для подготовки и осуществления следственных и судебных действий;

- для формирования доказательств;

- для снабжения следственных подразделений ориентирующей информацией, позволяющей им выработать наиболее эффективную тактику расследования преступлений или проведения конкретных следственных действий;

- для осуществления действий розыскного характера, позволяющих установить местонахождение преступника;

- для осуществления действий обеспечительного характера (возмещение ущерба, причиненного преступлением).

Необходимо констатировать, что оперативное сопровождение возбужденных уголовных дел является самостоятельной формой осуществления оперативно-розыскной деятельности в целом. Тем не менее, следует отметить, что оперативно-розыскная деятельность после возбуждения уголовного дела также реализуется и в иных формах данного вида правоохранительной деятельности, например, дополнительной проверки новой информации полученной в процессе расследования конкретного преступления по которому возбуждено уголовное дело.

Таким образом, после возбуждения уголовного дела сотрудники оперативных подразделений проводят комплекс оперативно-розыскных мероприятий (инициативно или по поручению) по:

- выявлению лиц и фактов, представляющих оперативный (следственный) интерес, например, устанавливают соучастников задержанных преступников, очевидцев совершенного преступления;

- осуществлению оперативной проверки фактов, требующих проведения проверочных действий, в рамках уже возбужденного уголовного дела;

- применению оперативно-розыскных возможностей, когда следственным путем установить лицо или лиц, совершивших преступление, не представляется возможным;

- осуществлению оперативно-профилактической деятельности (выявлению и устранению обстоятельств и условий, способствующих совершению конкретных преступлений).

Необходимо отметить, что деятельность оперативных подразделений по оперативному сопровождению возбужденных уголовных дел имеет функциональный и информационный аспекты.

Например, содержание информационного аспекта заключается в предоставлении информации следователю, дознавателю или во взаимном обмене с ними соответствующими сведениями. В свою очередь, функциональный аспект состоит в проведении конкретных оперативно-розыскных мероприятий с использованием имеющихся средств и методов оперативно-розыскной деятельности.

Определенный интерес представляет вопрос именно о методах и средствах деятельности оперативных подразделений по сопровождению возбужденных уголовных дел. Здесь необходимо отметить, что оперативные подразделения могут осуществлять все оперативно-розыскные мероприятия, предусмотренные ст. 6 ФЗ «Об ОРД», и использовать специальные методы, применяемые для их осуществления. Тем не менее, следует иметь ввиду, что проведение всего комплекса оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных законодательством, регулирующим оперативно-розыскную деятельность,

в рамках сопровождения возбужденных уголовных дел, может осуществляться лишь по делам, производство по которым предварительного следствия обязательно.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о законодательном регулировании оперативного сопровождения возбужденных уголовных дел. В данном случае необходимо отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации подробно не регламентирует рассматриваемое направление взаимодействия. Более детальное закрепление оперативное сопровождение возбужденных уголовных дел получило в ведомственных нормативных актах, регулирующих отношения, возникающие, например, в ходе взаимодействия следователей (дознавателей) и оперативных сотрудников, в процессе осуществления деятельности следственно-оперативных групп. Порядок же представления следователю результатов оперативно-розыскной деятельности определен соответствующим межведомственным приказом.

Таким образом, рассмотрев лишь некоторые аспекты оперативного сопровождения возбужденных уголовных дел, можно сделать вывод о том, что оперативное сопровождение представляет собой деятельность сотрудников оперативных подразделений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в пределах их компетенции, которая носит смешанный характер, т.е. включает в себя полномочия, установленные оперативно-розыскным и уголовно-процессуальным законодательством, по обеспечению оперативно-розыскными и иными, установленными законодательством Российской Федерации мерами (средствами), расследования преступлений, а также последующего рассмотрения их в суде.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. Об оперативно – розыскной деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995г. №144 – ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru. - (Дата обращения: 17.05.2017).

УДК: 343.98

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЙ «ЛИЧНОСТЬ И ИСПОЛНИТЕЛЬ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» В РАССЛЕДОВАНИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

SOME ASPECTS OF THE NOTIONS «PERSONALITY AND EXECUTOR OF TERRORIST ACTIVITIES» IN THE INVESTIGATION OF A TERRORIST ACT

Неупокоева И.А., Омская академия МВД России, старший преподаватель кафедры криминалистики, кандидат юридических наук

Neupokoeva I.A. Omsk academy of Russia, Senior Lecturer of criminalistics the Ministry of Internal Affairs, Candidate of Legal Sciences

e-mail: *irinaneupokoeva55@yandex.ru*

Кочерова Л.А., Ставропольский филиал Краснодарского Университета МВД России, преподаватель кафедры криминалистики. г. Ставрополь

Kocherova L.A. Stavropol branch of the Krasnodar University of MIA of Russia, Lecturer of criminalistics Department

e-mail: *kocherova1975@mail.ru*

Медведицкова Л.В., Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД Росси, начальник кафедры криминалистики, доцент, кандидат юридических наук.

Medveditskova L.V., Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Interiors of Russia, Acting Head of the Departament kriminalistiki, candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

e-mail: *lusia_stavropol@mail.ru*

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности определения понятия личности террориста, а также исполнителя террористической деятельности в целях расследования террористического акта.

Abstract. This article considers the peculiarities of definition of the identity of the terrorist, as well as perpetrators of terrorist activities to investigate a terrorist act.

Ключевые слова: личность террориста, исполнитель террористической деятельности, террористический акт, расследование террористического акта, соучастник исполнителя террористической деятельности.

Key words: The identity of the terrorist by terrorist activities, a terrorist act, the accomplice perpetrators of terrorist activities.

Террористический акт имеет ряд отличительных признаков, выделяющих его из целого ряда преступлений, что делает задачу расследования очень сложной. Специфику расследования определяют вопросы организационного характера, разграничение компетенций различных структур при расследовании террористического акта; эффективность их взаимодействия; вопросы, связанные с тактико-криминалистическим и оперативно-розыскным обеспечением. Криминалистика исследует в террористической

преступной деятельности структурные элементы, закономерности их формирования и использования террористами, характер имеющихся взаимосвязей между этими элементами, которые зависят от вида и форм терроризма.

Министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев на расширенном заседании коллегии МВД России 9 марта 2017 г. отметил, что в 2016 году правоохранительными органами выявлено 1450 преступлений экстремистской направленности. Почти по 1000 преступлений уголовные дела окончены расследованием и направлены в суд. В рамках выполнения Указа Президента Российской Федерации «Об обеспечении межнационального согласия» проводится системная работа по противодействию организованным группам, сформированным по этническому принципу. Раскрыто более 1300 совершенных ими преступлений. Одновременно реализован комплекс мероприятий по недопущению проявлений национального и религиозного экстремизма[1].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.[2] отмечается, что стратегическими целями обеспечения национальной безопасности являются защита основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе путем постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма и других преступных посягательств (п. 35 и 36 Стратегии). Уровень террористической угрозы на территории России продолжает оставаться высоким, масштабы последствий террористических актов значительны, так отмечено в Концепции общественной безопасности Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 20 ноября 2013 г.[3] В целях предотвращения преступлений террористической направленности, 18 апреля 2017 года в Госдуму РФ внесен проект, инициированный Президентом РФ В. Путиным, о лишении российского гражданства лиц, совершивших теракты и другие преступления террористической направленности и осужденных за данные преступления [4].

Федеральный закон от 6 марта 2006 г. №-35 - ФЗ «О противодействии терроризму» и Уголовный кодекс РФ в ст.205 УК РФ формулирует понятие террористического акта. Террористический акт - совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека. Причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях. Террористический акт является одним из способов осуществления террористической деятельности.

Террористические акты приносят массовые человеческие жертвы, приводят к разрушению материальных и духовных ценностей, провоцируют вражду между государствами, войны; недоверие и ненависть между социальными и национальными группами на этнической и религиозной почве, которые невозможно преодолеть в течение долгого времени.

Одним из важных элементов криминалистической характеристики расследования террористического акта является сведения о личности преступника – террориста. Данная личность изучается учеными многих наук: криминалистики, уголовного права, психологии,

криминологии, социологии и др. Каждая наука рассматривает личность террориста, исходя из своих целей, задач, предмета и объекта исследований. К сожалению, фундаментальных и комплексных научных положений и концепций о личности террориста на сегодняшний день не существует. В целях расследования террористического акта целесообразно говорить об обобщенной характеристики личности террориста, отталкиваясь при этом от преступных замыслов, и наступивших от террористического акта последствий. В любом случае, многосторонний анализ изучения личности террориста в каждом преступном проявлении является залогом качественного расследования террористического акта.

Психологи определяют следующую классификацию личности террориста: «зомби», «мститель», «боевик», террорист «за деньги», террорист «поневоле», «маньяк», «смертник» и т.д. Данная классификация нашла отражение в выборе тактики допроса террориста и в построении версий при расследовании террористического акта. Ученые также отмечают, что «чаще всего в сферу террористической деятельности вовлекаются люди, имеющие какие-либо отклонения от нормальной психики, страдающие садо-мазохистским комплексом, фанатики, умственно или морально неполноценные»[5].

Исходя из практики расследования террористических актов, данные преступления совершаются лицами в активном трудоспособном возрасте (от 17 до 40 лет), незнакомыми с жертвами, прошедшими специальную подготовку (идеологическую, военную, тактическую, минно-взрывную и др.) в лагерях незаконных вооруженных формирований. Многие из них являются членами незаконных вооруженных формирований. Организаторами и заказчиками террористических актов являются руководители незаконных вооруженных формирований. Исполнителями являются как мужчины так и женщины. Личные качества исполнителей террористических актов характеризуются высокой агрессивностью, жестокостью. Это мстительные люди, готовые на все ради удовлетворения своих амбиций. Так, при захвате заложников в школе г. Беслан, когда в плену оказалось 1150 человек, из которых 70 % были дети, жестокость террористов проявлялась в том, что заложникам не давали есть, пить, ходить в туалет, девочек насиловали, а взрослых мужчин расстреливали и выкидывали в окно.

Мотив участия в террористическом акте многообразен и определяется типологией личности террориста: корыстный; идеологический; игровой; власть над людьми; деструктивная самореализация и др[6].

Выявление источников криминалистической информации о свойствах личности террориста позволяет представить общие и частные личностные особенности террористов. Эта информация во взаимосвязи с другими элементами криминалистической характеристики позволит качественно расследовать террористические акты и привлекать к уголовной ответственности исполнителей террористического акта. Поведение исполнителя террористического акта влияет на юридическую оценку содеянного остальными соучастниками. Исполнитель – важная фигура в совершении террористического акта, совершенного в соучастии, это лицо, прежде всего выполняющее объективные и субъективные признаки состава преступления, предусмотренные законом.

Исполнитель террористической деятельности - это лицо, непосредственно совершившее хотя бы одно из преступлений, предусмотренных ст. ст. 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ.

Как исполнитель террористической деятельности может выступать одно лицо, которое полностью совершает деяния, охватываемые объективными признаками конкретных составов преступлений (как террористического характера, так и других преступлений). Однако не исключена ситуация, когда одно преступление совершается совместными усилиями нескольких исполнителей (соисполнителей)[7]. В составах преступления, где закон перечисляет различные, но юридически равнозначные общественно опасные деяния, исполнителем признается лицо, которое совершило хотя бы одно из упомянутых в законе посягательств. Исполнителем преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ (террористический акт), следует признать субъекта, который совершил взрыв, поджог или иные действия, устрашающие население. Исполнитель образует оконченный террористический акт, подготовительные действия могут совершаться организатором, подстрекателем, пособником. Исполнителем террористического акта может быть признано всякое лицо, непосредственно совершившее взрыв в общественном месте, поджог зданий, как жилых, так и административных и т.п., разрушение дамб, затопление площадей, повреждения объектов жизнеобеспечения населения. Совершение взрыва, поджога или иных действий исполнитель может совершить непосредственно он сам, или с помощью другого лица, или путем посредственного причинения (использование малолетнего, не достигшего установленного законом возраста уголовной ответственности, невменяемого или других обстоятельств).

Посредственный исполнитель для осуществления своих корыстных намерений может использовать в качестве непосредственного исполнителя преступления несовершеннолетнего или невменяемого, внушив ему решимость совершить какую-либо террористическую деятельность или содействуя осуществлению замысла, возникшего у несовершеннолетнего или невменяемого, с тем, чтобы использовать результат этого замысла в своих корыстных целях. Исполнитель может частично выполнить действия, охватывающие объективную сторону состава террористического преступления, предусмотренного в особенной части Уголовного кодекса РФ, и необязательно исполнение им, всех действий, определяющих состав конкретного преступления. Обязательность активных действий для исполнителя в террористической деятельности вытекает из объективной стороны состава данного преступления. Бездействие при совершении террористической деятельности возможно в сочетании с активными действиями, но само по себе оно характерно для пособничества. Важно отметить, что если другие соучастники террористической деятельности после выполнения своих функций принимают участие в непосредственном совершении взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели людей, а также непосредственно принимают участие в совершении иной террористической деятельности, предусмотренной ст. ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, они должны быть признаны исполнителями этой деятельности.

Если исполнитель террористического акта по определенным обстоятельствам (смерть, невменяемость, добровольный отказ, деятельное раскаяние и т.п.) не подлежит уголовной

ответственности или освобождается от нее, то ответственность остальных соучастников террористической деятельности не исключается. Соучастники могут привлекаться к уголовной ответственности за покушение на совершение террористического преступления, если исполнитель, скажем, на стадии неоконченного покушения, добровольно отказался от совершения преступления. Вместе с тем в ч. 5 ст. 34 УК РФ говорится об ответственности соучастников за приготовление к преступлению и покушение на него лишь в том случае, если исполнитель не довел преступление до конца по не зависящим от него обстоятельствам. Независимо от того, не довел ли исполнитель террористическое преступление до конца по не зависящим от него обстоятельствам либо вследствие добровольного отказа, остальные соучастники подлежат уголовной ответственности за фактически содеянное ими.

Литература

1. О результатах за 2016 г. и основных направлениях деятельности МВД Российской Федерации : доклад Министра внутренних дел России на 2017 г. Официальный сайт МВД России //https: //mvd.ru /. – (Дата обращения: 10.03. 2017).

2. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537.

3. Концепция общественной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 13.11.2013. – //http://news.kremlin.ru/acts/19653 /.– (Дата обращения 24.03. 2017).

4. О противодействии терроризму : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. – https: //www/regnum.ru/. //.– (Дата обращения 20.04. 2017).

5. Замковой В.И., Ильчиков М.З. Терроризм – глобальная проблема современности. М., 1996. – С.51.

6. Кочерова Л.А., Кочеров Ю.Н., Неупокоева И.А. Расследование незаконного оборота оружия, поджогов и террористических актов. – Ставрополь, 2017. – 133 С.

7. Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 2005. – С. 242.

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХИЩЕНИЙ ГРУЗОВ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА И БОРЬБА С НИМИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
FORENSIC ANALYSIS OF CARGO THEFT AT TRANSPORT AND FIGHT WITH THEM: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Опрышко Н.В. – адъюнкт адъюнктуры ФГКОУ ВО РЮИ МВД России
Opryshko N.V. – associate FGCO IN the RIL of the MIA of Russia
e-mail: *nikolay.opryshko@icloud.com*

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы, возникающие при хищении грузов на объектах транспорта. Автор предлагает правовые способы по усовершенствованию борьбы с кражами и грабежами, возникающими при перевозке грузов. Среди них называется необходимость дополнительной квалификации хищений на транспорте в уголовном законодательстве, а также выработке единого юридического понятия «перевозки грузов» для успешного осуществления оперативно-розыскных мероприятий и криминологических учётов в сфере борьбы с преступностью на транспортном комплексе.

Annotation: The article discusses the theoretical and practical problems arising from the theft of goods in transport. The author offers legal ways for the improvement of the fight against burglaries and robberies occurring during the transport of goods. Among them is the need for additional qualification of plunders on transport in the criminal law, as well as the development of a unified legal concept of "carriage of goods" for the successful implementation of operative-investigative activities and criminal records with the fight against crime in the transport sector.

Ключевые слова: хищение, транспорт, грузы, кража, грабёж, мошенничество, перевозка, преступление, уголовное законодательство.

Keywords: theft, transport, cargo, theft, robbery, fraud, transportation, crime, and criminal law.

С момента возникновения государства и права существует дуалистический антагонизм таких общественных явлений как правопорядок и преступность. Правомерное поведение обычно формируется на основе точного соблюдения юридических предписаний, а противоправные деяния (действия или бездействия) выступают видами негативного незаконного поведения, первоначально обусловленного в классовом обществе посягательствами на жизнь, свободу и собственность.

Вполне логично, что жертвами хищений, в первую очередь в торговых цивилизациях востока становились купеческие караваны, перевозившие особо ценные грузы (шёлк, миру, ладан, вино, золото, фарфор, чай, специи и т.д.). Например, и в современном мусульманском уголовном праве разбой, преимущественно, понимается как нападение на путников, купцов, караваны и т.п. в дороге, в пути, в неких безлюдных местах с целью завладения их имуществом [2, с. 45].

Экономические реформы 90-х гг. XX в., обусловленные сменой общественно-экономической формации (переходом от социалистического хозяйствования к капиталистическому) породили такие криминальные явления как «ложный экспорт», «мнимый транзит», фирмы – «однодневки» и т.д. [10, с. 39].

В соответствии с данными ГИАЦ МВД России о хищениях грузов за 2014 – 2016 года и 1 квартал 2017 года, количество преступлений на транспорте связанных с хищениями держится в промежутке от 3.859 до 2.194, с общей динамикой к уменьшению. В абсолютных показателях в 2014 г. зарегистрировано 3.859, в 2015 г. – 3.233, в 2016 г. – 2194, и в 1 квартале 2017 г. – 812 хищений.

Поэтому государство при осуществлении своей фундаментальной правоохранительной функции особое внимание в рамках правовой политике уделяет процессам правотворчества и правоприменения [9, с. 191].

Стоит сказать, что термины «хищение» и «хищничество» впервые появились в революционных декретах Советской власти [3, с. 17], но в качестве родового понятия о хищении заговорил в ст. 180-а УК РСФСР 1922 г.[5].

Рассматривая, особую стратегическую значимость по обеспечению режима законности при перевозке грузов на железнодорожном транспорте в 20-х – 30-х гг. XX века были введены повышенные меры уголовной ответственности за хищение грузов, вплоть до расстрела с конфискацией имущества [1, с. 7; 6, с. 134].

Постсоветское законодательство в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, понимает хищение, как «совершённые с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или оному владельцу этого имущества»[11], не предусматривает особых составов связанных с преступлениями на транспорте.

Этот правовой пробел мешает успешно бороться с экономическими преступлениями на транспорте.

Важно уяснить, что специфика «транспортного» комплекса, представляющего особую инфраструктуру различных видов транспорта, объединённых в единую систему, предполагает не только особое уголовно-правовое регулирование, но и уникальную методологию криминалистического и криминологического анализа различных видов хищений на транспорте (краже, мошенничества, грабежа и разбоя).

Рассмотрение вопросов, связанных с особенностями совершения хищений грузов на транспорте, необходимо начинать, с раскрытия объектов оперативного обслуживания территориальных органов внутренних дел на транспорте, который в соответствии с Приказом МВД России от 28 марта 2015 г. № 381 «Об организации взаимодействия территориальных органов МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте с иными территориальными органами МВД России и разграничении объектов оперативного обслуживания» включают в себя

1) На железнодорожном транспорте:

- железнодорожные пути (земляное полотно, верхнее строение пути и искусственные сооружения) на перегонах и железнодорожных станциях, предназначенные для выполнения

операций по приёму и отправлению поездов, приёму и выдаче грузов, багажа и грузобагажа, выполнению сортировочной и маневровой работы;
- пешеходные и переходные мосты, подземные переходы и тоннели, служащие для обеспечения пассажиропотоков в зоне пассажирских остановочных пунктов железнодорожного транспорта;
- устройства и линии сигнализации, централизации и блокировки;
- строения, сооружения и помещения, в которых располагаются устройства сигнализации, централизации и блокировки;
- контактная сеть;
- линии энергоснабжения, питающие тяговые подстанции, контактную сеть, устройства сигнализации, централизации, блокировки, вычислительной техники информационных комплексов управления движением на железнодорожном транспорте, кроме объектов общего или двойного назначения;
- строения, сооружения, помещения и оборудование тяговых подстанций, расположенные на железнодорожных станциях;
- строения, сооружения, помещения и оборудование трансформаторных подстанций, расположенные на железнодорожных станциях;
- строения, сооружения, помещения и оборудование пунктов группировки, расположенные на железнодорожных станциях;
- строения, сооружения, помещения и оборудование постов секционирования, расположенные на железнодорожных станциях;
- сооружения и оборудование автотрансформаторных пунктов питания, обеспечивающие безопасность следования подвижного железнодорожного состава;
- сооружения и оборудование комплектных трансформаторных подстанций, обеспечивающие безопасность следования подвижного железнодорожного состава;
- строения, сооружения, помещения и оборудование дизельных электростанций, расположенные на железнодорожных станциях;
- системы и линии дистанционного управления и телеуправления устройствами электроснабжения, расположенные на железнодорожных станциях;
- устройства выявления неисправностей и технического обслуживания железнодорожного подвижного состава;
- малоинтенсивные железнодорожные линии;
- железнодорожные станции на малоинтенсивных железнодорожных линиях (железнодорожные станции, на которых производится погрузка и выгрузка специальных и воинских грузов; железнодорожные станции, которые задействованы в работе временных перегрузочных районов; железнодорожные станции, которые задействованы в работе запасных морских погрузочных районов; железнодорожные станции, которые задействованы в работе погрузочно-выгрузочных районов; узловые и предузловые железнодорожные станции);
- информационные комплексы управления движением на железнодорожном транспорте и системы управления перевозками, расположенные на железнодорожных станциях (строения, сооружения и помещения, инженерные системы и системы жизнеобеспечения

вычислительных и диспетчерских центров; линейное и стационарное оборудования сетей связи и систем автоматической коммутации, обеспечивающих технологические процессы на железнодорожном транспорте);

- объекты локомотивного и вагонного хозяйства (железнодорожные станции, вокзалы, пассажирские платформы, пассажирские технические железнодорожные станции со всеми находящимися на них объектами организаций железнодорожного транспорта; парки отстоя поездов дальнего следования и пригородных составов; пассажирские, локомотивные, вагонные ремонтные предприятия при условии их нахождения непосредственно в технических парках, депо; перегоны в пределах верхнего строения железнодорожного пути; остановочные пункты в пределах посадочных платформ, платформы – перроны, железнодорожный подвижной состав; железнодорожные подъездные пути общего пользования от стрелки примыкания до откидного бруса или до знака «граница подъездного пути»; грузовые станции и дворы, контейнерные площадки (пункты) в пределах их ограждения; станционные прирельсовые склады, сортировочные рампы, пакгаузы, ангары, другие складские помещения грузового хозяйства организаций железнодорожного транспорта, находящиеся на железнодорожных станциях);

2) на воздушном транспорте:

- воздушные суда, за исключением базирующихся на аэродромах, вертодромах и посадочных площадках, где не имеется ОВДТ, а также лёгкие и сверхлёгкие воздушные суда;
- действующие и строящиеся аэропорты в пределах их границ при наличии ОВДТ;
- взлётно-посадочные полосы, ангары и иные объекты аэропортов в пределах их границ при наличии ОВДТ;
- объекты хранения авиационной техники, центры и оборудование для подготовки лётного состава в пределах границ аэропортов при наличии ОВДТ;

3) на морском транспорте:

- морские порты, причалы, пристани;
- гидротехнические сооружения с земельными отводами и средства навигационной обстановки, подведомственные Минтрансу России, в пределах судоходной части морских портов;
- суда и другие плавательные средства, независимо от портов приписки, находящиеся у причалов и в акватории портов, вокзалов и других гидротехнических сооружений, стоящих на рейдах акватории морских портов;
- находящиеся на территории портов предприятия, учреждения и организации, а также судоходная часть акватории морских портов;
- склады, ангары, предназначенные для хранения грузов, помещения для переработки грузов на территории портов, вокзалов, причалов независимо от ведомственной принадлежности и формы собственности;
- здания, строения, сооружения, расположенные на территории и (или) акватории порта и предназначенные для государственного контроля и надзора в порту;
- пункты специализированного отстоя и ремонта плавательных средств, судостроительные и судоремонтные заводы, кроме военных;
- морские терминалы;

4) объекты на речном транспорте:
- речные порты, пассажирские терминалы, причалы и пристани по обслуживанию грузовых и пассажирских судов;
- внутренние водные пути Российской Федерации в пределах их границ при наличии ОВДТ;
- суда, предназначенные для перевозки пассажиров и грузов, плавательные средства, находящиеся на главном судовом ходу;
- судостроительные и судоремонтные заводы, кроме военных, пункты специализированного отстоя и ремонта грузовых и пассажирских судов;
- главный судовой ход акватории рек и каналов без учёта боковых притоков при наличии ОВДТ;
- плавучие базы отдыха, дебаркадеры;
- плавучие знаки судовой обстановки;
- острова, расположенные в водных акваториях портов, рек и прибрежных вод, на которых отсутствуют городские и сельские поселения;

5) объекты, обслуживаемые по линии экономической безопасности и противодействия коррупции на транспорте:
- предприятия, учреждения и организации железнодорожного, воздушного, морского и речного транспорта Минтранса России, иные организации независимо от их места нахождения, формы собственности и ведомственной принадлежности, занятые в сфере обеспечения железнодорожной, воздушной, речной, морской деятельности и транспортного строительства на основе договорных отношений, предприятия промышленного железнодорожного транспорта, иные объекты железнодорожного транспорта (библиотеки, амбулатории, поликлиники, медицинские пункты, аптеки, клинические больницы, дома культуры, клубы, детские учреждения, школы и другие культурно-бытовые и образовательные учреждения);
- центры и пункты управления полётами летательных аппаратов, объекты единой системы организации воздушного движения;
- пункты приёма, хранения и обработки информации в области авиационной деятельности;
- строящиеся объекты железнодорожного, воздушного и водного транспортного комплекса[7].

Очевидно, что сложность транспортно логистической системы, её технические, организационные и функциональные характеристики предопределяют характер хищений совершаемых во время перевозки грузов.

Например, на практике хищения грузов, как правило, классифицируют на три вида:
1) связан с технологическими операциями перевозки, разгрузки и погрузки грузов [3, с. 32];
2) определяется объектом подвижного состава на железнодорожном транспорте [12, с.62-63];
3) описывается механизмами обеспечивающими проникновение к грузу или багажу [4, с. 22].

В связи с технологическими операциями с грузами преступления совершаются в местах погрузки-выгрузки путём нарушения целостности упаковки, несанкционированной перегрузкой с одного вида транспорта на другой и т.д.

Кражи грузов по характеру объекта железнодорожного транспорта дифференцируются на совершаемые из крытых вагонов, полувагонов, платформ, цистерн, контейнеров, специальных вагонов и иных единиц подвижного состава.

По механизму проникновения, хищение грузов на транспорте может осуществляться:

а) путём вскрытия пломбировочных устройств (ЗПУ) на дверях вагонов или контейнеров;

б) путём просверливания пола вагонов и тары в которую упакован товар при перевозке сыпучих грузов (крупы, зерно, сахар, мука и т.д.);

в) путём проникновения в вагоны без нарушения их целостности при отжатии дверей без нарушения целостности пломб;

г) путём слив наливных грузов (нефти, бензина, дизельного топлива и т.д.) через заливную горловину цистерн;

д) путём переадресации места назначения груза, когда осуществляется замена подлинных документов на подложные;

е) путём кражи открыто лежащих грузов, которые не целесообразно помещать в крытые хранилища (автотранспорт, станки, машиностроительная техника и т.д.);

ж) путём кражи, сопряжённой с несанкционированной остановкой поезда (например, наложением металлической перемычки на изолированные стыки рельсов).

Важно понимать, что знание образа действия преступника позволяет правильно выдвинуть версии по раскрытию преступлений, а также изобличить виновных, определить необходимое количество оперативных работников достаточных для задержания подозреваемых лиц. Так, специфика знаний используемых при хищении грузов на транспорте, во многом предопределяет наличие преступных групп, в которых участвуют сотрудники транспортных организаций занимающих как руководящие, так и рабочие должности.

Наряду с этим, полагаем, что тактико-криминалистические приёмы расследования преступлений на транспорте не должны исчерпывать всех средств, применяемых в борьбе с экономической преступностью.

Считаем, что юридическое определение объектов оперативного обслуживания территориальных органов внутренних дел на транспорте, рассмотренное нами выше, не согласовано с квалификацией преступлений совершаемых во время грузовых перевозок при хищении деталей верхнего строения пути, хищение деталей грузовых вагонов с территории эксплуатационных вагонных депо.

Данное положение не логично, так как повреждение железнодорожных путей и иных коммуникаций транспортной системы может совершаться не только из корыстных или хулиганских побуждений, но и в результате террористической деятельности, зачастую связанной с различными проявлениями национального конфессионального и религиозного экстремизма [8, с. 114 - 117].

Таким образом, в целях совершенствования борьбы с преступностью на транспорте и укрепления режима законности и правопорядка, законодателю необходимо внести дополнения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. отдельно

квалифицировов преступные деяния на транспорте в качестве обстоятельств отягчающих уголовное наказание.

Литература

1. Декрет ВЦИК и СНК от 1 сентября 1921 г. «Об установлении усиленной ответственности для лиц, виновных в хищении грузов во время перевозки их» // Севрюков А.П. Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты. – М., 2004.

2. Ковалёв Н.Д., Аронов Д.В. Власть – религия – терроризм: вчера – сегодня – завтра. // История государства и прав, 2011. № 10.

3. Новиков Е.Ф. Оперативно-розыскное предупреждение хищений с объектов транспорта (по материалам Забайкальского УВД на транспорте) / Е.Ф. Новиков. – Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. - Псков, 2012.

4. Нудельштейн А.М. Расследование хищений имущества пассажиров на железнодорожном транспорте / А.М. Нудельштейн. – Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. – М., 2008.

5. О введении Уголовного кодекса РСФСР в действие: Постановление ВЦИК от 24 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15.

6. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // Российское законодательство X – XX вв..: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. – М., 1991. – Т. 8: Судебная реформа.

7. Приказ МВД России от 28 марта 2015 г. № 381 «Об организации взаимодействия территориальных органов МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте с иными территориальными органами МВД России и разграничении объектов оперативного обслуживания» [Электронный ресурс]. Режим доступа: сзфоут.мвд.рф Приказ (дата обращения: 04.06.2017 г.).

8. Серегин А.В. Применение принципа нравственного сопоставления для юридической квалификации экстремистского содержания религиозных учений // Философия права. 2016. № 6 (79).

9. Серегин А.В. Духовно-нравственное учение о правовой культуре: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016.

УДК 343.132

ПЕРЕЧЕНЬ СЛУЧАЕВ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА
THE LIST OF CASES FOR SETTING OF STATUTORY EXPERT EXAMINATION AS LEGAL PROBLEM

Отаров А.А., Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики

Otarov A.A., Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminalistics

e-mail: *examiner81@mail.ru*

Аннотация: В статье предложена концепция отказа от уголовно-процессуальной нормы об обязательном назначении судебной экспертизы либо ее изменения в пользу формулирования универсальной нормы, которая бы не предполагала дополнение существующего перечня случаев обязательного назначения судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве.

Annotation: The article presents the statement of refusal against regulation of the setting of statutory expert examination or changing it in the way that makes the regulation supposed not to have additions in it's list of cases of statutory expert examination" in the pre-trial investigation and penal trial.

Ключевые слова: предварительное расследование, судебная экспертиза, назначение судебной экспертизы, обязательное назначение судебной экспертизы.

Key words: pre-trial investigation, trial expert examination, setting of expert examination, setting of statutory expert examination.

Предусмотренная УПК Российской Федерации правовая норма об обязательном назначении судебной экспертизы (ст. 196) содержит предписание о необходимости назначения и производства судебной экспертизы в определенных целях. Перекочевав в процессе реформы уголовно-процессуального права из УПК РСФСР, данная норма долгое время не подвергалась поправкам. Однако в связи с изменением и дополнением ряда нормативных актов, в ст. 196 УПК РФ в настоящее время имеется уже два дополнения (Пункты 3.1 и 3.2, внесенные соответственно Федеральными законами от 29.02.2012 № 14-ФЗ и от 25.11.2013 № 313-ФЗ [1; 2]). Таким образом, наблюдается ситуация, которую ранее прогнозировал еще Р.С. Белкин. Он утверждал, что считающийся исчерпывающим перечень случаев обязательного назначения экспертизы, фактически давно уже расширен практикой [3, с. 119]. Перефразируя классика отечественной криминалистической науки, можно утверждать, что случаев, при которых назначение и производство судебных экспертиз необходимо (а значит обязательно, т.е. без этого никак нельзя обойтись) реально существенно больше, чем перечисленных в ст. 196 УПК России. А это означает, что либо

указанный перечень неполон и требует дополнения (что и происходит в настоящее время), либо требуется иной подход к решению проблемы оценки того или иного обстоятельства с точки зрения необходимости доказывания его по уголовным делам строго путем производства судебных экспертиз.

Вместе с тем, практику регулярного дополнения рассматриваемой нормы нельзя считать правильной, поскольку практика неизбежно «вносит коррективы в любой такой перечень» [3, с. 120]. В своем «Курсе криминалистики» Р.С. Белкин также предлагал «формулирование в УПК правовой нормы, в которой было бы выражено общее требование, общие условия обязательного назначения экспертизы взамен детального перечня таких случаев» [3, с. 120]. Такой подход нам представляется оптимальным. Причем не только по соображениям лаконичности, но и в связи с еще одной лакуной, имеющей место в действующем уголовно-процессуальном законе России.

В процессе вышеупомянутой реформы законодатель посчитал нужным перенести в текст нового УПК норму об обязательном назначении экспертизы. Однако норма, которая содержалась в ст.78 УПК РСФСР, своего места в УПК РФ не нашла. Таким образом, в настоящее время основания для назначения экспертизы в уголовном процессе процессуальным же законом не определены. Наряду с наличествующей в УПК нормой об обязательном назначении экспертизы подобная ситуация может повлечь неоднозначное понимание сути предписаний, содержащихся в ст. 196 УПК РФ. Исходя из ее содержания, формально в ситуациях, которые не упомянуты в ней, определение необходимости назначения экспертизы в той или иной конкретной ситуации отводится на усмотрение следователя, суда. Безусловно, трудно представить себе ситуацию, при которой следователь мог бы отказаться, например, от производства пожаротехнической экспертизы по факту умышленного уничтожения имущества или экспертизы веществ и материалов по делу о сбыте наркотического средства, сославшись на то, что в соответствии со ст. 196 УПК РФ он не обязан назначать эти экспертизы [4, с. 231;6, с. 136; 9, с. 127]. Но тем и очевиднее проблемный характер рассматриваемой нами ситуации.

Возвращаясь к вопросу, обозначенному в заголовке настоящей статьи, хотелось бы определить, насколько значимы обстоятельства, для которых законодатель предусмотрел обязательную форму установления и доказывания.

Установление причины смерти, а также характера и степени вреда, причиненного здоровью, как основания обязательного назначения судебной экспертизы, предполагают установление обстоятельств, которые находились в причинно-следственной связи с наступлением указанных последствий. Таковыми могут быть, как известно, умышленные или неосторожные действие или бездействие, охватываемые признаками объективной стороны ряда преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом России (глава 16 УК РФ, а также ст. 126, 127, 127.1, 127.2, 128, 131, 132, 143, 167, 205, 206 и др.). Причем доказыванию подлежат в равной степени обстоятельства, имеющие определенное правовое значение: как факт наступления смерти или вреда здоровью, так и их ненаступление. Как справедливо утверждает В.И. Качалов: «При доказывании события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК) необходимо установить: а) имело ли место определенное событие, которое указывается в конкретной статье Особенной части УК (смерть человека, причинение какого-

либо вреда здоровью, совершение тайного хищения чужого имущества и т.д.), т.е. имело ли место деяние, подпадающее под признаки ст. 14 УК (понятие преступления). При этом в соответствии со ст. 307 УПК РФ в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора должно присутствовать описание преступного деяния; б) каковы последствия этого события, т.е. какой вред или ущерб был причинен этим событием (наступившая смерть, наличие какого-либо вреда здоровью, отсутствие у собственника похищенного имущества и т.д.); в) наличие причинной связи между событием преступления и наступившими последствиями» [8]. Таким образом, необходимость доказывания причины смерти, характера и степени вреда, причиненного здоровью, законодателем уже предусмотрена в рамках доказывании события преступления в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Из этого следует, что на следователя возлагается обязанность установления и доказывания данного факта имеющимися у него процессуальными средствами. А поскольку достоверное установление указанных обстоятельств без применения специальных знаний невозможно, ключевым из этих средств является судебная экспертиза [7, с. 303]. В этой связи нам представляется, что декларирование обязательности назначения судебной экспертизы для установления причин смерти и тяжести вреда, причиненного здоровью, в отдельной правовой норме не вызывается необходимостью.

Основания для обязательного назначения судебной экспертизы, предусмотренные пп. 3, 3.1, 3.2 и 5 ст. 196 УПК РФ, предполагают необходимость установления обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого (п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), а также обстоятельств, установление и доказывание которых влияет на дифференциацию правовых последствий для виновного. Так, в зависимости от результатов судебных экспертиз (психиатрической, психологической, психофизиологической, наркологической):

- на осужденного, признанного больным наркоманией, помимо основного наказания судом может быть возложена обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию (ст. 72.1 УК РФ);
- к лицам, совершившим деяния, предусмотренные статьями Особенной части Уголовного кодекса России при обстоятельствах, предусмотренных пп. «а», «б», «в», и «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, могут быть применены принудительные меры медицинского характера;
- при установлении возраста подозреваемого, обвиняемого (если документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение), лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, если оно не достигло определенного возраста, предусмотренного ст. 20 УК РФ.

Таким образом, уголовно-процессуальный закон определяет процедуру реализации норм, регулирующих вопросы уголовно-правового характера. Однако, нуждается ли правоприменитель в такой детализации законодательства? Нам представляется, что порядок установления любых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, должен определяться по общему правилу, которым в данном случае является необходимость использования специальных знаний. Ни одно из обстоятельств, перечисленных пп. 3, 3.1, 3.2 и 5 ст. 196 УПК РФ, не устанавливается достоверно без производства судебной экспертизы [5, С. 44].

Вышесказанное свидетельствует о том, что ряд положений статьи 196 УПК РФ нуждается в исключении из ее текста, поскольку они содержат нормативные предписания, следование которым происходит из содержания других норм (УК РФ и УПК РФ).

Наконец, основания для обязательного назначения судебной экспертизы, предусмотренные п. 4 ч. 4 ст. 196 УПК РФ, а также п. 5 ч. 4 ст. 196 УПК РФ в части, касающейся потерпевшего, связаны с необходимостью обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. И в исследуемой статье это те единственные основания, которые обусловлены не столько непосредственно процессом доказывания существенных для дела обстоятельств, сколько обеспечением прав и законных интересов субъектов, вовлеченных в этот процесс (ч. 2 ст. 45 УПК РФ). В этой связи указание на обязательность назначения судебной экспертизы вызывается необходимостью установления обстоятельств или фактов, требующих привлечения к судопроизводству дополнительных участников (законного представителя, психолога, педагога – ч. 1 и 4 ст. 191 УПК РФ)

Разнородность оснований для обязательного назначения судебной экспертизы в уголовном процессе требует максимально тщательного и взвешенного подхода к осознанию правовой ценности данной нормы и в итоге, как нам представляется, создания универсальной нормативной формулы, которая могла бы охватить все возможные ситуации, при которых необходимо производство судебных экспертиз (и, соответственно, их назначение обязательно).

Нам представляется, что обязательность назначения экспертизы в самом общем плане вызывается обстоятельствами, при которых получение значимых для дела доказательств иначе как производством экспертизы невозможно. Не следует забывать и об особом статусе экспертизы как процессуального действия, получение при котором доказательств связано с использованием специальных знаний экспертом. Указанные признаки в упомянутой выше нормативной формуле позволят максимально ее обобщить, как это имело место в ст. 78 УПК РСФСР, в которой утверждалось, что «Экспертиза назначается в случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия и при судебном разбирательстве необходимы специальные знания в науке, технике, искусстве или ремесле».

Рассмотренная нами проблема безусловно требует своего разрешения как один из шагов к совершенствованию действующего законодательства, как мера недопущения двоякого толкования уголовно-процессуальных норм. Однако разрешение данной проблемы не должно быть всецело возложено на законодателя без участия научного сообщества.

Литература

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних: Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ // [Электронный ресурс].- URL: http://www.consultant.ru. - (Дата обращения: 11.08.2017).

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 25.11.2013 № 313-ФЗ // [Электронный ресурс].- URL: http://www.consultant.ru. - (Дата обращения: 11.08.2017).

3. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юристъ, 1997. С. 119.

4. Бураева Л.А. Виды и особенности проведения судебных экспертиз при расследовании хищений с использованием кредитных и расчетных карт / Л.А. Бураева // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 5.

5. Гаужаева В.А. Сроки производства судебных экспертиз: дискуссионные вопросы / В.А. Гаужаева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5-2 (55).

6. Потудинский В.П. Применение специальных познаний в раскрытии и расследовании преступлений В.П. Потудинский, И.В. Сентяков // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2006. № 5.

7. Рясов А.А. Использование специальных медицинских познаний в расследовании преступлений против жизни и здоровья человека / А.А. Рясов, Г.Г. Жигалова // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5.

8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.Ю. Девятко, Г.И. Загорский, М.Г. Загорский и др.; под науч. ред. Г.И. Загорского. – М.: Проспект, 2016.

9. Монова Е.Н. Особенности назначения и производства экспертных исследований в отношении наркотических средств синтетического происхождения / Е.Н. Монова, М.И. Пилякин // Актуальные проблемы теории и практики раскрытия и расследования преступлений: Сборник научных статей по материалам межвузовского научно-практического семинара: Электронный ресурс. – М., 2017.

УДК 342.536.5

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ И БЮДЖЕТНО-ПРАВОВЫЕ СПОРЫ В ГРАЖДАНСКОМ, АДМИНИСТРАТИВНОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ
FINANCIAL AND BUDGET LEGAL LITIGATIONS IN CIVIL, ADMINISTRATIVE AND ARBITRATION PROCESS

Пешкова Х.В., Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, доцент, Воронежский институт ФСИН России, профессор кафедры уголовно-процессуальных и административно-правовых дисциплин

Peshkova Ch.V., Russian University of Justice (central branch), Professor of the Department of State Law Disciplines, Doctor of Law,Voronezh Institute of the FSIN of Russia, Professor of the Departmentcriminal procedural and administrative-legal disciplines

e-mail: *peshkova1@yandex.ru*

Пачкун В.В., Москва, Верховный Суд Российской Федерации, помощник судьи Судебной коллегии по административным делам ВС РФ, кандидат юридических наук

*Pachkun V.V.**,** Moscow, The Supreme Court of Russian Federation, Assistant to the Judge of the Arbitration Court of the Armed Forces of the Russian Federation, Candidate of Law*

e-mail: *peshkova1@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена анализу различных категорий финансово-правовых, бюджетно-правовых споров, подлежащих рассмотрению судами общей юрисдикции, арбитражными судами

Annotation: The article describes the kinds of financial and budget legal litigations as cases in the context of court jurisdiction.

Ключевые слова: финансово-правовой спор; бюджетно-правовой спор; арбитражный процесс; административный процесс; бюджетное устройство государства.

Keywords: financial legal litigation; budgetlegal litigation; arbitration process; administration process; budget construction of the state.

Актуальность тематики финансово-правовых, бюджетно-правовых споров и особенностей их разрешения в рамках гражданского и арбитражного процесса, административного процесса усилилась в условиях реформирования видов судопроизводства, структуры судебной системы Российской Федерации, до сих пор оказывающего влияние на урегулирование перераспределения компетенции между судами в части разрешения правовых споров по подведомственности, полномочий по толкованию и разъяснению законодательства. В данном случае имеется ввиду, прежде всего, Закон РФ от 05.02.2104 № 2-ФКЗ [4], а также законодательные акты, вносящие изменения в законодательство в области, непосредственно, судопроизводства [2], [3]. Согласно ст. 2 названного Закона, Высший Арбитражный Суд РФ упразднен в сроки, установленные Законом; это привело к известному расширению содержания компетенции Верховного Суда

РФ. В свою очередь, принятие Кодекса Об административном судопроизводстве [5] «вынесло» за традиционные пределы гражданского процесса ряд споров, имеющих отношение к финансовой деятельности государства, например, по линии признания недействующими решений в области бюджета (примеры приведены ниже); и такие споры теперь рассматриваются судами общей юрисдикции, но по правилам административного судопроизводства. Соответственно, в силу обновления законодательства во многих случаях актуально проводить разграничение категорий подведомственных финансово-правовых споров не в аспекте разграничения гражданского и арбитражного процесса, как было традиционно долгие годы, а в аспекте разграничения административного и арбитражного процесса.

В условиях современных противоречий, наблюдающихся в сфере финансов, рыночной экономики, усиления социальной напряженности в обществе и государствевесьма распространено возникновение разного рода юридических споров, конфликтов. В связи с этим рассмотрение в порядке гражданского, административного и арбитражного судопроизводства финансово-правовых, бюджетно-правовых споров выступает, своего рода, механизмом государственной защиты финансовых интересов государства, а такжеправ и имущественных интересов граждан и организаций как участников финансовых и иных имущественных правоотношений, защиты финансовой системысамого государства. Финансовая деятельность государства, входящих в его состав территориальных образований (субъекты РФ, муниципальные образования) и ее ключевое направление – деятельность в сфере бюджета – выступают фундаментом Российского государства, обеспечивающим его экономическое благополучие и безопасность, позволяющим финансировать разноплановые функции и задачи, выполнять финансовые обязательства государства перед населением. В силу этого важно обеспечить применение законодательства, адекватное смыслу и целям сложившейся политике упорядочения общественных отношений в сфере финансов, бюджета как их публично значимого звена.

Финансово-правовые и их разновидность – бюджетно-правовые – споры представляют собой видовое понятие по отношению к понятиям «правовой спор», «юридический конфликт». В литературе предлагаются разные подходы к определению понятия «правовой (юридический) спор». Большинство специалистов рассматривает споры с позиций отраслевой принадлежности видов правоотношений, недолжная реализация которых привела к возникновению конфликта, оснований для обращения в суд или иной уполномоченный орган, согласно подведомственности и правилу соблюдения первичного претензионного порядка. Получило распространение мнение, согласно которому правовой спор подразумевает конфликт, вызванный нарушением, несоблюдением охраняемых законом правучастников общественных отношений в пределах применениянорм конкретной отрасли права [11, с. 426-444]. В связи с этим как самостоятельные выделяются финансово-правовые, бюджетно-правовые, гражданско-правовые, административно-правовые и иные споры. По общему мнению, правовой спор имеет такой характерный признак, как конфликт интересов участников правоотношений, столкновение и противоборство их интересов [9, с. 64-70]. Применительно к нашей теме принято считать, что возникающий в рамках финансовой системы государства, экономической деятельности конфликт служит проявлением

экономических противоречий; имеет структуру, понимаемую как совокупность устойчивых связей сторон тяжбы, выражающих его отличие от иных социально-экономических явлений [16].

Финансово-правовые споры – самостоятельный вид юридических споров. Такие споры выражены в нарушении норм финансового права; вызваны возникновением конфликтовна различных «участках» финансовой деятельности государства и территориальных образований, соответственно, в рамках финансовых правоотношений, недолжной реализацией таких правоотношений, нацеленных на достижение финансовых целей и интересов государства в лице уполномоченных органов власти, учреждений. Финансово-правовые споры могут возникать из налоговых, бюджетных и иных финансовых правоотношений, согласно сложившемуся предмету финансово-правового регулирования, объединяющему разнообразные виды имущественных и связанных с ними неимущественных отношений, охватываемых «участками» финансовой деятельности государства и территориальных образований. Соответственно, например, в качестве разновидности споров финансово-правовых следует рассматривать бюджетно-правовые споры – споры, возникающие между участниками бюджетных правоотношений, действия которых направлены на формирование и использование бюджета, разнообразные формы осуществления бюджетной деятельности Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований как субъектов права, наделенных компетенцией в пределах инструментария бюджетного устройства государства[15, с. 115] (споры, возникающие в связи с формированием доходов бюджета и осуществлением расходов бюджета, ведение бюджетного процесса по линии утверждения и исполнения бюджета, осуществлением бюджетного контроля).

Споры финансово-правового, бюджетно-правового характера рассматриваются как в порядке гражданского, административного, так и арбитражного судопроизводства, соответственно, судами общей юрисдикции и арбитражными судами. При этом важно соблюдать требование законодательства: «Экономические споры, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, могут быть переданы на разрешение арбитражного суда после соблюдения досудебного порядка урегулирования спора в случае, если такой порядок установлен федеральным законом» (уточнения, внесенные в Арбитражный кодекс РФ (далее – АПК РФ) в июле 2017 года)[6].

В порядке судопроизводства согласно правилам Кодекса Об административном судопроизводстве судами общей юрисдикции рассматриваются финансово-правовые споры, связанные с текущей и нормотворческой деятельностью специализированных финансовых органов и иных органов и учреждений государства и муниципальных образований, но по своей природе лишены буквального экономического содержания: например, о признании недействующими подзаконных актов, регулирующих финансовые, бюджетные вопросы, об отмене актов о привлечении к ответственности за правонарушения в сфере финансов, бюджета, квалифицируемые в качестве административных Кодексом РФ Об административных правонарушениях (КоАП РФ) [1]. Примерами таких споров являются споры, по которым вынесены следующие судебные акты: Решение Воронежского областного суда от 14.06.2017 по делу № 3а-512/2017 «О признании недействующим пункта 5 Порядка

предоставления за счет средств областного бюджета субсидий организациям железнодорожного транспорта..., утв. постановлением правительства Воронежской области № 200 от 20.03.2017…, в части установления корректирующего коэффициента»; Решение Оренбургского областного суда от 02.05.2017 по делу № 3а-51/2017 «О признании недействующим решения Совета депутатов муниципального образования Северный район Оренбургской области от 23.12.2016 № 47-РС «Об утверждении бюджета муниципального образования Северный район на 2017 год и на плановый период 2018-2019 годов» в части отсутствия в утвержденном бюджете указаний на расходы на функционирование представительных органов муниципального образования». И иные примеры. Решение Московского городского суда от 06.06.2017 по делу № 7-6913/2017 «Об отмене актов о привлечении к административной ответственности по ст. 15.15.10 КоАП РФ (нарушение порядка принятия бюджетных обязательств)». Решение Санкт-Петербургского городского суда от 30.05.2017 № 7-878/2017 по делу № 12-92/2017 «Об отмене актов о привлечении к административной ответственности по ст. 15.15.6 КоАП РФ (нарушение порядка представления бюджетной отчетности)». В названиях приведенных актов прослеживается сущность спора как финансово-правового в связи с отнесением соответствующего конфликта к сфере финансовой деятельности государства и территориальных образований.

В порядке арбитражного судопроизводства, соответственно, арбитражными судами рассматриваются споры, относящиеся к категории «экономические споры», а также иные споры, возникающие из административных, финансовых и иных публичных правоотношений, так или иначе связанных с деятельностью экономического характера (по анализу ст. 4 АПК РФ). В связи с этим следует отметить, что понятие «финансово-правовой спор» весьма близко по смыслу к понятию «экономический спор». Согласно распространенному мнению, экономический спор – это правовой конфликт, возникший в сфере хозяйственной деятельности, участниками которого могут быть как юридические лица и частные предприниматели, так и государство, муниципальные образования [8, с. 6-10]. По нашему мнению, с приведенным суждением следует согласиться, поскольку он целостно охватывает споры, в которые могут быть вовлечены субъекты хозяйствования. Финансово-правовой спор отличается от спора экономического в приведенной трактовке тем, что первый возникает именно в рамках финансовых правоотношений, развивающихся в сфере финансовой деятельности государства и территориальных образований, имеющей одновременно публично-правовые и экономические основы, что накладывает отпечаток на состав задействованных субъектов, порядок разрешения спора, нарушенные нормы права. Финансово-правовые споры – это всегда публично-правовые споры, их участниками выступают государство и территориальные образования, органы власти, государственные и муниципальные учреждения. Если экономический спор может возникать между частными субъектами – индивидуальными предпринимателями, юридическими лицами, чья материальная база основана на частной форме собственности, то финансово-правовой, бюджетно-правовой спор в качестве одной из сторон обязательно вовлекает государство, территориальное образование в лице уполномоченного органа, учреждения, чьи материальная база, полномочия носят публичный характер.

Финансово-правовой спор связан с нарушением норм именно финансового права, в отдельных случаях – взаимосвязанного с ним гражданского, административного права – отраслей публичного права (если речь идет, например, о расходовании бюджета на исполнение гражданско-правовых государственных и муниципальных контрактов). Напротив, экономический спор может быть вызван нарушением также норм отраслей частного права – гражданского, корпоративного, хозяйственного и др. Поэтому специалисты считают, что экономический спор – это «хозяйственный спор (в значительной мере идентичен понятию «гражданско-правовой спор имущественного характера» плюс спор, вытекающий из административно-правовых отношений (административно-правовой спор) с доминированием в нем экономической подоплеки [12, с. 19], [14, с. 5-9]; это спор, возникающий в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности [7]. При этом следует учитывать, что когда говорится о спорах экономических, то подразумеваются одновременно и споры правовые соответствующей отраслевой принадлежности, поскольку отношения в сфере экономики в любом случае должны быть подвергнутыю ридическому регулированию. В литературе даже ставится вопрос о самостоятельности отрасли «экономическое законодательство» [13, с. 167-175].

Таким образом, рассматриваемые в порядке арбитражного процесса финансово-правовые, иные экономические споры представлены целым перечнем видов правовых споров, неоднородных с позиции квалификации отраслевой принадлежности, нарушенной отрасли законодательства, в связи с чем на практике могут возникать вопросы относительно подведомственности того или иного спора.

В порядке арбитражного судопроизводства рассматриваются следующие виды финансово-правовых споров как споров, имеющие публично-правовые и экономические основы одновременно: споры об обжаловании: актов (оспаривании решений) органов, уполномоченных осуществлять финансовый контроль, в том числе вынесенных с связи с привлечением участников финансовых правоотношений к ответственности за нарушение финансового законодательства, действий (бездействия) финансовых органов в части исполнения актов судов, вынесенных с учетом иммунитета бюджета; оспаривание ненормативных правовых актов, действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, наделенных финансовыми, бюджетными полномочиями [18], [19]. При этом, опять обратим внимание, важно учитывать следующее: в целях квалификации спора в качестве финансово-правового и установлении его подведомственности суду арбитражному суду или общей юрисдикции важно установление связи возникновения спора с фактом осуществления экономической деятельности (или отсутствие связи). Так, будучи разновидностью споров финансово-правовых, например, налоговые споры могут разрешаться как в порядке административного, так и арбитражного судопроизводства. Споры с налогоплательщиками, не должным образом исполнившими налоговые обязанности, но не в рамках экономической (предпринимательской) деятельности, подлежат рассмотрению судами в рамках административного процесса – имеются ввиду споры о просрочке уплаты налогов, например, в связи с обложением физических лиц налогом на недвижимое имущество – жилье) [20]. И наоборот, если речь идет об использовании гражданином – индивидуальным предпринимателем объекта недвижимости в целях

осуществления предпринимательской деятельности, то соответствующий налоговый спор подлежит разрешению в порядке арбитражного судопроизводства как спор экономический [21].

Возвращаясь к заявленной тематике, отметим, что в порядке арбитражного судопроизводства рассматриваются следующие виды бюджетно-правовых споров: споры об обжаловании: актов (оспаривании решений) органов, уполномоченных осуществлять бюджетный контроль, в том числе вынесенных с связи с привлечением субъектов бюджетных правоотношений к ответственности за нарушение бюджетного законодательства [22], оспаривание ненормативных правовых актов, действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, наделенных бюджетными полномочиями (финансовых органов), действий (бездействия) финансовых органов в части исполнения актов арбитражных судов, вынесенных с учетом иммунитета бюджета [23]. Конкретные примеры бюджетно-правовых споров, рассматриваемых арбитражными судами, соответственно, по правилам арбитражного судопроизводства: споры, возникающие по поводу несоблюдения принципа целевого использования бюджетных средств как принципа бюджетной системы [24]; по поводу обжалования актов органов бюджетного контроля [25] и др.

Иной вид финансово-правовых споров – налогово-правовые (налоговые). Такие споры возникают в связи с взысканием налоговыми органами налогов и иных налоговых платежей; обжалованием актов налоговых органов о привлечении к налоговой ответственности организаций и физических лиц, взыскании сумм неуплаченных налогов в судебном порядке самими налоговыми органами и ряд других. Налоговые споры подведомственны как арбитражным судам [26], так и судам общей юрисдикции [27]. Как отмечалось, в случае, например, когда речь идет о взыскании задолженности по налогам с граждан не в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности (уплата налога на имущество физических лиц), такой спор рассматривается в суде общей юрисдикции по правилам административного судопроизводства [28] (исходя из реформирования гражданского процесса в целом, принятия самостоятельного закона – Кодекса об Административном судопроизводстве, который, по сути, теперь включает главы Гражданского процессуального кодекса РФ о рассмотрении судами общей юрисдикции споров, возникающих из публичных правоотношений, но не отнесенных к подведомственности арбитражных судов). Задолженности же граждан – индивидуальных предпринимателей и организаций, выступающие предметом налоговых споров, взыскиваются в порядке арбитражного судопроизводства на основании решений арбитражных судов [29]. Это финансово-правовые споры, относящиеся к категорииспоров экономических и правовых одновременно.

В качестве иных примеров финансово-правовых споров, подведомственных арбитражным судам, можно привести споры, возникающие из правоотношений, в рамках которых в сфере банковской деятельности применяются финансово-правовые нормы: споры о признании недействительными договоров банковского счета, заключенных в связи с исполнением бюджетов [30]. При рассмотрении таких споров арбитражные суды исследуют вопрос правомерности передачи полномочий по обслуживанию бюджетного счета коммерческим банкам. Размещение бюджетных средств на банковских депозитах – довольно

серьезная юридико-организационная и экономическая проблема взаимосвязанной бюджетной и банковской деятельности. Неисполнение банком или иной кредитной организацией поручения органа государственного внебюджетного фонда о зачислении во вклады граждан сумм государственных пенсий и (или) других выплат, будучи квалифицировано как правонарушение, исходя из п. 1 ст. 15.10 КоАП РФ, также вызывает финансово-экономический спор. Такие нарушения связаны с экономической деятельностью кредитных организаций, возникающие из нее споры подведомственны арбитражным судам.

Применение норм финансового, бюджетного права возможно не только при рассмотрении финансово-правовых, бюджетно-правовых споров, но и гражданско-правовых споров, а также споров в сфере социального обеспечения, социального страхования. Так, например, осуществляя расходы бюджета, государство в лице органов казначейства предоставляет денежные средства казенным учреждениям – получателям бюджетных средств – в рамках бюджетных правоотношений. В свою очередь, получатели бюджетных средств заключают государственные контракты, используя тем самым средства бюджета на определенные нужды, но уже в рамках правоотношений, регулируемых гражданским правом. Споры, возникающие из таких правоотношений, носят не финансово-правовой, а гражданско-правовой характер, поскольку возникают из контрактных – договорных – гражданско-правовых отношений. Они также подведомственны арбитражным судам, поскольку связаны с деятельностью экономического характера. Такие споры выступают самостоятельным видом споров в сфере финансовой деятельности государства. Это споры гражданско-правового характера, рассмотрение которых предполагает применение финансового, бюджетного и гражданского законодательства во взаимосвязи в силу имущественных характеристик финансовых правоотношений, связи гражданских и финансовых правоотношений. Обозначенные моменты объясняются взаимосвязью с финансовой, бюджетной деятельности государства с различными сферами использования бюджетных ресурсов, различными звеньями финансовой системы, подвергаемыми регулирования нормами различных отраслей права.

Таким образом, применение финансового, бюджетного права возможно не только при рассмотрении сугубо финансово-правовых, бюджетно-правовых споров, соответственно, не только арбитражными судами, специализирующимися на экономических делах, но и судами общей юрисдикции. Поэтому следует, на наш взгляд, различать споры, возникающие в сфере финансовой, бюджетной деятельности государства, и споры, возникающие в связи с осуществлением такой деятельности. К первым относятся, собственно, финансово-правовые, бюджетно-правовые споры. Вторая группа представлена, в основном, гражданско-правовыми спорами и спорами в сфере разных форм социального обеспечения граждан.

В целях обобщения споров различных видов, возникающих в сфере и в связи с осуществлением финансовой деятельности государства и территориальных образований, в литературе предложено понятие «финансово-правовые иски». К ним отнесены иски, возникающие из деятельности в сфере гражданских, административных и иных публичных правоотношений; исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства казны, в состав которой входит бюджет [10]. По нашему мнению, понятие «финансово-публичные иски» не бесспорно: в приведенной трактовке оно «смешивает» споры, возникающие из

гражданских – частных и публичных правоотношений, не учитывает различия природы гражданских и финансовых, бюджетных правоотношений.

Вынесенные судами решения, в том числе по финансово-правовым, бюджетном-правовым спорам, охватывается правилами арбитражного и гражданского, административного судопроизводства, согласно подведомственности дел. Верно в свое время отметил Д.М. Чечот: «Каждая материальная норма может применяться в суде только в определенном порядке» [17, с. 9]. В связи с этим, на наш взгляд, вынесение судами решений выступает, своего рода, условием должного применения норм права, применительно к нашей теме – норм финансового, бюджетного права, в случае, когда участники конфликтных правоотношений нарушения уже допустили. Следовательно, деятельность арбитражных судов и судов общей юрисдикции в рассмотрении финансово-правовых, бюджетно-правовых споров подразумевает одновременное применение материального права (финансовое, бюджетное право) и норм о судопроизводстве.

Осуществляемое в ходе рассмотрения финансово-правовых, бюджетно-правовых споров применение норм финансового, его подотрасли – бюджетного – права представляет собой разновидность применительной деятельности, которая обеспечивает юридико-организационное воздействие на финансовые правоотношения, в которых имеет место конфликт интересов их участников, нарушение их прав (либо невыполнение ими обязанностей) с целью установления в индивидуальном порядке, изменения или прекращения прав и обязанностей этих субъектов в рамках рассмотрения спора судом, результатом которого является вынесение судебного акта, значимого для обеспечения дисциплины в финансовой деятельности государства и территориальных образований. В обозначенном контексте судебный процесс как таковой обеспечивает необходимый уровень экономической и даже информационной безопасности государства (информационной – в связи с тем, что бюджет по своей природе содержит информацию, зачастую конфиденциальную, о сферах использования государственных денежных средств; бюджет содержит «секретные статьи»).

Вместе с этим, сложившийся механизм судопроизводства и сопутствующей правоприменительной практики не всегда обеспечивают надлежащую защиту прав и интересов участников отношений в сфере финансовой, бюджетной деятельности государства. Это вызвано, в числе прочих моментов, с неоднозначностью позиции судов по одним и тем же спорным правоотношениям в сфере финансов; неясностью перспектив действия разъяснений Высшего Арбитражного Суда РФ, к настоящему моменту упраздненного, но принявшего целый ряд актов, принципиально значимых для правоприменительной практики, до сих пор не «заменных» на актуальные акты Верховного Суда РФ по аналогичным вопросам; как следствие – с нечеткостью трактовки содержания финансово-правовых норм, подлежащих применению в рамках судопроизводства соответствующего вида.

Литература

1. Кодекс РФ об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ.– 2002.– № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

2. Арбитражный процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. – 2002. –№ 30. – Ст. 3012.

3. Гражданский процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. – 2002. –№ 46. – ст. 4532.

4. О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2104 № 2-ФКЗ // СЗ РФ. – 2014. – № 6. – Ст. 548.

5. Кодекс административного судопроизводства РФ: Федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. – 2015. –№ 10. – Ст. 1391.

6. О внесении изменений в статьи 1252 и 1486 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 4 и 99 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 01.07.2017 № 147-ФЗ // СЗ РФ. – 2017. – № 27. – Ст. 3944.

7. Андреева Т.О. О подведомственности дел арбитражным судам // Хозяйство и право. – 1997. – № 8 // Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

8. Богатырев Е.В. Экономическое правосудие: генезис, эволюция и перспективы // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 10. – С. 6-10.

9. Детков А.П. Юридический конфликт // Российский юридический журнал. – 2011. – № 5. – С. 64-70.

10. Зверева В. Экономическое содержание исков, предъявляемых к казне субъекта Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 5 // Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

11. Иванов А.В. Деятельность арбитражных судов Российской Федерации по рассмотрению дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений // Антология научной мысли: К 10-летию Российской академии правосудия: Сборник статей. – М.: Российская академия правосудия, 2008. – С. 426-444.

12. Клеандров М.И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 600 с.

13. Михеева И.В., Логинова А.С. Вступление Китая в ВТО и реформирование его экономического законодательства // Российский юридический журнал. – 2016. – № 6. – С. 167-175.

14. Нечаева С.В. Общие основания разграничения подведомственности между судом общей юрисдикции и арбитражным судом по действующему российскому законодательству // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 11. – С. 5-9.

15. Пешкова Х.В. Теоретико-правовые основы бюджетного устройства государства: монография. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 315 с.

16. Румянцева В.Г. Государственные и альтернативные формы разрешения конфликтов в сфере экономических отношений / В.Ю. Куликов, В.В. Папырин // История государства и права. – 2007. – № 11// Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

17. Чечот Д.М. Неисковые производства: монография. – М.: Юридическая литература, 1973.

18. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12.07.2017 № Ф01-2497/2017 по делу № А82-14298/2013 // Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

19. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа округа от 06.12.2016 № Ф06-15874/2016 по делу № А12-123921/2016 // Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

20. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 12.04.2017 по делу № 33а-5949/2017 // Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

21. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 13.07.2017 № 07АП-4938/2017 по делу № А45-18058/2016 // Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

22. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 19.06.2017 № Ф01-2249/2017 по делу А17-6720/2015 // Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

23. Решение Арбитражного суда Воронежской области от 16.12.2008 по делу № А14-14069/2008/476/23 // Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

24. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.06.2017 № Ф09-2661/17 по делу № А47-7830/2016 // Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

25. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 28.07.2017 № Ф10-2543/2017 по делу № А84-2986/2015 // Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

26. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.08.2017 от 03.08.2017 № Ф05-10832/2017 по делу № А40-4912/2017 // Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

27. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 31.07.2017 по делу № 33А-12611/2017 // Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

28. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 20.07.2017 № 33а-5210/2017 // Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

29. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.07.2017 № 15АП-9152/2017 по делу № А32-1860/2017 // Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

30. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 28.01.2009 по делу № А12-14915/2008 // Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

УДК 348.5

ОСОБЕННОСТИ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПАПСКИХ ДЕКРЕТАЛИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ
FEATURES OF THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE PAPAL DECRETALS IN MEDIEVAL EUROPE

Плешков Е.В., ЧОУ ВО «Северо-Кавказский гуманитарный институт», заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент.

Pleshkov E.V., North-Caucasus Humanitarian Institute, head of the department of state-legal disciplines, candidate of law, associate professor.

e-mail: *9281150303@mail.ru*

В статье рассмотрена проблема зарождения и развития папских декреталий в средневековой Европе, которая имеет непосредственную связь с общими тенденциями формирования канонического права на европейском континенте. Актуальность работы обусловлена непрерывно повышающимся интересом к вопросам канонического права в свете возможного сближения позиций ведущих христианских конфессий. Автор предпринял попытку охарактеризовать влияние процесса преподавания канонического права в средневековых юридических школах на появление и широкое распространение папских постановлений, известных также как декреталии.

The article considers the problem of the birth and development of papal decretals in medieval Europe, which has a direct connection with the general tendencies of the formation of canon law on the European continent. The relevance of the work is due to the continuously increasing interest in the issues of canon law in the light of the possible convergence of the positions of leading Christian faiths. The author made an attempt to characterize the influence of the process of teaching canon law in medieval law schools on the emergence and wide dissemination of papal ordinances, also known as decretals.

Ключевые слова: каноническое право, декреталии, папские постановления.

Key words: cannon law, decretals, pope's regulations.

Проблема генезиса папских декреталий в Европе средних веков, с одной стороны, имеет непосредственную связь с общими тенденциями формирования канонического права на европейском континенте, а с другой, актуальна в свете общего повышения интереса к изучению канонического права как Западной Европе, так в России. В настоящей статье будет предпринята попытка охарактеризовать влияние процесса преподавания канонического права в тех школах, которые приглашали преподавателей в средние века на появление и широкое распространение постановлений, принимаемых высшими иерархами католической церкви, которые также известны как декреталии, либо же папские декреталии.

Процесс преподавания в указанных школах практически был построен на фактическом разборе текста с приемами диалектики, когда лектор стремился разъяснить значение и область применения всех предложений и разделов текста. Одофред, известный

преподаватель цивилистики XIII века, представил типовой метод разработки юридического текста для студентов своей школы [1]. Преподаватели канонического права были приверженцами практически одинакового стиля чтения лекций. В основном занятия посещали студенты, повторяющие пройденный материал.

Средневековые правовые школы зачастую требовали от обучающихся значительных усилий с целью сосредоточиться и воспринять то, что им преподавалось. Студенты, соответственно запоминали, как само собой разумеющийся факт, огромную массу законов и должны были без усилий вспомнить и воспроизвести их в правильном порядке, поскольку лекции, которые они слушали, содержали много ссылок и цитат. Мартино де Фано, учивший праву в XIII веке, обязывал своих учеников к каждодневным практическим тренировкам собственной памяти и заявлял: «И наконец, когда вы лежите в кровати или прогуливаетесь по улице, повторяйте то, что вы узнали и говорите, «Сегодня я узнал так много законов, а вот их начальные слова из каждого»» [2]. Необходимость в избыточном заучивании усугублялась особенностями образовательного процесса в школе канонического права в Парижском университете: лекции просто диктовались без конспектирования за час до восхода солнца или без источника света.

Так как освоение канонического права по учебникам Грациана стало привлекать всё большее число студентов, формирование новых правил продолжалось, более того, значительно ускорялось. Такой всплеск законодательной активности частично поощрялся успехом творчества Грациана у преподавателей, толковавших его «Декреты» и находивших многочисленные проблемы, при решении которых было недостаточно существующих канонических норм либо же их не было вовсе. Большая часть таких новых норм права издавалась в виде так называемых папских писем, более известных под именем декреталий. В силу этого такие указанные правовые предписания получили общее название «декретального права», а те, кто осуществлял толкование этих норм - декреталистами.

Данные сборники обычно объявляли постановления Папы по каким-либо отдельным случаям и зачастую разъясняли соображения, которые лежали в основе тех или иных решений. Следовательно, многие из них похожи, по крайней мере, на решения современного апелляционного суда. Письма - декреталии как правило направлялись заинтересованными в этом сторонам. Копии декреталий (далеко не всех, однако) проходили регистрацию в архивах корреспонденции либо же в регистрах папства, с которыми взаимодействовала папская курия. По этой причине практикующие преподаватели и канонисты признавали полезным и настоятельно необходимым копировать любые правила, доставшиеся им, так как это давало возможность не отставать от взглядов высших апелляционных судов церкви на спорные правовые аспекты.

Иногда, особенно в первые годы, своды декреталий являлись не более чем случайными копиями папских писем, и на них не специально могли натолкнуться преподаватели, юрист-практик или чиновник. При этом в период понтификата римского папы Александра III и некоторое время после этого стали появляться несколько лучше систематизированные своды. Весьма значительным из последних был «Breviarium extravagantium», его в 1188-1192 гг. составил Бернард (из Павии). В процессе подготовки

своего труда, им были собраны около тысячи декреталий. Каждая книга посвящалась отдельной тематике.

Свод Бернарда явился фактически первым из известных пяти подобных систематизированных сводов и следующие поколения преподавателей права уже использовали их в учебных планах не только на факультетах канонического права, но даже на некоторых закрытых (частных) уроках, которые канонисты проводили в стенах монастырей, храмах или приютах, а также в городках по всей Европе. По мере того, как объем декреталий увеличивался и правил становилось все больше, ведение их учета, меры безопасности начали отставать. Тринадцатое столетия ознаменовалось тем, что папская курия весьма встревожилась большим потоком лже-декреталий, часть которых изготовлялась в интересах определенной стороны в споре, остальные составлялись нечестными нотариусами и переписчиками, продававшими их преподавателям права и студентам. Папы, таким образом, стремились взять под контроль процесс публикации подлинных декреталий с целью использовать их в суде и в университете. Спустя некоторое время после публикации официальных сводов своих своих декреталий, папа Григорий IX дал право выдающемуся каталонскому канонисту Раймонду из Пейнифорда создать новый официальный сборник декреталий, включавший все действующее соборное и папское право, беря начало с Грациана до времен правящего папы. Текст, получившийся в итоге, получил название декреталий Григория IX (Decretales Gregorii IX), неофициально был известен как Liber extra, представлял собой объемную компиляцию немногим менее 2000 декреталий, которые были систематизированы по аналогичному принципу, по которому Бернард делал это в его компиляциях. Римский папа издал этот труд официально в сентябре 1234 года, а в письме о передаче в фонд университетов Парижа и Болоньи отметил, что свод должен преподаваться в процессе обучения студентов на юридических факультетах в качестве официального издания законодательства церкви. Liber extra продолжил оставаться официальным действующим в системе норм римско-католической церкви до 1918 года.

Несмотря на это, написание и опубликование декреталий не прекращалось в 1234 году, более того, в течение нескольких лет официальное опубликование и неофициальное тиражирование сводов часто возобновлялась. Инокентий IV опубликовал не менее трех сборников Новых законов (Novellae) в 1245, 1246 и 1253 гг., а в 1276 году Григорий X представил еще один свод, логично дав ему название «Новейшие законы» (Novissimae). Римский папа Бонифаций VIII в 1298 году включил множество декреталий, которые были официально изданы его предшественниками, в Шестую книгу (Liber sextus). При этом Liber sextus включал в себя пять книг, выстроенных по традиционному шаблону других сводов. В самом начале XIV века конституции Клементина (Constitutiones Clementinae) были изданы в 1317 году по требованию папы Иоанна XXII, а в 1325 г. профессор канонического права Уильям де Монт-Лаудуно (de Monte Lauduno) (Тулуза) составил небольшой и неофициальный сборник декреталий Иоанна XXII – «Причуды Иоанна XXII»: он занял свое место в канонических школах позднего средневековья.

Своды некоторых решений высшей судебной римско-католической церкви по светским и церковным делам в позднем средневековье распространились среди юристов-профессионалов, некоторые же из их были весьма ранними правовыми текстами, которые

издадутся лишь после изобретения книгопечатного станка. Решения высшего суда римско-католической церкви по церковным и светским делам составляли каноническое прецедентное право, важность которого неуклонно возрастала, начиная с XIV века.

Таким образом, рассмотренная выше спецификация процесса преподавания в средневековых юридических школах канонического права имела непосредственное влияние на появление и широкое распространение папских постановлений, известных под именем декреталий.

Литература

1. Thorndyke L. University records and life in the Middle Ages, New York, 1975, p. 67.
2. Powicke F.M. Some problems in the history of the mediaeval universities // Transactions of the Royal Historical Society, 4th series, vol., 17, 1934, p. 14.

УДК 340.01

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК ИСТОЧНИКА ПРАВА
THE FORMATION AND THE EVOLUTION OF REVOLUTIONARY CONSCIOUSNESS AS A SOURCE OF RIGHTS

Попадопуло Л.Н., аспирант Южно-Российского института управления-филиала РАНХиГС

Popadopulo L.N., postgraduate of South-Russian Institute of Management branch of the RANEPA

e-mail: *leo.jurist@yandex.com*

Аннотация: в настоящей статье проведен анализ революционного правосознания как источника права первых лет существования советского государства и его последующей трансформации в социалистическое правосознание.

Annotation: the article presents an analysis of revolutionary legal consciousness as a source of law in the first years of the Soviet state and its subsequent transformation into a socialist legal consciousness.

Ключевые слова: революционное правосознание, социалистическое правосознание, источники советского права.

Key words: revolutionary legal consciousness, socialist legal consciousness, sources of the soviet law.

Вопросы становления и развития источников отечественного права часто становились предметом изучения учёных: это обусловлено тем, что источники права являются неотъемлемой частью правовой системы. Настоящая статья подготовлена в рамках научного исследования становления и развития источников права в первые годы советского государства. На наш взгляд данный период представляет особый интерес для изучения: после событий Октябрьской революции произошёл слом предыдущей общественной, а вместе с тем и правовой системы, это оставило новое государство на первых порах без писанного права[12]. Однако уничтожение права не означало невозможность использовать опыт и положения предыдущей правовой системы: старые законы разрешалось применять лишь в тех случаях, когда они не были отменены революцией, не противоречили новому революционному праву. Использование старых правовых норм не противоречило марксистским представлениям о необходимости масштабных изменений старого права как надстройки вслед за коренными изменениями в базисе – экономике. Как известно, октябрьский переворот положил лишь начало коренному преобразованию общества: в стране оставались еще общественные отношения предшествующей эпохи. Естественно, это в какой-то степени должно было найти отражение и в праве. В этих условиях вполне возможно допустить применение и некоторых старых законов, являвшихся отражением сохранявшихся в новых условиях старых отношений.

Новое руководство страны понимало, что невозможно в кратчайшие сроки заново оформить регулирование всех сфер общественных отношений, т.к. перед основными источниками власти – Декретами такая цель не ставилась. Однако в условиях бурной законодательной деятельности было невозможно охватить в кратчайшие сроки весь комплекс общественных отношений, созданных Октябрьским революционным переворотом. Советскому праву только предстояло стать системой, обрести форму и четкую структуру.

В подобных условиях кардинальной перестройки государственного аппарата, формирования новых общественных отношений возникла потребность в создании новых правовых норм, что повлекло за собой изменения в системе источников права.

Так ранее основной источник отечественного права – нормативно-правовой акт, уже не является безраздельно главенствующим. В одном из высказываний В. Ленина весьма наглядно сформулировано отношение большевиков к законам: «… плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение, и если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется» [5]. И как элемент революционной борьбы появляется новый для отечественной правовой системы источник – революционное правосознание.

Данный термин был впервые введён в официальный обиход Декретом о суде №1 от 22 ноября 1917 года: «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»[2].

Рассмотрим теоретические и идеологические аспекты возникновения данного источника власти. В основу данного понятия была положена развитая М. Рейснером идея Л. Петражицкого о так называемом «интуитивном праве», в соответствии с которым право толковалось как социальный феномен, имеющий прежде всего психологическую природу, а правосознание объявлялось если не единственной, то основной формой существования права [9]. Для концепции М. Рейснера характерно, что основой права психика является и она носит классовый характер. Учитывая тот факт, что даже в социалистическом обществе существует не один класс, то можно сделать вывод, что для каждого из них будет характерно свое «особенное» право. Данная позиция очевидно расходится с марксисткой теорией, где право должно быть единым, выражающим волю господствующего класса. Здесь можно выделить общую проблему того периода характерную для права: в то время как область экономики имела прочную теоретическую основу, разработанную Ф. Энгельсом и К. Марксом, область права оставалась практически нетронутой и новая власть была вынуждена творить отличное от предыдущего право, руководствуясь духом понимания пролетарско-крестьянской революции. Ведущими юристами была поставлена цель разработать общую концепцию права, на которой будет основываться как новое законодательство, так и осуществление правосудия новыми судами. И наибольшую популярность обрело как раз заимствованное у Л. Петражицкого психологическое учение об интуитивном праве, как отмечал в своих трудах Е. Пашуканис[8]. Как результат этой работы получилось парадоксальное явление, что мера, изначально предпринятая для формирования новой концепции права революционного

государства, экономика и система общественного устройства которого основана на учении К. Маркса, к самому марксизму не имеет отношения.

В дальнейшем эта идея нашла свое развитие в трудах А.Луначарского. Так, его статья «Революция и суд» начинается с утверждения, что «революционный класс приносит с собой новое правосознание, предчувствие новых юридических отношений и форм, находящихся в глубоком соответствии с созданными его революцией новыми хозяйственными условиями жизни» [7]. Он считал, что создание нового интуитивного права, которое бы отражало классовые интересы масс и соответствовало актуальному общественному устройству, возможно лишь исключительно в процессе непосредственного революционного правотворчества этих самых масс.

В. Ленин также рассматривал революционное правосознание как источник права в условиях отсутствия достаточного количества советских законов, одновременно с этим, оно должно было стать инструментом для приобщения народных масс к управлению. Он считал, что революционным правосознанием обладает каждый представитель трудящихся классов, благодаря чему, по мнению Ленина, удалось легко создать народные суды.

Учитывая изложенное, можно сделать однозначный вывод о цели и месте в правовой системе революционного правосознания как источника права и мотивации ее создания. Правовая политика первых месяцев советской власти была ориентирована на активизацию самодеятельности народных масс. Большевики полагали, что население опираясь на свое революционное правосознание, самостоятельно решит аграрный и другие вопросы, что в целом по стране приведет к социальному «поравнению» масс. Собственные декреты советские руководители воспринимали как инструкции, зовущие к массовому практическому делу. Они понимали, что содержание декретов неидеально, не все положения возможно воплотить в жизнь, однако на основе даже таких несовершенных норм можно научить практическим шагам те сотни, тысячи и миллионы людей, которые прислушиваются к голосу Советской власти.

Однако спустя несколько месяцев после принятия Декрета о суде №1, в котором говорилось о революционной совести и революционном правосознании, был принят Декрет о суде №2 от 7 марта 1918г., где был введен новый термин «социалистическое правосознание»[3]. Чем отличалось правосознание социалистическое от революционного и что побудило большевиков разработать и использовать новый термин? Здесь нам необходимо будет обратиться к работе В.А. Букова «От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма», в которой он предлагает оригинальный и, на наш взгляд, заслуживающий внимания взгляд на причины перехода от революционного к социалистическому правосознанию. Так, он считает, что изначально термин «революционное» применительно к массовому правосознанию если и возможно использовать, то с большой степенью условности. Это связано с тем, что сам термин «революционный» выражает не только и не столько идею насильственного свержения власти, но и одновременно коренного переворотав системе социально-политических и экономических отношений, идею перехода к более прогрессивной модели общественных отношений[1]. Для того, чтобы считать правотворчество масс революционным в таком смысле, оно должно быть направлено на усложнение системы взаимоотношений субъектов,

развитие экономики государства, формирование адекватных этим задачам новой правовой системы.

Очевидно, что в рамках данной идеи, события первых лет советской власти не дают нам оснований считать их направленными на качественное улучшение общественных отношений. В качестве примера, подтверждающего этот тезис, мы можем привести знаменитый «черный передел» земли, санкционированный большевиками после издания знаменитого Декрета о земле от 26 октября 1917г.[4]. Декрет подогрел народные страсти и вызвал волну земельных переделов и захватов поместий. Однако движущей силой стихийной земельной реформы стали не традиционные представления крестьян о справедливости, божественном происхождении земли и равном праве на нее, а «жадное стремление приумножить собственное достояние»[11]. По данным советских исследователей, в Орловской губернии за ноябрь 1917 – февраль 1918 г. было разгромлено 191 помещичье имение, в Курской губернии в ноябре – декабре 1917 г. разгрому подверглись 53 имения, в Рязанской губернии – 62 имения [10]. Захваченные земли считались «завоеванием революции», которым деревня не хотела делиться ни с кем. «Россия, – по словам Л. Литошенко, – была разорвана на тысячи мелких самоуправляющихся кусков. Земельное право творилось сразу в тысяче мест и на тысячу разных ладов. Общее направление стихийного народного правотворчества ни в какой степени не совпадало с социалистическими планами центрального правительства»[6]. Соответственно можно говорить, что правовое сознание масс носило в основном деструктивный характер и термин «революционный» может быть применён только в одном смысле – разрушительном.

Массовое правосознание после революции перестраивалось и наполнялось конкретным содержанием в весьма неблагоприятных для формирования личностей условиях. Было очевидно, что чем дальше, тем больше расшатывались и ломались не только структуры старого общества, но деформировалась и структура отдельно взятой личности. Голод, продразверстка, злоупотребление властью, повсеместное мародерство, грабежи – все это приводило к духовому разложению и падению нравов в обществе. В данной ситуации у большевиков не могло не возникнуть сомнений в том, что революционное правосознание каждого отдельно взятого лица может быть надёжным фундаментом для построения крепкого правого порядка.

Как мы указали ранее, целью Декрета №1 О Суде было максимально быстрое уничтожение старых судов и старого права, и эта цель была достигнута, однако провозглашённая концепция революционного правосознания оказалась несовместима с той моделью строительства социализма, которую предлагали большевики. Это побудило В. Ленина задуматься об изменении курса развития государства и права. Еще до революции В. Ленин подчёркивал, что только большевики представляют собой авангард пролетариата, способный взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся. После революции говорил, что пролетариат строит новую, более высокую общественную связь, дисциплину сознательных и объединённых работников, не знающих над собой никакой власти, кроме власти их собственного объединения, их собственного, более сознательного, смелого, сплочённого, революционного, выдержанного авангарда; что вся конституция Советской

республики строится на том, что партия все строит по одному принципу, чтобы пропитать этот пролетариат своим духом, подчинить его себе, освободить от «буржуазного обмана». Он был убежден, что во главе классовой борьбы пролетариата может стоять лишь революционная партия и лишь ее политическое руководство является залогом победы в революции и построения социализма: так он писал, что исключительно своими силами рабочий класс способен своими силами выработать исключительно сознание с целью объединения в союза, ведения борьбы с буржуазией и отстаивания своих трудовых прав, но вместе с тем он не способен осознать необходимость и тем более найти верный путь построения социализма. Такой подход требовал от партии, объявившей себя руководителем и воспитателем всего рабочего класса, постоянной деятельности по внесению в массы научного «социалистического» правосознания.

Исходя из этого становится очевидным, что социалистическим правосознанием в то время могло быть не правосознание пролетариата в целом, а лишь его авангарда – большевистской партии. Следовательно, и носителем этого правосознания могли являться исключительно представители этого авангарда. Это привело к тому, что задача расстановки коммунистов на все ответственные должности рассматривалось партией одним из важных направлений свой деятельности. В дальнейшем новые правовые воззрения активно и целенаправленно распространялись по всей структуре и приводились в жизнь.

Социалистическое правосознание оказалось тесно сплетённым с партийной доктриной и играло вспомогательную роль в решение задачи строительства социализма. Изначально правовые воззрения стали практически неотличимы от воззрений политических, подчинённых задаче удержать власть любой ценой. В итоге социалистическое правосознание стало придатком политического сознания, элементом идеологии классового общества. Оно использовалось как инструмент для решение конкретных политических задач. Так в конце 1917г. в качестве первоочередной задачи, стоящей перед пролетариатом, В. Ленин объявляет необходимость установления строжайшего контроля и учёта «за богатыми, за жуликами, за тунеядцами, за хулиганами», с которыми надо немедленно расправляться при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества. Спустя несколько месяцев задачи учёта и контроля отходят на второй план и неотложной задачей становится необходимость концентрации всех сил для спасения от голода, необходимость «вести и провести беспощадную и террористическую войну с крестьянской и иной буржуазией, удерживающей у себя излишки хлеба» и в данном случае одним из инструментов борьбы выступает социалистическое правосознание в том числе с помощью осуществления судами правосудия.

В заключении отметим, что революционное правосознание за небольшой срок своего существования претерпело серьёзные изменения. Появившись в Декрете о суде №1 как источник права, призванный восполнить пробелы в законодательстве и стать инструментом приобщения народных масс к управлению и созиданию, оно в конечном счёте в Декрете о суде №2 трансформировалось в социалистическое правосознание, которое по своей сути является элементом идеологии, и большевики его использовали для распространения своих взглядов среди народных масси решения конкретных проблем, возникающих на этапе строительства социалистического государства.

Литература

1. Буков В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М.: Археографический центр, 1997. – 451 с.

2. Декрет от 22 ноября 1917. «О суде» № 1 // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

3. Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 «О суде» // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 26. Ст. 347.

4. Декрет от 26 октября 1917г. «О земле» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. №1. Ст. 3

5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, 5-е изд.Том 33 (Государство и революция). М.: Издательство политической литературы, 1969. – 434 с.

6. Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск. Сибирский хронограф, 2001. – 536 с.

7. Луначарский А.В. Революция и суд. – Материалы Народного комиссариата юстиции. М., 1918. Вып. 2. С. 15-16.

8. Пашуканис Е.Б. Марксистская теория права и строительства социализма. – В кн.: Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права. М., 1980, 270 с.

9. Рейснер М.А. Теория Л.И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология / М.А. Рейснер. – М.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1908, 240 с.

10. Фулин Ю.В. Осуществление Декрета о земле в Центрально-земледельческом районе // Ленинский Декрет о земле в действии. Сборник статей. М., 1979. С. 75–77.

11. Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX- начале XX века (историко-правовой аспект). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации. Ростов-на-Дону, 2009. С. 150-175.

12. Шатковская Т.В. Смысл и назначение современных историко-правовых исследований// Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. №2. С. 10-15.

УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ПОМЕЩЕНИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРЕДМЕТОВ КУЛЬТА В ПРОТОКОЛЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ КРАЖ

PECULIARITIES OF DESCRIPTION OF THE PREMISES OF THE RUSSIAN PRA-ELISTIVE CHURCH AND CULT-OBJECTS IN THE PROTOCOL OF INSPECTION OF THE PLACE OF ACCIDENT IN THE PROCEEDINGS INVESTIGATIONS OF THE CRAFTS

Потудинский М.В., Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, преподаватель кафедры тактико-специальной и огневой подготовки

Potudinsky M.V., Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, teacher of the Department of Tactical-Special and Fire Training

e-mail: *valerypotud@ya.ru*

Потудинский В.П., Ставропольский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент

Potudinsky V.P., Stavropol Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

e-mail: *valerypotud@ya.ru*

Аннотация: Рассматриваются особенности тактики проведения осмотра места кражи из помещений русской православной церкви и описание в протоколе осмотра внутреннего устройства храма и предметов культа.

Annotation: Discusses the features of tactics of inspection month-one theft from the premises of the Russian Orthodox Church and the description in the proto-stake examination of the internal structure of the temple and cult objects.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, осмотр места происшествия, русская православная церковь, устройство храма, паперть, притвор, алтарь, иконостас, иконы.

Keywords: crime tactics, crime scene examination, the Russian Orthodox Church, of the temple, the porch, vestibule, altar, iconostasis, icons.

Как известно, осмотр места происшествия - неотложное следственное действие, являющееся наиболее эффективным способом получения (собирания) информации о преступлении и преступнике, обеспечивающее при надлежащем проведении возможность установления и изобличения лица, совершившего преступление. Общепризнано, что место происшествия - это тот фрагмент пространства, в пределах которого произошло какое-либо юридически и криминально значимое событие. Чаще под местом происшествия понимается

место совершения преступных действий (бездействия) и наступления вредных последствий содеянного либо только место реализации преступной активности, или только место обнаружения последствий содеянного, когда по признаку места указанные события не совпадают. В качестве места происшествия могут выступать и другие элементы пространства, с которыми связано совершение каких-либо акций преступника, обнаружение определенных вещных объектов (например, укрытых трупов, их останков, спрятанного оружия и т.д.), имевших отношение к преступлению [7, с. 190].

Общими задачами осмотра места происшествия являются: изучение и фиксация обстановки места происшествия с целью выяснения характера и механизма происшествия; обнаружение и изъятие следов преступления, которые в дальнейшем могут служить вещественными доказательствами по делу; выявление признаков, характеризующих лиц, участвовавших в совершении преступления (их число; примерный возраст; физические данные; наличие у них определенных привычек, навыков, психических отклонений, а также осведомленности о жизненном укладе, распорядке работы потерпевшего); фиксация особенностей, присущих потерпевшему и иным объектам посягательства; установление обстоятельств, отражающих объективную сторону преступления: время и способ его совершения; действия преступника на месте происшествия; последствия преступления; наличие причинной связи между действиями преступника и наступившими последствиями; выявление признаков, указывающих на мотивы и цели совершения преступления; выявление обстоятельств, способствующих совершению преступления [2, с. 13].

Выявленные данные при осмотре места происшествия способствуют построению версий и разработке средств их проверки, позволяют органам дознания провести оперативно-разыскные мероприятия, а в некоторых случаях - немедленно принять меры по предупреждению других преступлений [8, с. 3].

Тактические особенности осмотра места происшествия по кражам, совершенным из культовых зданий довольно подробно в своих трудах рассматривали такие ученые-криминалисты, как С.П. Щерба и С.А. Приданов [9, с. 62-79;5, с. 100-152], в частности, они обоснованно отмечают, что перед проведением осмотра места происшествия в русской православной церкви необходимо пригласить ответственное лицо из числа священнослужителей (настоятеля храма, епархиального архиерея и т.д.), так как они могут оказать неоценимую помощь при описании внутреннего устройства храма и предметов культа в нем, и все дальнейшие действия СОГ (следственно-оперативная группа) должна обязательно согласовывать с ними. Лица мужского пола должны находиться в помещении церкви без головного убора, даже если они имеют на себе форму сотрудника правоохранительных органов, женщины же должны быть с покрытой головой и им запрещается проходить в алтарную часть храма и находиться там. Категорически запрещается применение служебно-разыскной собаки в храме, не нарушать порядок в церкви (без надобности трогать и передвигать предметы церковной утвари, иконы и т.п.), а также не шуметь и не допускать словесные выражения, оскорбляющие чувства верующих. Вещественные доказательства изымать только с разрешения представителя церкви. При нахождении в алтарной части храма, запрещается обходить вокруг Святого Престола, прикасаться к нему или предметам, находящихся на нем, а также к Священным Сосудам

(нарушение этих правил считается святотатством, т.е. грубейшим осквернением церковных устоев).

Как правило, в начале осмотра места происшествия в протоколе осмотра перечисляются места повреждений в здании храма, взломы, перепиливания решеток, выбивание окон, разбор кирпичной кладки, крыши и т.д., а затем производится непосредственно осмотр мест проникновения [4, с. 34], либо указываются места, где находились ящики для пожертвований, из которых были похищены деньги, ювелирные изделия и т.п., что чаще и происходит в последнее время, так, например, в Ставропольском крае за август 2017 года было зарегистрировано две кражи из церквей и в обоих случаях были вскрыты ящики для пожертвований [1].

Мы же в своей статье хотим уделить внимание описанию внутреннего устройства православного храма и основных предметов культа, находящегося в нем [6, с. 6-200], так как это необходимо для обеспечения высокого качества составления и оформления протокола осмотра места происшествия, а также схемы-плана здания церкви, что по мнению В.М. Первушина способствует последовательности проведения осмотра, закреплению обстановки на месте, наглядности расположения объектов и узлов осмотра [4, с. 31, 100].

При рассмотрении внутреннего устройства православного храма, необходимо отметить такую важную особенность - хотя по своим архитектурным замыслам здания религиозного культа имеют большое разнообразие, расположение же частей интерьера и размещение предметов культа строго канонизировано [4, с. 31-32]:

- перед входными дверями в православный храм имеется небольшая площадка с несколькими ступенями – паперть;

- над входом в храм помещают икону Спасителя, Божией Матери или святого, во имя которого освящен храм;

- после входа в храм, имеется помещение – притвор, оно отделено от храма сплошной стеной с еще одними дверями, как правило, в современных храмах притвор небольшой, служит для сохранения тепла в церкви, в нем находится расписание богослужений, различного рода объявлений, здесь же находится свечной ящик – церковная лавка, где приобретают предметы церковной утвари, оформляют церковные записки и приводят в порядок свой внешний вид;

- через двустворчатые двери притвора попадаете непосредственно в среднюю часть храма, где находятся многочисленные образы, события Евангельской истории, ветхозаветные сюжеты, иконы, мозаика, хоругви и многочисленные светильники: паникадило, поликадила, подсвечники и светильники. В среднюю часть храма могут вести не только западные (царские) врата, но еще и два входа – с юга и севера; там же находится аналой (вытянутый четырехгранный столик с полунаклоненной крышкой), образ Голгофы (большой в рост человека, деревянный крест с образом распятого Спасителя и фигурами стоящих Богоматери и Иоанна Богослова) и канун (стол, покрытый металлической или мраморной плитой с ячейками для свеч и распятием); иконы расположены, в отличие от композиций настенной росписи, произвольно, на каждом образе (на окладе) по-церковнославянски написано, кто на нем изображен; иконостас – представляет собой

перегородку между алтарем и средней частью храма, на которой горизонтальными рядами (ярусами) размещены иконы;

- алтарная часть храма (алтарь – главная часть православного храма): в нем находится антиминс – четырехугольный освященный плат из шелковой или льняной материи с вшитыми частями мощей святых, как правило он обернут в илитон – красную материю. Антиминс лежит на престоле, представляющий четырехугольный стол высотой один метр (площадь зависит от размера алтаря) и покрытым двумя одеждами: нижней – катасарка и верхней – индития. Так же на престоле лежат: Евангелие, один или несколько крестов (напрестольные), дарохранительница и дароносица; за престолом стоят запрестольные крест, икона Богородицы и семисвечник; восточная точка алтаря называется горним местом, здесь установлено архиерейское кресло и скамьи для священников; слева от престола стоит стол – жертвенник, на нем находятся специальные сосуды (предметы): потир (Святая Чаша), дискос (блюдо). Копие (острый нож), лжица (ложечка с длиной ручкой), звездица (металлические крутые дуги в форме креста), покровцы и воздух (матерчатые покровы).

При осмотре вышеописанных предметов находящихся в алтаре, к которым прикасаться запрещено, а также поиска и изъятия следов рук на них, следует прибегнуть к помощи священнослужителя, который имеет право брать их в руки, но брать их надо таким образом, чтобы имеющиеся следы не были повреждены и специалист-криминалист мог с ними работать [3, с. 19-20].

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод: правильное описание, с соблюдением специфических особенностей, в протоколе осмотра места происшествия в ходе расследования краж внутреннего устройства храма и предметов культа, имеет важное доказательственное значение, оно способствуют установлению взаимодействия служителей церкви и органов дознания и может быть использовано при проверке всех выдвигаемых версий при расследовании дел данной категории.

Литература

1. 02 августа 2017 г. в Кочубеевском районе Ставропольского края мужчина похитил из церкви оставленные на пожертвование деньги и украшения. См.: Режим доступа: http://bloknot-stavropol.ru/news/posyagnul-na-svyatoe-krazha-pozhertvovaniy-iz-tser-869319; 09 августа 2017 г. в Зеленокумске Ставропольского края из церкви Казанской иконы Божией матери две злоумышленницы, находясь в церкви, похитили из ящика для пожертвований ювелирные изделия. См.: Режим доступа: http://yandex.ru/clck/jsredir?from.

2. Осмотр места происшествия: Практическое пособие /Под ред. А.И. Дворкина. – М.: Юристъ, 2001.

3. Особенности расследования преступлений, связанных с посягательствами на художественные и исторические ценности. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2007.

4. Первушин А.М. Расследование краж предметов антиквариата /А.М. Первушин: Пособие //Под ред. А.И. Гурова. Санкт-Петербургский Университет МВД России; Академия экономики и безопасности жизнедеятельности; ВНИИ МВД России. – СПб.: Фонд «Университет», издательство «Лексикон», 2001.

5. Приданов С.А., Щерба С.П. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование /С.А. Приданов, С.П. Щерба. – М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002.

6. Рудзиевская С. Православная энциклопедия /С. Рудзиевская. – М.: РОССА, 2015.

7. Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов /Под ред. В.А. Образцова. – М.: Юристъ, 1999.

8. Чулков И.А. Участие специалиста-криминалиста в осмотре места происшествия, связанного с применением огнестрельного оружия /И.А. Чулков: Лекция. – Волгоград: ВСШ МВД России, 1994.

9. Щерба С.П., Приданов С.А. Уголовно-правовая охрана предметов и документов, имеющих историческую, научную, художественную или культурную ценность /С.П. Щерба, С.А. Приданов: Практическое пособие //Под общ.ред. проф. С.П. Щербы. – М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 2000.

УДК 347.965

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОМ ДЕЯНИИ, СОВЕРШЕННОМ ЛИЦОМ В СОСТОЯНИИ НЕВМЕНЯЕМОСТИ

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE VERIFICATION OF A COMMUNICATION ABOUT A SOCIALLY DANGEROUS ACT COMMITTED BY A PERSON IN A STATE OF INSANITY

Ручина А.А., Академия управления МВД России, адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений

Ruchina A.A., Management Academy, Ministry for Internal Affairs of Russia, Adjunct, Department of Command of Investigation Divisions

e-mail: *alzaa91@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы установления вменяемости лица на стадии проверки сообщения о преступлении и целесообразности возбуждения уголовного дела в случае совершения общественно опасного деяния лицом в состоянии невменяемости.

Annotation: The article considers the issues of establishing the sanity of the person under examination reports of crime and expediency of the criminal proceedings in case of Commission of a socially dangerous acts by person in state of insanity.

Ключевые слова: Судебно-психиатрическая экспертиза, возбуждение уголовного дела, производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Key words: Forensic psychiatric examination, a criminal case, manufacture about application of forced measures of medical character.

Назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Данный правозащитный механизм должен работать во всех стадиях уголовного процесса, в том числе в стадии возбуждения уголовного дела, и в отношении всех субъектов, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений. Более того, некоторые категории участников уголовного судопроизводства нуждаются в дополнительных гарантиях своих прав и законных интересов.

Лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, совершившее это деяние в состоянии невменяемости, в силу своего заболевания является особым участником уголовного судопроизводства, требующим дополнительной правовой защиты. Исходя из этого, представляется небезынтересным обратиться к исследованию проблем, возникающих при проверке сообщения о преступлении и решении вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии невменяемости.

О совершении общественно опасного деяния лицом в состоянии невменяемости могут свидетельствовать данные о состоянии лица на учете у психиатра или нарколога, поведение лица в процессе проверки сообщения о преступлении, характер, совершенного им деянияи другие обстоятельства. Этиданные являются основаниями для назначения судебно-психиатрической экспертизы. Несмотря на то, что ч. 1 ст. 144 УПК РФ дает право следователю, дознавателю назначать судебную экспертизу в стадии возбуждения уголовного дела, п. 3 ст. 196 УПК РФ указывает на обязательное назначение судебной экспертизы только в отношении подозреваемого, обвиняемого. Таким образом, можно говорить о том, что законодатель исключает обязательность назначения судебно-психиатрической экспертизы при проверке сообщения о преступлении.

Ряд авторов придерживается точки зрения законодателя. Так, С. Шишков полагает, что характер вопросов, разрешаемых судебно-психиатрической экспертизой на этой стадии уголовного судопроизводства, выходит за пределы целей возбуждения уголовного дела[12]. Ж.А. Николаева говорит о том, что в ходе судебно-психиатрической экспертизы не устанавливаются данные, указывающие на признаки преступления, а, следовательно, не решаются задачи этой стадии[9]. Полагаем, что данная позиция нуждается в уточнении. В соответствии со ст. 14 УК РФ преступлением считается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания. Коль скоро основанием для возбуждения уголовного дела считается наличие *достаточных (выделено мной – А.Р.)* данных, указывающих на признаки преступления, то установление вины лица в полном объеме не обязательно. Однако установить некоторые (достаточные) данные о психическом отношении лица к совершенному им деянию все же необходимо. В этой связи приведем мнение А.В. Кудрявцева и О.Г. Кудрявцевой, которые полагают, что основанием возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на наличие признаков преступления. К этим признакам они относят: событие преступления, характер и размер вреда, а также данные лица, совершившего преступление и форму его вины[8]. Очевидно, что в данном случае речь идет о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица. Под виной понимаем определенное психическое отношение лица к своему поведению и его последствиям. Именно отношение лица к своим действиям и их последствиям и помогают установить результаты судебно-психиатрической экспертизы. Поэтому, не отрицая сложность проведения судебно-психиатрической экспертизы, ее трудоемкость, а также то, что при ее осуществлении существенно затрагиваются законные права и свободы участников уголовного судопроизводства, считаем, что нельзя исключать возможность проведения данного следственного действия в стадии возбуждения уголовного дела, так как результаты экспертизы позволяют установить один из признаков преступления – отношение лица, к совершенному им деянию.

В этой связи считаем необходимым п. 3 ст. 196 УПК РФ, регламентирующий обязательное назначение судебной экспертизы, изложить в следующей редакции «психическое или физическое состояние лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве». Кроме того, не можем не поддержать мнение М.Г.

Гайдашевой и И.О. Воскобойник о необходимости надлежащего обеспечения прав лиц, в отношении которых проводится судебная экспертиза до возбуждения уголовного дела и внесение соответствующих дополнений в уголовно-процессуальный закон[4].

Полагаем, что, в случае установления в ходе проверки сообщения о преступлении неспособности лица осознавать характер своих действий и руководить ими, ключевой вопрос, разрешаемый следователем, дознавателем либо органом дознания, должен касаться наличия основания для возбуждения уголовного дела. Мнения ученых-процессуалистов по данному вопросу также противоречивы.

Советский ученый Р.Д. Рахуновсчитает, что установление невменяемости лица, совершившего общественно опасное деяние, исключает возможность возбуждения уголовного дела[11]. С одной стороны, он прав, так как в данном случае отсутствуют такие элементы состава преступления как субъект и субъективная сторона, а как следствие нет достаточных данных о виновности лица для возбуждения уголовного дела. Но с другой стороны, виновность лица и форма его вины являются одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу путем осуществления определенных следственных действий. Полагаем, в данном случае следует говорить не об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления, а о возбуждении производства о применении принудительных мер медицинского характера. Однако этот вопрос правомерен только в случае, если лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, представляет опасность для себя и окружающих. Вполне согласуется с данным тезисом позиция Н.Ж. Жогина и Ф.Н. Фаткуллина, которые считают, что невменяемость лица, совершившего общественно опасное деяние, является основанием для отказа в возбуждении уголовного дела при отсутствии необходимости применения к душевнобольному принудительных мер медицинского характера[5]. Но опять же, решить вопрос о необходимости применения к лицу, совершившему общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, принудительных мер медицинского характера можно путем проведения судебно-психиатрической экспертизы. В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ, при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе назначить судебную экспертизу и получить заключение эксперта. Однако в своем заключении эксперт-психиатр лишь рекомендует применить принудительные меры медицинского характера к подозреваемому, обвиняемому. А суд в свою очередь, оценив заключение эксперта в совокупности с другими доказательствами, в соответствии с п.2 ч. 1 ст. 29 УПК РФ имеет право применить принудительные меры медицинского характера к лицу, совершившему общественно опасное деяние. Исходя из этого, полагаем, что производство о применении принудительных мер медицинского характера должно быть начато следователем с целью установления обстоятельств, необходимых для разрешения вопроса судом о необходимости применения данных мер.

Между тем В.В. Николюк, В.В. Кальницкий едины во мнении о том, что если лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, не представляет опасности для себя и окружающих лиц, товозбуждение уголовного дела и проведение расследования теряют свой смысл[10]. Думаем, что даже если лицо представляет опасность

для себя и окружающих лиц, для возбуждения уголовного дела может не быть оснований.Данные о том, что психическое расстройство связано с опасностью для самого лица и окружающих лиц является основанием для возбуждения производства о применении принудительных мер медицинского характера, а не возбуждения уголовного дела. Обратим внимание на п. 5 ч. 1 ст. 434 УПК РФ, в котором связь психического расстройства лица с опасностью для него и окружающих лиц входит в число обстоятельств, подлежащих доказыванию в производстве о применении принудительных мер медицинского характера. Следовательно, для доказывания данного обстоятельства обязательным является именно производство о применении принудительных мер медицинского характера. Оно осуществляется по правилам производства предварительного следствия с определёнными изъятиями.

Полагаем, нельзя оставить без внимания вопрос о возбуждении уголовного дела частного обвинения в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии невменяемости. Как мы уже говорили, в данном случае лицо не способно осознавать фактический характер своих действий и руководить ими, а значит, о таком признаке как вина речи идти не может. Следовательно, данному лицу обвинение не предъявляется. Исходя из этого, считаем некорректным говорить о возбуждении уголовного дела частного обвинения в отношении невменяемого лица. Однако в научных целях постараемся поразмышлять на эту тему.

Уголовное дело частного обвинения может быть возбуждено путем подачи заявления в суд. В таких случаях стороны самостоятельно собирают доказательства и представляют их в суде. Лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии невменяемости не всегда способно самостоятельно защищать свои права и законные интересы, а тем более собирать доказательства. Кроме того, в случаях, когда установлено, что лицо совершило общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или психическое расстройство наступило после совершения преступления, и лицо опасно для себя и окружающих лиц, то, согласно УПК РФ, производство предварительного следствия является обязательным. Однако М.Ш. Буфетова полагает, что в случае, когда суд посчитает возможным рассмотреть дело и разрешить его по существу без досудебного производства, то необходимость в производстве предварительного следствия отсутствует[2]. Смеем, не согласиться с данной точкой зрения. Согласно ч. 2 ст. 434 УПК РФ обстоятельства события совершенного деяния, причастность лица к совершению деяния, характер и размер вреда, причиненного деянием, наличие у лица психического расстройства и другое подлежит доказыванию путем производства следственных действий в ходе предварительного следствия. В обязанности суда не входит доказательство данных обстоятельств, в соответствии с ч. 2 ст. 319 УПК РФ мировой судья имеет право только оказать содействие в собирании доказательств, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно.

По-нашему мнению, в случае, когда у мирового судьи имеются основания полагать, что лицо, в отношении которого подано заявление, совершило общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или психическое расстройство наступило после совершения преступления, материалы должны быть направлены руководителю следственного органа для

решения вопроса о возбуждении производства о применении принудительных мер медицинского характера.

Подводя итог вышеизложенному отметим, что мы столкнулись с проблемой возбуждения уголовного дела в отношении невменяемого лица, так как в его деянии отсутствует такой признак преступления, как вина. Соответственно, у должностного лица (органа), рассматривающего сообщение о преступлении отсутствуют какие-либо данные об одном из ключевых признаков преступления и нет правовых оснований для возбуждения уголовного дела. В данном аспекте представляет интерес концепция реформы системы уголовного судопроизводства, предполагающей отказ от стадии возбуждения уголовного дела[1,3,7].По мнению ряда ученых, в последнее время самостоятельность данной стадии, обусловленная спецификой формы и содержания, возникающих и реализующихся в ходе нее правоотношений, фактически нивелируется. Следует согласиться, что закрепление в законе новых требований относительно содержания начального этапа уголовного судопроизводства определенным образом изменяет саму сущность рассматриваемой стадии процесса. Все более очевидной становиться единство форм, методов и средств, применяемых компетентными органами и их должностными лицами при проверке сообщения о преступлении и непосредственно в процессе расследования уголовного дела. Думается, что указанное обстоятельство, наряду с иными аргументами, дает основание ряду ученых-процессуалистов (С.Е. Вицин, Ю.Ю. Деришев, Б.Я. Гаврилов, И.Л. Петрухин) говорить о назревшей необходимости полной отмены стадии возбуждения уголовного дела и соответствующей реформы всей системы российского уголовного процесса. Не вступая в дискуссию по существу данных предложений мы, тем не менее, считаем возможным подчеркнуть, что сам тезис о несостоятельности устоявшегося требования, согласно которому все процессуально значимые решения, затрагивающие права и свободы участников процесса, принимаются исключительно после возбуждения уголовного дела, заслуживает внимания и требует дальнейшей научной разработки. Применительно к предмету данной статьи идея отказа от этапа проверки сообщения о преступлении может быть проиллюстрирована следующим образом. После поступления сообщение о преступления в орган дознания, дознавателю либо следователюсразу начинается производство следственных действий, в ходе которых устанавливается лицо, причастное к совершению общественно опасного деяния. Если у следователя, дознавателя появляется сомнение во вменяемости данного лица, то он обязан назначить судебно-психиатрическую экспертизу. После получения и оценки заключения эксперта-психиатра при наличии оснований выносится постановление о возбуждении производства о применении принудительных мер медицинского характера в отношении данного лица.

Литература

1. Александров А.С., Грачев С.А. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1. С. 101-107.

2. Буфетова М.Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: Дисс. . канд. юрид. наук / М.Ш. Буфетова. Иркутск, 2004.-194 с.

3. Гаврилов Б.Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1 (37).

4. Гайдышева М.Г., Воскобойник И.О. Некоторые аспекты назначения и производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 1.

5. Жогин Н.Ж., Фаткуллин Ф. Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1961. С. 142-143.

6. Красильников А.В. К вопросу о содержании стадии возбуждения уголовного дела // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1(33).

7. Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 56-58.

8. Кудрявцев А.В., Кудрявцева О.Г., К вопросу о порядке производства проверки сообщений о преступлениях // Пробелы в Российском законодательстве. 2013. № 2.

9. Николаева. Ж.А. Особенности законодательной регламентации назначения судебно-психиатрической экспертизы в ходе проверки сообщения о преступлении // Российская юстиция. 2016. № 4. С. 41.

10. Николюк В.В. Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера / В.В. Николюк, В.В. Кальницкий. Омск, 1990. С. 10.

11. Рахунов Р.Д. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном праве. М., 1954. С. 55.

12. Шишков С. Возможно ли производство судебно-психиатрической экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. 2013. № 10. С. 38.

УДК 343.1.

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
TO THE QUESTION ON THE INVESTIGATION OF PROOFS FOR STAGES OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Рясов А.А., Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России профессор кафедры криминалистики, кандидат юридических наук, доцент

Ryasov A.A., Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia Professor of the Department of Criminalistics, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

e-mail: *rdmitriy1972@mail.ru*

Закаляпина Л.А., Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук

Zakalyapina L.A., Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, teacher of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences

e-mail: *skgi_institut@mail.ru*

Уваров Н.А., Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, преподаватель кафедры криминалистики

Uvarov N.A., Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, teacher of the Department of Criminalistics

e-mail: *uvarov.igor@mail.ru*

Аннотация. Статья раскрывает основные проблемы и пути их решения при исследовании доказательств на стадии предварительного расследования. Рассматриваются факторы, влияющие на процесс исследования доказательств и порядок его производства.

Abstract. The article reveals the main problems and their solutions in the study of evidence in the preliminary investigation. Examines the factors that influence the process of examination of evidence and the procedure of its production.

Ключевые слова: доказательства, следственные действия, вещественные доказательства, предварительное расследовании.

Key words: evidence, investigations, preliminary investigation.

Каждое преступление оставляет следы, несущие информацию о нем. Следами являются материальные объекты и идеальные отпечатки расследуемого события. Они возникают как последствия совершаемых конкретными лицами преступных деяний, связаны с происшедшим преступлением, доказывают его реальность и свидетельствуют об объективных свойствах окружающего нас материального мира, указывают на форму, вид и другие свойства объектов и предметов, а также на их взаимодействие между собой и не могут существовать и сохраняться вне материальных носителей и мысленных образов в

сознании людей.

Возникновение доказательств представляет собой не что иное, как разновидность процесса отражения преступления. Вот почему исследованию должны подвергаться лишь те отражающие объекты, которые запечатлели следы преступного события.

Процесс исследования доказательств включает в себя изучение их с точки зрения относимости, допустимости, согласованности с другими доказательствами, определение достоверности, достаточности, а также установление возможности использования в ходе расследования по уголовному делу.

Сущность исследования доказательств можно рассматривать в трех аспектах: уголовно-процессуальном, криминалистическом и оперативно-розыскном.

Исследование с точки зрения уголовного процесса осуществляется в определенных процессуальных рамках (проведение следственных действий), игнорирование которых ведет к потере доказательственной значимости фактических данных по уголовному делу [2]. Характерной особенностью процессуальной стороны исследования доказательств является то, что оно проводится группой субъектов (участниками процесса). Процессуальная сторона в исследовании доказательств является определяющей. Именно она указывает цели и задачи этого исследования, предписывает условия и порядок производства предварительного расследования в целом.

Сущность криминалистического аспекта исследования доказательств заключается в применении (на основе и в пределах требований уголовно-процессуального закона) разработанных криминалистикой и апробированных практикой методов, приемов, способов и средств в целях познания предметов и явлений преступного события для установления истины по уголовному делу. Вырабатываемые криминалистикой конкретные рекомендации используются для собирания, фиксации, проверки, исследования и оценки доказательств, что является необходимым условием быстрого, всестороннего, полного и объективного расследования преступлений, изобличения виновных и ограждения невиновных от необоснованных обвинений.

Специфика оперативно-розыскной стороны исследования доказательств заключается в том, что информация, получаемая в результате применения оперативно-розыскных мер, может способствовать установлению официальных источников доказательств о преступлении и лицах, его совершивших. Информация, получаемая оперативно-розыскным путем, может быть трансформирована и в судебные доказательства лишь после придания ей процессуальной формы [1, 5].

Исследование доказательств производится и в целях обнаружения новых источников доказательств, собирания и исследования новых фактических данных, их оценки и использования в качестве судебных доказательств, на основе которых формируется вывод о доказанности (недоказанности) конкретного преступления и о виновности (невиновности) лиц, его совершивших.

Таким образом, под исследованием доказательств следует понимать часть процесса доказывания, заключающуюся в познании информации, составляющей содержание доказательств, в целях установления их достоверности, относимости, допустимости и достаточности по уголовному делу.

Так или иначе, процесс исследования доказательств осуществляется хотя и постоянно, но поэтапно, в зависимости от принятия соответствующего промежуточного или итогового процессуального решения (о возбуждении уголовного дела, предъявлении обвинения, составлении обвинительного заключения и пр.). Особенностью такого поэтапного исследования доказательств является обязательное исследование элементов предмета доказывания как при построении и проверке следственных версий, планировании расследования, выявлении новых участников преступного события, так и при ознакомлении обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы и допуске его к участию в таковой, отказе обвиняемого от признания своей вины, изменении обвинения и т. п. Во всех этих случаях тактически грамотное и последовательное исследование элементов предмета доказывания может способствовать принятию правильных процессуальных решений, а это, в свою очередь, послужит основанием для получения новых исчерпывающих источников доказательств.

Чтобы исследовать отдельные и в совокупности собранные по делу доказательства, необходимо строго придерживаться разработанной криминалистикой методики [7]. Методика исследования - это совокупность методов, приемов, правил и рекомендаций в целях всестороннего, полного и объективного исследования полученных по делу доказательств. Она помогает следователю: разобраться в сущности расследуемого события; доказать виновность (невиновность) конкретного лица; определить размер причиненного материального ущерба или моральный вред (степень тяжести телесных повреждений), установить обстоятельства, отягчающие или смягчающие уголовную ответственность; выявить причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и другие имеющие значение для дела обстоятельства.

Процесс исследования доказательств представляет собой постоянное движение от известных фактов к фактам неизвестным, пока все существенные обстоятельства не будут установлены.

Решение проблемы исследования отдельных видов доказательств на стадии предварительного расследования связано с деятельностью следователя (дознавателя) по анализу показаний допрашиваемых лиц, вещественных доказательств, документов и заключений экспертов и специалистов.

Сущностью криминалистического исследования показаний, даваемых свидетелями, потерпевшими, подозреваемыми и обвиняемыми при допросах, очных ставках, предъявлениях для опознания и т. п., является проверка достоверности сообщаемых допрашиваемыми сведений о событии преступления и лицах, его совершивших [3]. Сведения, содержащиеся в показаниях допрашиваемых лиц, имеют доказательственную силу лишь в том случае, если они зафиксированы с соблюдением процессуальной формы в протоколе соответствующего следственного действия.

Следователь (дознаватель), исследуя показания допрашиваемых лиц, должен выяснить: а) является ли сообщаемая ими информация об источниках доказательств объективно правильной; б) точно ли воспринята информация; в) правильно ли воспроизведена в памяти; г) точно ли передается; д) не содержит ли заведомо ложных сведений; е) подтверждается или опровергается другими доказательствами по делу. Чтобы

убедиться в достоверности получаемой в ходе допроса информации, нужно провести всесторонний анализ показаний допрашиваемого, сопоставить их с другими доказательствами, установить их взаимосвязь и совпадение, а при отсутствии таковых выяснить причину противоречий.

При исследовании показаний, явно искаженно воспроизводящих действительное положение вещей, следователю (дознавателю) надлежит тщательно разобраться в причинах, обусловивших такие показания допрашиваемых. Здесь важное значение имеет изучение личности допрашиваемых, чтобы убедиться, насколько способно то или иное лицо дать правдивые и объективно достоверные показания об известных ему по делу обстоятельствах преступления, насколько оно беспристрастно, не склонно ли оно к лживости и т. п.

При совпадении информации в показаниях всех допрашиваемых следователь сопоставляет ее отдельные детали. В случае несовпадения он путем повторного допроса уточняет их.

В завершающей стадии расследования опять анализируются всесторонность, полнота и объективность содержащихся в показаниях фактических данных. При этом проверяется, допрошен ли оптимальный круг участников происшествия, нет ли в их показаниях противоречий и необходимости дополнительного допроса отдельных лиц или производства между ними очной ставки.

Процесс исследования вещественных доказательств и документов представляет собой цепь логических операций, посредством которых выясняются подлинность соответствующего предмета, его относимость к уголовному делу, т. е. факт, устанавливаемый поместу его обнаружения, принадлежности определенному лицу. Исследование вещественных доказательств осуществляется для выяснения тех или иных обстоятельств по уголовному делу, а полученные при этом выводы используются следователем (дознавателем) как в качестве средства доказывания, так и для выдвижения и проверки версий, определения путей расследования, оценки имеющихся доказательств.

Основную массу вещественных доказательств и документов дают осмотры мест происшествий. Поэтому уже в процессе указанного следственного действия деятельность следователя (дознавателя) должна быть активной и сводиться к логически правильному осмыслению обнаруженного, анализу обстоятельств, выявленных в ходе осмотра, изучению механизма следообразования, исследованию следов и предметов, обнаруженных при осмотре, сопоставлению их с другими фактическими данными [7].

При осмотре места происшествия следователь (дознаватель) производит предварительное изучение выявленных признаков следов и объектов; намечает программу и последовательность дальнейшего их исследования; определяет, с каких объектов начать такое исследование; выясняет, какие потребуются для этого технические средства. Осмотр должен проводиться тщательно, ибо все последующие исследования будут во многом зависеть от его качества, и всякая допущенная следователем (дознавателем) небрежность пагубно скажется на ходе и результатах планируемого расследования.

В ходе расследования немаловажное значение имеет исследование доказательств, полученных при осмотре предметов, документов и других материальных объектов, изымаемых в процессе обыска, выемки, при производстве других следственных действий.

Для обнаружения следов преступления и получения доказательственной информации используются различные технические средства, с помощью которых можно наблюдать отдельные свойства и признаки предметов. Такое исследование не должно вести к утрате или повреждению следов.

Исследуя письменные документы, следователь (дознаватель) изучает их реквизиты, соответствие ГОСТам и стандартам, сравнивает путем совмещения или сопоставления экземпляры этих документов с целью обнаружения признаков подчисток, травлений, дописок, исправлений и других фальсификаций и восстановления подлинного (первичного) текста по его материально фиксированным отображениям.

Процесс исследования материальных объектов и документов завершается описанием в протоколе следственного действия всех выявленных признаков и особенностей, имеющих значение для расследуемого уголовного дела [4].

Одной из важнейших проблем исследования доказательств следователями (дознавателями) является проблема рационализации протоколирования (документирования) следственных действий и собираемой в процессе этого доказательственной информации, а также непосредственного исследования протоколов следственных действий.

Большой практический интерес представляют исследования заключения экспертов. Исследование заключения эксперта, как и исследование всякого доказательства, включает в себя проверку соответствия выводов эксперта другим собранным по делу доказательствам и анализ самого заключения. В этих целях следователь (дознаватель) сравнивает доказательственную информацию, содержащуюся в заключении эксперта, с доказательствами, находящимися в уголовном деле, выясняет логическую структуру и научную обоснованность применяемых экспертом методов исследования, его аргументированность и полноту, проверяет достоверность материалов, использованных экспертом в исследовании объектов экспертизы. Одновременно проверяется соблюдение процессуальной стороны проведенного экспертом исследования, устанавливается причинная связь между признаками исследуемых экспертом объектов, механизмом их образования и материалами уголовного дела. На основе такого исследования следователь (дознаватель) может согласиться с выводами эксперта и использовать заключение эксперта в качестве самостоятельного источника доказательств либо не согласиться и назначить повторную или дополнительную экспертизу, заключение которой анализируется аналогичным способом.

Рассматриваемые проблемы не исчерпывают тему исследования доказательств на стадии предварительного расследования. Заслуживают внимания ученых и такие вопросы, как участие представителей общественности [6] в получении и исследовании доказательственной информации; выявление, предупреждение и искоренение из деятельности следственных аппаратов и органов дознания ошибок и другие проблемы [8].

Литература

1. Аветисян А.Д. Особенности разрешения проблем следователем в стадии возбуждения уголовного дела / А.Д. Аветисян, А.С. Чернова // Проблемы уголовного преследования в уголовном судопроизводстве на современном этапе: сборник материалов межведомственного научно-практического круглого стола / под ред. А.Д. Аветисян. - 2016. -

С. 9-14.

2. Аветисян А.Д. Проблемы использования следователем результатов оперативно-розыскной деятельности в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования / А.Д. Аветисян // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2016. - № 1 (33). - С. 69-74.

3. Гонтарь С.Н. Особенности повреждений и смерти от действия высокой температуры на организм человека / С.Н.Гонтарь, А.А.Рясов, Г.Г.Жигалова // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. - 2016. - № 2. - С. 223-227.

4. Жигалова Г.Г. Современные методы исследования, применяемые в судебной медицине / Г.Г. Жигалова, Н.Г. Радзиевская // Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: материалы X Всероссийского научно-практического круглого стола, 26 февраля 2016 г. – Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2016.

5. Лифанова Л.Г. К вопросу об использовании сведений, полученных до возбуждения уголовного дела, в процессе доказывания / Л.Г.Лифанова // Вестник СевКавГТИ. - 2016. - Т. 1. - № 4 (27). - С. 89-91.

6. Медведицкова Л.В. Опыт эффективного взаимодействия населения и полиции в зарубежных странах в процессе профилактики и раскрытия преступлений / Л.В.Медведицкова, В.В.Зубенко // Мир науки, культуры, образования. - 2016. - №1 (56). - С. 199-201.

7. Рясов А.А. Особенности установления причин пожаров / А.А.Рясов, Н.А.Уваров // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. - 2016. - №2. - С. 287-290.

8. Закаляпина Л.А. Предупреждение преступности в городах-курортах России: монография [Текст] / Л.А. Закаляпина. – Ставрополь: Ставролит, 2015. – 200 с.

УДК 343.1

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СИСТЕМЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
OPPOSITION TO THE SYSTEM OF FINANCING INTERNATIONAL TERRORIST AND EXTREMIST ORGANIZATIONS

Рясов Д.А., Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, доцент кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук, доцент

Ryasov D.A., Stavropol branch of Krasnodar University Ministry of internal Affairs of Russia, associate Professor of criminal law and criminology, candidate of legal Sciences, associate Professor

e-mail: *rdmitriy1972@mail.ru*

Аннотация: Рассматриваются современные формы осуществления финансирования террористической деятельности, анализируются нормативно-правовой комплекс, составляющий основу противодействия финансирования терроризма.

Annotation: The article Considers the modern forms of terrorist financing, the author analyzes the normative-legal complex, which is the basis of combating the financing of terrorism.

Ключевые слова: терроризм, финансирование деятельности, преступление, финансовые средства, международное сотрудничество, теневая экономика.

Keywords: terrorism, financing activities, crime, funding, international cooperation, shadow economy

Финансирование террористической деятельности представляет собой сложную процедуру трансфера финансовых средств, включающую множество операций, совершаемых разными методами, которые постоянно совершенствуются. Методы и источники финансирования варьируются от страны к стране, от региона к региону, от террористической группы к террористической группе.

В недавнем прошлом одним из источников финансирования была поддержка его определенными странами. Однако реакция межгосударственных сообществ, в первую очередь ООН (например, использование экономических санкций), помогла убедить государства-спонсоры (Ливия, Судан) отказаться от финансирования терроризма. Но определенные страны до сих пор сохраняют финансирование.

Помимо государственной помощи террористические организации финансируются также частным капиталом легального бизнеса и теневой экономики.

Потребность в финансировании напрямую зависит от размеров террористических организаций, сильно разнясь между организациями. Финансирование необходимо не только для осуществления конкретных террористических операций, но и для развития террористической организации, обеспечения ее текущей деятельности и создания условий, позволяющих заниматься террористической деятельностью и в дальнейшем.

Расходы на осуществление террористических операций являются, по сравнению с наносимым ими ущербом, относительно небольшими. По настоящему крупные расходы связаны с обеспечением текущей деятельности всей террористической организации или отдельного подразделения, вербовкой новых членов, планированием и материально-техническим снабжением. Для обеспечения функционирования международных террористических сетей и достижения поставленных ими целей необходима хорошо развитая инфраструктура. Для создания такой инфраструктуры, продвижения идеологии терроризма и финансирования законной деятельности, служащей террористическим организациям прикрытием, требуются значительные средства.

Террористы успешно приспосабливаются к изменяющимся условиям и находят новые способы обеспечения своих потребностей в финансировании.

Для этого используются законные источники получения денежных средств, в том числе благотворительные организации и законные виды бизнеса, а также средства, предоставляемые самими террористами.

Для получения необходимых средств террористы также занимаются преступной деятельностью различного вида и масштаба – от мелких преступлений до организованного мошенничества, получают денежные средства из государств, поощряющих терроризм, зарабатывают деньги в недееспособных государствах и на территориях, безопасных для террористических организаций.

Террористы имеют в своем арсенале множество средств, позволяющих перемещать денежные средства как в пределах одной организации, так и между различными структурами, в том числе с помощью финансового сектора, за счет перемещения наличных средств перевозчиками наличности, за счет перемещения товаров через систему торговли. Благотворительные организации и альтернативные системы перевода денежных средств также используются террористическими организациями для сокрытия средств, предназначенных для финансирования терроризма. Приспособляемость и умение находить альтернативные решения, присущие террористическим организациям, свидетельствуют о том, что на сегодняшний день любой из существующих способов перевода денежных средств абсолютно безопасным не является.

Перекрытие каналов, использующихся террористами для перемещения денежных средств, создает для них серьезные препятствия, ограничивает их возможности и мешает им осуществлять свои планы. Для этого необходимы как системные средства защиты финансовой системы от преступных действий, так и целевые экономические санкции, вводимые на основе разведывательной информации, предоставленной органами по борьбе с терроризмом.

В настоящее время подробно рассматриваются связи между финансовыми инструментами и антитеррористической деятельностью: эффективность усилий, предпринимаемых властями для обнаружения и расследования террористической деятельности, существенно повышается, если наряду с разведывательной информацией используются также и финансовая информация.

В данном направлении определены области, в которых следует сосредоточить усилия для активизации борьбы с финансированием террористической деятельности.

Так, в последнее время, все большую практику принимают случаи вербовки и обучения террористов, а также координации их деятельности, посредством использования сети Интернет.

В большинстве случаев террористические организации могут привлекать средства, используя для этого законные источники (включая благотворительные организации и законные виды бизнеса, а также средства, предоставляемые самими террористами), занимаясь преступной деятельностью, принимая средства от государств, поощряющих терроризм, зарабатывая деньги в недееспособных государствах и на территориях, безопасных для террористических организаций[1].

Вышеперечисленные источники финансирования можно разделить на два основных типа:

1. Финансирование сверху, при котором большие объемы финансовой помощи предоставляются централизованно – государствами, компаниями, благотворительными учреждениями или сочувствующими кредитно-финансовыми учреждениями;
2. Финансирование снизу, при котором привлечение средств на нужды террористов ограничено и рассредоточено, например, финансирование за счет средств самих террористов (получаемой ими заработной платы или социальных выплат).

Значительную часть финансовой поддержки террористические организации получают из законных источников (к которым, среди прочего, относятся благотворительные организации и коммерческие предприятия), а также из средств, предоставляемых самими террористами и их сообщниками (заработная плата, сбережения и социальные выплаты).

В связи с этим возникло такое понятие, как «делегализация», когда законные средства, например деньги благотворительных учреждений, государственные дотации и пособия по социальному обеспечению используются для обострения напряженности, вербовки новых кадров или совершения терактов.

Благотворительные или некоммерческие организации обладают характеристиками, делающими их привлекательными в глазах террористов и уязвимыми для неправомерного использования в целях финансирования террористической деятельности. Им доверяет общество, они имеют доступ к источникам финансирования, а их деятельность зачастую предполагает использование большого количества денежных средств. Более того, некоторые благотворительные организации работают во многих странах мира, осуществляя свою деятельность и финансовые операции, как в пределах отдельной страны, так и в разных странах – зачастую в непосредственной близости от районов интенсивной террористической деятельности. И, наконец, так как благотворительные организации являются нефинансовыми учреждениями, применяемые к ним нормативные требования (например, в отношении начального капитала, профессиональной аттестации, проверок биографических данных сотрудников или членов правления при регистрации, непрерывного ведения документации, учета и мониторинга), являются более лояльными (в зависимости от страны и правовой формы благотворительной организации) по сравнению с кредитно-финансовыми учреждениями и публичными компаниями.

При разработке ключевых финансовых стандартов борьбы с терроризмом, сотрудники ФАТФ пришли к выводу, что «неправомерное использование некоммерческих организаций

для финансирования терроризма является наиболее слабым звеном международных усилий, направленных на искоренение такого финансирования у источника его возникновения»[2].

Благотворительные организации подвержены указанным рискам в различной степени и, следовательно, отличаются друг от друга в плане нестандартных характеристик, которые могут быть обнаружены и использованы для выявления случаев финансирования террористов.

В большинстве случаев неправомерное использование благотворительных организаций бывает трех типов:

1. Изменение назначения (вывод) средств мошенническим способом – например: спонсорам говорят о том, что они жертвуют деньги для сирот, тогда как в действительности благотворительная организация использует эти деньги для финансирования террористов. Такое мошенничество может практиковаться наряду с реальной благотворительностью, и все остальные аспекты деятельности благотворительной организации может оставаться законными;

2. Использование полностью фиктивного предприятия (выдающего себя за законное благотворительное учреждение) в качестве подставной организации, служащей террористическим группировкам в качестве прикрытия;

3. Масштабное использование – например, благотворительная организация действительно занимается сбором средств для приобретения продуктов питания для детей-сирот, но делает это через специальную террористическую организацию.

Лицо осуществляющее коммерческую деятельность, финансирующее террористов, использовало полученные им прибыли, полученные в результате осуществления противоправной деятельности, для предоставления материальной поддержки террористической организации.

Кредитно-финансовые учреждения и иные организации - поставщики финансовых услуг, деятельность которых регулируется, представляют собой законный финансовый сектор и являются основным каналом, используемый дляосуществления розничных и коммерческих транзакций. Помимо этого, услуги и продукты, реализуемые через законный финансовый сектор, также могут использоваться для перемещения денежных средств, направленных на поддержку террористических организаций и финансирования терактов. Скорость и простота перемещения денежных средств с помощью международной финансовой системы позволяют террористам (действия которых зачастую остаются незамеченными) эффективно перемещать средства как внутри той или иной страны, так и за ее пределами.

Используя законные финансовые учреждения в сочетании с другими механизмами (такими как, например, оффшорные компании), террористы могут получить прикрытие, необходимое им для осуществления соответствующих операций и легализации денежных средств, полученных преступным путем.

Как показывает практика, механизмы перевода денежных средств (далее ПДС) являются излюбленными средствами террористов, использующими их для финансирования своей деятельности. Операции ПДС включают в себя разные по масштабу механизмы, начиная с крупных регулируемых механизмов перевода денежных средств, использующихся

в законном финансовом секторе, и заканчивая небольшими альтернативными системами перевода. Под переводом средств понимается любая финансовая транзакция, совершенная для какого-либо лица кредитно-финансовым учреждением с помощью электронных средств связи с целью предоставления определенной суммы какому-либо лицу в другом кредитно-финансовом учреждении.

Анализ ряда терактов позволил установить, что радикальные группировки, а также лица, связанные с террористическими организациями, для перевода и получения денежных средств использовали сеть легальных компаний по переводу денег, работающих по всему миру. Анализ таких операций позволил властям лучше понять, с кем контактировали террористы, и определить масштабы таких сетей. Создание государственно-частных партнерств с организациями по переводу денег позволяет получать доступ к ценной финансовой информации о деятельности таких сетей по всему миру[3].

Развитие технологий платежных систем оказало двойственный эффект на возможность злонамеренного использования таких систем лицами, занимающимися финансированием терроризма, а также лицами, занимающимися легализацией незаконных средств. С одной стороны, системы электронных платежей расширяют возможности правоохранительных органов по отслеживанию отдельных транзакций с помощью электронных данных, которые автоматически генерируются, сохраняются и (или) передаются при совершении транзакции. С другой стороны, новые технологии имеют ряд характеристик, весьма привлекательных для потенциальных террористов или лиц, занимающихся легализацией незаконных средств. Например, увеличение скорости и объемов денежных переводов в сочетании с несоблюдением соответствующих стандартов регистрации, хранения ключевой информации и передачи данных при совершении транзакций может являться тем препятствием, которое лишит следственные органы возможности обратного контроля таких транзакций.

Физическое перемещение наличных средств является одним из способов, с помощью которых террористы могут перемещать средства в обход мер, применяемых кредитно-финансовыми учреждениями для противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма.

Пресечение каналов финансирования ставит террористов в неблагоприятные условия, ограничивая их возможности. Террористы привлекают и перемещают деньги, используя известные методы, с каждым из которых можно бороться с помощью различных средств.

В своих ранних работах по противодействию финансированию терроризма специалисты ФАТФ прежде всего пытались определить общие черты, характерные для таких видов деятельности, как отмывание денег и финансирование терроризма. В частности, было обнаружено, что у них имеются схожие цели, заключающиеся в сокрытии финансовых ресурсов и осуществляемых действий от властей, для чего используются схожие приемы и методы.

На основании опыта и исследований, проведенных специалистами ФАТФ и разведывательными органами, было установлено, что отмывание денег и финансирование террористической деятельности представляют собой два отличных друг от друга вида деятельности, и что меры, успешно использующиеся для обнаружения и пресечения случаев

отмывания денег, являются менее эффективными в борьбе с финансированием терроризма, за исключением случаев, когда такие меры применяются в сочетании с дополнительной информацией.

Другие задачи, на которые необходимо обратить внимание помимо прочего, в настоящее время следует предпринять расширение возможностей по обнаружению и противодействию террористической деятельности:

- Следует рассмотреть способы включения кредитно-финансовыми учреждениями антитеррористической информации (такой как, например, информация о зонах повышенного риска, информация о деятельности и лицах, могущих представлять опасность) в использующиеся ими процедуры и модели риска, предназначенные для обнаружения деятельности, связанной с финансированием терроризма.

- Повышение уровня осведомленности: необходимо обеспечить четкое понимание различий между такими понятиями как «финансирование терроризма» и «легализация денежных средств, полученных преступным путем». Эффективное осмысление такого понятия как «финансирование терроризма» может быть достигнуто за счет совместных усилий всего антитеррористического сообщества, которые бы позволили всем его участникам выработать четкое представление о потребностях террористических организаций в финансировании и об использующихся ими методах, и осознать важность использования финансовой информации в сочетании с разведывательной информацией.

- Усиление роли финансовой разведки: одной только финансовой информации для эффективной борьбы с терроризмом недостаточно. При этом использование финансовой информации в сочетании с информацией финансовой разведки может существенно расширить возможности по обнаружению и пресечению террористической деятельности.

Литература

1. Коровин Е.П. Проблемные вопросы квалификации финансирования терроризма // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: материалы научно-практической конференции. М.: Российская криминологическая ассоциация; Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – С. 249.

2. Об отчете ФАТФ по типологиям отмывания преступных доходов и финансирования терроризма за 2013-2014гг. // Вестник Банка России от 25 августа 2014г. – №51

3. Рясов А.И. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма: особенности квалификации // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: материалы научно-практической конференции. – М.: Российская криминологическая ассоциация; Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – С. 254.

УДК 343.985(075.8)

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ЛИНИИ БОРЬБЫ С КРАЖАМИ, СОВЕРШАЕМЫМИ НА ОБЪЕКТАХ ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА

TO THE QUESTION OF THE ORGANIZATION OF INTERNAL AND EXTERNAL COOPERATION IN INVESTIGATIVE ACTIVITIES TO FIGHT AGAINST THEFTS COMMITTED ON THE AIR TRANSPORT OBJECTS

Сафонов Н.В., Академия управления МВД России, адъюнкт кафедры организации оперативно-разыскной деятельности

Safonov N.V., Academy of Management of the Interior Ministry of Russia, postgraduate student of the Department of Operational-investigative activity

e-mail: *n-safonov@mail.ru*

Аннотация: Рассмотрена важность организации внутреннего и внешнего взаимодействия при борьбе с кражами, совершаемыми на объектах воздушного транспорта. Определены виды взаимодействия. Вносятся предложения по решению имеющихся проблем для повышения эффективности борьбы с рассматриваемыми преступлениями.

Annotation: The article describes the importance of the organization's internal and external cooperation in the fight against thefts committed on air transport. It considers the types of interaction. Proposals are made to solve existing problems to improve the effectiveness of the fight against considered crimes.

Ключевые слова: организация; взаимодействие; оперативно-розыскная деятельность; кражи, совершаемые на объектах воздушного транспорта.

Key words: organization; cooperation; operational-investigative activity; thefts, committed on air transport.

Результативность ОРД (оперативно-розыскной деятельности) по линии борьбы с кражами, совершаемыми на объектах воздушного транспорта, в настоящее время, может быть достигнута только путём комплексного использования всех сил и средств ОВД (органов внутренних дел) при постоянном совершенствовании организации деятельности по данному направлению. Вместе с тем, одним из основных факторов, влияющих на эффективность ОРД подразделений по линии борьбы с данными кражами, является качество организации взаимодействия с другими правоохранительными органами (их оперативными подразделениями); следственными подразделениями; государственными органами власти и управления; органами местного самоуправления; организациями и предприятиями, а также с другими субъектами, с которыми возникает потребность во взаимодействии.

Вопросы, связанные с организацией взаимодействия оперативных подразделений, постоянно находятся в центре внимания сотрудников ОВДи научных деятелей,

исследующих проблемы, связанные с повышением эффективности ОРД органов и подразделений внутренних дел. И те, и другие пришли к выводу, что разобщённость при осуществлении ОРД не способствует достижению эффективных результатов в борьбе с преступностью[1]. Поэтому, от решения вопросов взаимодействия зависит и результативность ОРД ОВД по борьбе с кражами, совершаемыми на объектах воздушного транспорта.

Содержание взаимодействия по линии борьбы с кражами, совершаемыми на объектах воздушного транспорта, необходимо классифицировать по целому ряду оснований: 1) по отношению к системе МВД РФ; 2) по уровням системы МВД РФ; 3) по этапам осуществления (по формам); 4) по видам деятельности; 5) по режиму; 6) по времени; 7) по характеру связей и т.д. Каждое из оснований также имеет свою классификацию в соответствии с типологическими характеристиками. Данное разделение взаимодействия по определённым признакам имеет не только значение для теории организации ОРД, но и прикладное значение для практической работы, так как ориентированность в типологии взаимодействия даёт возможность найти оптимальный вариант организации ОРД при борьбе с кражами, совершаемыми на объектах воздушного транспорта.

Исходя из приведённой классификации, в данной статье будет рассмотрен блок взаимодействия *по отношению к системе МВД РФ*. Основываясь на выработанной наукой подходах, а также результатах проведённого нами исследования, разделим данное взаимодействие на внешнее и внутреннее.

К *внутреннему* взаимодействию, относятся взаимодействие оперативных подразделений, осуществляющих борьбу с кражами, совершаемыми на объектах воздушного транспорта с: а) ОВД по муниципальным образованиям; б) другими ОВД на воздушном транспорте (в частности с их оперативными подразделениями, осуществляющими аналогичную борьбу на своём участке оперативного обслуживания); в) ОВД на железнодорожном и водном транспорте; г) другими подразделениями внутри ОВД на транспорте [3].

Выделим принципы внутреннего взаимодействия: постоянная направленность согласованных действий на достижение положительных результатов в борьбе с кражами, совершаемыми на объектах воздушного транспорта, и решение вопросов в интересах взаимодействующих сторон; комплексное использование имеющихся в распоряжении сил и средств; деятельность каждого участника взаимодействия, в пределах своей компетенции при строгом соблюдении законности; согласованность планирования мероприятий, проводимых во взаимодействии с другими подразделениями и службами; непрерывность взаимодействия [2].

Внутреннее взаимодействие должно осуществляться в разнообразных формах, это во многом объясняется многогранностью ОРД по борьбе с кражами, совершаемыми на объектах воздушного транспорта. Назовём основные из них: 1) Обмен информацией и оперативными сведениями о фактах и характере краж, совершаемых на объектах воздушного транспорта. (Эта форма предполагает, что полезная для субъекта взаимодействия информация должна самостоятельно передаваться заинтересованному субъекту без ожидания запросов и непосредственного обращения. В ходе анкетирования должностных лиц, осуществляющих

борьбу с кражами, совершаемыми на объектах воздушного транспорта, установлено, что чаще всего внутреннее взаимодействие осуществляется с оперативными подразделениями других ОВД на транспорте (24,1%) и оперативными подразделениями ОВД по муниципальным образованием (20,1%), это подтверждает, что лица, совершающие кражи на объектах воздушного транспорта, представляют оперативный интерес и для других оперативных подразделений, осуществляющих борьбу с преступностью). 2) Обсуждение проблем, связанных с борьбой с кражами, совершаемыми на объектах воздушного транспорта в рамках, совместных с другими подразделениями оперативных совещаний. 3) Проведение совместных операций, требующих комплексного использования сил и средств по борьбе с рассматриваемыми кражами. 4) Создание оперативных групп для решения конкретных задач по фактам краж, совершённых на объектах воздушного транспорта, вызывающих повышенный общественный резонанс. 5) Создание следственно-оперативных групп. 6) Согласованное планирование совместных мероприятий по борьбе с кражами, совершаемыми на объектах воздушного транспорта [4]. 7) Оказание помощи оперативным подразделениям, осуществляющим борьбу с кражами, совершаемыми на объектах воздушного транспорта.

К *внешнему* взаимодействию, исходя из указанной нами позиции по отношению к МВД РФ, относятся взаимодействие с: а) правоохранительными органами России; б) государственными органами, осуществляющим контрольно-надзорные функции; в) судами (районные, городские, областные, общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судья); г) органами местного самоуправления; д) службами авиационной безопасности аэропортов и авиапредприятий; е) предприятиями и организациями (любых организационно-правовых форм и форм собственности); ж) средствами массовой информации; з) отдельными гражданами; и) взаимодействие с правоохранительными органами различных государств (международное и межгосударственное).

В ходе анкетирования специалистов, осуществляющих рассматриваемую деятельность, установлено, что чаще всего внешнее взаимодействие происходит с подразделениями служб авиационной безопасности (28,1%) и с оперативными подразделениями Федеральной службы исполнения наказания России (22,4%). Данные показатели опроса закономерны, так как подразделения служб авиационной безопасности заинтересованы в решении проблемы краж, совершаемых на объектах воздушного транспорта, а оперативные подразделения службы исполнения наказания представляют оперативно значимую информацию от лиц, отбывающих наказания за аналогичные преступления.

Исходя из анализа результатов проведённого нами исследования, выделим основные и общие для всех субъектов принципы внешнего взаимодействия: соблюдение законности; направленность взаимодействия на повышение эффективности в достижении конечных результатов правоохранительной деятельности; наиболее действенное использование имеющихся сил, средств и возможностей для достижения результатов, охватываемых взаимным интересом; устранение дублирования и конкуренции в деятельности субъектов взаимодействия; осуществление деятельности каждого субъекта взаимодействия в пределах своей компетенции.

К формам внешнего взаимодействия оперативных подразделений, осуществляющих борьбу с кражами, совершаемыми на объектах воздушного транспорта, с иными правоохранительными органами относятся: 1) Использование возможностей правоохранительных органов для повышения эффективности борьбы с кражами, совершаемыми на объектах воздушного транспорта. 2) Проведение совместных мероприятий для устранения причин совершаемых краж, и выработка эффективных способов данной борьбы. 3) Проведение совместных семинаров, конференций по вопросам организации и тактики предупреждения, выявления, раскрытия и расследования краж, совершаемых на объектах воздушного транспорта. 4) Издание совместных приказов, указаний, подготовка информационных писем и иных организационно-распорядительных документов по данной проблеме. 5) Выработка совместных методических рекомендаций по вопросам, связанным с борьбой по данным преступлениям. 6) Разработка и утверждение совместных планов координационной деятельности [5].

Форма, в которой будет осуществляться взаимодействие, должна определяться самими участниками. Это зависит от оперативной обстановки, специфики деятельности взаимодействующих субъектов, от реальных возможностей субъектов и других факторов [6].

Особое внимание следует уделить вопросу внешнего взаимодействия с правоохранительными органами иностранных государств. Учитывая то, что множество аэропортов России имеют статус международных, из них совершаются авиарейсы в различные стары мира, а также принимают авиарейсы из других государств. Борьба с кражами, совершаемая на этих рейсах, невозможна без согласованных действий правоохранительных структур этих стран. Это связано с процессом сбора материала, установления обстоятельств краж, а также установления иных данных по преступлениям, так как кражи могут совершаться в аэропорту вылета одного государства, а обнаруживаться данный факт по прибытию самолёта в другое государство. Односторонние попытки справится с этой проблемой имеют малую эффективность.

По нашему мнению, внешнее и внутреннее взаимодействие в сфере борьбы с кражами, совершаемыми на объектах воздушного транспорта, является большим резервом оптимизации и активизации деятельности в этом направлении и имеет большой потенциал, способный отвечать вызовам современной преступности, и, как следствие, достигнуть поставленных целей при борьбе с кражами, совершаемыми на объектах воздушного транспорта.

В ходе проведённого опроса сотрудников оперативных подразделений выяснено, что особо важно для эффективной борьбы с рассматриваемыми преступлениями внутреннее взаимодействие с другими ОВД на воздушном транспорте, а также с ОВД по муниципальным образованиям. Уровень такого взаимодействия в практических органах не осуществляется на должном уровне. Так, 33% опрошенных считают взаимодействие по борьбе с рассматриваемыми преступлениями неудовлетворительным, только в 27% случаев сотрудники оперативных подразделений довольны налаженным взаимодействием.

К причинам неудовлетворительного взаимодействия специалисты в 44% случаев относят погоню за показателями, а именно, возникавшую конкуренцию при определении органа, который будет осуществлять расследование совершённой кражи. Данный факт

является преградой для налаживания должного и необходимого взаимодействия. 2). Второй серьёзной причиной неудовлетворительного взаимодействия является несовершенство системы взаимной информации о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес (так считают 34% опрошенных специалистов).

Подводя итог изложенного в статье, выделим основные положения по совершенствованию внутреннего и внешнего взаимодействия оперативных подразделений по борьбе с кражами, совершаемыми на объектах воздушного транспорта.

1. Основным направлением повышения уровня внутриведомственного взаимодействия в сфере борьбы с рассматриваемыми преступлениями является создание системы взаимной информации между ОВД на воздушном транспорте о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес для решения задач по борьбе с кражами на объектах оперативного обслуживания.

2. Устранение конкуренции и борьбы за показатели между ОВД на воздушном транспорте, а также ОВД по муниципальным образованиям.

3. Установление и осуществление должного взаимодействия с правоохранительными органами других государств по обеспечению сохранности имущества и борьбы с кражами на международных авиарейсах.

Приведённые результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что совершенствование организации взаимодействия является определяющим фактором, влияющим на эффективность ОРД в борьбе с кражами, совершаемыми на объектах воздушного транспорта, требует развития его правового регулирования, поиска на научной основе наиболее рациональных форм и внедрения их в практическую деятельность.

Литература:

1. Атмажитов В.М. Взаимодействие подразделений уголовного розыска с другими службами горрайорганов внутренних дел при раскрытии преступлений и пути его дальнейшего совершенствования: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Атмажитов Валерий Михайлович. – М., 1980. – 181 с.

2. Аменицкая Н.А. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в раскрытии и расследовании преступлений:дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09 / АменицкаяНаталия Анатольевна – М. 2006. - С.169

4. Бецков А.В. Организация взаимодействия органов внутренних дел на транспорте и территориальных органов внутренних дел при решении задач по обеспечению общественного порядка: учебно-методическое пособие. Издание первое /; под ред. А. Р. Майдыкова, А. В. Бецков - М.: ТЕИС, 2012. - 111 с.

5. Атмажитов В.М. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / В. М. Атмажитов, В. Г. Бобров // В сб.: Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Труды Академии управления МВД России. – М.: Академия управления МВД России, 2001. - С. 11-16.

6. Хопта С.С. Организационные основы взаимодействия органов предварительного следствия с оперативными подразделениями при реализации результатов оперативно-розыскной деятельности. // Проблемы правового регулирования и организация деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Сборник научных статей. М. Академия управления МВД России. 2013. С. 238 - 239.

УДК 34.01:340.12

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРАВЕ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF CRIME IN THE MEDIEVAL LAW OF MUSCOVY AND THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AS A FEATURE OF STATE-LEGAL REGIME

Серегин А.В., Южный федеральный университет, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теории и истории государства и права»

Seregin A.V., Southern Federal University, PhD, associate professor, assistant professor of "Theory and History of State and Law".

e-mail: *andrei-seregin@rambler.ru*

Крылов В.А, Южный федеральный университет, бакалавр 2 курса обучения, юридического факультета

Krylov V.A, B. Southern Federal University, SC 2nd year of study, law faculty

e-mail: *madara_krylov@mail.ru*

Аннотация: В статье проводится сравнительно-правовой анализ уголовного права средневекового Московского царства и Великого Княжества Литовского. Авторы приходят к выводу, что репрессивно-элитарные (классовые) начала государственно-правового режима параллельно укреплялись в этих двух государствах. Вместе с тем, в Литве восторжествовала идея политического примата интересов магнатов и шляхты над государством, а в Москве высшей ценностью считалось само православное царство.

Annotation: The article presents a comparative legal analysis of criminal law of medieval Moscow Kingdom and the Grand Duchy of Lithuania. The authors come to the conclusion that the repressive elite (class) beginning state-the legal regime was strengthened in parallel in these two States. However, Lithuania prevailed the idea of the political primacy of the interests of the magnates and the nobility over the state, and in Moscow, the highest value was considered very Orthodox Kingdom.

Ключевые слова: Московское царство, Великое Княжество Литовское, уголовное право, средние века, государственно-правовой режим.

Keywords: Moscow Kingdom, Grand Duchy of Lithuania, criminal law, the middle ages, the state legal.

Развитие уголовного права славян представляет собой сложный и интересный путь, связанный с укреплением позиций централизованной власти в государстве. Наиболее подробно этот путь прослеживается в Московском царстве и Великом княжестве Литовском[3, с. 68 - 78], ставшими прекрасными примерами столь непохожих уголовно-правовых систем и в то же время обладавшими общими тенденциями в уголовном праве. Наиболее важным для сравнения является эволюция понятия преступления, которое

составляет первооснову любой уголовно-правовой системы, поэтому рассмотрение этой темы является столь актуальным для любого историка-криминалиста.

Для средневекового права наиболее значимыми документами являются Судебники 1497 и 1550 гг. и Соборное Уложение 1649 г.[1, с.228], отразившие развитие уголовного права Московского царства, а также Статуты 1529, 1566, 1588 гг.[4, с.97], отразившие развитие уголовного права Великого княжества Литовского.

Понятие преступления в Московском царстве претерпело существенные изменения. В Судебниках 1497 и 1550 гг. дублировалась и подтверждалась информация о преступлении. В первую очередь, преступление теперь больше ориентировалось на защиту интересов государства. Хоть в Судебниках и не было чёткого понятия преступления, однако в статьях содержались упоминания о «лихом деле»[1, с.230], т.е. деянии, которое угрожало интересам государства. Уже здесь можно увидеть значительное отличие от Русской Правды, понимавшей под преступлением «обиду»[1, с.230], т.е. деянии, которое наносило ущерб конкретному лицу или группе лиц.

Кроме того, в Судебниках содержалась информация о субъектах преступления, видах преступления и объектах преступления[2, с.156].

Объектами преступления признавались личность и имущество, а также государство в целом и его отдельные должностные лица.

Субъектами преступления являлись все физические лица (включая холопов), которые делились на «добрых» (т.е. детей боярских) и «лихих» (т.е. любого человека, даже не совершившего конкретного деяния, но сочувствовавшего ему) людей.

Весьма любопытна классификация преступлений[1, с.231]. Можно выделить следующие: 1) государственные преступления («крамола», т.е. измена; заговор; мятеж и призыв к восстанию); 2) должностные преступления и преступления против порядка управления и суда (взятка; казнокрадство; фальшивомонетничество; дата ложных показаний и т.д.); 3) преступления против личности (убийство (квалифицированное, влекущее за собой смертную казнь, и простое, влекущее за собой штраф и наказание, выносимое судом); ябедничество; побои; оскорбление действием и словом); 4) имущественные преступления (грабеж; разбой; кража; похищение людей и т.д.).

Таким образом, в Московском царстве уже с Судебников наметилась тенденция на укрепление самодержавия, что выразилось в одном из важнейших институтов права – уголовном.

Наиболее полно понятие преступления было отражено в Соборном Уложении 1649 г. Под преступлением понималось нарушение царской воли, предписаний и закона[4, с.256].

Кроме того, Уложение существенно расширило состав преступления: добавилась субъективная сторона.

Объектами преступления[4, с.258] признавались не только личность, имущество и государство, а весь государственный строй, т.е. ещё и церковь, семью, нравственность.

Субъектами преступления [4, с.258] являлись физические лица, а также добавилось понимание о соучастии, т.е. о преступлении, совершённом группой лиц.

Субъективная сторона обуславливалась степенью вины. Здесь Уложением предусмотрена вина умышленная, по неосторожности и случайности.

Значительно изменилась классификация преступлений[4, с. 260]. Важным дополнением являлась защита в первую очередь церковных интересов, поэтому в Уложение преступления против церкви и религии выделены в отдельную группу (богохульство; совращение из православия; насильственной обращение в православие; чародейство; ереси и расколы; кража церковного имущества; нарушения церковной литургии). При этом важно отметить, что многие виды преступлений не изменились [4, с.262]. Например, остались прежними государственные, должностные и против порядка управления. Усложнились преступления против личности (выделились преступления против здоровья, жизни, нравственности) и имущественные (разбой; кража; мошенничество).

Таким образом, можно сказать, что уголовное право Московского царства принимало в своём развитии государственный характер. Понятие преступления совершенствовалось от источника к источнику, укрепляя самодержавие. Развивались отдельные составы преступлений, усложнялась их классификация, что положительно сказывалось на уголовно-правовой системе зарождавшегося русского государства. Кроме того, уже в Соборном Уложении прослеживается влияние церкви на жизнь государства и общества в целом, что в дальнейшем стало причиной различных дискуссий и споров.

Уголовное право Великого княжества Литовского остается и в наше время не полностью изученным. Однозначно можно сказать, что Статуты 1529, 1566, 1588 гг. отражали превосходство феодалов над другими слоями населения. Невозможно точно определить и понятие преступления [5, с.133]. Так, преступление трактуется и как нарушение общественного порядка, и как нарушение отдельных прав лица или группы лиц. Поэтому наиболее полным источником является Статут 1588 г., в котором нашли отражение и положения Статутов 1529 и 1566 гг.

Можно выделить субъектов преступления, объект и субъективную сторону [5, с.135].

К субъектам относились все виновные лица, а также группа лиц (т.е. соучастники). Кроме того, был установлен и возраст уголовной ответственности – 16 лет.

На основе объекта преступления строилась и классификация преступлений (государственные; против осуществления власти и правосудия; военные; против христианской религии и церкви; против морали; против жизни, здоровья, чести человека; имущественные преступления; преступления слуг и феодально-зависимых людей против помещиков). Однако довольно трудно установить отдельные виды преступлений, но можно предположить, что они были близки видам преступлений, существовавшим в Московском царстве.

Также Статут выделяет субъективную сторону. Можно однозначно говорить о вине умышленной, неумышленной и по неосторожности [5, с.144].

Кроме того, в Статуте была осуществлена попытка сформулировать «презумпцию невиновности», которая распространялась на всех лиц [5, с.146].

Таким образом, о развитии уголовного права Великого княжества Литовского можно сказать немного, так как до сих пор отсутствуют достоверные сведения о понятии преступления, его видах. Тем не менее, следует отметить, что существенную роль в уголовно-правовой системе княжества играли феодалы, возможности которых были лишь

незначительно сокращены только в Статуте 1588 г., что говорит об отсутствии стремлений к централизации государства.

В целом, уголовное право Московского царства и Великого княжества Литовского развивалось своими путями. Для Московского царства характерно значительное усиление централизации, что отражалось в эволюции уголовного права, а именно в понятии преступления. Оно находило в себе отражение государственных интересов, превышавших интересы отдельных лиц, что отразилось и на конкретных видах. Уголовное право Великого княжества Литовского в свою очередь страдало разногласиями в понятии преступления, в видах преступления и, самое главное, соответствовало интересам феодалов, а не государства в целом. В итоге это отразилось на дальнейшем развитии как государств, так и уголовно-правовой системы в целом, призванной стоять на страже элитарного религиозного государственно-правового режима.

Литература

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д,«Феникс», 1995. – 524 с.

2. Исаев И.А. История государства и права России. – М.: Юрист, 1993. –272 с.

3. Серегин А.В. Эволюция формы правления и государственного устройства русско-литовского княжества / А.В. Серегин // Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство, право и управление, 2016. № 11 (78). – С. 68 – 78.

4. Соборное Уложение 1649г. / Под ред. Л И. Ивиной. Л., 1987.– 448 с.

5. Сурилов А.В. Общественно-политический строй и право Великого княжества Литовского.- Кишинев, 1961.– 236с.

УДК 343.541

ICO: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ И ПРАВОВЫЕ СТРАТЕГИИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ
ICO: CRIMINOLOGICAL RISKS AND LEGAL STRATEGIES

Сидоренко Э.Л., МГИМО МИД России, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

Sidorenko E.L., MGIMO Russia, Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics

e-mail: *12011979@list.ru;*

Аннотация: в работе оценены перспективы развития цифровой экономики ICO как нового способа привлечения инвестиций. Основное внимание обращено на динамику распространения криптовалют и направления развития правового регулирования в сфере ICO.

Annotation: the prospects of the development of the digital economy of ICO as a new way of attracting investments are estimated in the work. The main attention is drawn to the dynamics of the distribution of crypto-currencies and the direction of development of legal regulation in the field of ICO.

Ключевые слова: криптовалюты, Блокчейн, технология распределенных реестров, токен, ICO, правовое регулирование

Key words: crypto-currencies, block, distributed register technology, token, ICO, legal regulation

Активное развитие цифровой экономики, популяризация технологии распределенного реестра (Блокчейна) и криптовалют вынуждает ученых и практиков искать новые модели минимизации криминологических рисков, связанных с развитием криптоиндустрии. Особые опасения вызывает широкое распространение ICO (Initial Coin Offering, или Initial Public Coin Offering [IPCO]) – продажа цифровых единиц, эмитированных посредством технологии распределенных реестров, отдельным лицом, до выхода этих финансовых активов на свободных рынок.

С точки зрения гражданского права ICO представляет собой предложение заключить предварительный договор купли-продажи активов, имеющих обязательственный характер, на стадии образования юридического лица. В качестве ценных бумаг здесь используются токены (или цифровые купоны). Они выпускаются на Блокчейне, который гарантирует невозвратность и прозрачность транзакций, а также точность исполнения договоренностей через применение смарт-контрактов[2].

Потребность в правовом регулировании нового вида экономической деятельности поставило государства перед необходимостью разработки промежуточных мер реагирования на уровне финансовых регуляторов, что позволило говорить о начале процесса становления права в сфере ICO и криптовалюты[1].

Начало этому процессу положило расследование Комиссии по биржам и ценным бумагам США (SEC) (далее – Комиссия) в отношении немецкой компании Slock.it, создавшей DAO с целью получения прибыли посредством создания и получения активов путём продажи инвесторам DAO-токенов, чьи средства использовались бы для финансирования проекта.

Держатели токенов DAO могли монетизировать свои инвестиции в токены DAO, перепродав их на нескольких веб-платформах, которые поддерживали вторичную торговлю в токенах DAO. После продажи токенов, но до начала финансирования проектов преступники воспользовались недостатком электронного кода DAO и похитили приблизительно одну треть активов DAO. Фактически инвесторы остались незащищенными, а компания не несла ответственность за утрату активов.

Понесенные инвесторами убытки вынудили власти США заняться оценкой возможностей защиты интересов участников ICO через распространение на токены законов о ценных бумагах.

Как было официально заявлено SEC, токены, продававшиеся виртуальной организацией The DAO, созданной Slock.it, были ценными бумагами и попадали под действие федеральных законов. А все компании, которые выпускают активы, основанные на технологии блокчейн, должны регистрировать сделки в рамках правил о размещении ценных бумаг. В случае нарушения этих правил участники незарегистрированных сделок должны нести ответственность за нарушение законодательства о ценных бумагах.

Таким образом, в США была предпринята попытка подвести регулирование ICO под положения законодательства о ценных бумагах с соответствующим регулированием бирж, обменных площадок и прав инвесторов.

Этот шаг был неоднозначно встречен на финансовом рынке. Так, в частности, Дэвид Московиц, основатель и гендиректор криптовалютной фирмы Attores, одобрил важное разграничение обычных виртуальных валют от токенов, аналогичным ценным бумагам, указав, что в этом случае SEC не повлияет на развитие инноваций в криптовалютной сфере. Другие, напротив, посчитали, что решение Комиссии может затормозить развитие инноваций в секторе блокчейна, однако общество это преодолеет.

Решение США о регулировании отдельных ICO-проектов с обещанием прибыли в рамках законодательства о ценных бумагах стало своеобразным «спусковым крючком» для запуска подобной стратегии в Сингапуре и Канаде.

1 августа 2017 года Финансовое управление Сингапура (MAS) заявило, что если токены обладают свойствами ценных бумаг, то они подлежат регулированию, подобно размещенным на биржах акциям.

Важно подчеркнуть, что MAS разграничил цифровые токены и виртуальные валюты. Под цифровыми токенами было предложено понимать криптографически защищенное свидетельство права держателя данной единицы на получение дохода либо на совершение определенных действий, а под виртуальными валютами - цифровые токены, обычно используемые как платежное средство, мера стоимости и средство сбережения стоимости. Таким образом, впервые на подзаконном уровне были разграничены вещные и обязательственные права в сфере криптотехнологий.

Компетенция MAS распространяется не на все типы токенов, а только на те, которые подпадают под положения Закона о ценных бумагах и фьючерсах (Securities and Futures Act (Cap. 289)), а так же Закона о финансовых советниках (Financial Advisers Act (Cap. 110)). Результатом такого подхода может стать разделение сингапурских обменных предприятий на лицензируемые и свободные от лицензирования.

Третьей страной, приравнявшей токены с обещанием дивидендов к ценным бумагам стала Канада.

Канадская комиссия по регулированию рынка ценных бумаг (CSA (Canadian Security Administrators) 24 августа издала специальный акт Staff Notice 46-307 Cryptocurrency Offerings, в котором определила, что на токены распространяются положения Закона о ценных бумагах, если инвесторы или бизнес находятся на территории страны.

Однако надлежащую регистрацию надо проходить только в том случае, если свойства токенов совпадают со свойствами ценных бумаг. Токены подпадают под соответствующее законодательство, если они соответствуют 4 параметрам: инвестирование денег, наличие корпорации, ожидание прибыли, получение прибыли за счёт действий третьих лиц.

Каждое ICO рассматривается в отдельности. Не каждый токен - это ценная бумага, поэтому CSA будет изучать каждый конкретный случай. В первую очередь, Комиссия обращает внимание на следующие признаки ICO: большое количество инвесторов, использование сети Интернет с целью достигнуть большей аудитории, посещение публичных мероприятий с целью рекламы своих токенов, сбор большой суммы от большого количества инвесторов.

Продажа акций может быть осуществлена только по получении разрешения от соответствующего контролирующего органа.

Если какая-либо платформа производит обмен токенов, свойства которых позволяют считать их ценными бумагами, она обязана проходить регистрацию.

Таким образом, в США, Сингапуре и Канаде регулирование ICO-проектов пошло по пути их подведения под положения законодательства о ценных бумагах, что, с одной стороны, позволило рассматривать природу токенов с привычного ракурса регулирования ценных бумаг, а с другой, обеспечило защиту инвесторов от возможных злоупотреблений со стороны организаторов ICO.

4 сентября 2017 г. Народный банк КНДР запретил ICO на территории страны. В основе запрета была положена распространенная в стране практика необоснованного, незаконного и открытого способа финансирования со стороны физических лиц.

Сейчас ведение ICO-проектов фактически приравнивается к преступлениям, связанным с незаконной продажей жетонов, билетов, незаконной эмиссией ценных бумаг, финансованием мошенничества, а равно к организации финансовых пирамид и т.д.

Национальный банк Китая также подчеркнул, что виртуальные валюты находятся вне правового поля и не могут рассматриваться как эквивалент фиатной валюты.

Компании, занимающиеся ICO, должны закрыть веб-сайт, доступ в хранилище данных (для удаления фреймов), отменить лицензию на ведение бизнеса. А финансовые учреждения и небанковский платежные учреждения не могут осуществлять бизнес, связанный с транзакциями и финансированиями токенов.

Столь категоричная позиция была встречена падением индексных криптовалют на 32% в течение недели, что дало основание отдельным аналитикам говорить о начале кризиса криптоэкономики.

Это мнение укрепилось в связи с заявлением Банка России о высоких рисках при использовании и инвестировании в криптовалюты. Как отмечается в заявлении, большинство операций совершается вне правового регулирования как России, так и большинства других государств. Криптовалюты не гарантируются и не обеспечиваются Банком России... В связи с этим обращается внимание граждан и всех участников финансового рынка на повышенные риски при использовании и инвестировании в криптовалютыю Операции с криптовалютами несут в себе высокие риски как при проведении обменных операций, в том числе из-за резких колебаний обменного курса, так и в случае привлечения финансирования через ICO.

В числе основных рисков Центральный банк РФ техническую опасность злоупотреблений при выпуске и обращении токенов, а также криминологические риски в случае обмена криптовалюты на фиатную валюту, однако это сообщение носит преимущественно предупредительный характер и не влечет для участников рынка серьезных правовых последствий.

Таким образом, в современном праве отмечается тенденция «зарежимливания» ICO в направлении признания их легальными ценными бумагами и ограничение их оборота через рекомендации финансовых регуляторов.

Литература

1. Мюттер Г. Правовая неопределенность криптовалюты // ЭЖ-Юрист. 2016. № 16. С. 2-4.

2.Сидоренко Э.Л. Стратегии регулирования криптовалюты в российском законодательстве: прогнозы на будущее // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 2. (т 21) С. 176 - 183

УДК 343.121

ВЗЫСКАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖЕК ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ
THE RECOVERY OF CRIMINAL PROCEDURAL COSTS IN CASES OF PRIVATE PROSECUTION

Соловьева Н.А., Волгоградский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики

Solovyeva N.A., Volgograd state University, candidate of Juridical Sciences,associate professor, head of the Department of criminal procedure and criminalistics

e-mail: *solovieva_na@volsu.ru*

Перекрестов В.Н., Мировой судья судебного участка №47 Волгоградской области, кандидат юридических наук

Perekrestov V.N., The magistrate court plot №47 Volgograd region, candidate of juridical sciences

e-mail: *bulvar04@mail.ru*

Шинкарук В.М., Волгоградский государственный университет, Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

Shinkaruk V.M., Volgograd State University, Candidate of Juridical Sciences, associate professor, Department of criminal procedure and criminalistics

e-mail: *shinkaruk-67@mail.ru*

Аннотация. В статье отмечается целесообразность подробного изучения института уголовно-процессуальных издержек ввиду немногочисленных научных исследований в рамках данной темы. Отельного внимания заслуживают проблемы взыскания уголовно-процессуальных издержек по делам частного обвинения.

Abstract. The article emphasizes the usefulness of a detailed study of the Institute of criminal procedural costs due to the few research in the context of this topic. This is especially true of the collection of criminal procedural costs in cases of private prosecution.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные издержки, взыскание, дела частного обвинения, примирение сторон, прекращение уголовного преследования.

Key words: criminal procedure, costs, recovery, cases of private prosecution, the reconciliation of the parties, the termination of criminal prosecution.

Уголовно-процессуальный закон налагает на участников уголовного судопроизводства (физические лица, юридические лица, иные лица, привлекаемые или иным образом вовлеченные в уголовное судопроизводство) конкретные обязанности, исполнение которых по решению должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, является обязательным. Исполнение обязанностей, заложенных в УПК РФ, вышеуказанными субъектами уголовного процесса, в свою очередь, предопределяет необходимость

возмещения понесенных ими расходов, таких как: выплата пособий, недополученных доходов и иных вознаграждений.

Среди многочисленных вопросов, возникающих при отправлении правосудия по уголовным делам, вопрос о возмещении процессуальных издержек стоит некоторым особняком, не вызывая значительного интереса ученых, о чем свидетельствуют немногочисленные научные исследования.[4, с.-13; 5, с.7-8; 6, с.71-72; 7, с.10-11]

Вместе с тем, институт процессуальных издержек является одним из необходимых институтов уголовно-процессуального права, поскольку направлен на обеспечение материальных расходов, которые несут лица в ходе уголовного судопроизводства. К сожалению, в научной литературе проблемы в указанной сфере освещены незначительно либо не освещены вообще. Отсутствие научного интереса к институту процессуальных издержек представляется неоправданным, поскольку существуют проблемы его законодательной регламентации, вызывающие неоднозначность применения норм в судебной практике. [11, с. 144-148]

Институт процессуальных издержек и надлежащие его применение служит эффективным способом возмещения материальных расходов в ходе уголовного судопроизводства, понесенных органами следствия, дознания, другими организациями и лицами, вовлеченными в осуществление расследования по уголовному делу, а также играет немаловажную роль в профилактическом плане, поскольку каждое лицо, совершившее преступление, должно осознавать, что его ожидает не только уголовное наказание, но и необходимость нести материальные затраты, связанные с производством по уголовному делу. В свою очередь, непосредственной задачей должностных лиц является определение и взыскание процессуальных издержек с лиц, совершивших преступление, а также своевременное разъяснение возможности взыскания таковых. [12, с. 45-48]

Взыскание уголовно-процессуальных издержек по делам частного обвинения не является исключением. Здесь также больше вопросов, чем от ответов. Предпринятый анализ судебной практики взыскания уголовно-процессуальных издержек по делам частного обвинения позволил сформулировать проблемные вопросы, требующие внимательного изучения для поиска возможных вариантов их разрешения.

Прежде всего, следует отметить, что по делам частного обвинения взыскание процессуальных издержек осуществляется в общем порядке. Вместе с тем, имеются специфичные исключения, характерные для данного вида уголовного преследования, и прежде всего, связанные с оправданием подсудимого по делам частного обвинения, а также с прекращением дел данной категории в связи с примирением сторон.

Один из проблемных вопросов, возникающий у правоприменителей в рамках взыскания уголовно-процессуальных издержек по делам частного обвинения, может быть сформулирован следующим образом: «В каком порядке (гражданского или уголовного судопроизводства) необходимо рассматривать заявление оправданного по делу частного обвинения или лица, в отношении которого прекращено уголовное дело частного обвинения в силу ч.3 ст. 249 УПК РФ, а также ч.5 ст. 321 УПК РФ, т.е. в связи с отказом частного обвинителя от обвинения или его неявкой в суд, о возмещении расходов, понесенных на оплату услуг представителя (адвоката по соглашению), в связи с привлечением к участию в

уголовном деле, а также на покрытие его расходов, связанных с явкой к месту производства процессуальных действий и проживанием (расходы на проезд, наем жилого помещения и дополнительные расходы, связанные с проживанием вне места постоянного жительства (суточные)?

Вначале обратимся к судебной практике. Так, постановлением мирового судьи 117 судебного участка Люберецкого судебного района Московской области от 24 ноября 2014 года уголовное дело, возбужденное в отношении Т. по предъявленному Ю. частному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ, было прекращено в связи с отсутствием в деянии состава преступления. Отказывая в принятии к производству заявленных Т. требований о возмещении материального вреда, расходов на оплату услуг представителя, причиненных в результате уголовного преследования, суд, руководствуясь п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, исходил из того, что данные требования подлежат рассмотрению и разрешению в рамках уголовного судопроизводства в порядке ч. 9 ст. 132 УПК РФ.

Однако Президиум Московского областного суда с этими выводами не согласился, обосновав правовыми позициями Конституционного суда РФ. Так из правовой позиции, изложенной в Определении Конституционного Суда РФ от 02 июля 2013 года N 1057-О по жалобе гражданина Столбунца С.П. на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, следует, что в системе действующего правового регулирования, в том числе в нормативном единстве со статьей 131 УПК Российской Федерации, расходы на оплату услуг представителя не относятся к числу процессуальных издержек, а могут расцениваться как вред, причиненный лицу в результате его необоснованного уголовного преследования по смыслу статьи 15 «Возмещение убытков» Гражданского кодекса Российской Федерации. Эти расходы могут быть взысканы на основании и в порядке, предусмотренном статьей 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации. Истолкование положений статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации в системе действующего правового регулирования предполагает возможность полного либо частичного возмещения частным обвинителем вреда в зависимости от фактических обстоятельств дела, свидетельствующих о добросовестном заблуждении или же, напротив, о злонамеренности, имевшей место в его действиях, а также с учетом требований разумной достаточности и справедливости.

В итоге постановлением Президиума Московского областного суда апелляционное определение об отказе в принятии иска в части требований о возмещении материального вреда отменено, дело направлено на новое рассмотрение, поскольку вывод суда о том, что данные требования подлежат рассмотрению и разрешению в рамках уголовного судопроизводства, является ошибочным.[9]

Президиум Верховного суда Республики Калмыкия также придерживается вышеуказанной позиции, но при этом, вынося решение по конкретным делам, исходит исключительно из анализа ч.1 ст. 131 УПК РФ, п.5 ч.2 ст. 131 УПК РФ. Это позволяет ему также прийти к выводу о том, что оплата подсудимым услуг адвоката по соглашению не относится к процессуальным издержкам. [9]

Вместе с тем, имеется и другая судебная практика, согласно которой взыскание подобных издержек рассматриваются не в порядке гражданского судопроизводства, а уголовного.

Так, мировым судьей в Центральном судебном районе в г. Омске в отношении Т.А.Н. вынесен оправдательный приговор. Представителем подсудимого Т.А.А. в суде первой и апелляционной инстанции являлся адвокат Б. на основании ордера. Согласно квитанции Т.А.Н. произведена оплата Б. за защиту по уголовному делу частного обвинения. Разрешая заявленное Т.А.Н. требование, суд первой инстанции рассмотрел и разрешил их по правилам гражданского судопроизводства, и руководствуясь нормами ст. ст. 194 - 198 ГПК РФ, взыскал расходы на оплату услуг адвоката в полном объеме.

Судебная коллегия не согласилась с решением суда первой инстанции исходя из следующего. В соответствии с ч. 9 ст. 132 УПК РФ при оправдании подсудимого по уголовному делу частного обвинения суд вправе взыскать процессуальные издержки полностью или частично с лица, по жалобе которого было начато производство по данному уголовному делу. Процессуальными издержками, согласно ст. 131 УПК РФ, являются связанные с производством по уголовному делу расходы, которые возмещаются за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства. Поскольку ч. 2 ст. 131 УПК РФ суммы, выплачиваемые защитнику за оказание им юридической помощи лицу, привлекаемому к уголовной ответственности по делу частного обвинения, прямо не предусмотрены, при этом перечень данных расходов, приведенный в указанной норме закона, не ограничен, данные издержки следует отнести к иным расходам, понесенным в ходе производства по уголовному делу, указанным в п. 9 ч. 2 ст. 131 УПК РФ. При этом разъяснены положения п. 13 ч. 1 статьи 299 УПК РФ.

Таким образом, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что требование о взыскании расходов на оплату услуг защитника, понесенных им в ходе производства по уголовному делу частного обвинения, подлежит рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства.

В итоге апелляционным определением Омского областного суда от 17.12.2014 по делу N 33-8289/2014 прекращено производства по делу о взыскании материального ущерба. [3]

Данной судебной практики придерживается и Новосибирский областной суд. Определением в принятии искового заявления о возмещении материального ущерба, выразившегося в понесенных расходах на оплату услуг представителя по уголовному делу частного обвинения, было отказано, поскольку вопросы возмещения судебных расходов по оплате услуг защитника по уголовному делу рассматриваются в рамках уголовного судопроизводства. Апелляционным определением Новосибирского областного суда определение оставлено без изменения. [2]

П.К. обратился в суд с иском к Х. о взыскании компенсации морального вреда и расходов на оплату услуг адвоката за участие при рассмотрении уголовного дела, указав, что приговором мирового судьи Вологодской области, оставленным без изменения апелляционным постановлением, он был оправдан по предъявленному частным обвинителем Х обвинению.

Мировым судьей определением отказано в принятии искового заявления в части требований о взыскании расходов на оплату услуг адвоката.

Судебная коллегия, проверив законность и обоснованность определения судьи в пределах доводов частной жалобы, полагает определение соответствующим фактическим обстоятельствам дела и нормам процессуального права, при этом обосновывая свой вывод ссылками на ч.9 ст. 132 УПК РФ, ч.1 и ч.2 ст. 131 УПК РФ. Кроме того, она сослались на ч.1 ст. 135 УПК РФ, согласно которой возмещение реабилитированному имущественного вреда включает в себя возмещение, в том числе, сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи, иных расходов. В силу части 5 статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации требование о возмещении имущественного вреда разрешается судьей в порядке, установленном статьей 399 настоящего Кодекса для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора. Таким образом, расходы на оплату услуг адвоката по уголовному делу, целью которых являлась защита П.К. от уголовного преследования частного обвинителя, в смысле статей 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации не могут быть расценены ни как реальный ущерб, ни как упущенная выгода либо как причиненный вред.[1]

Таким образом, до сих пор по вышеуказанному вопросу можно констатировать противоречивую и разнообразную судебную практику. Конституционный суд РФ еще в июле 2013 года обращал внимание на имеющейся законодательным проблем по разрешению данного вопроса, а именно указывал, что необходимо определиться «на основании каких норм должно осуществляться взыскание расходов на адвоката в пользу реабилитированного лица по делам частного обвинения, а также о том, какие обстоятельства подлежат при этом установлению судом, не исключается уточнение порядка реабилитации в этой части - федеральным законодателем путем внесения изменений в действующее законодательство либо Верховным Судом Российской Федерации путем издания разъяснений по вопросам судебной практики. [10]

Также представляется нецелесообразным использование термина «реабилитация» в случае, когда причинителем вреда выступает частный обвинитель, поскольку из анализа норм уголовно-процессуального законодательства следует, что ответчиком в реабилитационных отношения всегда выступает государство.

Наш взгляд, оправданный по делам частно-публичного и публичного обвинения находится в более выгодном положении по сравнению с оправданным по делам частного обвинения и (или) лицом в отношении которого прекращено дело частного обвинения, поскольку в последнем случае взыскание процессуальных издержек зависит от фактических обстоятельств дела, от того, доказана будет противоправность действий частного обвинителя либо нет. Это не справедливо, и выход из сложившейся ситуации, по нашему мнению, заключается либо в декриминализации дел частного обвинения, а именно ст. 116 УК РФ, 115 УК РФ, 128.1 УК РФ посредством вывода в поле административного производства, либо в передаче данных дел органам дознания.

Литература

1. Апелляционное определение Вологодского областного суда от 03.06.2015 N 33-2751/2015

2. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 09.12.2014 по делу N 33-10574/2014

3. Апелляционное определение Омского областного суда от 17.12.2014 по делу N 33-8289/2014 [КонсультантПлюс].

4. Белкин А.Р. Спорные вопросы исчисления процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве//Мировой судья. 2013, № 6, С. 8-13.

5. Гаршин В. Необходимо унифицировать порядок и размеры возмещения процессуальных издержек // Российская юстиция. 2003. N 8. С. 7 – 8

6. Кудряшова Ю.Л. Процессуальные издержки в уголовном судопроизводстве и определение их размера // Законодательство. 2005. N 11. С. 71 – 72

7. Кузнецов О.Ю. Процессуальные издержки, вызванные реализацией принципа языка уголовного судопроизводства, и порядок их возмещения // Современное право. 2005. N 9. С. 10 – 11

8. Определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. N 1057-О

9. Постановление Президиума Верховного суда Республики Калмыкия от 06.05.2015 по делу N 44У-10/15 [КонсультантПлюс].

10. Постановлением Президиума Московского областного суда от 22.07.2015 N 342 по делу N 44г-170/2015.

11. Соловьева Н.А. Перекрестов В.Н. Уголовно-процессуальные издержки, относящиеся к иным расходам, понесенным в ходе производства по уголовному делу// естник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция, - Волгоград: Изд. ВолГУ, 2016. № 4 (33) – С. 144-148

12. Соловьева Н.А., Перекрестов В.Н Что следует понимать под иными расходами, понесенными в ходе производства уголовному делу, в соответствии с п.9.ч.2 ст. 131 УПК РФ?// Волгоградский юридический вестник, _ Волгоград: Волга-Паблишер, 2016, № 1 (12), С. 45-48

УДК 343.13

ОБЪЯСНЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПО ПОВОДУ ПОДОЗРЕНИЯ
EXPLANATORY NOTES ON SUSPICION

Соппева Е.В., начальник кафедры уголовного процесса Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Sopneva E.V., Head of the Departmentof Criminal Procedure Chair, Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Master of Law, The senior lecturer

e-mail: *sopneva@mvd.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы получения объяснений у подозреваемого по поводу подозрения, выясняется теоретическая и практическая возможность осуществления такой процедуры в уголовном процессе

Abstract: This article is treated questions of getting of suspect's explanation concerning suspicious, clearing up theoretical and practical opportunity of this process's implementation in criminal procedure.

Ключевые слова: подозреваемый, объяснения, подозрение, проблемы, закон, теория, практика

Keywords: suspect, explanation, suspicious, problems, theory, practice.

Подозреваемый вправе давать объяснения (п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ) по поводу имеющегося в отношении его подозрения либо отказаться от дачи объяснений. В. Быков отмечает, что это право подозреваемого представляет собой основное средство его защиты от возникшего подозрения [1]. Объяснения подозреваемого в целом и по поводу подозрения имеют значение по многим причинам. Среди них: дача объяснения - это законодательно закрепленное право лица, в отношении которого выдвинуто подозрение как предположение о его причастности к преступлению, - это способ защиты подозреваемым лицом своих прав, свобод и законных интересов, - это первоначальное действие в уголовном процессе и иных сферах деятельности, в рамках которого могут быть получены значимые сведения, определяющие комплекс последующих мероприятий, обеспечивающих достижение назначения уголовного судопроизводства. Каждая из приведенных ипостасей объяснения должна быть обеспечена соответствующим алгоритмом использования. В противном случае отсутствует возможность реализации законодательно предусмотренного предписания, что отрицательно сказывается на процессе защиты прав лица, в отношении которого выдвинуто подозрение. В ряде случаев объяснения - это единственный носитель информации, например, ввиду смерти опрошенного лица, который может быть использован в уголовном процессе как средство подтверждения или опровержения причастности лица к преступлению. Возможность использования объяснений как доказательства, влечет необходимость определения его признаков и соответственно вида. Вместе с тем, реализация положений статьи 6 Федерального закона РФ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» о праве

адвоката на получение объяснений должна быть обеспечена необходимым механизмом, что позволит использовать их в уголовном судопроизводстве.

Однако обеспечить законное и обоснованное применение законодательных положений, предписанных в п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ, представляется проблематичным.

С одной стороны, отсутствует определение, а равно содержание (основания формирования, субъекты легализации, процессуальное документирование, механизм разъяснения, моменты окончания) подозрения на законодательном уровне. В связи с чем, возникает уместный вопрос, - по какому поводу лицу давать объяснения. В теории уголовного судопроизводства также не сформировано единообразное понимание подозрения, что не позволяет компенсировать пробелы законодательства. Сообразно этому и правоприменителям свойственно индивидуальное понимание и реализация сущности подозрения и правил получения объяснений. Такой подход создает разнообразную, противоречивую практику применения рассматриваемых положений закона, и соответственно влечет возможность инициирования процедур обжалования.

С другой стороны, и объяснения не определены как законодательная и теоретическая единица. В УПК РФ упоминается право дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа получать (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) и право подозреваемого давать (п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ) объяснения. При этом процедурные аспекты (место, время, субъекты, участники, правила, оформление…) не указаны. Такая ситуация вынуждает правоприменителя самостоятельно определять и воплощать правила получения объяснений, что может привести при отсутствии необходимых профессиональных компетенций к признанию полученных результатов недопустимыми.

Таким образом, имеются две взаимосвязанные проблемы, требующие разрешения, на которые обратим внимание.

По поводу объяснений приведем следующую информацию. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ отсутствуют нормы, содержащие механизм легализации объяснений подозреваемого как отдельной информационной единицы, возможного источника доказательств, результата проведенного мероприятия, права подозреваемого. При этом акцентируем внимание на том, что объяснения рассматриваются как возможный источник доказательств, на который допустимо ссылаться в материалах уголовного дела, и обосновывать причастность лица к преступлению. Такой вывод следует из содержания части 1.2. статьи 144 УПК РФ, согласно которой полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УПК РФ. Однако в статье 75 УПК РФ имеется положение, согласно которому доказательство признается недопустимым, если оно получено с нарушением требований названного источника. При этом уголовно-процессуальный закон не содержит процедуры, как получения, так и дачи объяснений, а значит, отсутствуют законодательно установленные требования, адресованные именно этому доказательству. Тогда исключается законодательно обусловленная возможность подвергнуть анализу объяснения как процесс и результат с точки зрения их использования в доказывании. Таким образом, при всей очевидной относимости полученной информации к уголовному судопроизводству, категория допустимости не может быть установлена.

На рассматриваемую проблему обращают внимание ученые-процессуалисты. Приведем несколько высказываний. Н. Власова предлагает дополнить перечень источников доказательств объяснениями [2]. А. Чуркин пишет: «соблюдение практическими работниками в своей правоприменительной деятельности процессуальной формы объяснений будет способствовать тому, что они будут полноценным допустимым уголовно-процессуальным доказательством» [3]. Поддерживая приведенные мнения, видим решение проблемы в осуществлении трех направлений деятельности. Во-первых, важно обеспечить теоретическое осмысление категории объяснений как результата, и опроса как способа их легализации в уголовном процессе. Набор теоретических характеристик включает в себя, прежде всего, определение, процедуру получения и оформления, предъявляемые требования. Во-вторых, представляется целесообразным обеспечить адекватное введение сформированных характеристик в уголовно-процессуальный закон, что повлечет «процессуальное вооружение» правоприменителя. В-третьих, правоприменителя необходимо обеспечить методическими рекомендациями по использованию предлагаемых механизмов, что создаст качество и эффективность проводимых процедур.

Таким образом, с одной стороны, имеется необходимость разработки характеристик опроса как отдельного действия и как составной части иного мероприятия (субъекты осуществления, возможные и обязательные участники, порядок вызова лица, процедура и последовательность осуществления, правила фиксации, возникающие при этом права и обязанности…). С другой стороны, важно определить место объяснений в системе источников доказательств, как сведений, полученных уполномоченными лицами, в определенной процессуальной форме, имеющих значение для уголовного процесса.

Отметим, что в теории уголовного процесса, сформировано предложение об отказе от объяснений. И.В. Овсянников пишет: «практического смысла нет ни в регламентации нового процессуального действия, ни в установлении нового вида доказательств. Искомый результат достигается гораздо проще - путем производства допроса» [4]. Мнение ученого заслуживает внимания, и может привести к процессуальной экономии, но не в рамках имеющегося законодательного положения вещей. Так, современные законодательные характеристики допроса не позволяют его использовать в различных возникающих ситуациях, например, в рамках проверки сообщения о преступлении. Хотя необходимость проведения действия, направленного на получение информации имеется в каждом случае реализации положений статьи 144 УПК РФ. Кроме того, объяснения могут быть даны вне такого сложного мероприятия как допрос.

Акцентируя внимание в статье на праве подозреваемого давать объяснения, предлагаем подкорректировать статью 46 УПК РФ, в соответствующей части, изменив часть 4 статьи 46 УПК РФ, путем введения в нее пункта 2.1. следующего содержания (исключив соответствующую информацию из пункта 2): «давать объяснения, либо отказаться от дачи объяснений. При согласии подозреваемого дать объяснения он должен быть предупрежден о том, что его объяснения могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от этих объяснений». В свою очередь, дознаватель и следователь должны будут обеспечить реализацию такого права

подозреваемого, а значит принять и оформить объяснения подозреваемого. Приведенная обязанность субъектов уголовного процесса уже заложена в УПК РФ (статьи 38, 41, 144).

По поводу подозрения обратим внимание на следующую информацию. В УПК РФ подозрение упоминается неоднократно. Например, задержание подозреваемого может быть осуществлено по подозрению в совершении преступления (ст. 91 УПК РФ). При наличии достаточных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, дознаватель составляет письменное уведомление о подозрении в совершении преступления (ст. 223.1. УПК РФ). Кроме того, анализ положений уголовно-процессуального закона (ст. 46, 91, 97, 144, 179, 182, 183, 193 УПК РФ) позволяет сформулировать тезис о вариативности использования подозрения в уголовном процессе. Например, как основания определения статуса участника уголовного процесса (возбуждение уголовного дела в отношении лица, применение меры пресечения), проведения следственных действий (обыск, выемка, освидетельствование, предъявление для опознания…). И вновь обратим внимание на отсутствие теоретически разработанного определения подозрения как автономного и сопутствующего явления и соответственно его законодательного воплощения. При таком подходе у правоприменителя отсутствует процессуальный инструментарий, позволяющий обеспечить законное и обоснованное разъяснение подозреваемому лицу подозрения, и формулирование его объяснений на сей счет. Такая ситуация может повлечь нарушение прав лица, содержит основания для использования процедуры обжалования.

При использовании различных действий и решений, посредством которых в уголовном процессе легализуется подозрение, лицо получает информацию об их основаниях и соответственно ему может быть предоставлена возможность дать пояснения именно по этому поводу, а не в части подозрения. Обратим внимание только на два действия, что, по сути, не меняет ранее сформулированный вывод. Первое - задержание, которое должно быть осуществлено при наличии подозрения, что устанавливает глава 12 УПК РФ. Второе - возбуждение уголовного дела в отношении лица, которое автоматически создает статус подозреваемого, и влечет реализацию права на дачу объяснений по поводу подозрения.

Задержание по подозрению в совершении преступления может быть осуществлено при наличии условия и оснований, указанных в частях 1 и 2 статьи 91 УПК РФ. Тогда допустим тезис, что основания задержания равнозначны основаниям формулирования подозрения. На наш взгляд, это не равнозначные понятия. Например, согласно пункту 1 части 1 статьи 91 УПК РФ лицо задерживается, когда оно застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения. Полагаем, что факт нахождения лица на месте совершения преступления не свидетельствует о том, что именно оно причастно к нему. Кроме того, реализация приведенных оснований задержания не позволяет при этом проявить в полную «процессуальную силу» основания формирования подозрения. Или же при наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если это лицо пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства (часть 2 статьи 91 УПК РФ). Полагаем, что попытка скрыться, отсутствие постоянного места жительства – это основания именно задержания лица, а не подозрения. Вместе с тем, анализ положений главы 12 УПК РФ «Задержание подозреваемого» приводит к выводу, что лицу не разъясняется подозрение, и

соответственно, не предоставляется право дать объяснения по поводу подозрения. Конструкция рассматриваемой нормы уголовно-процессуального закона вызывает критику ученых и нарекания практиков. А. Тушев пишет, что до сих пор не утихают споры о моменте получения лицом статуса подозреваемого, если он задерживается в порядке ст. ст. 91 и 92 УПК РФ (п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК), так как здесь использован способ фиксации данного юридического факта путем описания совершения действия (задержания) [5]. Поддерживая позицию ученого, полагаем, что сначала необходимо сформулировать подозрение, как предположение о причастности лица к преступлению, с указанием необходимой информации, дабы обеспечить лицу возможность дать пояснения по этому поводу. К числу такой информации можно отнести сведения о преступлении (времени, дате, месте, способе совершения) и лице (фамилия, имя, отчество, возраст, служебной, должностное иное положение). В дальнейшем, при наличии основания лицо может быть подвергнуто задержанию, которое будет использовано для выполнения своего назначения - пресечение преступной деятельности, воспрепятствование лицу скрыться от следователя, дознавателя. В результате опроса правоприменителей были получены следующие результаты. 35,5 % указали, что они формулировали подозрение в протоколе задержания, однако отметили, что подозрение проявляется в формулировке оснований задержания, указанных в статье 91 УПК РФ в совокупности с квалификацией преступления [6].

Согласно пункту 1 части 1 статьи 46 УПК РФ при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица создается статус подозреваемого. Тогда можно сформулировать тезис, что основания (достаточные данные, указывающие на признаки преступления) принятия названного решения совпадают с основаниями подозрения лица в причастности к преступлению. Однако это не равнозначные понятия. Признаки преступления (общественная опасность, наказуемость, противоправность, виновность) как уголовно-правовое понятие, не содержит уголовно-процессуальной расшифровки подозрения в тех элементах, о которых мы писали несколько выше. Кроме того, принятие названного решения не влечет возникновение адекватного варианта реализации права подозреваемого на разъяснение ему сущности именно подозрения. Так, уполномоченные лица незамедлительно уведомляют лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело (ч. 4 ст. 146 УПК РФ), о принятом решении. Содержание части 4 статьи 146 УПК РФ не предусматривает процедуру доведения до сведения лица, имеющегося в отношении него подозрения, то есть подозрение как таковое лицу не разъясняется. При таком положении вещей подозреваемое лицо поставлено в затруднительное положение, ибо не имеет понимания по поводу чего ему давать объяснения. Правоприменители показали, что под «достаточными данными, указывающими на признаки преступления», они понимают информацию, которая достоверно свидетельствует обо всех элементах состава преступления - 73,2 % опрошенных следователей и дознавателей [7].

В свете приведенной информации представляется целесообразным определить подозрение как одно из основных понятий уголовного судопроизводства (ст. 5 УПК РФ). Причем подозрение подлежит уточнению как основание определения статуса лица, возможно причастного к преступлению, что по существу закладывает пределы дачи и получения объяснений.

В теории уголовного процесса предложено несколько представлений о подозрении. И. А. Пантелеев рассматривает подозрение как решение органа уголовного преследования о причастности лица к совершению расследуемого преступления [8]. По мнению Ю. А. Ляхова и Ю. Б. Чупилкина подозрение - это лишь наличие сведений (фактических оснований), которые формируют внутреннее убеждение следователя, дознавателя, о возможном (вероятном) совершении преступления определенным лицом [9]. Подозрение возникает когда недостаточно доказательств для вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, то есть недостаточно доказательств, позволяющих утверждать, какое именно деяние, предусмотренное уголовным законом (тяжкое, особо тяжкое и т.д.), совершено и что данное деяние совершено именно этим лицом [10].

Подозрение можно рассматривать как официально выдвинутое предположение о причастности лица к преступлению. Однако такое понимание подозрения позволяет его использовать в уголовном процессе в разных ипостасях: основание определения статуса участника (подозреваемого…), проведения действий (задержания…), принятия решений (обыска…). Провозглашение подозрения в уголовном процессе создает право лица на защиту от него, что может быть сделано в рамках объяснений как автономного процессуального явления, полученного в ходе опроса, так и сопутствующего, поскольку может быть доведено следователем до сведения лица в рамках иного мероприятия. Вместе с тем, субъекты формирования подозрения одновременно приобретают обязанность проинформировать лицо, в чем заключается подозрение и предоставить ему возможность дать соответствующие пояснения.

Итак, реализация положений уголовно-процессуального закона о разъяснении, в чем подозревается лицо, и дачи объяснения по поводу подозрения представляется проблематичной ввиду отсутствия законодательного установления соответствующих определений и процедур легализации в уголовном процессе. Решение выявленной проблемы видится в теоретическом осмыслении рассматриваемых категорий, их законодательном определении, выработке рекомендаций по реализации.

Литература

1. Быков В.М. Проблемы правового положения подозреваемого // Адвокатская практика. 2007. № 4.

2. Власова Н. Теоретические и правовые основы стадии возбуждения уголовного дела: монография. М., 2001. С. 32.

3. Чуркин А.В. Допустимость в уголовном процессе объяснений как новых доказательств // Российский следователь. 2013. № 17.

4. Овсянников И.В. Проблема доказательственного значения объяснений //Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. N 5. // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru. (Дата обращения: 06.05.2017).

5. Тушев А.А. О необходимости дальнейшего редактирования УПК РФ // Российская юстиция. 2009. № 1.

6. Сопнева Е.В. Исторические, современные и перспективные представления о подозрении в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / Ставрополь: Издательско-информационный центр «Фабула», 2016. 316с.

7. Тырин А., Лукичев Н., Громов Н. Функция обвинения в досудебной стадии // Следователь. 2002. № 5. С. 25

8. Пантелеев И.А. Проблемы совершенствования института подозрения в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 106.

9. Ляхов Ю.А., Чупилкин Ю.Б. Обоснованно ли Конституционный Суд расширил понятие подозреваемого? // Российская юстиция. 2008. N 12.

10. Лавдаренко Л.И. Задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего // Российский следователь. 2015. N 6.

УДК 347.9

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА
TO THE QUESTION OF THE EFFICIENCY OF PRODUCTION IN THE ORDER OF SUPERVISION

Студеникина С.В., Донской государственный технический университет, заведующий кафедрой «Процессуальное право», кандидат юридических наук, Член Ростовской областной коллегии адвокатов им. Д.П. Баранова, адвокат

Studenikina S.V. don state technical University, head of the Department "Procedural law", candidate of legal Sciences. Member of the Rostov regional bar Association to them. D.P. Baranov, the lawyer

e-mail: *skgi_institut@mail.ru*

Аннотация: в статье проводится параллель между производством в порядке надзора, существовавшего до принятия ГПК РФ и после его принятия. Автор считает, что оно, как и прежде носит кассационно-ревизионный характер и отличается низкой эффективностью.

Annotation: the article draws a parallel between the production in the order of supervision that existed before the adoption of the code of civil procedure of the Russian Federation and after its adoption. The author believes that it is, as before, is the cassation and revision in nature and has a low efficiency.

Ключевые слова: стадия гражданского производства; производство в порядке надзора; суд; судебные акты; заинтересованные лица.

Key words: stage of the civil production; production supervision; court; judicial acts; the persons concerned.

Производство в порядке надзора представляет собой инициируемое лицами, участвующими в деле, и лицами, не участвующими в деле, чьи права, свободы и законные интересы были нарушены судебными актами, производство по проверке вступивших в законную силу судебных актов в порядке, определенном нормами гл. 41.1 ГПК РФ [1].

По своей сути данное производство является смешанной моделью кассационно-ревизионной проверки, которая присуща гражданскому процессу зарубежных стран и ранее действовавшая в русском гражданском судопроизводстве.

Данное изменение привело к возобновлению дискуссии по вопросу о характере стадии производства в порядке надзора.

Большинство российских ученых-процессуалистов ранее и теперь считают стадию проверки судебных актов, которые вступили в законную силу в надзорной инстанции исключительной стадией гражданского процесса [2].

Исключительность данной стадии обосновывается тем, что:

- именно судья надзорной инстанции, а не заинтересованные лица, решает, будет ли судебное постановление пересматриваться в порядке надзора или нет;

- объектом проверки является вступившее в законную силу судебное постановление;

- судом надзорной инстанции проверяется только законность судебных постановлений;

- основаниями отмены судебных актов является существенное нарушение судами норм материального и (или) процессуального права.

Кроме того, исключительность стадии производства в порядке надзора, выражается в том, что суд надзорной инстанции проверяет не все судебные акты, которые обжаловали заинтересованные лица, а только те, которые имеют важное значение для общества, совершенствования права, для единства судебной практики.

Основной целью рассматриваемой стадии является защита прав, свобод и охраняемых интересов граждан и организаций. Обращение в суд надзорной инстанции инициируется только заинтересованными лицами; в надзорной жалобе, представлении прокурора необходимо указать, в чем заключается существенное нарушение закона; суд надзорной инстанции извещает лиц, участвующих в деле, о месте и времени рассмотрения дела; лица, участвующие в деле и явившиеся в судебное заседание, вправе дать объяснения по делу; суд надзорной инстанции проверяет законность обжалуемого судебного акта; основанием для отмены или изменения судебных актов в порядке надзора является существенное нарушение норм материального и процессуального права.

Только в исключительном случае в надзорной жалобе, представлении прокурора вынесенное в надзорном порядке определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ или Военной коллегии Верховного Суда РФ необходимо указать, в чем состоит нарушение единства судебной практики, и привести соответствующие обоснования этого нарушения.

Данное требование закона представляется вполне оправданным, хотя и трудно реализуемым по причинам отсутствия полной информации о всех принятых, как минимум, Верховным Судом РФ судебных актах в порядке надзора. Заинтересованное лицо реализует предоставленное законом право на проверку судебного акта в порядке надзора дважды: в Президиуме областного и соответствующего по компетенции суда, а затем в Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ. Обращение в Президиум Верховного Суда РФ имеет чрезвычайный характер, что и обусловлено наличием особого основания.

Деятельность Председателя Верховного Суда, заместителя Председателя Верховного Суда РФ по внесению в Президиум Верховного Суда РФ представления о пересмотре судебных актов в интересах обеспечения единства судебной практики и законности, действительно, имеет преимущественно публичный характер, но это не может оказать существенного влияния на общую цель рассматриваемой стадии, поскольку результат такой деятельности в первую очередь влияет на права и обязанности лиц, участвующих в деле, а затем на единообразие судебной практики.

В порядке надзора судебных решений ранее в России проверялось не меньше, а иногда и больше, чем в кассационном порядке [3].

Причины такой «деформации» заключались в следующем:

- суд кассационной инстанции, как и суд надзорной инстанции, проверял законность и обоснованность судебных решений;

- обращение в суд надзорной инстанции не связывалось соблюдением установленного законом срока и обязательным обращением в суд кассационной инстанции;

- обращение с жалобой, заявлением о принесении протеста в порядке надзора не подлежало оплате государственной пошлиной, в отличие от подачи кассационной жалобы.

Подобное законодательное решение порядка возбуждения кассационного и надзорного производств делало более привлекательным для лиц, участвующих в деле, производство в порядке надзора, что в свою очередь не могло не свидетельствовать об обычном, а не исключительном характере рассматриваемой стадии.

Анализируя содержание производства в порядке надзора в российском гражданском процессе, С.Ю. Никоноров приходит к выводу о том, что поскольку российское производство в порядке надзора в своей основе имеет кассационно-ревизионные черты, то его следует характеризовать не как исключительный, а как чрезвычайный способ проверки вступивших в законную силу судебных актов [4].

Раньше понятие надзор в гражданском судопроизводстве включало в себя деятельность суда в управленческом и организационном смысле. Производство в порядке надзора, закрепленное в настоящее время в ГПК РФ и АПК РФ представляет собой новый по своему содержанию правовой институт.

В ГПК РФ от 2002 года закреплен новый порядок обращения в надзорную инстанцию. Исходя из буквального толкования содержания пункта 1 статьи 391.1 ГПК РФ судебные постановления, которые вступили в законную силу, могут быть обжалованы в суд надзорной инстанции лицами, которые участвуют в деле, и другими лицами только в том случае, если судебное постановление нарушило их права, свободы и законные интересы.

Дискуссионным остается вопрос, как Европейский суд должен рассматривать данное изменение. Поскольку в настоящее время внесение надзорной жалобы не является исключительным полномочием должностного лица, а может быть непосредственно инициировано лицами, которые участвуют в деле. Возможно, ли теперь рассматривать надзорную инстанцию в Российской Федерации в качестве эффективного средства судебной защиты?

В.М. Жуйков [5] обращает внимание на то, что суды надзорных инстанций, в процессе рассмотрения дел, довольно часто, как и прежде, дают оценку правильности установления судами первой и второй инстанции фактических обстоятельств дела и отменяют судебные решения по существу, признавая их необоснованными. Что на наш взгляд отрицательно отражается на эффективности данного производства.

Результатом рассмотрения надзорной жалобы является вынесение определения о передаче надзорных жалобы, представления с делом для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда Российской Федерации, в том случае, если имеются сомнения в законности судебного постановления, или об отказе в передаче надзорных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда Российской Федерации, если отсутствуют основания для пересмотра судебных постановлений в порядке надзора (ст. 391.5 ГПК РФ).

Сложность заключается в том, что закон не дает пояснений, означает сомнения в законности и возможность отмены судебного постановления, допуская их субъективное

толкование. Более того, после решения вопроса об истребовании дела следует решение вопроса о передаче дела для рассмотрения по существу в суд надзорной инстанции, для которого не установлено никаких критериев и законодательных ориентиров [6].

Получается, что и сейчас внесение дела в суд надзорной инстанции продолжает оставаться дискретным полномочием судьи. Последний единолично решает, может ли оно повлечь отмену соответствующего судебного постановления или нет, а также следует ли вносить его в суд надзорной инстанции для рассмотрения по существу.

Аналогичная ситуация существовала и до принятия ГПК РФ. Как и тогда, заинтересованным лицом направлялось заявление о внесении протеста в порядке надзора лицу, имеющему полномочия на внесение протеста, который так же, как и в новом надзорном производстве, единолично выносил решение о наличие оснований для внесения протеста [7].

Таким образом, процесс рассмотрения дела в надзорной инстанции на сегодняшний день является отражением «старого» надзорного производства. Представляется, что в настоящее время оно отличается низкой эффективностью и не соответствует тем задачам, которые перед ним стоят.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017)// Собрание законодательства РФ. - 18.11.2002. - № 46. - Ст. 4532.

2. Научно-практический комментарий к ГПК РФ / Под ред. В.М. Жуйкова, В.К. Пучинского М.К. Треушникова. - М., 2012. -746 с.

3. Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. Монография. — Саратов: издательство Саратовского университета, 1985. – 117 с.

4. Никоноров С.Ю. Производство в порядке надзора в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Сергей Юрьевич Никоноров. - Москва, 2004. - 172 с.

5. Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. - М., 2006. – 94 с.

6. Терехова Л.А. Концепция надзорного производства в новом ГПК // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. - 2010 - 2011. - № 2. - С. 70 – 74.

7. Борисова Е.А. Производство по проверке судебных постановлений в порядке надзора в гражданском и арбитражном процессах. (Окончание) // Законодательство. - М., 2003. - № 10. - С. 49-57.

УДК 343.6

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ
TRADITIONAL MEDICINE: CRIMINAL AND LEGAL ASPECT

Сумачев А.В., Нижневартовск, Южно-Уральский государственный университет филиал в г.Нижневартовске, профессор кафедры общепрофессиональные и специальные дисциплины по юриспруденции, доктор юридических наук, профессор

Sumachev A.V., Nizhnevartovsk, the Southern Ural State University branch in Nizhnevartovsk, professor of department all-professional and special disciplines on law, the doctor of jurisprudence, professor

e-mail: *alekssumachev@mail.ru*

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы врачевания методами народной медицины с точки зрения уголовного закона, когда результаты такой деятельности сопряжены с причинением вреда жизни и здоровью человека..

Annotation: In article questions of doctoring by methods of traditional medicine from the point of view of the criminal law when results of such activity are accompanied by infliction of harm of life and to health of the person are considered.

Ключевые слова: народная медицина, уголовный закон, преступление.

Key words: traditional medicine, criminal law, crime.

Интерес к народной медицине можно объяснить множеством факторов. С одной стороны, такого рода интерес можно объяснить некой современной модой к традициям предков. С другой стороны, интерес к народной медицине обусловлен и достаточно высокой стоимостью платных медицинских услуг и труднодоступностью отдельных бесплатных медицинских услуг. Кроме того, можно говорить и о том, что медицинские услуги в большинстве своем доступны в крупных населенных пунктах (как правило, городах областного значения), где имеется не только развитая структура медицинских учреждений, но и узкие специалисты в медицине. Таким образом, стоит констатировать, что, несмотря на разнообразие традиционных лекарственных средств и препаратов, предлагаемых в аптеках, а также наличие множества разработанных традиционных методов лечения, население ряда стран очень внимательно стало относиться к народным (обычным) методам врачевания. Так, по запросу «народная медицина» в поисковой системе «Яндекс» нашлось 4 млн. ответов; в поисковой системе Google – 947 тыс. ответов.

Но не стоит забывать, что врачевание методами народной медицины может быть не только полезным, но и общественно вредным – опасным для жизни или здоровья человека. В этой связи, вопрос об уголовно-правовом регулировании врачевания методами народной медицины можно признать не только актуальным, но и своевременным.

Народная медицина представляет собой совокупность накопленных народом эмпирических сведений о целительных средствах, лекарственных травах и гигиенических навыков, а также их практическое применение для сохранения здоровья, предупреждения и

лечения болезней. Авторы краткой медицинской энциклопедии понимают по народной медициной совокупность передаваемых народом из поколения в поколение эмпирических знаний и практических методов, применяемых для распознавания, лечения и предотвращения нарушений физического и психического здоровья [1].

Часть 1 ст. 50 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определяет: «Народной медициной являются методы оздоровления, утвердившиеся в народном опыте, в основе которых лежит использование знаний, умений и практических навыков по оценке и восстановлению здоровья. К народной медицине не относится оказание услуг оккультно-магического характера, а также совершение религиозных обрядов» [2].

Как видно, народную медицину традиционно рассматривают в двух аспектах:

1) как некие знания относительно врачевания;

2) как практические методы врачевания.

К практическим методам врачевания в рамках народной медицины традиционно относили травничество (применение лекарственных средств не только растительного, но и животного либо минерального происхождения: воду, воздух, солнце, минеральные воды, лечебные грязи), использование некоторых хирургических приемов (извлечение инородных тел, кровопускание) [1], народную гигиену (учет влияния климата и времен года на состояние здоровья; гигиена тела; физические упражнения; правильное питание; здоровый сон; чистоплотность; умеренность в еде и т.п.).

Стоит заметить, что в рамках «травничества» говорят о двух его основных разделах: 1) травничество с использованием магии, заговоров, наговоров (знахари, шаманы, «бабки»); 2) травничество, сопряженное с воздействием на человека практически без использования магии, только на основе лекарственных особенностей той или иной травы [3].

Но, несмотря на несомненную пользу народной медицины в современном мире, тем не менее, как отмечалось не стоит забывать о том, что врачевание основанными на ней методами может быть общественно вредным. Не случайно советское законодательство устанавливало уголовно-правовые запреты на занятие врачеванием как профессией лицом, не имеющим надлежащего медицинского образования (ст. 180 УК РСФСР 1926 г., ст. 221 УК РСФСР 1961 г.).

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации, устанавливая уголовную ответственность за незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью (ст. 235 УК РФ), также, по сути, определяет уголовно-правовой запрет врачевания методами народной медицины.

Здесь, однако, стоит указать, что данный запрет не является абсолютным. То есть, в ст. 180 УК РСФСР 1926 г. и ст. 221 УК РСФСР 1961 г. норма была сформулирована как формальный состав преступления - наступления общественно опасных последствий не требовалось. Норма же, определяемая в ст. 235 УК РФ, описывает материальный состав, где в качестве последствий выступает *любой* вред здоровью человека (ч. 1 ст. 235 УК РФ) либо смерть человека (ч. 2 ст. 235 УК РФ).

Следует, в то же время, уточнить, что разовое использование методов народной медицины как таковых ненаказуемо, так как законодательство имело и имеет

ввидусистематическое использование методов народной медицины – «врачевание» или «медицинская практика». Более того, даже Кодекс Российской Федерации об административных правонарушения указывает на запрет именно систематического использования методов народной медицины – «Занятие народной медициной без получения разрешения, установленного законом» (ст. 6.2 КоАП РФ). В этой связи можно предположить, что *разовое* использование методов народной медицины вообще ненаказуемо. Но это не так. Даже *разовое* использование народного средства лечения, если данная лечебная услуга не отвечает требованиям безопасности жизни или здоровья больного (потребителя), может повлечь уголовную ответственность за преступлении, предусмотренное ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности». Более того, анализ санкций, предусмотренных в ч. 1 ст. 235 и ч. 1 ст. 238 УК РФ, позволяет утверждать, что общественная опасность врачевания (систематической деятельности – «занятия») методами народной медицины, повлекшее по неосторожности причинение *любого* вреда здоровью человека, выше в сравнении с *разовым* использованием народного средства лечения, если данная лечебная услуга не отвечала требованиям безопасности жизни или здоровья больного (и даже не сопряжено с причинением вреда здоровью человека). С другой стороны, *разовое* использование народного средства лечения, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека, более строго наказуемо в сравнении с систематическим использованием методов народной медицины (врачеванием), повлекшим последствия в виде неосторожно причинения смерти человека. В этой связи представляется целесообразным санкции, предусмотренные в ч. 2 ст. 235 и ч. 2 ст. 238 УК РФ, хотя бы уравнять.

Как было указано выше, к практическим методам врачевания в рамках народной медицины относят травничество (включая магию, заговоры, наговоры), использование некоторых хирургических приемов, народную гигиену. В этой связи сделаем несколько уточнений.

1. Дело в том, что «оказание услуг оккультно-магического характера, а также совершение религиозных обрядов» ФЗ № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» не относит к народной медицине (ч. 1 ст. 50). Соответственно, «магию», «заговоры», «наговоры» – «оказание услуг оккультно-магического характера, а также совершение религиозных обрядов», – ориентированных на врачевание (лечение) больного, нельзя признавать наказуемым вообще.

2. Законодатель существенно сужает категорию «народная медицина», изымая из нее такое важное составляющее как «народная гигиена». Действительно, определяя в ч. 2 ст. 50 ФЗ № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» правило, согласно которому право на занятие народной медициной имеет гражданин, получивший разрешение, выданное органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере охраны, законодатель для оздоровления и восстановления здоровья, по сути, предписывает необходимость получения специального разрешения на поддержание гигиены тела, физические упражнения, правильное питание, здоровый сон, умеренность в еде.

И последнее, вопросы врачевания методами народной медицины и правового регулирования такой деятельности достаточно важные, о чем свидетельствует и тот факт, что уже в 1977 г. на XXX сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения была принята резолюция, призывающая правительства всех стран придавать «должное значение использованию существующих в этих странах систем народной медицины при соблюдении правил, соответствующих установкам национальных систем здравоохранения» [1].

Литература

1. Краткая медицинская энциклопедия. Изд. 2-е. М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1989 [Электронный ресурс] // Яндекс. Словари. Большая советская энциклопедия. – Режим доступа: http://www.golkom.ru/kme/14/2-216-2-1.html – Загл. с экрана.

2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Рос.газ. – 2011. – 23 ноября.

3. Травники. Народные Лечебники. Зелейники [Электронный ресурс] // WEB-Капище. – Режим доступа: http://web-kapiche.ru/107-travniki-lechebniki-zeleyniki.html – Загл. с экрана.

УДК 343

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СВЕТЕ ПОЛОЖЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 23.06.2016 № 182-ФЗ «ОБ ОСНОВАХ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

THE STATE SYSTEM OF PREVENTION OF OFFENSES OF MINORS IN THE LIGHT OF THE PROVISIONS OF THE FEDERAL LAW FROM 23.06.2016 NO. 182-FZ «ABOUT BASES OF SYSTEM OF PREVENTION OF OFFENCES IN THE RUSSIAN FEDERATION»

Титушкина Е.Ю., Академия управления МВД России, доцент кафедры уголовной политики, кандидат юридических наук, доцент

Titushkina E.Y., Academy of management of MIA of Russia, associate Professor of criminal policy, K. Yu.N., associate Professor

e-mail: *alenchik.64@mail.ru*

Подколзина А.Ю., Академия управления МВД России, старший инспектор группы международного сотрудничества

Podkolzina A.Y., Academy of management of MIA of Russia, senior inspector of the group of international cooperation

e-mail: *podkolzik@gmail.com*

Аннотация: в статье рассматривается соотношение теоретической модели предупреждения преступлений с положениями, закрепленными в ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», возможности, открываемые данным законом в совершенствовании системы профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Annotation: the article addresses the relationship between theoretical models of crime prevention with the provisions enshrined in the Federal law "About bases of system of prevention of offences in the Russian Federation", the potentials of the law in improving the system of prevention of offenses of minors.

Ключевые слова: система профилактики, правонарушения, несовершеннолетние.

Key words: system of prevention of offenses of minors.

28 июня 2016 года был официально опубликован Федеральный закон от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [1], который установил правовую основу системы профилактики правонарушений, основные принципы и направления профилактики правонарушений, её виды и формы, перечислил субъектов профилактики правонарушений, их полномочия, права и обязанности, формы профилактического воздействия. Он вступил в силу 22 сентября. Не можем не упомянуть о длительной и нелегкой судьбе данного закона.

Исходной точкой воссоздания современной государственной системы профилактики преступлений и иных правонарушений (именно такая формулировка содержалась вСтратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 537 от 12 мая 2009 г.) в Российской Федерации принято считать 26 августа 2005 г. В рамках заседания Государственного совета Российской Федерации, состоявшегося в г. Казани, Президентом РФ В.В. Путиным в этот день было дано поручение (№ Пр-1564). В соответствии с ним МВД России разработало базовую модель системы профилактики правонарушений для субъектов Российской Федерации. С этого времени в регионах и муниципальных образованиях стали целенаправленно приниматься нормативные правовые акты, направленные на ее обеспечение, комплексные программы профилактики правонарушений, определяться субъекты профилактической деятельности, устанавливаться основные профилактические мероприятия (правда в ряде субъектов федерации законотворческая работа в этом направлении началась задолго до указанной даты. Так закон «О профилактике правонарушений в Брянской области» был принят еще 28 мая 1998 года). Однако работа над принятием базового закона общегосударственного уровня началась задолго до поручения Президента и реально велась более 40 лет. Еще в советское время был разработан проект основ законодательства Союза ССР о предупреждении преступности, в разработке которого активное участие принимали представители ведомственной (милицейской) науки. Уже в конце 90х годов прошлого века в стенах Академии управления МВД России был разработан проект закона «Об основах государственной системы предупреждения преступлений и иных правонарушений».

Несколько слов хотелось бы сказать о теоретической модели системы предупреждения правонарушений, в том числе преступлений. Помнить о ней важно, потому что отсутствие или хотя бы сбой в каком-то из элементов социальной системы (к которым относится и государственная система предупреждения преступлений) означают серьезный сбой функционирования системы в целом.

Модель эта включает в себя три элемента: 1) объекты, т.е. то, по поводу чего функционирует система; 2) субъекты деятельности – те, кто осуществляет функции, и 3) содержание деятельности, отправной точкой которой, по нашему мнению, является правовое обеспечение предупреждения преступлений.

Объекты достаточно очевидны: в первую очередь это причины, порождающие преступления, и условия, им способствующие (объекты общей профилактики); лица с девиантным поведением и их микросреда (объекты индивидуальной профилактики), в частности, лица, склонные к совершению преступлений, совершающие административные правонарушения, лица, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, состоящие под административным надзором - с целью предупреждения рецидива, а также потенциальные потерпевшие (defuturum)и реальные жертвы (de facto и de jure) [4] как объекты виктимологической профилактики.

Среди субъектов системы профилактики в Федеральном законе названы федеральные органы исполнительной власти, органы прокуратуры Российской Федерации, следственные органы Следственного комитета Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного

самоуправления. В тексте указанного закона не конкретизированы органы внутренних дел, относящиеся к федеральным органам исполнительной власти, как субъекты системы профилактики. Соответственно отсутствует и упоминание о специальных субъектах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, которые выделены Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»[2] (именно по такому принципу построен закон об основах профилактики правонарушений Республики Беларусь), в частности это подразделения по делам несовершеннолетних и Центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел. Однако среди основных направлений профилактики названо предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних (статья 6 Закона). Часть 2 статьи 3говорит о том, что особенности профилактики правонарушений в отдельных сферах общественных отношений определяются соответствующими федеральными законами. К субъектам мы вернемся чуть позже.

Так же Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» впервые закрепляет формы профилактического воздействия, которые не выделены в Федеральном законе от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», внося тем самым существенный вклад в содержание деятельности субъектов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних. К такимформам относятся: правовое просвещение и правовое информирование, профилактическая беседа, объявление официального предостережения, профилактический учет и др.

Несмотря на, в целом, положительный эффект, ожидаемый в результате реализации положений указанного закона, в связи с его принятием возникают и некоторые, пока не разрешенные вопросы. Их много, допустимый объем статьи ограничивает наши размышления по этому поводу.

В частности, среди указанных форм профилактического воздействия наше внимание привлекло объявление официального предостережения о недопустимости антиобщественного поведения, которое определяется как «не влекущие за собой административную или уголовную ответственность действия физического лица, нарушающие общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц». О каких конкретных действиях лица в данном случае идёт речь, и какие действия, нарушающие общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц не обеспечиваются защитой посредством норм уголовного законодательства либо законодательства об административных правонарушениях остается не понятным.

Далее в ч.3 ст. 20 Федерального закона "Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации" устанавливается порядок вынесения предостережения, так в случае неисполнения требования, изложенного в предостережении, лицо, которому оно было объявлено, может быть привлечено к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Однако в определении антиобщественного поведения указано, что это действия, не влекущие за собой административную или уголовную ответственность, следовательно, к какой именно ответственности будет привлечено лицо не ясно. Так же как и не корректна формулировка о том, что лицо «может быть» привлечено к ответственности, поскольку данный закон не указывает обстоятельства, при которых будет решаться вопрос об обоснованности привлечения к ответственности в данном случае, и расширяет возможности для усмотрения правоприменителя. Может быть – может не быть. От чего зависит это «может быть»?

Еще один момент, который представляется необходимым отметить: два этих закона принципиально отличаются друг от друга своей структурой. 120-ФЗ, который был первой ласточкой в формировании правовых основ профилактики правонарушений современной России, построен исходя из системы субъектов профилактики и направлений, по которым эта деятельность осуществляется.

Изначально, когда рабочая группа Министерства внутренних дел России только начинала работу над законопроектом, вылившимся в 182-ФЗ, мы пытались пойти по этому же пути, но в итоге система субъектов оказалась сформулирована в общем виде, а акцент перенесен именно на содержание деятельности - направления и формы профилактического воздействия. Полагаем, что это правильно и полезно для МВД.

Ведь принято считать, что особую роль в государственной системе профилактики правонарушений играет МВД России, поскольку оно наделено большими и многосторонними полномочиями в рассматриваемой сфере, а также имеет наиболее обширную (относительнолюбых других федеральных либо региональных органов исполнительной власти) систему органов, служб, подразделений и организаций относительно территории государства и сфер государственного управления. В силу наличия этих полномочий и системы, полагаем, что именно оно (МВД), в настоящее время, имеяуправленческие и рабочие структуры во всех плоскостях публичного управления, обеспечивает «многоуровневость». Считается, что понятие многоуровневости построения государственной системы профилактики правонарушений в административно-правовом аспекте обусловлено законодательным разграничением предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти. В то же время в криминологической литературе, где понятие многоуровневой системы профилактики правонарушений является распространенным и откуда, по-видимому, изначально был заимствован данный термин для использования в руководящих и нормативных документах, дается иное видение многоуровневости, в частности, в ней говорится об общесоциальном, специальном и индивидуальном уровнях предупредительной деятельности; о профилактике преступности в целом, преступности какого-либо вида или конкретного преступления, о недопущении совершения преступлений со стороны конкретных лиц, об оказании на них сдерживающего и корректирующего воздействия, а в случае необходимости – и на их ближайшее окружение; о выявлении и устранении ситуаций на определенных территориях или в определенной среде; о выявлении в структуре населения групп повышенного криминального риска и снижении этого риска и т.д. Тезис о ключевой роли органов МВД России, обеспечивающих «многоуровневость» всей системы профилактики правонарушений, подтверждается в

контексте любого (административно-правового или криминологического) подхода к толкованию данного термина, и многоаспектности воздействия государственной системы профилактики правонарушений. Немаловажно, что органы внутренних дел выступают и главным рабочим звеном системы, формирующим показатели, «делающим» статистику.

Однако тезис о ведущей роли МВД в системе профилактики является весьма дискуссионным. В частности, оппонентами данному подходу выступают А.Г. Авдейко и Г.К. Москвин, которые отмечают, что «вопрос профилактики примерно на двадцать процентов решается правоохранительными органами. Все остальное – это работа образовательных, спортивных учреждений, органов социальной защиты, здравоохранения, общественных организаций и многих других»[5].

Тем не менее, считаем, что объективно именно органы внутренних дел в настоящее время, играют ведущую роль в государственной системе профилактики правонарушений, на что указывает широкий спектр возложенных на них функций и полномочий в данной сфере. Уже тот факт, что правительственную комиссию по профилактике правонарушений возглавляет Министр внутренних дел, указывает на то, что государство доверяет именно нашему ведомству координацию одного из важнейших направлений обеспечения общественной безопасности. Но ведь кто везет, на того и возлагают. Осуществляя данную деятельность нельзя забывать о том, что преступность носит объективный характер, поскольку она существует «благодаря» наличию противоречий в общественных отношениях, а противоречия эти присущи любому обществу. Как метко заметил еще в начале 90-х годов профессор И.И. Карпец, успешно бороться с преступностью можно лишь тогда, когда действуют устойчивые экономические, социально-политические отношения [6], однако на глубинные, генетические причины преступности, лежащие в этих сферах, к которым, в частности, можно отнести такие закономерности рыночных отношений, как экономические кризисы, безработица, органы внутренних дел воздействовать не могут, а значит и не могут они быть главным субъектом профилактики.

Подход, сформулированный в 182-ФЗ, позволяет, во-первых, расширить круг субъектов профилактики и, во-вторых, избавляет от необходимости корректировки закона, связанной с любого рода реорганизацией. (В частности, внесение изменений в 120-ФЗ потребовало переименования Центров временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей в Центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей. Создание нового субъекта – Росгвардии – уже потребовало бы корректировки 182-ФЗ, однако отнесение ее к органам исполнительной власти [3], избавляет от такой проблемы).

Таким образом, Федеральный закон от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», по нашему мнению, необходим для наиболее эффективной организации профилактики и борьбы с преступностью и иными правонарушениями в Российской Федерации, однако насколько он будет применим по отношению к несовершеннолетним в деятельности субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних пока сложно сказать. Но он, открывает возможности для совершенствования системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, в части закрепления определенных форм профилактического воздействия и расширения круга субъектов.

Литература

1. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (часть 1). Ст. 3851.

2. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

3. Указ Президента Российской Федерации № 510 от 30.09.2016. «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации». П. 1 Положения о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации.

4. Мартыненко Н.Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего: дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2016. С.18.

5. Авдейко А.Г., Москвин Г.К. О некоторых проблемах правового обеспечения организации в Российской Федерации государственной системы профилактики правонарушений // Административное и муниципальное право. 2008. № 9. С. 33.

6. Карпец И.И. Экономика и преступность // Законность. 1992. № 3. 50.

УДК 343.9

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА И БОРЬБА С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ
CRIMINAL CONFISCATIONAND THE STRUGGLE AGAINST ORGANIZED CRIME

Топильская Е.В., Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук

Topilskaya E.V., Saint-Petersburg, North-West branch of Russian State University of Justice, docent of the department of criminal law, candidate of law

e-mail: *etopilskaya@yandex.ru*

Аннотация: Рассмотрены криминологические и правовые проблемы применения конфискации имущества по делам об организованной преступности.

Annotation: Some criminological and legal problems of the criminal confiscation in the struggle againstorganized crime are examined in the article.

Ключевые слова: организованная преступность, конфискация имущества.

Key words: criminal confiscation, organized crime.

Конфискация доходов, получаемых от преступной деятельности, может выступить действенным средством предупреждения организованной преступности и борьбы с ней. Необходимость использования данного средства постоянно подчеркивается в документах, принимаемых международным сообществом, начиная с одного из первых актов Организации Объединенных Наций о противодействии этой угрозе – Руководящих принципов для предупреждения организованной преступности, принятых Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в Гаване, 27 августа – 7 сентября 1990г.[1]. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности обязывает государства-участники принимать необходимые меры для обеспечения возможности выявления, отслеживания, ареста или выемки доходов от преступлений, или имущества, стоимость которого соответствует стоимости таких доходов, с целью последующей конфискации [2].

В 2004 году, в докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам на 59 сессии Генеральной Ассамблеи ООН был сделан особый акцент на повышении эффективности борьбы с организованной преступностью путем подрыва ее экономической базы, с учетом того, что транснациональная организованная преступность генерировала доходы в объеме примерно 500 млрд. долл. США в год, а по оценкам некоторых источников, эта сумма была в три раза большей: «Единственная наилучшая стратегия ослабления организованной преступности заключается в том, чтобы ликвидировать ее способность к отмыванию денег» [3].

На Двенадцатом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию в 2010 г. при обсуждении пункта повестки дня о международном сотрудничестве по противодействию отмыванию денежных средств подчеркивалось, что конфискация активов зачастую является более эффективным методом борьбы с организованными преступными группами, чем тюремное заключение преступников, и что особое внимание следует уделять возвращению конфискованных средств в страны их происхождения с учетом соответствующих международно-правовых документов. Ряд выступлений на Конгрессе содержал рекомендации о расширении использования метода переноса бремени доказывания в тех случаях, когда происхождение доходов не может быть объяснено [4]. Использование конфискации было названо эффективным средством борьбы с транснациональной организованной преступностью на Тринадцатом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию в 2015 г. [5].

Действующий российский уголовный закон в целом соответствует условиям международных соглашений о противодействии организованной преступности и предоставляет адекватные инструменты для того, чтобы пресекать финансирование организованной преступности и возможность пользоваться незаконными доходами. В соответствии с п. «б» и «в» части 1 статьи 104^1 Уголовного кодекса Российской Федерации, могут быть конфискованы не только деньги и имущество, приобретенные в результате преступления, но и так называемое «превращенное имущество», в которое частично или полностью превращены или преобразованы доходы от преступления.

Кроме того, может быть конфисковано имущество, эквивалентное по стоимости доходам от преступления, если доходы от преступления были приобщены к имуществу, приобретенному законным путем, а также – конфискована денежная сумма, эквивалентная стоимости предмета, входящего в имущество, указанное в статье 104^1 УК РФ, если на момент принятия судом решения о конфискации данного предмета изъятие его и обращение в доход государства невозможно вследствие его использования, продажи или по иной причине.

Подлежит конфискации также имущество, пусть даже принадлежащее кому-либо на законных основаниях, но используемое или предназначенное для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Эта новелла чрезвычайно важна для решения задачи подрыва экономической базы организованной преступности, поскольку организованная преступная деятельность всегда осуществляется ради получения незаконной материальной выгоды, и преступные объединения получают такую выгоду в чрезвычайно крупных размерах, а затем стремятся к легализации этих средств, что позволяет организованной преступности устанавливать контроль над экономической, а затем – и над политической системой страны.

В 2009 г., например, объем фиктивных операций, проведенных российскими банками, составил 1,5-2 трлн. руб., при этом потери бюджета составили 800 млн. рублей; службы внутреннего контроля кредитных и некредитных организаций отнесли к категории «подозрительных» (то есть подпадающих под признаки легализации преступных доходов или финансирования терроризма) 40% из более чем 7 млн. финансовых сделок на общую

сумму свыше 55 трлн. руб. [6, с.4]. Сегодня сумма денежных средств, выведенных в оффшоры, в шесть раз превышает доходы федерального бюджета и в три раза – внешний долг страны; по информации Росфинмониторинга, только за 2014-2015 гг. незаконно обналичено около 3 млрд. долл. США. Официальная статистика Центрального банка Российской Федерации в строке «сомнительные операции» указывает на объем нелегально выведенного капитала по итогам 2015 г.: 1,5 млрд. долл. США [7, с.91].

Этот теневой капитал представляет опасность и для экономики, и для политических институтов государства, поскольку легализованные средства вливаются в тот сектор экономики, который действует в правовом поле, и криминализируют и его; расширяется сфера влияния организованной преступности; «отмытые» средства могут вкладываться не только в объекты экономики для извлечения уже внешне законных доходов, но и в формирование пула агентов влияния в органах власти путем финансирования избирательных кампаний, и в лакировку имиджа организованной преступности за счет спонсирования средств массовой информации и создания художественных произведений.

Однако приходится констатировать, что предоставленные законом инструменты изъятия преступных доходов практически не действуют.

Так, несмотря на масштабы незаконного обналичивания, «сомнительных операций», вывода капиталов за рубеж, что говорит о налаженных схемах отмывания средств, об отмывании, поставленном на поток, в 2016 г. нет осужденных за отмывание преступных доходов в крупном размере, полученных преступным путем другими лицами; и без того небольшое количество осужденных отмывали собственные преступные доходы.

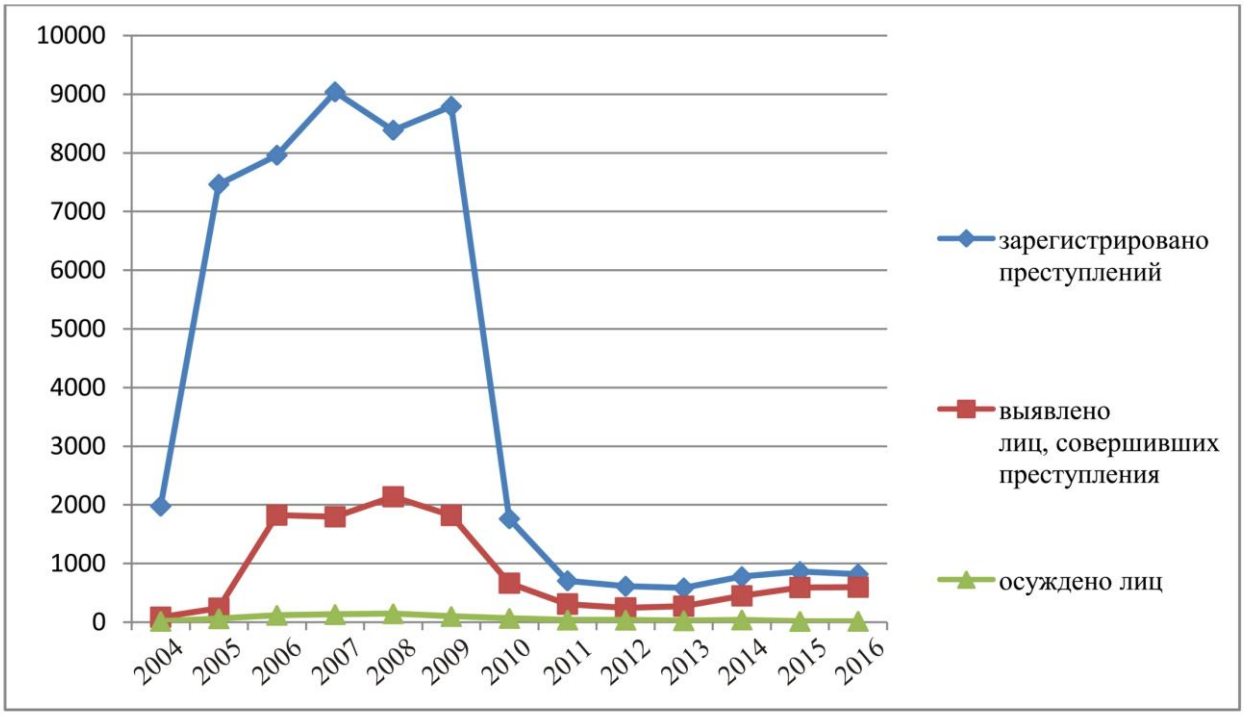


Рисунок 1 – Динамика реализации уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст.174, 174[1] УК РФ, за 2004-2016 г.

Статистика показывает, что до 2009 г. регистрировалось значительное количество преступлений, предусмотренных ст.174 и 174[1] УК РФ (то есть правоохранительные органы выявляли факты легализации и реагировали на них процессуальным путем), но большинство дел не находили разрешения и, судя по всему, прекращались за отсутствием события либо состава преступления, или приостанавливались в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, а дела, направленные в суд, далеко не всегда завершались обвинительными приговорами. Начиная с 2009 г. все меньше выявляется преступлений, предусмотренных ст.174 и 174[1] УК РФ, и к 2016 г. их объем практически совпадает с объемом раскрытых преступлений этой категории и с количеством осужденных за «отмывание» средств, добытых преступным путем.

Это свидетельствует вовсе не об успехах в борьбе с легализацией преступных доходов (вышеприведенные данные Центробанка и Росфинмониторинга опровергают успехи), а о снижении профессионализма органов, занимающихся раскрытием и расследованием преступлений в сфере экономики, с одной стороны, и об усложнении преступных схем легализации и повышении изощренности преступников, а также может указывать на коррупционное сращивание правоохранительных органов и организованной преступности, что обеспечивает криминалу режим наибольшего благоприятствования в отмывании преступного капитала.

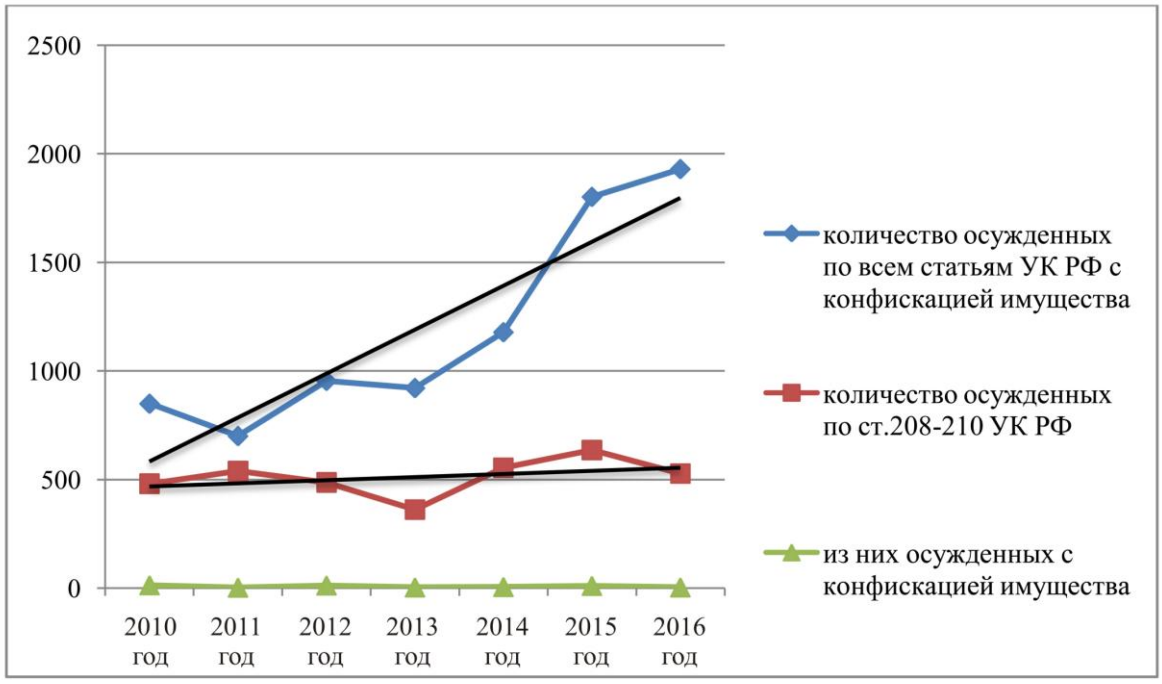


Рисунок 2 – Динамика применения конфискации имущества за период 2010-2016 г. к осужденным за организацию преступных сообществ и участие в них

Что касается конфискации, то, к сожалению, 10 лет существования данной нормы (в обновленном виде) в уголовном законодательстве продемонстрировали, что конфискация в качестве иной меры уголовно-правового характера не в полном объеме реализует свое предназначение, так как судебная практика конфискации доходов, полученных участниками организованных преступных формирований, чрезвычайно скудна, а практика конфискации

имущества, используемого или предназначенного для финансирования организованной группы, преступного сообщества, преступной организации, вообще отсутствует. Данные судебной статистики о количестве приговоров со ссылкой на ст.104^1 УК РФ говорят, что за период 2010-2016 г. конфискация была применена лишь к 48 осужденным по ст.208-210 УК РФ (при том, что в целом за указанный период по этим статьям было осуждено 3 581 человек, а конкретно по ст.210 УК РФ – 1 270 человек) [8].

Линия тренда на диаграмме показывает, что, несмотря на заметный рост применения конфискации в целом, и незначительный, но все же рост количества осужденных за создание преступных сообществ и участие в них, объем изъятия и обращения в доход государства тех средств, которые получает в результате криминальной деятельности организованная преступность, практически не меняется, стоит на месте.

Вычленить статистическими методами из данных судебной статистики факты конфискации средств, предназначенных для финансирования организованной преступности, невозможно. Но изучая региональные обобщения судебной практики, можно увидеть, что п. «в» ч.1 ст.104^1 УК РФ судами не применяется.

В обзорах констатируется, что суды либо не сталкиваются со случаями наложения ареста на имущество в порядке ст.115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, относительно которого имелись основания полагать, что оно использовалось или предназначалось для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации) либо уголовные дела, так или иначе связанные с финансированием терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества в суд не поступали [9].

При этом судами, вопреки указанию Пленума Верховного Суда о том, что в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступления, предусмотренного ст.210 УК РФ, надлежит решать вопрос о конфискации имущества [10], в приговорах даже не рассматривается возможность применения этой меры [11].

Представляется, что проблемы применения конфискации имущества можно разделить на три категории: правовые, процессуальные и организационные.

Проблемами правового характера можно назвать несовершенство правовой природы конфискации имущества и нарушение законодательной техники при формировании норм о конфискации. Ученых и правоприменителей не устраивает отнесение конфискации к «иным мерам уголовно-правового характера», все больше голосов раздается в поддержку идеи о возвращении этого института в систему наказаний, и, более того, о закреплении в законе общей конфискации – то есть не только доходов от преступления, но и всего или хотя бы части имущества виновного [12]. Действительно, включение конфискации имущества в систему наказаний обязало бы суды в соответствующих случаях рассматривать вопрос об изъятии и обращении в доход государства имущества, полученного в результате преступления, или предназначенного для совершения преступлений, поскольку в настоящее время судьи никак не мотивируют в тексте обвинительного приговора неприменение конфискации имущества [13]. Конечно, в первую очередь принять меры к обеспечению возможной конфискации имущества должен следователь в соответствии со ст.115 УПК РФ, и

очевидно, что суд при отсутствии арестованного в ходе предварительного расследования имущества не имеет оснований для решения вопроса о конфискации, особенно в тех случаях, когда преступные доходы были превращены или преобразованы в другое имущество, либо когда имущество было приобретено законно, но предназначено для финансирования преступной деятельности.

Дефекты законодательной техники заключаются в отсутствии единообразия терминов, определяющих лицо, на чье имущество обращается конфискация: в п. «г» ч.1 ст.104^1 УК РФ это лицо называется обвиняемым, в ч.3 той же статьи – осужденным, в ст.104^3 УК РФ используется термин «виновный». Кроме того, нельзя счесть удачным объединение в предмет конфискации элементов преступления (неосновательного обогащения, предметов и орудий преступления) и имущества, основанием для конфискации которого выступает не способ приобретения (незаконный), а общественно опасная цель его использования. Но следует признать, что нарушения, допущенные при законодательном формировании норм о конфискации, не блокируют осуществление этой меры уголовно-правового воздействия, коль скоро конфискация имущества не часто, но все же применяется.

Процессуальные проблемы применения конфискации имущества заключаются в необходимости доказывания преступного происхождения имущества, либо цели использования для финансирования преступной деятельности. В соответствии с п.8 ч.1 ст.73 УПК РФ включены в предмет доказывания обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации, получено в результате преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества. Казалось бы, сложности подтверждения того, что имущество добыто преступным путем или является орудием преступления, носят в основном технический характер, но в апелляционной и кассационной судебной практике достаточно часто отменяются решения судов первой инстанции о конфискации по причине того, что ни следствием, ни судом не исследовался вопрос о том, получено ли конфискованное по приговору суда имущество в результате совершения преступления, и не дана оценка утверждениям подсудимых о приобретении этого имущества за счет собственных средств [14].

Однако гораздо большую сложность представляет собой доказывание размера преобразованных (отмытых) преступных доходов либо присоединенных к имуществу, происходящему из законных источников. Для того, чтобы установить местонахождение и статус такого имущества, может потребоваться значительное время, превышающее отведенное законом время на предварительное расследование, и не надо забывать, что по делам об организованной преступности это время связано еще и со сроками содержания под стражей обвиняемых. А для определения размера такого имущества – не только время, но и определенная квалификация сотрудников правоохранительных органов. В то же время резкое снижение объема зарегистрированной преступности в сфере экономики, особенно в части легализации преступных доходов, указывает на отсутствие должной квалификации даже у сотрудников органов, специализирующихся на выявлении и расследовании подобных преступлений.

Этим определяются организационные проблемы применения конфискации: с одной стороны, представители криминала используют обширный арсенал способов сокрытия имущества, включая регистрацию имущества на родственников и подставных лиц, оформление поддельных правоустанавливающих документов, установление коррупционных связей с сотрудниками контролирующих органов и т.п., привлекают для консультаций и для сопровождения финансовых сделок квалифицированных специалистов, выводят средства за рубеж. С другой стороны, сотрудники правоохранительных органов, – чьей задачей является розыск имущества и средств, полученных в результате преступления, и наложение ареста на это имущество, – как правило, не обладают достаточным уровнем экономической подготовки и не всегда в состоянии провести качественное и оперативное расследование осуществленных организованной преступностью финансовых сделок.

Возможно, организационные проблемы, связанные с установлением местонахождения и принадлежности имущества, подлежащего конфискации, могут быть решены путем создания в органах, осуществляющих предварительное расследование и оперативно-разыскную деятельность, специализированных подразделений финансовой разведки, либо путем установления конструктивного рабочего взаимодействия между правоохранительными органами и службой Росфинмониторинга. Этот орган с 2002 года является членом международной Группы подразделений финансовой разведки «Эгмонт», что дает российским органам финансово-кредитного контроля возможности обмена информацией на интернациональном уровне, в том числе по каналам связи с использованием новейших технологий, и повышения квалификации персонала. (Группа «Эгмонт» оказывает поддержку национальным программам по борьбе с отмыванием преступных доходов). Взаимодействие правоохранительных органов с Росфинмониторингом может выражаться не только в оперативном получении информации о трафике преступных доходов, но и в мероприятиях по повышению квалификации следователей и оперуполномоченных, занимающихся раскрытием и расследованием дел об организованной преступной деятельности, по обучению их методам выявления сомнительных банковских операций, в распространении так называемой «хорошей практики» выявления и изъятия имущества, полученного в результате преступлений.

Еще один вариант решения организационных проблем применения конфискации может быть связан с изменением законодательства – уголовного и уголовно-процессуального, а также законов и подзаконных актов, регламентирующих деятельность контролирующих органов, следующим образом. К примеру, если полное установление местонахождения имущества, полученного в результате преступления, определение его размеров, выяснение того, было ли оно превращено или преобразовано и т.п., в ходе предварительного расследования организованной преступной деятельности не может быть выполнено, дальнейшее расследование финансовых вопросов передается подразделениям финансовой разведки. По итогам их работы и при наличии обвинительного приговора в отношении представителей организованной преступности прокурором ставится вопрос перед судом о применении конфискации обнаруженного имущества в порядке Главы 47 УПК РФ, регламентирующей производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора.

Литература

1. Руководящие принципы для предупреждения организованной преступности (приняты Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в Гаване, 27 августа – 7 сентября 1990 г.) – [Электронный ресурс] – режим доступа: daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/564/97/IMG/NR056497.pdf?OpenElement

2. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. – [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime

3. Организация Объединенных Наций. Пятьдесят девятая сессия Генеральной Ассамблеи ООН, пункт 55 повестки дня: Последующие меры по итогам Саммита тысячелетия. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/602/33/PDF/N0460233.pdf?OpenElement.

4. Организация Объединенных Наций. Двенадцатый Конгресс по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Салвадор, Бразилия, 12-19 апреля 2010 года. Доклад о работе Конгресса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/V10/538/30/PDF/V1053830.pdf?OpenElement.

5. Организация Объединенных Наций. Тринадцатый Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Доха, 12-19 апреля 2015 года. – http://www.unodc.org/documents/crime-congress/13th_crime_congress/RPM/RPM4-ECA/V1402504_R.pdf

6. См.: Прошунин М.М. Финансовый мониторинг в системе противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма (российский и зарубежный опыт) Автореф. дис. на соискание…д.ю.н.: 12.00.14/ Максим Михайлович Прошунин. – М., 2010. – 44 с. –Библ.: с.38-43.

7. Торбин Ю.Г., Янчуркин О.В., Маматов В.Г. Противодействие легализации и незаконному выводу за рубеж банковских активов// Журнал российского права, 2016. – №12. – С. 91-98.

8. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 2016 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834.

9. См.: Обобщение Оренбургского областного суда судебной практики рассмотрения районными (городскими) судами Оренбургской области ходатайств о наложении ареста на имущество за 2009 год; справка по результатам изучения судебной практики рассмотрения ходатайств о наложении ареста на имущество за 2009 год (Тюменский областной суд); [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «Гарант»; Обобщение судебной практики применения конфискации имущества при рассмотрении уголовных дел (глава 15^1 УК РФ) Майкопским городским судом за первое полугодие 2013 года. –

Майкопский городской суд республики Адыгея. – [Электронный ресурс]. –Режим доступа: http://maikopsky.adg.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=220.

10. См.: п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)»//БВС РФ. – 2010. – № 8.

11. См., напр.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2017 г. № 185-П16; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2016 г. № 141-П16; Приговор Белгородского областного суда от 16 июня 2011 г. в отношении Дегтева А.А., Карпузова Г.Ю., Агаркова Д.М. и др.; Приговор Московского городского суда от 1 августа 2011 г. № 2-93/11;Приговор Московского городского суда от 6 сентября 2011 г. № 2-59/11; Приговор Московского городского суда от 10 апреля 2013 № 2-13/13; Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 03 июня 2014 г. в отношении Лукьянчикова С.В., Байдина В.В., Татаренко В.П. и др.; Апелляционное постановление по делу № 22-1635 от 25.07.2017, Верховный Суд Республики Бурятия (Республика Бурятия).[Электронный ресурс] //Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

12. См., напр.: Векленко С.В., Самойлова С.Ю. Совершенствование уголовного законодательства в части правовой регламентации конфискации имущества //Вестник Воронежского института МВД России. Вып. № 4, 2010.С.117-123; Зацепин, М.Н.Конфискация имущества как мера противодействия коррупции// Российский юридический журнал, 2012, №5. С.106-113; Буркина О.А., Устинов А.А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции //Вестник Пермского университета. Юридические науки, 2015. Вып. 2 (28). С.119-124.

13. См.: Обобщение судебной практики применения конфискации имущества при рассмотрении уголовных дел (глава 15^1 УК РФ) Майкопским городским судом за первое полугодие 2013 года.

14. См., напр.: Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 января 2013 г. № 72-О12-67: «В соответствии с п. 4.1 ст. 307УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать доказательства, на которых основаны выводы суда о том, что имущество, подлежащее конфискации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления»; Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 мая 2012 г. № 78-О12-20: «Решение суда о конфискации имущества, полученного в результате совершения преступления, должно быть мотивировано в приговоре»; Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 11-О13-21СП:«Суд отменил приговор, вынесенный в отношении осужденных, в части обращения в доход государства в счет конфискации имущества, а дело направил на новое судебное разбирательство в тот же суд со стадии действий суда после вынесения вердикта присяжных заседателей, поскольку решение суда является немотивированным и необоснованным». [Электронный ресурс] //Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

УДК 343.7

УСТАНОВЛЕНИЕ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА, НАРУШАЮЩЕГО АВТОРСКИЕ И СМЕЖНЫЕ ПРАВА
ESTABLISHMENT OF THE SUBJECT TO THE CRIMINAL ENCROACHMENT VIOLATING COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS

Умарова А.М., Кабардино-Балкарский государственный университет, магистрант направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовное право; криминология»

Umarova A.M., Kabardino-Balkarian State University, Master of Direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the master's program «Criminal Law; criminology»

Жирова С.А., Кабардино-Балкарский государственный университет старший преподаватель кафедры экономики и финансов

Zhirova S.A., Kabardino-Balkarian State University senior lecturer of the Department of Economics and Finance

e-mail: *skgi_institut@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена определению объекта преступления, нарушающего авторские смежные права. По мнению авторов, установление объекта посягательства имеет важное значение для выяснения характера его общественной опасности, правильной квалификации и отграничения от других преступлений.

Summary: Article is devoted to definition of an object of the crime violating author's allied rights. According to authors establishment of a subject to encroachment is important for clarification of nature of its public danger, the correct qualification and differentiation from other crimes.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; объект преступления; авторское право и смежные права.

Keywords: intellectual property; object of crime; copyright and allied rights.

В условиях научно-технического прогресса стабильность и устойчивость экономического роста страны зависит от действенных правовых механизмов использования результатов интеллектуальной собственности. Поэтому, охрана и защита интеллектуальной собственности является приоритетным направлением как внутренней, так и внешней государственной политики.

Глобальный центр интеллектуальной собственности Торговой палаты США (GIPC) отмечает ухудшение ситуации с интеллектуальной собственностью в России. Основанием для такой оценки стал ряд причин, в том числе рост потребления нелегального ПО.

GIPC пятый год составляет рейтинг «Корни инноваций», в котором оценивает крупнейшие мировые экономики по индикаторам, касающимся интеллектуальной собственности. В 2017 году (как и прошлом году) первые три места в рейтинге занимают

США, Великобритания и Германия. Россия оказалась на 23 позиции, разместившись между ОАЭ и Турцией. В минувшем году РФ была на 20 месте[1].

По мнению специалистов BSA (Business Software Alliance) и компании IDC, софтверное пиратство - один из главных тормозов мировой экономики. Если удастся снизить его хотя бы на 10 процентных пунктов, то это приведёт к созданию 500.000 новых рабочих мест и позволит влить дополнительно $140 млрд. в экономику США.

На первую строчку рейтинга использования нелицензионного ПО попала Молдова. Среди молдаван оказалось 86 процентов пользователей, у которых на ПК установлено пиратское программное обеспечение. На второй строчке разместилась Беларусь, где современных пиратов насчитали 85 процентов. Замыкает тройку Украина, с 82 процентами пиратского программного обеспечения.

В России 64 процента взломанного софта. Всем известно, что в России приобрести пиратскую продукцию гораздо проще, чем лицензионную. Объём похищенного за год в России оценивается на сумму $2,6 млрд. Что касается самых развитых стран мира, то и там многие используют пиратское ПО. К примеру, в Италии недобросовестных пользователей софта 45 процентов, а во Франции 34 процента. Также пятая часть пользователей Германии, Британии и Японии пользуются подобным ПО. В США всего 17 процентов взломанного софта. А вот Зимбабве таким похвастаться не может, так как 9 из 10 пользователей этой страны (90%) используют нелицензионный софт[2].

На сегодняшний день мы видим многочисленные разработки авторов произведения науки, литературы и искусства, которые поднимают не только экономическое развитие страны, но и непосредственно престиж России на мировой арене. Однако существует серьезная проблема, которая является помехой для модернизации государства. В соответствии с отчетом Международного альянса интеллектуальной собственности за 5 февраля 2016 г. Россия попала в так называемый список «второго эшелона». Фактически она оказалась в списке стран с высоким уровнем пиратства, в которых, тем не менее, правительство предпринимает успешные попытки по борьбе с незаконным распространением контента [3, с.167].

Конституция РФ гарантирует каждому гражданину свободу литературного, художественного, научного, технического, других видов творчества. (ст. 44). В этой статье вводится понятие «интеллектуальная собственность» и указывается, что она охраняется законом (гл.70 «Авторское право», гл.71 «Права, смежные с авторскими» части четвертой ГК РФ.

Под интеллектуальной собственностью понимаются охраняемые законом результаты творческой деятельности человека в любой сфере, независимо от назначения и достоинства произведения. В законе это называется объектами авторского права, которое распространяется как на обнародованные произведения, так и на необнародованные, но существующие в объективной форме: письменной, устной, звуко- и видеозаписи, объемно-пространственной (скульптура, модель, макет и т.д.) [4, с.189].

Установление объекта преступления имеет важное значение для выяснения характера общественной опасности посягательства, его правильной квалификации, отграничения от

других преступлений, поскольку особенности и свойства объекта преступления позволяют наиболее полно раскрыть содержание преступления, его юридические признаки.

Понятие объекта преступления при нарушении авторских и смежных прав вызывает немало споров в среде научных и практических работников. В некоторой степени это обусловлено различиями в подходах при определении общего объекта преступления, присущего любому общественно-опасному деянию.

Объектом преступления принято считать то, на что посягает лицо, совершающее преступление и чему причиняется или может быть причинен вред [5, с. 178]. Исходя из данного подхода, приоритет в уголовно-правовой охране отдан личности, её правам и законным интересам. Применительно к авторскому праву и смежным правам объектом преступлений должны выступать свобода творческой деятельности, право на защиту своего произведения, объектов смежных прав.

В советской юридической литературе объект преступления определялся в виде общественных отношений, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств. При этом, подобная трактовка объекта, например, при характеристике объекта по преступлениям против собственности вполне справедлива. Так как объектом, в самом деле, выступает не само похищенное имущество, а совокупность общественных отношений, вытекающих из права владения, пользования и распоряжения. Исходя из этого, объект преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ, должен определяться как общественные отношения в сфере авторских и смежных прав на произведения науки, литературы и искусства, фонограммы, исполнения, постановки, передачи организаций эфирного и кабельного вещания. Однако, не все так просто.

Как справедливо отмечает Новоселов Г.П., отправным следует счесть ответ на вопрос не о том, что такое общественные отношения как объект преступления, а о том, обоснованно ли их вообще рассматривать в этом качестве. Конечно, как и многие другие научные отрасли знаний, уголовное право не может обойтись без использования данной категории, однако вовсе не потому, что всякое преступление посягает на общественные отношения, и только на них, а потому, что, совершая преступление, виновный тем самым вступает в отношения с другими людьми, иначе говоря, определенным образом относится к ним. Лишь в этом случае появляется возможность не только дать целостную характеристику преступления, предполагающую рассмотрение его, по образному выражению Л. В. Франка, в виде не столько некоторого круга, в центре которого находится виновный, сколько определенного рода эллипса, фокусами которого выступают преступник и жертва, но и сформулировать соответствующее понятие объекта посягательства. Для решения этой задачи ученый формулирует следующие положения:

- объект преступления есть не само общественное отношение, а лишь одна его сторона;

- объект преступления предполагает, что им является определенный участник отношений, а стало быть, объект - это всегда люди (отдельное лицо или группа лиц);

- объект преступления есть не любой участник общественного отношения, а тот, против которого направлены действия активной стороны отношения, его субъекта [4, с. 211].

Таким образом, с учетом изложенного выше объектом преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ необходимо признать:

- охраняемые законом права авторов на результаты их творческой деятельности;

- охраняемые законом права других творческих работников, которые на законных основаниях (договорах) используют научные, литературные, музыкальные произведения (доводят их до широких кругов слушателей, зрителей, научной общественности) в форме аудио- и видеозаписи, изготовление и воспроизведение фонограммы и т. п.

В соответствии со статьей 1255 ГК РФ, автору произведения принадлежат следующие права:

1) исключительное право на произведение;

2) право авторства;

3) право автора на имя;

4) право на неприкосновенность произведения;

5) право на обнародование произведения.

Права авторства не совпадает с правом на имя. Право на имя позволяет использовать произведения под своим именем, под вымышленным именем (псевдонимом) или без указания имени**.** Опираясь на право авторства, а не на какое-либо иное правомочие, автор требует защиты своих интересов в случае присвоения авторства другим лицом (плагиат) или если авторство приписывается другим лицам. Право авторства может осуществляться только автором. Согласно п. 1 ст. 1265 ГК РФ право автора на имя является неотчуждаемым и непередаваемым. Использовать или разрешать использование произведения под именем автора, под вымышленным именем или без указания имени дозволено только самому автору. Согласно ст. 1228 ГК РФ право авторства и иные личные неимущественные права автора неотчуждаемы и непередаваемы. Отказ от этих прав ничтожен.

Литература

1. Подробнее: http://www.securitylab.ru/news/485283.php

2. https://oneprog.ru/topics/rejting-ispolzovaniya-nelicenzionnogo-po-v-kakih-stranah-bolshe-piratov.html

3. Бабурин В.В., Хоперсков Д.В. Объект преступления, предусмотренный ст.146 УК РФ //Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики РФ. Омск, 2016.

4. Уголовное право. Особенная часть: учебник /Отв. ред. И. Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

5. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций в двух томах. Т.1. Общая часть. М., 2017.

УДК 343.7

ПЛАТЕЖНЫЕ КАРТЫ И РАСПОРЯЖЕНИИЯ О ПЕРЕВОДЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ДОКУМЕНТОВ ИЛИ СРЕДСТВ ОПЛАТЫ (СТАТЬЯ 187 УК РФ)

PAYMENT CARDS AND ORDERS ABOUT MONEY TRANSFER, DOCUMENTS OR MEANS OF PAYMENT (ARTICLE 187 CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Хежева З.И., Кабардино-Балкарский государственный университет, магистрант направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовное право; криминология»

Hezheva Z.I. Kabardino-Balkarian State University, the undergraduate of the direction 40.04.01 «Law» of the master program «Criminal law; criminology»

Хаджиев Э.М., Кабардино-Балкарский государственный университет, магистрант направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовное право; криминология»

Hajiyev E.M., Kabardino-Balkarian State University the undergraduate of the direction 40.04.01 «Law» of the master program «Criminal law; criminology»

e-mail: *skgi_institut@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена определению свойств платежных карт и распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных статьей 186 настоящего Кодекса), могущих наряду с электронными средствами, электронными носителями информации, техническими устройствами, компьютерными программами выступать в качестве предмета преступления, предусмотренного ст.187 УК РФ.

Summary: Article is devoted to determination of properties of payment cards and orders about money transfer, documents or means of payment (except for the cases provided by article 186 of the present Code) able along with electronic means, electronic media of information, technical devices, computer programs to act as a subject of the crime provided by Art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: платежная (банковская) карта; распоряжения о переводе денежных средств, документов или средств оплаты; платежная система.

Keywords: payment (bank) card; orders about money transfer, documents or means of payment; payment service provider

Научно-технический прогресс, ознаменовавший стремительное развитие информационных технологий не мог не отразиться на различного рода рыночных инструментах хозяйственного оборота, к числу которых следует отнести расчеты с использованием банковских карт. Денежные расчеты с использованием банковских карт позволяют значительно сэкономить на издержках обращения и просты в обслуживании.

Поэтому, оплата по карте становится повсеместной нормой и порой даже более предпочтительна, чем использование наличных.

В то же время, необходимо отметить, что массовость, простота и быстрота использования пластиковых карт, компьютерных технологий, их общедоступность влияют не только на бурное развитие банковской деятельности, но и порождают возникновение новых видов преступлений. С увеличением количества расчетов, производимых с использованием банковских карт, значительно возросло количество преступлений в сфере экономики. Ежегодно повышается не только их общественная опасность таких преступлений, но и распространяется география их совершения. Вышесказанное диктует необходимость принятия государством ответных мер.

Федеральным законом от 8 июня 2015 г. № 153-ФЗ внесены изменения в редакцию ст. 187 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за неправомерный оборот средств платежей. Теперь, статьей предусмотрена ответственность за «изготовление, приобретение, хранение, транспортировку в целях использования или сбыта, а равно сбыт поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных статьей 186 настоящего Кодекса), а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств». Таким образом, новая редакция охватывает все карты, в том числе и предоплаченные.

Законодателем учтено многообразие информационно-коммуникационных технологий, используемых при расчетах в системах дистанционного банковского обслуживания, в отношении которых совершаются незаконные манипуляции [1, с.140].

Исходя из диспозиции новой редакции ст. 187 УКРФ предметом преступления могут выступать:

1) поддельные платежные карты;

2) распоряжения о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных ст. 186 УК РФ);

3) электронные средства;

4) электронные носители информации;

5) технические устройства;

6) компьютерные программы, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств.

В рамках этой статьи рассмотрим поддельные платежные карты и распоряжения о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных ст. 186 УК РФ).

Под банковскими картами в соответствии с п. 1.5 Положения Центрального банка России от 24 декабря 2004 г. № 266-П «Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием» понимаются кредитная, расчетная и предоплаченная карты. Иными словами, платежная карта (или банковская карта) - это персонифицированная пластиковая карта, которая имеет привязку к расчетному счету в банке (или нескольким

счетам), используемая для безналичной оплаты товаров и услуг, а также получения наличных денег.

Из международных платежных систем в России активно функционируют MasterCard WorldWide, VISA International, менее представлены системы Diners Club и American Express, China UnionPay. При этом MasterCard и VISA являются лидерами рынка, предлагая сходную и достаточно широкую линейку продуктов. На частый вопрос клиентов «Какую же карту лучше выбрать: MasterCard или VISA, какие у них отличия и особенности?» сотрудник банка может с некоторым основанием ответить, что эти системы практически идентичны и отличий у карт этих систем не больше, чем отличий у напитков Coca-Cola и Pepsi-Cola. В свою очередь, продукты систем Diners Club и American Express относятся к премиальному сектору и характеризуются значительным сервисным пакетом и, соответственно, высокой стоимостью обслуживания [2, с. 317].

С 1 апреля 2015 года платежи внутри России по всем пластиковым картам, включая Visa и MasterCard, проходят через Национальную Систему Платёжных Карт (НСПК) - оператора платёжной системы «Мир». Законодательно установленной целью создания НСПК является обеспечение бесперебойности, эффективности и доступности оказания услуг по переводу денежных средств (ч. 1 от. 30.1 Федерального закона № 161-ФЗ «О Национальной платёжной системе») и совершенствование механизма сбора обеспечительных взносов операторов платёжных систем, не являющихся национально значимыми. АО «Национальная система платёжных карт» (АО НСПК) было создано 23.07.2014г. после того как в марте 2014 года США ввели санкции против России из-за присоединения Крыма, и международные платёжные системы Visa и MasterCard остановили обслуживание карт нескольких российских банков в ряде банкоматов страны.

Ряд кредитных организаций осуществляет выпуск виртуальных карт, представляющих собой банковскую предоплаченную карту, у которой отсутствует материальный носитель, электронное средство платежа, предназначенное для совершения операций физическими лицами только через Интернет (с использованием реквизитов карты, кодов CVC2 или CVV2 и т.д.).

Соответственно, поскольку все карты, за исключением последней (виртуальной), представляют собой материальный носитель, на котором с помощью определенной системы символов и знаков закреплена необходимая информация для передачи ее во времени и пространстве, пластиковые карты являются документами, содержащими различные способы защиты.

Пластиковая карта согласно ГОСТ Р ИСО/МЭК 7810-2006 прямоугольной формы размерами 85,59 мм на 53,98 мм, толщиной 0,76 мм, с радиусом закругления краев 3,18 мм [3].

Стандартная пластиковая карта изготавливается из полимерных материалов, как правило, из акрилонитрилбутадиенстирола. Ряд требований предъявлен к материалу карты и закреплен в ГОСТ Р ИСО/МЭК 7810-2006. В частности: жесткость на изгиб, устойчивость к горению, нетоксичность, химическая стойкость, стабильность при воздействии температуры от –350С до +500С при относительной влажности от 5% до 95%, светостойкость,

долговечность, прочность сцепления, определенная степень слипаемости, термостойкость, а также он не должен загрязнять устройства сопряжения и обработки карт [4, с.216].

Под распоряжениями о переводе денежных средств, документов или средств оплаты понимаются платежные поручения, аккредитивы, инкассовые поручения и другие расчетные документы, оформленные в установленном порядке и не обладающие признаками ценной бумаги, определение которой содержится в ч. 1 ст. 142 ГК РФ.

В соответствии с положением Центробанка РФ от 19 июня 2012 г. № 383-П «О правилах осуществления перевода денежных средств» [5] перевод денежных средств осуществляется банками по распоряжениям клиентов, взыскателей средств, банков в электронном виде, в том числе с использованием электронных средств платежа, или на бумажных носителях.

Положением определены следующие формы перевода в рамках безналичных расчетов: 1) расчеты платежными поручениями; 2) расчеты по аккредитиву; 3) расчеты инкассовыми поручениями; 4) расчеты чеками; 5) расчеты в форме перевода денежных средств по требованию получателя средств (прямое дебетование); 6) расчеты в форме перевода электронных денежных средств.

Однако необходимо отметить, что перечень распоряжений о переводе денежных средств, приведенный выше, не является исчерпывающим. Так, согласно п.1.11 положения № 383-П «распоряжения, для которых не установлены перечень реквизитов и формы, составляются отправителями распоряжений с указанием установленных банком реквизитов, позволяющих банку осуществить перевод денежных средств, и по формам, установленным банком или получателем средств по согласованию с банком».

Литература

1. Хисамова З.И. Неправомерный оборот средств платежей в контексте норм об ответственности за преступления, совершаемые в отношении информационно-коммуникационных технологий//Общество и право. 2015, №4.

2. Полевая К.Д. Вопросы правового регулирования расчетов с использованием банковских карт //Глобализация и публичное право. Москва, РУДН, 2013.

3. Приказ Ростехрегулирования от 27 декабря 2006 г. № 395-ст «Об утверждении национального стандарта» (ГОСТ Р ИСО/МЭК 7810-2006).

4. Веснина С.Н., Неустроева А.В. Пластиковые карты как предмет преступного посягательства неправомерного оборота средств платежей // Вестник СГЮА. 2016, №4(111).

5. «Положение о правилах осуществления перевода денежных средств» (утв. Банком России 19.06.2012 № 383-П) (ред. от 05.07.2017) (Зарегистрировано в Минюсте России 22.06.2012 №24667)

УДК 343.2

УЧЕТ ЛИЧНОСТИ ВИНОВНОГО, СМЯГЧАЮЩИХ И ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ВЗЯТКОПОЛУЧАТЕЛЮ

THE ASSESSMENT OF THE ACCUSED PERSONALITY, MITIGATING AND AGGRAVATING CIRCUMSTANCES WHEN SENTENCING A BRIBE-TAKER

Чуклина Э.Ю., младший научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону

Chuklina E.Y., Junior researcher, The Institute for Social and Economic Research and Humanities of Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don

e-mail: *die_sehnsucht@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена исследованию некоторых особенностей назначения наказания за получение взятки. В результате анализа приговоров установлено, каким образом учет личности виновного, а также смягчающих и отягчающих обстоятельств влияет на назначение наказания взяткополучателю.

Abstract: The article is devoted to the study of some features of punishment for bribery. As a result of analysis of sentences established how the assessment of the accused personality and mitigating and aggravating circumstances affects the sentencing.

Ключевые слова: личность взяткополучателя, смягчающие и отягчающие обстоятельства, наказание.

Keywords: a bribe-taker, mitigating and aggravating circumstances, sentencing.

Одним из основополагающих принципов уголовного права является принцип справедливости наказания. Правила, которыми суд обязан руководствоваться при определении конкретного вида и размера наказания виновному, предусмотрены ст. 60 Уголовного Кодекса РФ. Так, данная норма содержит требование учета личности виновного, смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства, влияние наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Учет личности виновного – это важный критерий индивидуализации уголовного наказания. Однако в уголовно-правовых нормах отсутствуют положения относительно того, какие именно свойства личности необходимо принимать во внимание суду. В этой связи в юридической литературе сложилось два подхода – узкий и широкий – к определению свойств личности, обязательно учитываемых судом при назначении наказания. По мнению сторонников узкого подхода, судам надлежит учитывать только связанные с совершенным преступлением свойства и характеристики личности в зависимости от состава преступления или установленных законом особенностей уголовной ответственности и наказания отдельных категорий лиц [1, с. 175; 8, с. 108]. Широкий подход предполагает учет различных свойств и характеристик личности виновного, в том числе находящиеся вне связи с совершенным преступным деянием. Так, Т. В. Непомнящая выделяет 3 группы значимых

при назначении наказания сведений о личности виновного: 1) социально-демографические данные (пол, возраст, наличие семьи, образование, место работы, бытовые и производственные характеристики и др.); 2) психофизиологические (состояние здоровья, характер, темперамент); 3) правовой статус (достижение возраста уголовной ответственности и наличие судимости) [11, с. 60]. А. В. Ищенко полагает необходимым учитывать 4 группы личностных свойств: 1) общесоциальная характеристика, т.е. уровень социальной зрелости, образованность, отношение к труду и т.д.; 2) психофизическое состояние; 3) сведения об условиях воспитания; 4) постпреступное поведение [6, с. 13].

При этом в постановлениях Пленума Верховного суда РФ «О практике назначения судами уголовного наказания» от 11.07.1999 № 40 и «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» от 11.07.2007 № 2 содержались лишь общие предписания о необходимости учитывать характеризующие подсудимого сведения. Относительно подробные рекомендации появились в постановлении от 29.10.2009 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания», согласно п. 2 которого к сведениям о личности виновного относятся как имеющие уголовно-правовое значение, так и иные находящиеся в распоряжении суда данные (семейное и имущественное положение, состояние здоровья, поведение в быту, наличие на иждивении нетрудоспособных лиц).

Таким образом, Верховный суд РФ закрепил широкий подход к определению свойств личности виновного, учитываемых при назначении наказания. Эта же позиция сохранилась в постановлении Пленума ВС РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», отменившего действие постановлений 2007 и 2009 гг.

Помимо учета личности виновного обеспечению справедливости уголовного наказания способствует учет смягчающих и отягчающих обстоятельств в соответствии с правилами, предусмотренными ст. ст. 61 – 63 УК РФ.

В данной статье представлены результаты анализа 100 уголовных дел о получении взятки (ст. 290 УК РФ), рассмотренных районными судами г. Ростова-на-Дону в период с 2011 по 2016 гг., на предмет учета личности виновного, а также смягчающих и отягчающих обстоятельств при назначении наказания. Выбор данной категории дел обусловлен двумя факторами.

С одной стороны, получение взятки, будучи наиболее распространенной формой коррупции, оказывает разрушительное воздействие на общественные, политические и экономические процессы в стране. И поэтому назначение справедливого наказания в соответствии с установленными уголовным законом правилами служит мерой профилактики коррупции.

Однако, с другой стороны, субъект получения взятки специальный – это должностные лица, имеющие высшее образование и соответствующие занимающей должности квалификацию, навыки, опыт, награды, грамоты и другие достижения по службе, без «криминального прошлого». Иными словами, взяточники являются представителями благополучной части общества, иногда даже «элиты» в случае занятия начальствующих должностей государственной и муниципальной службы (к примеру, главы администрации,

начальника полиции). В этой связи уголовные дела о получении взятки достаточно показательны для оценки полноты и справедливости учета судами личности виновного, смягчающих и отягчающих обстоятельств при назначении наказания.

По результатам изучения материалов уголовных дел, установлено, что следственные органы собирают достаточное количество информации о личности виновного, представленной, как правило, следующими документами: 1) копия паспорта или иного удостоверяющего личность документа; 2) сведения о привлечении лица к уголовной ответственности ранее (справки информационного центра ГУ МВД по Ростовской области, оперативно-статистическая картотека); 3) копии документов, характеризующих должностное положение лица (трудового договора, трудовой книжки, должностной инструкции, устава организации-места работы); 4) копии документов, подтверждающих семейное положение лица (свидетельства о заключении / расторжении брака, рождении детей, усыновлении и др.); 5) характеристики с места жительства и работы; 6) справки врача-нарколога, врача-психиатра; 7) документы, удостоверяющие наличие инвалидности, заболеваний, беременности как у виновного лица, так и у его родственников; 8) документы, подтверждающие наличие наград в связи с исполнением служебных обязанностей, копии почетных грамот, благодарственных писем.

Как показал анализ приговоров, суды отражают в мотивировочной части представленные следствием сведения в полной мере. Опираясь на предложенную Т. В. Непомнящей классификацию свойств личности, следует констатировать, что районные суды учитывали такие свойства личности взяткополучателя, как:

1) социально-демографические данные: характеристика по месту жительства и работы (100), наличие иждивенцев (46), наличие наград, почетных грамот, благодарственных писем и других отличий по службе (18), семейное положение (наличие жены – 3, супруга в отпуске по уходу за ребенком – 1, родители пенсионного возраста – 1), пенсионный возраст (4), тяжелоематериальное положение (2);

2) психофизиологическое состояние: наличие заболеваний (14), беременность (5), инвалидность (4);

3) правовой статус: привлечение к уголовной ответственности впервые (48), отсутствие судимости (47).

Все учитываемые в приговорах сведения о личности подсудимого положительно характеризуют виновного, указывая на его законопослушность до момента привлечения к ответственности по ст. 290 УК РФ, а также добросовестное отношение к службе, приличное поведение в быту и заботу о нетрудоспособных родственниках. Только в одном уголовном деле виновный отрицательно характеризовался по месту работы.

Достаточно интересные результаты получены по итогам изучения приговоров на предмет учета смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств. Так, установлено, что в 97 приговорах учтены смягчающие обстоятельства, в 7 – отягчающие обстоятельства и только в 3 приговорах отсутствуют какие-либо смягчающие и отягчающие обстоятельства.

По делам о получении взятки районные суды учитывали следующие смягчающие обстоятельства: деятельное раскаяние и чистосердечное признание (62), положительные характеристики по месту жительства и работы (49), наличие на иждивении

нетрудоспособных лиц (45), признание вины (43), привлечение к уголовной ответственности впервые (37), отсутствие судимости (28), активное способствование раскрытию и расследованию преступления (31), явка с повинной (19), наличие заболеваний, инвалидности и других проблем со здоровьем (16), не состоит на учете у психиатра и нарколога (12), награды, почетные грамоты и другие отличия по службе (8), наличие постоянного места жительства (5), стечение тяжелых жизненных обстоятельств (5), беременность (5), преклонный возраст (4).

Сравнивая перечни учитываемых свойств личности взяткополучателя и устанавливаемых судом смягчающих обстоятельств, нетрудно заметить, что одно и то же обстоятельство может рассматриваться в качестве смягчающего либо не признаваться таковым. В п. 28 постановления Пленума ВС РФ № 58 отмечается право суда признавать в качестве смягчающих такие обстоятельства, как признание вины, раскаяние в содеянном, наличие несовершеннолетних детей, иждивенцев престарелого возраста, состояние здоровья, наличие наград и др.

Так, присутствующие в каждом деле о получении взятки положительные характеристики по месту жительства и работы виновного признаны смягчающими обстоятельствами почти в половине приговоров. Отсутствие судимости признано смягчающим наказание обстоятельством только в 28 случаях из 47. Достижения по службе, подтвержденные наградами, почетными грамотами, благодарственными письмами и др., учтены судом в качестве смягчающих в 8 приговорах из 18.

Все это наглядно демонстрирует не раз поднимаемую учеными проблему разграничения обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, и обстоятельств, характеризующих личность [4, с. 184; 7, с. 13].

Видится два способа решения проблемы разграничения смягчающих и отягчающих обстоятельств, с одной стороны, и характеризующих личность свойств, с другой.

Первое заключается в выделении в УК РФ самостоятельного правила об учете личности с перечнем учитываемых свойств и их влиянии на вид и размер наказания (по примеру ст. 62 УК РФ). Второй способ состоит в установлении обязанности судов подробно описывать в мотивировочной части приговора, почему данное конкретное обстоятельство суд признает смягчающим или отягчающим.

Представляется приемлемым именно второй вариант разграничения по двум причинам. С одной стороны, невозможно законодательно предусмотреть все возможные свойства личности, имеющие значение для назначения наказания (именно поэтому в ст. 61 УК РФ перечень открытый). А с другой, – возложение обязанности на суд потребует от суда более тщательного изучения материалов дела, что, в свою очередь, обеспечит индивидуализацию наказания.

Как было указано выше, в приговорах были установлены и отягчающие обстоятельства, к которым отнесены: совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел (5), совершение преступления в составе группы лиц (2).

Несмотря на то, что Конституционный суд счел норму, выраженную п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ, непротиворечащей конституционному принципу равенства всех перед законом (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2011 года №

1623-О-О «По запросу Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта "о" части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации», определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2012 года № 1330-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Дмитрия Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации», определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 2013 года № 129-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нигматзянова Рамиля Наиловича на нарушение его конституционных прав пунктом "о" части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации»), судебная практика не отличается единообразием в части учета данного обстоятельства при назначении наказания.

В частности, по результатам настоящего исследования установлено, что обвинительные приговоры были вынесены в отношении 22 сотрудников органа внутренних дел, однако только в 5 случаях учтено отягчающее обстоятельство, предусмотренное п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ. При этом в мотивировочной части приговоров не указывается причины признания либо непризнания данного обстоятельства.

Расхождение мнений характерно и для судов апелляционной инстанции. К примеру, в 2014 г. судебная коллегия по уголовным делам Ростовского областного суда в ответ на доводы государственного обвинителя о необоснованном исключении из обстоятельств, отягчающих наказание сотруднику полиции, указание на п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ, высказала следующее: «Согласно закону, если в соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, то оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания» (Апелляционное определение № 22-1153/2014 от 2 апреля 2014 г. по делу № 22-1153/2014).

В 2015 г. другой состав судебной коллегии выразил противоположную точку зрения, постановив в ответ на доводы защитника, что субъектом ст. 290 УК РФ является должностное лицо и в ее диспозиции не указан такой признак, как совершение преступления сотрудником органа внутренних дел. Поэтому понятием «должностное лицо» не охватывается установленное в п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельство (Апелляционное определение № 22-2325/2015 от 20 мая 2015 г. по делу № 22-2325/2015).

Обеспечить единый подход может внесение в постановление Пленума ВС РФ от 22.12.2015 № 58 четкого разъяснения, по каким именно умышленным преступлениям суд обязан учитывать данное обстоятельство: 1) по общеуголовным всегда; 2) по общеуголовным за исключением тех, которые совершены с использованием служебного положения; 3) по общеуголовным (первый или второй вариант) и должностным.

По нашему мнению, исходя из сложившейся судебной практики [5, с. 75], следует предусмотреть обязательный учет судами п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ в случае совершения сотрудником органа внутренних дел умышленного общеуголовного преступления за исключением вменения квалифицированного состава преступления – «совершенное с использованием служебного положения».

Наконец, в результате анализа резолютивной части приговоров установлено следующее: штраф в качестве основного наказания назначен 48 осужденным; к лишению свободы приговорено 35 лиц (28 условно); в 48 случаях штраф назначен в качестве дополнительного наказания; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью постановлено в отношении 70 лиц на срок от 6 месяцев до 3 лет.

Важно заметить, что назначенное с учетом смягчающих обстоятельств наказание, как правило, является минимальным или близко к минимальному в рамках санкции соответствующей части ст. 290 УК РФ независимо от количества таких обстоятельств. К примеру, в 2013 г. по ч. 1 ст. 290 УК РФ осужденному было назначено наказание в виде штрафа в размере 30-кратной суммы взятки с лишением права заниматься профессиональной деятельностью на 1 год. При этом суд учел такие смягчающие обстоятельства, как явка с повинной, полное признание вины и раскаяние в содеянном, наличие заболевания, дочери-инвалида на иждивении.

В 2014 г. другой осужденный по ч. 1 ст. 290 УК РФ получил аналогичное наказание, однако смягчающим было признано только одно обстоятельство – наличие малолетнего ребенка.

В целях обеспечения принципа справедливости зависимость между количеством смягчающих (отягчающих) обстоятельств и размером наказания должна быть более четкой. В этой связи в постановлении Пленума ВС РФ следует закрепить рекомендации назначать размер наказания в зависимости от количества смягчающих и отягчающих обстоятельств: чем больше смягчающих обстоятельств, тем ближе размер наказания к минимальному в рамках санкции статьи; чем больше отягчающих обстоятельств, тем ближе размер наказания к максимальному в рамках санкции статьи; при наличии и смягчающих, и отягчающих обстоятельств наказание должно соответствовать среднему размеру в рамках санкции статьи.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

1. Суды учитывают данные о личности виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства при назначении наказания взяткополучателям в полной мере.

2. В числе данных о личности взяткополучателя заметно преобладают положительно характеризующие сведения. Среди обстоятельств, влияющих на наказание, превалируют смягчающие обстоятельства, среди которых наиболее распространенным является деятельное раскаяние и чистосердечное признание (учтены в 62 приговорах).

2. Размеры назначенных наказаний, как правило, являются минимальными либо стремятся к нижнему пределу санкции соответствующей части ст. 290 УК РФ. Преимущественно в качестве основного наказания взяткополучателям назначается самое мягкое из наказаний – штраф.

3. В судебной практике по делам о получении взятки отсутствует единый подход к решению следующих вопросов: 1) разграничение обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, и обстоятельств, характеризующих личность; 2) признание в качестве отягчающего предусмотренное п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельство; 3) соответствие количества смягчающих и (или) отягчающих обстоятельств размеру наказания.

4. Оптимальным способом устранения возникающих в судебной практике противоречий может служить установление четких рекомендаций по указанным вопросам в постановлении Пленума ВС РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

Литература

1. Алексеева А.П., Иванов А.С. Обзор изменений в антикоррупционном законодательстве // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 91 – 96

2. Арямов, А.А. Общетеоретические основы учения об уголовном наказании: дисс. … д.ю.н. СПб. 2004.288 с.

3. Бытко, С.Ю. Взяточничество: оценка эффективности уголовного наказания // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 3 (35). С. 137 – 142

4. Горелик, А.С. Обстоятельства, влияющие на размер наказания // Актуальные вопросы правоведения на современном этапе. Томск. 1986. 272 с.

5. Жилкин. М.Г. Совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел как обстоятельство, отягчающее наказание // Вестник Московского университета МВД Росси. 2013. № 9. С. 74 – 79

6. Ищенко, А.В. Назначение наказания по Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Юрлитинформ.2002. 233 с.

7. Качан, М.И. Обстоятельства, смягчающие наказание, в российском уголовном праве: автореферат дис. … к.ю.н. 12.00.08. Р/н/Д. 2005. 25 с.

8. Мельникова, Ю.Б. Личность преступника и индивидуализация уголовного наказания // Советское государство и право.1972.№8.С.104 – 109

9. Михайлов, В.И. Эволюция законодательства об ответственности за взяточничество // Уголовное право. 2016. № 5. С. 46 – 56

10. Муромцев, Г.И., Сорочкин, Р.А. Проблемы применения п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ в рамках уголовно-правового механизма борьбы с коррупцией // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2012. № S5. С. 11 – 17

11. Непомнящая, Т.В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 2006. 781 с.

УДК 343.9

ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ ПО НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ СО СТОРОНЫ ЗАЩИТНИКА (АДВОКАТА)

TACTICAL AND FORENSIC TECHNIQUES FOR THE NEUTRALIZATION OF COUNTERACTION TO INVESTIGATION ON THE PART OF DEFENCE COUNSEL (OF COUNSEL)

Шадрин О.Ю., Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент, член Российской секции Международной полицейской ассоциации

Shadrin O.Yu., Stavropol branch of Krasnodar University Ministry of internal Affairs of Russia, associate Professor of criminal process, candidate of legal Sciences, associate Professor, member of Russian section of International police Association

e-mail: *narval20@yandex.ru*

Аннотация: Рассмотрены основные тактические приёмы по нейтрализации противодействия расследования со стороны защитника правоохранительными органами в современных условиях.

Annotation: Describes the main tactics of neutralize the opposing investigation by the defender of law enforcement in modern conditions.

Ключевые слова: противодействие расследованию, тактический приём, следователь, защитник.

Key words: counter investigation, tactic, investigator, protector.

Изменение социально-политической и экономической ситуации в России в начале 90-х гг. прошлого века привело к повсеместной эскалации преступности. Это вызвало появление новых способов противодействия деятельности правоохранительных органов, в частности, органов расследования, и росту самих фактов противодействия. Если раньше о противодействии расследованию преступлений упоминали только в форме сокрытия следов преступной деятельности, и научные исследования проводились преимущественно в этой области, то в настоящее время ситуация в корне поменялась. Возник так называемый «социальный заказ» на разработку проблемы преодоления противодействия расследованию.

Фундаментальный вклад в развитие криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию внесли научные труды профессора В.Н. Карагодина[1]. Последующие исследования данной проблемы, так или иначе, основывались на предложенной им концепции.

Научная разработка вопроса преодоления противодействия расследованию со стороны указанного субъекта вызывает повышенный интерес у ученых, прежде всего, в части разработки тактических приемов преодоления (нейтрализации) деятельности адвокатов по противодействию объективному процессу расследования преступлений.

Деятельность адвокатов как нам представляется, следует рассматривать в аспекте оказания противодействия расследованию только в случае воспрепятствования объективному его проведению.

Представляется, что об эффективности производства объективного расследования при противостоянии сторон обвинения и защиты можно говорить лишь при наличии эффективной системы профилактики фактов противодействия со стороны зашиты. Меры по профилактике противодействия можно классифицировать по следующим основаниям:

1. По субъектам осуществления профилактической деятельности: меры, осуществляемые сотрудниками следственных подразделений, сотрудниками оперативно-розыскных аппаратов, прокурорами при поддержании государства того обвинения в суде, экспертами (специалистами) в ходе выполнения экспертных задач, руководителями и членами адвокатских палат.

2. По объектам предполагаемого профилактического воздействия меры, предпринимаемые в отношении адвокатов (защитников), подозреваемых (обвиняемых, подсудимых), свидетелей (потерпевших), материальных источников доказательственной информации.

3. По содержательной стороне профилактической деятельности: состоящие в методическом обеспечении профилактики, в информационно-техническом и правовом (законодательном) обеспечении профилактики.

Раскроем содержание указанных мер и проблем, сопровождающих их реализацию. Следователь, являясь руководителем процесса расследования, обладает максимумом информации. Он первый сталкивается с фактами противодействия со стороны защитника и потенциально должен быть готовым к этому, а значит обязан своевременно предпринять меры по нейтрализации такого противодействия. Эмпирические знания о формах, способах и приемах противодействия расследованию преступлений, а также комплекс тактических средств по его нейтрализации, позволяет следователю прогнозировать возможность оказания такового со стороны защитника и принять меры упреждающего характера. Профилактические меры могут иметь различную направленность, от бытовой (соблюдение норм профессиональной этики) до тактической. В юридической литературе неоднократно освещалась проблема профессиональной этики субъектов расследования, необходимость тактичного и вежливого обращения с участниками уголовного процесса. Нередко следователи сами провоцируют оказание противодействия своим грубым, неэтичным поведением как с подследственными, так и их защитниками [2. С.53-55].

К мерам тактического характера отнесем соблюдение тайны следствия и, прежде всего, сохранение в тайне, насколько это возможно, информации о свидетелях и потерпевших.

Необходимость оперативно-розыскного сопровождения процесса расследования довольно часто затрагивается в научных публикациях. В частности, указывается, что одной из мер по обеспечению объективного расследования и судебного разбирательства, является оперативно-розыскное обеспечение, предпринимаемое субъектами ОРД. Для этого необходимо тесное взаимодействие следственных аппаратов с оперативно-розыскными подразделений. Между тем, по нашему мнению, указанные меры необходимо

предпринимать в случаях силового воздействия либо угрозы подобного воздействия на участников судопроизводства со стороны заинтересованных лиц (меры, состоящие в прослушивании телефонных переговоров, аудио-контроле разговоров с участниками процесса, обеспечении сопровождения участников расследования и т.п.).

С нашей точки зрения, оперативное сопровождение должно непременно осуществляться во всех случаях, когда в уголовном деле участвуют защитники, ранее замеченные в фактах оказания противодействия расследованию, в целях своевременного реагирования на попытки и факты воздействия на источники доказательственной информации.

Закон «Об ОРД» разрешает проведение оперативно-розыскных мероприятий при наличии достаточных оснований и соблюдении условий, указанных в ст.7-9. При этом закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (от 31.05.2002 г.) в ч.3 предоставляет возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвокатов на основании решения суда. Таким образом, на законодательном уровне формально урегулирован порядок оперативно-розыскного сопровождения процесса расследования при участии в деле «недобросовестных» адвокатов.

Но фактически реализация предлагаемых профилактических мер становится невозможной в силу ряда причин: нежелание начальника оперативного подразделения, судьи «провоцировать» заведомо скандальную, возможно, резонансную ситуацию; наличие коррумпированных сотрудников правоохранительных органов, разглашающих сведения о проводимых мероприятиях заинтересованным лицам; «волны» возмущений со стороны членов адвокатских палат и «общественности» после предъявления результатов проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Экспертная профилактика осуществляется в рамках использования органами расследования возможностей судебной экспертизы для установления объективной истины по делу. В аспекте затрагиваемой проблемы эксперты выполняют вспомогательную роль, поскольку их профилактическая деятельность не самостоятельна. Из проблем, связанных с использованием возможностей экспертных исследований, отметим неоднозначность оценки следствием и судом результатов независимых экспертиз, особенно предоставляемых со стороны защиты.

Вопрос о необходимости «прокурорской» профилактики возникает с момента вступления в дело государственного обвинителя. Деятельность его на этапе ознакомления с делом во многом сходна с деятельностью лица, проводившего расследование. Но в судебном заседании деятельность государственного обвинителя коренным образом отличается от деятельности лица, производящего предварительное следствие, по причине строгой регламентации порядка проведения судебного заседания, а также прав и обязанностей лиц, участвующих в нем.

Несмотря на то, что адвокаты являются практически независимыми субъектами, имеется возможность дисциплинарного воздействия на них со стороны адвокатской палаты в случаях нарушения ими требований закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Соответствующие основания предусмотрены и Кодексом профессиональной этики адвоката, принятым I-м Всероссийским съездом адвокатов

31.01.2003 г., который так и не приобрел статус нормативного акта, хотя многие известные адвокаты выступали с такой инициативой. Как свидетельствует практика, меры дисциплинарного воздействия применяются к членам адвокатской палаты крайне редко, действует «неписаные» нормы корпоративности, вследствие чего руководители палат идут на карательные меры крайне неохотно.

К мерам профилактики при классификации по объектам предполагаемого воздействия относится сбор информации об объектах предполагаемого профилактического воздействия. Основными направлениями деятельности органов расследования будут выступать своевременное проведение следственных и процессуальных действий (обыск, выемка, осмотр вещей и документов, освидетельствование, дача поручений органам дознания, направление запросов и т.д.).

Личный опыт службы в следственных подразделениях, опрос сотрудников следственных подразделений (в рамках проводимых занятий в системе служебной подготовки и повышения квалификации), изучение криминалистической литературы свидетельствует о том, что в настоящее время отсутствует должная методическая подготовка следователей в аспекте подобного противодействия. Имеющиеся рекомендации устарели, а новые подходят к разрешению проблемы формально, без учета новейших научных разработок по проблематике. Проблема методического обеспечения следственных подразделений имеет давние «корни», потому невозможно разрешить ее сиюминутно. Кроме того, лишь малая часть следователей занимается профессиональным самообразованием и изучением научной литературы по проблемам производства предварительного расследования. В некоторых юридических вузах лишь недавно стали преподавать отдельные положения учения о преодолении противодействия расследованию.

Необходимость качественного улучшения информационно-технического обеспечения органов расследования в свете затрагиваемой проблемы следует рассматривать в следующих аспектах:

1. Создание централизованного банка данных «адвокат», где бы содержались сведения об адвокатах, зарегистрированных на территории РФ, с характеристикой их профессиональных качеств, поведения на предварительном следствии, «контактности», замечен ли в связях с организованными преступными группами и коррумпированными должностными лицами.

2. Оснащение следственных подразделений средствами аудио-видео-фиксации, для технического сопровождения следственных действий по «трудным» делам.

3. Материально-техническое обеспечение следственных подразделений, в целях исключения «зависимости» от начальников территориальных УВД.

4. Создание единой централизованной компьютерной сети и т.д.

Главное средство *профилактики* противодействия расследованию правовое (законодательное) обеспечение. На наш взгляд, необходима законодательная дефиниция понятия противодействия расследованию вообще, и со стороны защитников (адвокатов) в частности. Необходимость в издании соответствующего закона назрела давно. Это позволит внести изменения в действующее уголовно-процессуальное и уголовное законодательство.

Так, например, ч.1 ст.72 УПК РФ следует дополнить пунктом 4 в следующей

редакции: «оказывает противодействие производству объективного расследования по данному уголовному делу путем умышленного совершения действий, указанных в федеральном законе».

В уголовном законодательстве необходимо разрешить вопрос о реагировании органов уголовной юстиции на факты понуждения адвокатами своих подзащитных к даче заведомо ложных показаний, связанных с обвинением работников милиции в совершении противоправных действий либо иных лиц в совершении инкриминируемого деяния, а также клеветой, соединенной с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в отношении лица, проводящего расследование (например, требование от обвиняемого либо родственников значительных денежных сумм якобы на взятки следователю и т.п.). Позиция Верховного Суда РФ неоднозначна, четкого ответа на поднятые нами вопросы не дается, высказанное в некоторых обзорах судебной практики мнение о «вседозволенности» способов защиты не было облечено в форму постановления. Полагаем, законодатель должен обратить внимание на данные вопросы.

Обозначенные проблемы, возникающие при осуществлении мер, направленных на преодоление противодействия расследованию со стороны защитников (адвокатов) требует дальнейшего комплексного изучения.

Литература

1) Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию: монография / В.Н. Карагодин. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992.- 175 с.;Карагодин, В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: дис. … докт. юрид. наук: 12.00.09 / Карагодин Валерий Николаевич. - Свердловск, 1992. – 388 с. – Библ.: - 354-358.

2) Рахматуллин Р.Р. Некоторые проблемы криминалистической тактики в современных условиях: учебное пособие для студентов вузов / Р.Р. Раматуллин. - Казань: Казанский федеральный университет, 2014. - 194 с.

УДК 340.1

МЕТОД РЕФЛЕКСИИ КАК ЕДИНСТВО РАЦИОНАЛЬНОГО И ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В ПОЗНАНИИ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ ТЕОРИИ ПРАВА Б.А. КИСТЯКОВСКОГО)

METHOD OF REFLECTION AS A UNITY OF RATIONAL AND IRRATIONAL IN CREATION OF HISTORY AND THEORY OF LAW (ON THE EXAMPLE OF THE THEORY OF LAW BY BA KISTYAKOVSKY)

Швандерова А.Р., Ростовский филиал «Российского государственного университета правосудия», доцент кафедры теории и истории права и государства кандидат социологических наук.

Shvanderova A.R., Rostov branch of "Russian Academy of justice", associate Professor of the Department of theory and history of law and state, candidate of sociological Sciences.

e-mail: *ashvanderova@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена применению метода философской рефле-сии в исследовании истории и теории права и государства.

Abstract. The article is devoted to the application of the method of philosophical reflection to study the history and theory of law and state.

Ключевые слова: философская рефлексия, рациональное и иррациональное в познании, право как социокультурное явление, государственно-повелительный, социологический, психологический и нормативный аспекты права.

Key words: philosophical reflection, rational and irrational in cognition, law as a social and cultural phenomenon, public-imperative, sociological, psychological and normative aspects of law.

Философия определяет рефлексию как процесс размышления человека обо всем происходящем в его собственном сознании, глубокий анализ своих мыслей, чувств, переживаний; анализ, полный сомнениями и оценивания. Эта деятельность самопознания, раскрывающая человеку содержание его духовного мира была подмечена уже античными мыслителями. Так, Сократ считал важнейшей задачей человека познание своей духовной активности в ее познавательной функции. Как рассказывает Диоген Лаэртский, однажды в лагере под Потидеей Сократ простоял неподвижно весь день и всю ночь до рассвета. Когда же потом Сократа спросили о причине такого поступка, он ответил: «Я слушал свой внутренний голос». Свой внутренний голос Сократ называл «демонием» (греч. — «божество»); при этом он не мог объяснить, что такое, и только рассказывал, что такое этот «демоний», который постоянно говорит ему, как следует и не следует поступать [6, 71; 5]. Платон постоянно говорил о важности самопознания, Аристотель же вообще признавал за рефлексией свойство божественного разума, который способен обнаружить единство предмета знания и знания о нем.

Со временем понятие рефлексии в философской методологии стало тесно связываться с проблемой обоснования, знаний. Так, Рене Декарт был убежден, что рефлексия есть

основа всякой достоверности[4]. А Джон Локк прямо говорит о рефлексии как о самопознание, как "поворот духа к я", которое включает такие процессы как понимание и оценка познанного. У Локка отрефлексировать что-то - это значит "пережить", "пропустить через свой внутренний мир", "оценить"[6, 243-240].

Особым вниманием феномен рефлексии отмечен в немецкой классической философии в связи с интересом ученых этого периода к гносеологическим проблемам. Например, Иммануил Кант изучал рефлексию в связи с исследованием познавательных возможностей и способностей человека и отводил рефлексии особую роль в образовании понятий. Он выделил логическую рефлексию, при которой представления об окружающем мире просто сравниваются друг с другом, и трансцендентальную рефлексию, при которой сравнимые представления связываются с той или иной познавательной способностью - чувственностью или рассудком[7]. Георг Гегель отдавал должное рефлексии, считая ее необходимым моментом познавательного процесса, но вместе с тем подчеркивал и ее ограниченность. В рефлексии он видел также движущую силу развития духа человека [3]. Метод философской рефлексии весьма интенсивно развивался в западноевропейской науке в 19-20 вв. Особенно заметна роль рефлексии в феноменологии Эдмунда Гуссерля, который понимал ее как универсальный способ познания сознания, при котором «поток переживания со всеми его разнообразными событиями. становится ясно постигаемым и анализируемым»[9]. Глубокий интерес к философской методологии был характерен и для юридической науки России конца XIX– начала XX вв., что объясняется, на наш взгляд, очевидным сходством юридического и философского познания: стремлением постичь сущность изучаемых феноменов, доказательной базы, аргументированностью, рациональностью и логичностью.

Применение рефлексивного метода в исследовании истории и теории права и государства имеет целью выявить мировоззренческие основы права, причины его происхождения, его смысл и общесоциальную природу. В этой связи весьма убедительна, на наш взгляд, идея философа и теоретика права Богдана Александровича Кистяковского, связавшего философскую методологию с общей теорией о рациональном и иррациональном в праве, изложенная в его основном научном труде "Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права" [8]. Здесь ученый всесторонне исследовал не только понятие права как социального явления и части духовной жизни человека, идею правового государства и возможные пути перехода к социально-справедливому государству, но и методологию изучения права и государства.

Однако прежде чем обратиться к наследию Б. А. Кистяковского, определим сущность рационального и иррационального познания и их роль внаучном исследовании.

Рациональное познание – синоним мышления человека, оно дает возможность проникнуть в сущность предметов, вещей и явлений. Мышление расширяет возможности и границы чувственного познания, поскольку познание закономерностей – цели познания - недоступно чувственному познанию. Философская методология различает формы (ступени) рационального познания – *понятие*, включающее в себя несколько мыслительных операций: сравнение, обобщение, абстрагирование и отражающее общие и существенные свойства предметов и явлений, *суждение* – логическая связь понятий, что-либо утверждающая или

отрицающая о существовании предметов и явлений, о связях и отношениях между предметами и их свойствами, и *умозаключение*, посредством которого из имеющихся знаний выводятся новые. Очевидно, таким образом, что основа рационального познания - деятельность разума. Принято считать, рефлексия свойственна именно рациональности. Но известно также, что в познавательном процессе наряду с логикой участвуют и чувственные характеристики исследователя, от изученных и понятых - ощущения, восприятия, представления, до неизученного механизма интуиции – иррациональной, находящейся *за* пределами разума способности находить нестандартные решения, причем как на бытовом, так и на научном уровне, которую А.Эйнштейн называл высшим, даже - *сверхъестественным* даром, единственно способным пролить свет истины на сокровенные тайны бытия, недоступные ни чувствам, блуждающим по поверхности вещей, ни рассудку, скованному дисциплинарным уставом логики [2].

Кроме того, очевидно, что на научное познание влияют и прочие иррациональные феномены – эмоции, предрассудки, внезапные озарения. На наш взгляд, рефлексия, будучи необходимым методом познания, является связующим звеном между рациональным и иррациональным его составляющими (вспомним слова Сократа о «демонии»!-Прим. автора).

Вернемся к вышеназванной идее Б.А. Кистяковского, отметив, чтоученый, рассматривал право как многоаспектное социальное явление, отвергал односторонний подход к нему. Кистяковский считал очевидной формой рационального знания, понятие. Право, рассуждал он, состоит из объективных и рациональных норм, следовательно, оно родственно понятиями, безусловно, является рациональным**.** В то же время право как жизненное явление состоит из правоотношений и потому является субъективным, иррациональным[8,201,211]. Чтобы понять этот конфликт рационального и иррационального в праве Б.А.Кистяковский считал необходимым рассматривать его минимум в четырех аспектах: государственно-повелительном, социологическом, психологическом и нормативном.

При этом под государственно-повелительным определением права понимал то, что право - есть то, что *государство приказывает* считать правом. Такое понимание права несомненно важно, ведь оно указывает на государственно-организационный элемент в праве, его зависимость от политической воли государства, но и ограниченно, так как не охватывает обычное право и международное право.

Психологическая природа права проявляется в совокупности разнообразных переживаний права, формирования чувства долга, обязанности, оценивания, одобрения, неприятия.

Нормативный аспект права характеризует его как совокупность четких норм, заключающих в себе указания на права и обязанности, которые определяют отношения между людьми конкретного социума.

Рассматриваемое в социологическом аспекте право представляет собой сложную систему правоотношений, включающих и экономические, и национальные, и духовно-культурные, и обычные бытовые в которой, собственно, и создаются, и «испытываются», изменяются и развиваются нормы права.

Социологическому пониманию права Кистяковский отдавал явное предпочтение, считая его более глубоким, соединяющим и обычное, и государственное, и международное право.

Рассуждая таким образом, Кистяковский указывал на противоречивость учений о праве, существующих в юриспруденции. При этом обращал внимание на три момента: 1) нет единства в понимании того, к какой области явлений принадлежит само право; 2) нет единства в понимании соотношения между правом и нравственностью; 3) безусловно влияние различных идейных и политических течений на науку о праве.

Кистяковский указывает, когда право исследуется во всех проявлениях, становится очевидным противоречие между его рациональной и иррациональной сторонами. Чтобы преодолеть существующие противоречия, Б.А. Кистяковский считал необходимым создать науку о праве как «чистое научное знание о праве».Для обеспечения чистоты науки необходимо *осознать* необходимость существование множественных научных понятий права и *выработать методологию,* способную изучать право с нормативной, социологической, государственно-организационной, психологической сторон. Предполагая, какой должна быть эта новая методология науки о праве, Кистяковский подчеркивал, что она, основываясь на философской методологии, должна быть ориентирована на все гуманитарные науки, объединенные философией в единую систему научного знания: «Для того, чтобы наука о праве была методологически правильно построена, она должна быть ориентирована не на той или иной гуманитарно-научной дисциплине и не на всей совокупности их, а прежде всего на философии культуры и только при посредстве ее – на всей сумме гуманитарных наук, объединенных при помощи философии в цельную систему научного знания» [8, 226].

При этом Б.А. Кистяковский, являясь сторонником неокантианской методологии, очень четко различал науки о природе, для которых характерны причинно-следственные закономерности, и науке о культуре, к которым относил и науку о праве. Науки о культуре, по мнению Кистяковского, характеризует закон цели, в соответствии с которым выстраиваются все общественные отношения. В этом смысле цель права – дисциплинировать общество, потому чтоправо - основное условие внутренней свободы человека, и игнорирование власти права ведет к власти силы, то есть росту несвободы[1].

Таким образом, можно утверждать, что правовое наследие Б.А. Кистяковского внесло существенный вклад в создпние методов изучения истории и теории права, обосновав эффективность применения философской методологии, в частности философской рефлексиидля понимания права как социокультурного феномена и остается востребованным современной правовой наукой.

Литература

1. Актуальные проблемы историко-правовой науки. Монографические и учебные материалы и исследования. Т.1. Материалы и исследования истории и теории права и государства, истории учений о праве и государстве / Под ред. В.К. Цечоева, М., Вузовская книга, 2011.

2. Асмус В.Ф. Проблема интуиции в философии и математике. М., 1964.

3. Гегель Г. Соч., т. 4. М., 1959, с. 112, 118–119.

4. Декарт Р. Размышления о Первой Философии // Декарт Р. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 22.

5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. с греч. М. Л. Гаспарова. 2-е изд. М., 1986. Кн. III-V.

6. История философии: Учебник для вузов / Под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова и Д.В. Бугая. — М. 2005.

7. Кант И. Критика чистого разума // Собр. соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3 стр. 314.

8. Кистяковский Б.А. «Философия и социология права». Санкт – Петербург, 1998.

9. Философская энциклопедия, 1967, с.501.

УДК 343

ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
SEPARATE DIRECTIONS OF IMPLEMENTATION OF CRIMINAL POLICY IN THE SPHERE OF SECURITY OF ECONOMIC ACTIVITY

Шишкин Р.В., Москва, Академия управления МВД России, старший преподаватель кафедры уголовной политики

Shishkin R.V., Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Senior Lecturer of the Department of Criminal Policy

e-mail: *lvovich.1990@mail.ru*

Аннотация: в статье рассматриваются отдельные направления (профилактические, уголовно-правовые) реализации уголовной политики в сфере обеспечения безопасности экономической деятельности

Annotation: in the article separate directions of realization of criminal policy in the sphere of ensuring the security of economic activity (preventive, criminal law) are considered.

Ключевые слова: уголовная политика, безопасность экономической деятельности, преступления в сфере экономики, угрозы экономической безопасности.

Key words: criminal policy, security of economic activity, crimes in the sphere of economy, threats to economic security.

Глобализация мировой экономики задает темп экономического развития как внутри государства, так и на международной арене, в том числе, путем интеграции иностранных инвестиций во внутренние рынки российского государства, что в свою очередь, требует адекватной правовой охраны субъектов экономического сектора от преступного проникновения в данную сферу. В связи с этим в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации закреплено положение о том, что экономическая безопасность является частью системы национальной безопасности страны [1].

По данным официальной статистики за период с 2012-2016 г. на территории России было совершено 641.5 тысяч преступлений в сфере экономики, ущерб от которых составил 949.56 млрд. рублей [2]. Совершение преступлений в данной сфере причиняет вред не только экономическим отношениям внутри страны, но и подрывает авторитет государства на международной арене. Существующие сегодня вызовы и угрозы экономической безопасности, в том числе и высокий уровень криминализации сферы экономики, требуют адекватного реагирования государства.

Реакцией государства на сложившуюся ситуацию стало утверждение Президентом Российской Федерации 13 мая 2017 г. Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Стратегия) [3]. В указанной Стратегии, во-первых, дано понятие экономической безопасности, под которым понимается состояние

защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, которое обеспечивает экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации. Во-вторых, в ней в числе вызовов и угроз экономической безопасности названы высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере, сохранение значительной доли теневой экономики, а в числе основных направлений государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности − обеспечение безопасности экономической деятельности.

Состояние национальной безопасности в целом, и экономической безопасности, в частности, зависит от степени реализации стратегических национальных приоритетов и эффективности функционирования системы обеспечения национальной безопасности. Следует согласиться с В. И. Авдийским и Ю. В. Трунцевским, в том, что государственная политика в области обеспечения безопасности, являясь частью внутренней и внешней политики Российской Федерации, представляет собой совокупность различных скоординированных и объединенных единым замыслом мер, в том числе – организационных и правовых [4].

Следовательно, положения, закрепленные в Стратегии, должны быть, реализованы. Это потребует изменений в правовом, ресурсном и т.д. обеспечении безопасности экономической деятельности, в том числе и в уголовной политике государства, которая призвана охранять и защищать экономическую безопасность государства.

По мнению Л.И. Беляевой, с которым мы солидарны в полном объеме, государственная политика в области обеспечения экономической безопасности должна быть, направлена на поддержание такого уровня функционирования экономической составляющей страны, при котором обеспечивается его стабильность и защищенность от внутренних и внешних угроз и прямых экономических ущербов [5].

Традиционно, направлениями реализации уголовной политики выступают: 1) профилактическая политика; 2) уголовно-правовая политика; 3) уголовно-исполнительная политика; 4) уголовно-процессуальная политика; 5) оперативно-розыскная политика. В связи с ограниченным объемом статьи рассмотрим два первых из них.

Профилактическая политика в сфере обеспечения безопасности экономической деятельности включает в себя:

- упреждающий характер деятельности субъектов профилактики, направленный на недопущение совершения преступлений в экономической сфере. Это особенно важно в связи с принятием нового Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [6];

- определение секторов экономики, в которых наиболее часто совершаются противоправные посягательства, либо в результате их совершения причиняется крупный ущерб с тем, чтобы в последующем направить наибольшие силы и средства правоохранительных органов на противодействие посягательствам на экономическую деятельность. Например, предупреждение совершения преступлений при выполнении государственных заказов в оборонном комплексе, на потребительском рынке и т.д., так как содержание экономической безопасности понятие комплексное. В нее входит

продовольственная, промышленная, технологическая, энергетическая, внешнеэкономическая и финансовая составляющие;

- устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий, способствующих совершению преступлений в экономической сфере. Это необходимо для того, чтобы решить задачу борьбы с нецелевым использованием и хищением государственных средств, коррупцией, теневой и криминальной экономикой, закрепленную в Стратегии (п.15 ст.14);

- совершенствование правового обеспечения деятельности государственных органов, направленного на предупреждение (профилактику) посягательств, подрывающих экономическую безопасность государства. Такая потребность возникла в связи с необходимостью гармонизации имеющихся законов (программ) по профилактике правонарушений, действующих в субъектах Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

Уголовно-правовая политика по борьбе с преступлениями в экономической сфере включает, прежде всего, оценку уголовно-правовой ситуации как предпосылку для принятия решений в сфере уголовной политики. В системе данных, характеризующих уголовно-правовую ситуацию в экономической сфере, оценивается следующее:

- соответствие между нормативно определенным кругом общественно опасных видов поведения в экономической сфере. Достаточно вспомнить, что за 20 лет существования Уголовного Кодекса Российской Федерации [7], глава 22 была дополнена 25 новыми статьями. Причем изменения в данную главу вносились более пятидесяти раз [8];

- наличие в уголовном законе статей, оказывающих негативное влияние на процесс развития экономических отношений и требующих в связи с этим совершенствования (включая криминализацию и декриминализацию), к числу таких норм законодатель отнес ст. ст. 173, 182, 188, 200 УК РФ, исключив их из УК РФ.

- наличие в законодательстве нетехнологичных по своей конструкции и поэтому «не работающих» законодательных норм. Так, за последние двадцать лет наименее часто применялись такие статьи, как 183, 184, 185, УК РФ и др.

Кроме того, сложность применения гл. 22 УК РФ связана с наличием таких оценочных признаков как крупный размер деяния или полученного дохода, крупный ущерб. Эти признаки вызывали серьезные проблемы при квалификации преступлений. Такую ситуацию необходимо было менять, поэтому законодатель на протяжении двадцати лет постепенно формализовал большинство оценочных признаков, содержащихся в статьях главы 22 УК РФ;

- данные о соответствии (несоответствии) социальным ожиданиям населения и правоприменителей видов и размеров наказаний по санкциям, установленным законодателем за конкретные виды экономических преступлений.

Изучение санкций статей главы 22 УК РФ позволяет констатировать, что большая часть экономических преступлений относится к категории преступлений небольшой или средней тяжести. Судебная же практика крайне редко прибегает к использованию лишения свободы как вида основного наказания, назначаемого за экономические преступления.

Так, гражданин КНР Л. Я. за реализацию пиломатериалов (шпона) без специального разрешения (лицензии) осужден по части 2 п. «б» ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство» и ему назначено наказание в виде штрафа 200.000 руб. При том, что в результате совершения преступления действиями указанного гражданина причинен ущерб в особо крупном размере – 10.550.023 руб. [9].

Уголовно-правовая политика государства не сводится только к установлению уголовной ответственности за преступные деяния в сфере экономики. К уголовно-правовым мерам, направленным на противодействие преступлениям в сфере экономики представляется возможным отнести иные меры уголовно-правового характера, такие как освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст.76 УК РФ). Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ [10] Уголовный кодекс РФ дополнен новым специальным видом освобождения от уголовной ответственности, применимым только к преступлениям, совершенным в сфере экономической деятельности (ст. 76.1 УК РФ). По данным официального сайта судебной практики установлено, что такая норма (ст. 76.1 УК РФ) в полной мере пока себя еще не оправдывает, однако возможность у лиц, склонных к совершению преступлений в сфере экономической деятельности и совершивших впервые подобные противоправные деяния уйти от уголовной ответственности имеется.

Таким образом, уголовно-правовая ситуация в экономической сфере может быть представлена как совокупность сведений и оценок, характеризующих соответствие или несоответствие законодательных установок (запретов и дозволений), конкретных форм поведения в обществе, законодательной базы и целей формирования законопослушного поведения граждан. В том числе, эффективность деятельности соответствующих субъектов при реализации задач уголовной политики по охране и защите экономики. Исходя из сказанного, необходимо подчеркнуть, что профилактическую и уголовно-правовую политику в сфере обеспечения безопасности экономической деятельности объединяет необходимость, совершенствования их правового обеспечения, формирующего собой правовую защиту элементов экономической деятельности от преступных посягательств, реализацией норм которых определяется деятельностью правоохранительных органов в масштабах всех уровней - федерального, регионального и местного. Так, деятельность органов внутренних дел обеспечивается правовой основой и регламентируется Федеральным законом «О полиции» [11], ведомственными нормативными актами [12].

Кроме того, к исключительной компетенции органов внутренних дел – Главного управления экономической безопасности и противодействии коррупции (далее – ГУЭБ и ПК МВД РФ) относится выявление и раскрытие преступлений в сфере экономике. В положении о ГУЭБ и ПК МВД РФ [13] закреплено, что оно является самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата МВД России, обеспечивающим и осуществляющим в пределах своей компетенции Министерства полномочия по выработке и реализации государственной уголовно-правовой политики и нормативному правовому регулированию в области обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции. Однако упомянутые функции МВД России (по выработке и реализации государственной политики и нормативному правовому регулированию в области обеспечения экономической

безопасности), а также сама «область обеспечения экономической безопасности» в ведомственной правовой базе не определены.

Так, ст. 2 Федерального закона «О полиции» по смыслу должна включать деятельность по обеспечению экономической безопасности. Однако в фундаментальном для МВД России законе задачи по обеспечению экономической безопасности не упоминаются в перечне основных направлений деятельности полиции, в отличие от обеспечения правопорядка в общественных местах и обеспечения безопасности дорожного движения и прочих.

В целях совершенствования деятельности ОВД по выявлению, раскрытию и предупреждению преступлений, совершаемых в сфере экономики, представляющих общественную опасность и несущих угрозу экономической безопасности российского государства предлагается в Федеральный закон «О полиции» внести следующие изменения:

- статью 2 «Основные направления деятельности полиции» после пункта 12, дополнить пунктом 13 следующего содержания «обеспечение экономической безопасности».

В завершении хотелось бы отметить, что предложенные нами пути решения проблем предупреждения преступности в сфере экономики в области правового регулирования деятельности органов внутренних дел будут способствовать эффективности деятельности полиции в борьбе с преступностью в экономической сфере, обеспечивая тем самым, и экономическую безопасность Российской Федерации.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1. Часть II. – Ст. 212.

2. Сайт МВД России. Режим доступа: https://mvd.ru/folder/101762/. – Загл. с экрана.

3. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. –2017. –№ 29.–Ст. 2902.

4. Учебник для бакалавров / под общ.ред. Авдийского В.И., Трунцевского Ю.В. Организация предупреждения правонарушений в сфере экономики. – М.: Юрайт. 2013.– С. 16.

5. Учебник: в 2-х ч. / под ред. заслуженного юриста РФ, докт. юрид. наук, профессора Л.И. Беляевой. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел:– М.: Академия управления МВД России. 2014. – С. 14.

6. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-Ф «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. –2016.–№ 26.–Ст. 3851.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. –№ 25. –Ст. 2954.

8. Федеральный закон от 29.07.2017 № 250-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в

связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды» //Российская газета. № 172. 04.08.2017.

9. Уголовное дело № 1/112 // Архив Архаринского районного суда Амурской области за 2010 год.

10. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации //Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011 – № 50. – Ст. 7362.

11. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 29.07.2017) // Российская газета, № 25, 08.02.2011, Российская газета, № 28. 10.02.2011, Парламентская газета, № 7, 11-17.02.2011 // Собрание законодательства Российской Федерации, 14.02.2011, № 7, ст. 900.

12. Приказ МВД России от 17.01.2006 № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» // Сайт МВД России. Режим доступа: https://mvd.ru/folder/101762 / – Загл. с экрана.

13. Приказ МВД России от 16 марта 2015 г. № 340 «Положение о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Сайт МВД России Режим доступа: URL: https://docviewer.yandex.ru/view //

УДК 343.6

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ
PROBLEMS OF QUALIFICATION OF MURDERS COMMITTED WHEN EXCEEDING LIMITS OF NECESSARY DEFENSE

Эбзеева З.А., Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия, к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин.

Ebzeeva Z.A., North Caucasus state humanitarian-technological Academy, K.Yu.N., associate Professor of the Department of criminal law disciplines

Коркмазова К.Н.-М., студентка, Юридический институт, Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия, г. Черкесск.

Korkmazova K.N.-M., student, Law Inst

itute, North-Caucasian state humanitarian-technological Academy, Cherkessk.

e-mail: *zulfiyaebzeeva@mail.ru*

Аннотация: в статье анализируются проблемы квалификации преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны на основе действующих нормативно-правовых актов и проводится небольшое сравнение с зарубежным законодательством.

Annotation: the article analyzes the problems of qualification of crimes committed when exceeding limits of necessary defense on the basis of existing normative legal acts and carried out little comparison with foreign legislation.

Ключевые слова: квалификация, необходимая оборона, посягательство, равноценный вред, общественная опасность, мнимая оборона.

Key words: qualification, self-defense, assault, equivalent to the harm, danger to the public, the imaginary defense.

Ст. 45 Конституции РФ каждому человеку гарантируется право на защиту своих прав и свобод способами, не запрещенными законом. Возникает вопрос, подразумевает ли данная статья право на необходимую оборону? Под необходимой обороной понимается защита личности, прав обороняющегося и других лиц, интересов общества и государства, находящихся под охраной закона, от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием или непосредственной угрозой его применения, опасного для жизни обороняющегося или других лиц.

При существующей угрозе и возникшей необходимости, лицо может воспользоваться своим правом на оборону, а может при наличии возможности обратиться в правоохранительные органы за защитой. Используя данное право, обороняющееся лицо подвергает себя определенному риску. Право на необходимую оборону возникает у обороняющегося лица только в том случае, если противоправные действия исходят от другого лица. Квалифицировать действия обороняющегося по ч.1 ст. 108 УК РФ, как

убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны можно лишь в том случае, если обороняющееся лицо осознавало, что может отразить нападение другим более мягким для посягающего лица способом, но, несмотря на этом выбрало для защиты способ, который для него заведомо неправомерен. Данный вид убийства может быть совершен как с прямым, так и с косвенным умыслом, но чаще всего совершается именно с косвенным умыслом. Обороняющееся лицо, как правило, понимает, что совершенные им действия являются противоправными и влекут за собой смерть посягающего, желает ее наступления, сознательно предполагает или относится ко всему этому с безразличием. Умысел при совершении данного преступления возникает внезапно. Объектом данного преступления является жизнь человека. Субъектом может быть вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Объективная сторона может быть выражена как совершением активных действий, так и быть результатом преступного бездействия. При квалификации данного деяния необходимо учитывать характер и степень общественной опасности противоправных действий, совершенных против интересов обороняющегося и других лиц.

Для того чтобы действия обороняющегося были признаны правомерными необходимо наличие следующих условий: общественная опасность посягательства, его наличие и действительность.

Именно при возникновении общественной опасности преступного посягательства, обороняющееся лицо имеет право совершить все необходимые действия, направленные на защиту не только собственных прав и интересов, но и интересов других лиц. Чаще всего, обороняясь, лицо защищает свои личные и имущественные права. В тот момент, когда обороняющийся понимает, что в отношении него и других лиц совершаются противоправные действия, которые нарушают их права и законные интересы, тогда и возникает состояние необходимой обороны. Состояние необходимой обороны также возникает при наличии реальной угрозы преступного посягательства. Подтверждением того, что угроза действительно существовала, могут быть различные повреждения на теле обороняющегося и других лиц. Очень важен и способ посягательства, который создал реальную угрозу для жизни обороняющегося и других лиц. Причем способ и метод данных противоправных действий по отношению к этим лицам может самый разнообразный: от использования огнестрельного оружия вплоть до поджога. Способ, который используют для совершения преступного посягательства против прав и законных интересов обороняющего и других лиц, и способ, применяемый самим обороняющимся для защиты этих интересов должен быть равноценны. При этом эмоциональное состояние обороняющегося имеет немало важное значение. Каким образом обороняющееся лицо поведет себя в определенной ситуации, зависит от его характера, эмоциональной устойчивости, возраста, пола и других факторов. При этом надо понимать, что обороняющийся не всегда способен к объективной оценке своих действий и действий лица (лиц), совершающих преступное посягательство против личных и имущественных интересов обороняющегося и других лиц. Особенно в том случае, когда данные посягательства в отношении обороняющегося и других лиц были совершены в ночное время суток. Внезапно возникшее волнение и страх, появившиеся в результате действий посягающего лица, не позволят обороняющемуся лицу в полной мере руководить своими действиями и правильно осознавать происходящую ситуацию. Для того

чтобы правильно разобраться в этом суд должен установить, почему обороняющийся решил, что угроза на самом деле существовала.

К сожалению, у некоторых сложилось ошибочное мнение, что, обороняясь, лицо защищает только личные права, хотя, состояние необходимой обороны может быть также вызвано необходимостью защиты не только личных прав, но и прав других лиц. Для защиты прав третьих лиц от преступного посягательства наличие их согласия не является обязательным, важен именно тот факт, что обороняющееся лицо действует в интересах этого третьего лица, с целью его защиты от противоправных действий посягающего лица.

Для того чтобы более детально разобраться в данном вопросе мы считаем, что необходимо обратить внимание и на характеристику посягающего лица. Данные противоправные действия могут исходить от различного круга лиц: им может быть как вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, так и невменяемое лицо, также лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности. Лиц, совершающих преступные посягательства в отношении обороняющегося и других лиц может быть несколько, т.е. данные посягательства могут быть совершены группой лиц по предварительному сговору либо без такового. В таком случае согласно п. 12 Постановления Пленума ВС РФ, обороняющийся имеет право применить в отношении каждого из данных лиц такие средства и способы защиты, которые соответствуют степени опасности действий всей группы[1]. Посягающему лицу во время совершения противоправных действий может быть нанесен вред не только в результате защиты обороняющегося, но и в результате собственной неосторожности или невнимательности.

Очень актуальным, на наш взгляд, является и вопрос о вреде, причиненном посягающему лицу, в результате совершенных им противоправных действий.

Необходимо разграничивать необходимую оборону от мнимой обороны. При мнимой обороне реальные преступные посягательства отсутствуют, а обороняющееся лицо всего лишь ошибочно думает о наличии данных посягательств. Квалифицировать действия обороняющегося в таком случае необходимо по правилам об ошибке в фактических обстоятельствах причинения вреда.

Судам при квалификации данного преступления необходимо разграничить его от убийства, совершенного в состоянии аффекта. У убийств, совершенных при превышении пределов необходимой обороны цель – защита личных и имущественных интересов обороняющегося и других лиц, а у убийств, совершенных в состоянии аффекта такой цели нет. Внезапное сильное душевное волнение, которое вызвано действиями потерпевшего, при совершении убийства при превышении пределов необходимой обороны может как возникнуть, так и не возникнуть, а для убийств, совершенных в состоянии аффекта, наличие сильного душевного волнения является обязательным признаком причинения вреда.

Преступное деяние не подлежит квалификации в качестве убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, если лицо спровоцировало нападение с целью совершения противоправных действий. Например, для сокрытия ранее совершенного им преступления или причинения вреда здоровью. Если такие обстоятельства дела будут установлены, тогда данное деяние необходимо квалифицировать по общим основаниям.

Судом при рассмотрении дела будет учитываться тот факт, была у обороняющегося возможность к минимизации причиненного вреда посягающему.[1] Если была, то почему он не воспользовался ею, имелись ли какие-либо обстоятельства, которые воспрепятствовали воспользоваться данной возможностью. При этом будут учитываться такие факторы как возраст обороняющегося, его психическое состояние, физические показатели, пол и другие обстоятельства, имеющие значение. На основании всех этих данных можно сделать вывод о том, были ли силы посягающего и обороняющего равны, имелась ли какая-либо возможность к минимизации вреда и была ли она использована.

Необходимая оборона может возникнуть и в результате противоправных действий, которые продолжаются или длятся на протяжении определенного промежутка времени, к примеру, захват заложников, незаконное лишение свободы и т.д. В таких случаях обороняющееся лицо может воспользоваться своим правом до момента окончания преступного посягательства.

Момент причинения вреда посягающему также имеет большое значение. Обороняющееся лицо может совершить какие-либо действия, направленные на защиту своих собственных прав и других лиц, только в тот момент, когда в этом есть реальная необходимость. Но чаще всего обороняющиеся лица в результате сильного душевного волнения не могут определить этот момент. При возникновении именно таких обстоятельств и могут возникнуть проблемы при квалификации действий обороняющегося. Разрешить эту проблему можно только внимательно ознакомившись со всеми обстоятельствами дела.

Преступные посягательства, в отношении обороняющегося и других лиц могут быть приостановлены на неопределенный промежуток времени, с целью, например, приобретения оружия. Если обороняющееся лицо осознает, что преступные действия в отношении него и других лиц могут продолжаться, то в этом случае состояние необходимой обороны сохраняется. Очень важно, чтобы обороняющееся лицо на основании различных факторов и обстоятельств осознавало, в какой момент преступное посягательство в отношении него и третьих лиц было окончено. И в данном случае мы абсолютно согласны с мнением И. С. Тишкевича, который писал: «Нельзя требовать от обороняющегося такой же хладнокровной ориентировки в моменте окончания посягательства, какая была бы у очевидца происходящего, который не подвергся преступному посягательству». [4]

Вопрос о превышении пределов необходимой обороны является весьма актуальным и в законодательстве зарубежных государств, где у каждого государства есть своя обоснованная и законодательно урегулированная позиция. К примеру, во Франции действия обороняющегося лица будут признаны правомерны, если это лицо защищало свои собственные интересы и интересы других лиц в результате неоправданного нападения, используя соразмерные средства защиты. Также в УК Франции законодательно урегулированы и два специальных случая, при наступлении которых защита от преступных действий будет признана правомерной:

1. Если лицу пришлось обороняться в ночное время суток, в результате проникновения в его жилище, которое сопровождается взломом, насилием и обманом.
2. Если лицу пришлось обороняться от совершения в отношении него насильственных действий, грабежа, кражи[5].

Свою позицию в решении данного вопроса имеет и Англия. Так, к примеру, в соответствии с нормами английского законодательства обороняющемуся лицу можно применить «разумную силу», для того чтобы предотвратить совершение преступления другими лицами. Такая позиция, по нашему мнению, отрицательно сказывается на развитии института необходимой обороны, так как норма, касающаяся данного вопроса, весьма сжата[3].

И в американском уголовном законодательстве вопрос о необходимой обороне также является весьма актуальным. Так, например, для того чтобы действия обороняющегося лица были признаны правомерны, необходимо наличие следующих условий:

1. Если в отношении обороняющегося и других лиц совершалось противоправное посягательство или была угроза его совершения.
2. Действия нападающего лица или лиц не являются следствием провокации обороняющегося.
3. В том случае если обороняющееся лицо не нападает первым[2].

В соответствии с УК шт. Нью-Йорк в отношении нападающих лиц, лицу, которое защищает себя и третьих лиц можно применить даже физическую силу, которая повлечет за собой смерть нападающих лиц. Но, несмотря на это, будут учитываться обстоятельства, при которых обороняющееся лицо могло избежать применения способов и средств защиты, явно не соответствующих характеру и степени общественной опасности преступного посягательства в отношении обороняющего и других лиц. К посягающему лицу можно применить смертельную физическую силу в том случае, если оно совершило или могло совершить похищение человека, насильственные действия и ограбление.

Что касается урегулирования данного вопроса в РФ, то, на наш взгляд, институт необходимой обороны в РФ стал развиваться намного быстрее, именно благодаря Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», тогда как до его появления на практике при разрешении данного вопроса возникали большие проблемы. Но необходимо отметить, что даже сейчас, спустя практически 6 лет после вынесения Постановления Пленумом ВС РФ, количество обвинительных приговоров по убийствам, совершенным при превышении пределов необходимой обороны в несколько раз больше, чем оправдательных. Возможно, это и является основанием задуматься многих из нас о том, стоит ли вообще нам использовать своё право на необходимую оборону. Каждому из нас государство гарантировало это право, но практически у каждого при реализации данного права возникают большие трудности. На наш взгляд, при квалификации действий обороняющегося лица правоохранительным органам необходимо уделить детальное внимание всем обстоятельствам дела, возможно, благодаря этому ситуация изменится к лучшему. Наличие у лица права на необходимую оборону, возможно, благоприятно повлияет и на уровень преступности. Ведь перед тем как совершить преступление, лицо осознает, что его преступные намерения могут быть не реализованы и получить достойное сопротивление.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 г. Москва «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление» // «Российская газета», № 227, 03.1020;

2. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права. Очерки сравнительного права. - М., 1991. - С. 38.

3. Законом Великобритании об уголовной юстиции 1991 г. // http://constitutions.ru/?p=8115

4. Тишкевич И. С. Условия и пределы необходимой обороны. М., 1969г. С. 59.

5. Уголовный кодекс ФРГ. - М., 2000. - С. 19.

УДК 343.9:378

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССА ПРЕПОДАВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ В ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

ABOUT SOME DIRECTIONS OF PERFECTION OF THE PROCESS OF TEACHING CRIMINALISTICS IN DEPARTMENTAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Яценко С.В., Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, доцент кафедры криминалистики, кандидат юридических наук

Yatsenko S.V., Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Criminalistics, Candidate of Legal Sciences

e-mail: *krim70@bk.ru*

Хмыз А.И., Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, старший преподаватель кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы, кандидат юридических наук

Khmyz A.I., Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Ya. Kiko-cha, senior lecturer of the Department of Arms and Traceology of the Educational and Scientific Complex of Forensic Science, Candidate of Legal Sciences

e-mail: *alexnady@email.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются активные формы обучения будущих сотрудников правоохранительных органов по разделу «Криминалистическая техника» дисциплины «Криминалистика», максимально приближенные к особенностям профессиональной деятельности. Предлагается использование сквозной фабулы при проведении практических занятий в ходе изучения тем данного раздела, при этом решение задач по установлению лица, совершившего условное преступление, доказыванию его причастности к преступлению основано на информации, полученной при предварительном и экспертном исследовании следов и иных объектов, обнаруженных на месте происшествия, обстановка которого моделируется на криминалистических и иных полигонах.

Annotation.The article deals with active forms of training future law enforcement officers in the section "Forensic technology" of the "Criminalistics" discipline, which are as close as possible to the peculiarities of professional activity. It is suggested to use the cut-off plot in carrying out practical exercises in the course of studying the topics in this section, while solving the problems of identifying the person who committed the conditional crime, proving his involvement in the crime is based on information obtained from preliminary and expert examination of tracks and other objects found on the spot incidents, the situation of which is modeled on forensic and other polygons.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая техника, активные формы обучения, сквозная фабула.

Key words: forensics, forensic technique, active forms of learning, cross-cutting story.

Совершенствование процесса подготовки будущих сотрудников правоохранительных органов МВД России предполагает использование при проведении занятий в ходе изучения дисциплин активных форм обучения, максимально приближенных к будущей профессиональной деятельности.

Одной из профилирующих дисциплин, изучаемых в ведомственных образовательных организациях системы МВД России, является криминалистика, на которую в соответствие с рабочими учебными планами отводится 3 семестра на очной форме обучения и два – на заочной.

Как правило, курсанты начинают изучать криминалистику на 3 году обучения – в 5 семестре. Первыми разделами, которые рассматривают курсанты, являются такие, как: «Введение в криминалистику», носящий теоретический характер и включающий обычно 2-3 темы, и – «Криминалистическая техника», имеющий ярко выраженную практическую направленность. В следующем семестре изучаются «Организация раскрытия и расследования преступлений», «Криминалистическая тактика». Завершается изучение криминалистики разделом «Криминалистическая методика расследования преступлений», по итогам которого курсанты сдают семестровый экзамен. Формой итогового контроля обучения в первых двух семестрах является зачет.

В рамках раздела «Криминалистическая техника» обучающимися, например, по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, специализация – уголовно-правовая, профиль подготовки – предварительное следствие в органах внутренних дел, квалификация – юрист на кафедре криминалистики Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (БЮИ МВД России) рассматриваются следующие темы:

1. Общие положения криминалистической техники.
2. Криминалистическая фотография и видеозапись.
3. Криминалистическая трасология.
4. Криминалистическое оружиеведение.
5. Криминалистическая габитоскопия.
6. Криминалистическая документология.

Одним из важнейших требований, предъявляемых к будущим выпускникам ВУЗов МВД России, является способность нестандартно, творчески мыслить, исходя из складывающихся ситуаций. Основываясь на 10-летней практике преподавания криминалистики в ведомственном ВУЗе, хочется поделиться определенным опытом преподавания раздела «Криминалистическая техника».

Ранее мы уже затрагивали некоторые аспекты преподавания криминалистической техники в ведомственных образовательных организациях [1].

Следует отметить, что при изучении данного раздела дисциплины преобладающей формой проведения занятий, являются практические, что вполне объяснимо и логично – приобретение необходимых навыков и умений работы с различными видами следов, знаний о современных возможностях экспертных исследований является залогом успешного

раскрытия и расследования любого преступления. В то же время, на наш взгляд, несмотря на положительный подход, следует заметить, что и здесь можно выделить один недостаток – отсутствие комплексного системного подхода к использованию всего многообразия следов. Узость существующего подхода обучения состоит в том, что обучающиеся последовательно ориентируются на особенности обнаружения, фиксации и изъятия определенного вида следов. Мы убеждены, что изначально необходимо ориентировать курсантов и слушателей на способности системного подхода в установлении отдельных обстоятельств, подлежащих доказыванию, в соответствие со ст. 73 УПК РФ с помощью всего многообразия следов и демонстрировать какие следы способствуют решению поставленных задач.

В рамках эксперимента первоначально нами проводились практические занятия с обучающимися очной формы, объединенные сквозной фабулой, охватывающей 2-3 темы. При этом у курсантов наблюдался повышенный интерес, по сравнению с традиционной формой проведения занятий, и стремление разрешить комплексно обозначенную перед ними проблему, используя более широкий круг следов.

Идя дальше по пути совершенствования методики обучения, мы пришли к выводу о необходимости использования сквозной фабулы, пронизывающей все изучаемые темы раздела «Криминалистическая техника».

Рассматриваемые при изучении конкретной темы вопросы должны быть направлены на решение следующих основных задач: установление лица, совершившего преступление, доказывание причастности этого лица к совершению преступления путем использования следов и других объектов, выявленных при помощи имеющихся технико-криминалистических средств и методов. Так, использование видеоспектрального компаратора при исследовании содержание залитого рукописного текста должно позволить выявить некоторую информацию, указывающее на конкретное лицо, причастное к совершению преступления.

Для того, чтобы «привязать» к сквозной фабуле тему «Криминалистическая габитоскопия» нами используется следующий прием. Со слов одного из очевидцев составляется описание внешности предполагаемого преступника (статиста), которое доводится до обучающихся при изучении соответствующей темы. Возможно составление ориентировки с субъективным портретом, составленным с использованием одной из компьютерных программ типа «Фоторобот», «Облик» и др.

Из тактических соображений допустимо менять последовательность прохождения тем, что, конечно, требует решения не на уровне отдельной кафедры, а на уровне образовательной организации при утверждении рабочей программы дисциплины, составлении расписания, графика последовательности прохождения дисциплины.

Наиболее оптимальной, на наш взгляд, является первоначальная фабула, которая связана с обнаружением трупа с признаками огнестрельных повреждений (фото №№1, 2, 3).

Фото №1. Обстановка на условном месте происшествия

Фото №2. Манекен

Фото №3. Муляж пистолета

Для имитации и моделирования криминального события можно использовать один из криминалистических полигонов, которыми оснащены практически все образовательные организации системы МВД России. На таком полигоне воссоздается обстановка, приближенная к реальности, но с учетом того, чтобы все следы и вещественные доказательства, которые должны быть обнаружены, охватывались всеми темами раздела.

Например, кроме следов применения огнестрельного оружия в виде стрелянных гильз, пуль, повреждений на предметах окружающей обстановки, включая ранения на манекене, необходимо на условном месте происшествия оставить следы ног, какой-нибудь документ в одежде манекена, содержащий признаки внесения изменений в первоначальные реквизиты, рукописный текст с залитым текстом, микроволокна, следы биологического происхождения, следы почвы или каких-либо других веществ – смазки и др. Наряду с этими, в зависимости от используемых полигонов, могут быть оставлены следы орудий взлома, следы транспортных средств, иные следы из всего многообразия последствий преступления.

Следует отметить, что следы реально оставляет один (или несколько) человек, как правило, один из свободных в этот день преподавателей кафедры, либо кто-нибудь из сотрудников института (статист). При этом установочные данные статиста (статистов) известны исключительно преподавателю.

Целесообразно доводить фабулы до обучающихся на последнем практическом или семинарском занятии при рассмотрении темы.

Таким образом, изучая последовательно все темы раздела, обучающиеся постоянно ориентируются на начальную ситуацию – фабулу, перед ними возникает четкая модель прикладного применения знаний, умений и навыков, получаемых на практических занятиях.

Переходя от темы к теме, обучающиеся собирают все больше доказательственной информации, основанной на следах, позволяющей выдвинуть первоначальные версии об особенностях разыскиваемого лица. В частности, по элементам дорожки следов ног, обнаруженным на месте происшествия, в ходе предварительного исследования можно получить ориентирующую информацию о примерном росте лица, а по отдельному следу обуви – о ее размере, другие сведения.

При проведении практических занятий следует демонстрировать и использовать современную криминалистическую технику, среди которой «живой сканер» – устройство для бескраскового дактилоскопирования. Предварительно с его помощью составляется дактилоскопическая карта «статиста», которая находится в банке данных. В дальнейшем «статист», которого обучающиеся должны установить по другим следам, подвергается дактилоскопированию под вымышленными данными, что удается установить на «живом сканере». Указанное обстоятельство еще раз подчеркивает важность и значимость использования возможностей криминалистической техники.

Формирование системного комплексного подхода строится примерно следующим образом. При обнаружении оружия на месте происшествия следует акцентировать внимание на следующем:

1. Оружие с одной стороны выступает в качестве следообразующего объекта, оставляя специфические следы, такие как стреляные гильзы и выстрелянные пули, повреждения на различных предметах. Экспертное исследование таких следов позволяет установить факт использования конкретного образца оружия при совершении преступления или нескольких преступлений.

Мы начали формировать небольшой массив пуль и гильз с целью использования их при проведении занятий для демонстрации возможности пулегильзотеки, что представляется весьма эффективным.

2. С другой стороны оружие является следовоспринимающим объектом – содержит информацию о лице, контактировавшим с ним при совершении преступлений и возможно оставившем свои следы папиллярных узоров рук, запаховые следы, следы одежды (перчаток).

Наряду с этим на внутренней поверхности канала ствола оружия могут быть обнаружены следы выстрела, на внешних поверхностях – следы хранения в определенном месте и контакта с каким-либо помещением (тайником).

Хочется заметить, что логически завершенной будет следующая цепочка работы со следами и вещественными доказательствами, обнаруженными на месте происшествия:

Собирание (обнаружение, фиксация, изъятие, упаковка, сохранение)

↓

Исследование (предварительное (включая непосредственно на месте обнаружения) и экспертное (в форме заключения эксперта))

↓

Оценка (в зависимости от содержания выводов: установление групповой принадлежности, индивидуальное тождество и др.)

↓

Использование (проверка выдвинутых версий, например, о причастности конкретного лица, об использовании конкретного образца оружия)

↓

Информационное (постановка и проверка по соответствующим учетам) **обеспечение**

Для реализации последнего пункта необходимо, чтобы тема «Криминалистическая регистрация» рассматривалась, как прежде, в разделе «Криминалистическая техника», либо приходится с опережением рассказывать об отдельных видах учетов, аккумулирующих информацию о следах.

Многолетнее преподавание данного раздела позволяет отметить один недостаток: данный раздел является одним из наиболее бурно развивающихся и по этой причине не всегда учебно-методическое обеспечение – учебники и учебные пособия своевременно реагируют на новшества. Так, например, на сегодняшний день ни в одном из учебников по криминалистике нам не встречалась в качестве самостоятельной тема: «Использование следов биологического происхождения в процессе раскрытия и расследования преступлений», что, на наш взгляд, является недостатком. Это упущение приходится компенсировать при рассмотрении такой темы, как «Трасология», где вынуждены затрагивать эти следы.

Убеждены, что следует предоставить больше самостоятельности преподавателю. В настоящее время преподаватели вузов вообще, а ведомственных в особенности, лишены возможности самостоятельно определять форму проведения занятия: есть методическая разработка по проведению занятия, утвержденная на предметно-методической секции или на заседании кафедры, которой необходимо неукоснительно следовать. В противном случае, если это будет выявлено в ходе посещения занятия, возможно наступление неблагоприятных последствий.

Литература

1. Яценко С.В. К вопросу о необходимости совершенствовании преподавания раздела криминалистической техники // Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сб. науч. тр. / редкол.: А.А. Курин, Д.В. Кайргалиев, А.В. Кочубей. - Волгоград: ВА МВД России, 2013. С. 266-269.

НЕКРОЛОГ
OBITUARY

АНАТОЛИЙ КИРИЛЛОВИЧ КИСЕЛЕВ: ПАМЯТИ ТОВАРИЩА, ПЕДАГОГА, УЧЕНОГО, ВОИНА
ANATOLY KIRILLOVICH KISELEV: IN MEMORY OF OUR FRIEND, TEACHER, SCIENTIST, WARRIOR

Волков А.А., Северо-Кавказский федеральный университет, доктор психологических наук, профессор, полковник милиции в отставке

Volkov A.A., doctor of psychology, Professor, North Caucasus Federal University, Colonel of militia in resignation

Масалов А.Г., Москвовский государственный педагогический институт, доктор политических наук, профессор, полковник милиции в отставке

Masalov A.G., Moscow state pedagogical Institute, doctor of political Sciences, Professor, Colonel of militia in resignation

Смоляков В.В., Председатель ветеранского совета Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД РФ, полковник милиции в отставке

Smolyakov V.V., Chairman of the veteran Council of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the interior Ministry, Colonel of militia in resignation

Туманян Ю.Р., Южный федеральный университет, доктор экономических наук, профессор, подполковник милиции в отставке

Tumanyan Y.R., South Federal University, doctor of economic Sciences, Professor, the militia Lieutenant Colonel in resignation

Зырянов В.Н., Северо-Кавказский гуманитарный институт, доктор юридических наук, профессор, майор милиции в отставке

Zyryanov V.N., North Caucasus Humanitarian Institute, doctor of legal Sciences, Professor, the major of militia in resignation

Медведев С.Н., Северо-Кавказский федеральный университет, доктор юридических наук, профессор.

Medvedev S.N., North-Caucasian Federal University, doctor of legal Sciences, Professor, North Caucasus Federal University

e-mail: *skgi_institut@mail.ru*

Аннотация: Анатолий Кириллович Киселев: памяти товарища, ученого, педагога, воина.

Abstract: Anatoly K. Kiselev: in memory of our friend, scientist, teacher, warrior.

Ключевые слова: А.К.Киселев, профессор, ученый, сотрудник милиции, миротворец, преподаватель-новатор.

Key words: A. K. Kiselev, Professor, scientist, police officer, peacemaker, teacher and innovator

Преподавательский талант А.К. Киселева раскрылся в годы его службы в коллективе Высших курсов МВД СССР, Ставропольского факультета Юридического института МВД России, преобразованного в Ставропольский факультет Санкт-Петербургского университета МВД России, Ставропольский филиал Краснодарского института МВД России, Ставропольский филиал Краснодарской академии МВД России, Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, где он прошел путь от преподавателя до заведующего кафедрой и профессора.

Сотрудникам и курсантам А.К. Киселев запомнился широкой эрудицией, великолепным знанием истории российского и зарубежного права, умением просто и доходчиво объяснять самые сложные вопросы.

А.К. Киселев был преподавателем-новатором. Он проводил учебные занятия с выдумкой, в активных формах. Выпускники филиала до сих пор с восторгом вспоминают имитационные деловые игры, которые А.К. Киселев организовывал на итоговых занятиях в форме костюмированных греческих, римских, земских и иных судов, или иных форм правоприменения, в которых курсанты демонстрировали историко-правовые знания.

А.К. Киселев щедро делился своими знаниями и опытом с коллегами. Много лет он руководил школой молодого преподавателя, работа которой имела большое значение для становления профессорско-преподавательского коллектива, пополнявшегося опытными юристами-практиками и талантливыми выпускниками, не имевшими педагогического образования, вынужденными приобретать преподавательские навыки в процессе служебной деятельности. При этом А.К. проявлял высокую выдержку, тактичность.

Коллегам и курсантам А.К. Киселев запомнился доброжелательностью, готовностью оказать поддержку в трудных жизненных периодах, которые сочетались с высокой принципиальностью и настойчивостью.

Готовность к героическому самопожертвованию ради "други свои" и другие свои лучшие воинские качества А.К. Киселев наглядно проявил в 1997 году, когда во время его командировки в Грозный для работы с абитуриентами вуза с группой сотрудников МВД России неожиданно оказался в осажденном боевиками здании МВД ЧР и в течение двух недель участвовал в его обороне. Участник тех событий Г.В. Черкашин вспоминает, что в те дни стояла сильная жара, а до ближайшего источника воды добраться можно было только ночью через площадку, обстреливаемую боевиками. Несколько добровольцев, вызвавшихся достать воду для окруженных, были ранены или убиты. Несмотря на *ранение и контузию* майор милиции Киселев А.К. с большим риском для жизни под огнем вражеских снайперов, как он шутил, - "сходил за водой", доставил товарищам канистру с водой, которую осажденные по единодушному решению отдали раненным. За этот подвиг майор милиции Киселев А.К. был награжден Орденом Мужества, которым согласно орденскому статуту "награждаются граждане за самоотверженность, мужество и отвагу, проявленные при спасении людей, охране общественного порядка, в борьбе с преступностью, во время стихийных бедствий, пожаров, катастроф и других чрезвычайных обстоятельств, а также за

смелые и решительные действия, совершенные при исполнении воинского, гражданского или служебного долга в условиях, сопряжённых с риском для жизни».

Качества воина и дипломата А.К. Киселев проявил во время служебной командировки в Восточный Тимор и Либерия, где служил в составе миротворческого контингента ООН. Награжден Орденом Мужества (Указ Президента РФ от 1997 г.) и ведомственными наградами МВД России, полковник милиции в отставке.

Получив в командировке серьезное тропическое заболевание, Анатолий Кириллович не сломился, остался в строю, продолжал активную научную и преподавательскую, общественную работу. В 2012 г. он защитил докторскую диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме: «Образовательная политика в полиции стран Евросоюза на рубеже XX-XXI вв.». Является автором более 120 научных и учебно-методических работ.

С 2012 г. доктор исторических наук А.К. Киселев работал профессором Северо-Кавказского федерального университета, вел занятия со студентами магистратуры, участвовал в образовательных программах молодежного форума "Машук".

ПАМЯТИ КИСЕЛЕВА АНАТОЛИЯ КИРИЛЛОВИЧА
MEMORY OF KISELEV ANATOLY KIRILLOVICH

Киселева С.Г., супруга Киселева Анатолия Кирилловича
Kiseleva S.G., the wife of Anatoly Kirillovich Kiselyov

Аннотация: памяти мужа, ученого, педагога
Annotation: the memory of her husband, a scientist, teacher
Ключевые слова: А.К.Киселев, профессор, ученый
Key words: A.Kiselev, professor, scientist
e-mail: *skgi_institut@mail.ru*

Мой муж был замечательным человеком, мне в жизни очень повезло. Я была сиротой, когда мы поженились. Наверно, это Господь вознаградил меня за мое тяжелое детство.

В нескольких словах, конечно, невозможно выразить все, что было у нас с моим мужем, что связывало нас, эти неповторимые отношения и признания в любви даже до последнего дня. Хотя, наверно, это и не нужно, такое словами не выразишь: память в моем сердце и в сердцах наших детей и внуков есть лучшее выражение этих потрясающих отношений.

Анатолий Кириллович был удивительным мужем, отцом, и особенно дедом. Он отдавал свою любовь всем близким без остатка, безвозмездно, не ожидая ничего взамен. Судя по тому количеству друзей, сотрудников, учеников, которые добрым словом вспоминают его, часть его энергии передавалась и им. Но по этой небольшой части можно судить о том большом и любящем сердце, что было у моего мужа, и о той громадной любви, которую он испытывал к нам.

А в жизни было много прекрасных моментов, запоминающихся, волнующих, воспоминания о которых воскрешают пережитые чувства и эмоции, в подавляющем

большинстве позитивные, каким и был Анатолий Кириллович. Без улыбки и не вспомнишь нашу жизнь, богатую на эмоции и теплые чувства.

С ним я чувствовала себя королевой! Он часто приносил завтрак в постель; пока спала, он варил кофе, красиво сервировал стол, а потом целый день занимался домашними делами, не подпуская меня ни к чему по дому. Редкий человек. Редкий, в том числе и в семье, не такой, как все. Особенный.

Как-то, никому не говоря ни слова, он взял кредит и купил мне дорогую шубу. Это было в те времена, когда шубы были в диковинку и стоили космических денег. На работе все думали, что он берет кредит на мебель. А он купил мне шубу, чтобы я чувствовала себя лучше всех. Конечно же, для этого ему приходилось пахать на работе, он погружался в нее с головой, уехал в миротворческую миссию ООН, построил прекрасный дом…

Наша жизнь с Анатолием Кирилловичем была полной, светлой и прекрасной. Но особенно это чувствуется сейчас, когда его не стало.

Но я знаю, что он рядом, с нами, со мной, с сыном и внуками.

СПИСОК ТРУДОВ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА КИСЕЛЕВА АНАТОЛИЯ КИРИЛЛОВИЧА
LIST OF WORKS OF DOCTOR OF HISTORICAL SCIENCES ANATOLY KIRILLOVICH KISELYOV

Монографии

1. Киселёв А.К. Полицейская наука в странах Евросоюза. Ставрополь: Изд-во СФ КрУ МВД РФ, 2007. 10 п.л.
2. Киселёв А.К., Конев А.Н. Европейский полицейский Колледж (CEPOL). Ставрополь: Изд-во СФ КрУ МВД РФ, 2007. 8,1/7,5 п.л.
3. Киселёв А.К. Полиция стран Евросоюза: обучение, наука, теория, практика. Ставрополь: Изд-во СКСИ, 2008. 26,25 п.л.
4. Киселёв А.К. История образовательной политики полиции государств Евросоюза в новейшее время. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 11 п.л.
5. Киселёв А.К. История полицейского обучения в странах Европейского Союза. Изд-во Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG: Саарбрюкен, Германия. 12 п.л.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК

1. Киселёв А.К. К неизвестной странице истории российского участия в миротворческих операциях ООН // Научные проблемы гуманитарных исследований, Пятигорск. 2009. № 11. 0,5 п.л.;
2. Киселёв А.К. Краткий экскурс в историю полицейского образования и обучения в Европе// Известия Алтайского госуниверситета. Серия История, Политология. 2009. №4/4. 0,5 п.л.;
3. Киселёв А.К. К современной истории полицейского сотрудничества Евросоюза и России// Известия Алтайского госуниверситета. Серия История, Политология. 2009. №4/3. 0,7 п.л.;
4. Киселёв А.К. Миротворчество Европолиции: быть или не быть?// Научные ведомости Белгородского госуниверситета. Серия История. Выпуск 13. 2010. № 1(72). 0,5 п.л.;
5. Киселёв А.К. К вопросу о перспективах международного сотрудничества российской милиции с полицией стран Европейского Союза // Известия Самарского научного центра РАН. Серия История. 2010. № 2. 0,5 п.л.;
6. Киселёв А.К. К истории развития полицейского образования в Европе//Наука и школа. 2010. № 3. 0,8 п.л.;
7. Киселёв А.К. Краткий очерк истории и современности образовательной политики в полиции стран Евросоюза // Преподаватель XXI век. 2010. № 3. 0,4 п.л.**;**
8. Киселёв А.К. Полицейское обучение в Европе в начале XXI века.// Вестник Воронежского госуниверситета. Серия История, политология, социология. 2010. № 4. 0,4 п.л.
9. Киселёв А.К. Европолиция: быть или не быть? // История государства и права. 2010. №22. 0,2 п.л.

Научные публикации

1. Киселёв А.К. К теории и практике миротворческих операций ООН//Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. Вып.11.Ставрополь, 2006. 0,4 п.л.

2. Киселёв А.К. О первоначальной подготовке полицейских (милицейских) кадров. /Сб. научн.трудов. Ставропольский государственный технический университет. Ставрополь, 2006. 0,6 п.л.

3. Киселёв А.К. Малоизвестные факты о миротворчестве ООН.//Совр. гуманитарн. знание о пробл. соц. Развития. Материалы Х111годичного научного собрания СКСИ. Сб. статей. Ставрополь, 2006.0,3 п.л.

4. Киселёв А.К. Теория и практика управления подготовкой полиции в странах Евросоюза. //Вестник Северокавказского государственного технического университета. 2006. № 5(9). 0,5 п.л.

5. Киселёв А.К. Полицейский Евроколледж. //Вестник Ставропольского государственного университета. 2006. № 13. 0,5 п.л.

6. Киселёв А.К. Трансформироваться, а не реформироваться (чему российскую милицию может научить зарубежный опыт)//Полицейское право. 2006. № 3 (7). Омск.0,8 п.л.

7. Киселёв А.К. Спорные вопросы функционирования образовательной системы МВД России./Сб.научн.трудов СКСИ. Ставрополь, 2006. 0,4 п.л.

8. Киселёв А.К., Оганян Р.Э. Практика подготовки кадров в полицейских структурах США.//Интерпол. 2006. № 11. 1/0,8 п.л.

9. Киселёв А.К. Вопросы о практике функционирования образовательной системы МВД России.//Интерпол. 2006. № 12. 0,4. п.л.

10. Киселёв А.К. Организация трансатлантического сотрудничества полиции стран Евросоюза в научно-образовательной сфере./Сб.научн. трудов СФ КУ МВД РФ, выпуск № 4. Ставрополь, 2006. 0,5 п.л.

11. Киселёв А.К. Некоторые цифры о стоимости и качестве обучения в вузах МВД России./ Материалы н/п конференции «Акт.проблемы деят-ти ОВД по профилактике, раскрытию и расследованию преступлений»29.09.2006. СПб Ун-тет МВД РФ. СПб, 2006. 0,2 п.л.

12. Киселёв А.К. Наука в МВД Великобритании и новая стратегия её развития на 2005-2008 годы.//Вестник СПб Университета МВД России. 2006. № 12. 0,45 п.л.

13. Киселёв А.К. Организация полицейского сотрудничества в рамках миротворческих миссий ООН и СБСЕ. //Вестник Центра исследований проблем терроризма. Ставрополь. 2006, № 3(9). 0,8 п.л.

14. Киселёв А.К. Социальное обеспечение полиции и работа полицейских профсоюзов в странах Евросоюза//Вестник Центра исследований проблем терроризма. Ставрополь. 2006. № 3(9).1,6 п.л.

15. Киселёв А.К. Полицейская наука в странах Европейского союза//Закон и право, 2006, № 10. 0,5 п.л.

16. Киселёв А.К. Новые элементы полицейского сотрудничества стран Евросоюза в образовательной сфере./Административная реформа и наука административного права. Сб.

научн. трудов, посв. 80-летию со дня рождения Ю.М. Козлова. Изд-во МГЮА. М., 2007.0,5 п.л.
17. Киселёв А.К. Полицейское образование и Болонский процесс.//Закон и право. 2007. № 2. 0,5 п.л.
18. Киселёв А.К. Теоретические основы полицейской науки.//Вестник Центра исследований проблем терроризма. Ставрополь. 2007. № 1(11).0,5 п.л.
19. Киселёв А.К. Организация полицейского сотрудничества в рамках миротворческих миссий ООН и СБСЕ.//Вестник Центра исследований проблем терроризма. Ставрополь. 2007. № 1(11).1 п.л.
20. Киселёв А.К. Полицейское партнёрство: Евросоюз - Россия. //Юристъ-Правоведъ. 2007. №5.0,6 п.л.
21. Киселёв А.К. Некоторые аспекты европейской теории полиции.//Полицейское право. 2007. № 2 (10). 0,4 п.л.
22. Киселёв А.К. Классификация правовых актов о подготовке полиции в государствах – участниках Евросоюза. //Право и образование.2007. № 11. 0,4 п.л.
23. Киселёв А.К. Практика вербовки и подготовки кадров в полицейских структурах США.//Вестник Центра исследований проблем терроризма, Ставрополь, 2007.№ 3(13).0,7 п.л.
24. Киселёв А.К. Основные правовые акты об обучении полиции в государствах Евросоюза//Вестник Южнороссийского университета. 2007. № 4. 0,5 п.л.
25. Киселёв А.К. Современная нормативно-правовая база полицейского образования в Республике Словения.//Закон и право.2007. № 12. 0,3 п.л.
26. Киселёв А.К. Профессиональная правоохрана и обеспечение безопасности личности. Европейский опыт./Материалы н/п конференции «Безопасность Ставрополя: диалог власти и общества». 22-23 ноя. 2007. Ставрополь, 2007. 0,2 п.л.
27. Киселёв А.К. Концепция полицейской науки в странах Евросоюза//Административное право и процесс. 2007. № 3.0,3 п.л.
28. Киселёв А.К. Организационные и правовые формы сотрудничества полиции в странах Евросоюза.//Административное право и процесс. 2007. № 5. 0,3 п.л.
29. Киселёв А.К. Правовые акты Евросоюза по подготовке полиции//Закон и право.2007. № 10. 0,3 п.л.
30. Киселёв А.К. Некоторые тенденции развития полицейской науки в государствах Евросоюза./Сб.материалов н/п конференции «Теория и практика административного права и процесса». Туапсе-Ростов/н/Дону, 4-8 окт.2007. 0,5 п.л.
31. Киселёв А.К. Опыт европейской полиции для России/Современные проблемы реализации норм права в свете гармоничного развития национальных правовых систем/Материалы I международной н/п конференции(март 2007 года . СКГТУ. Ставрополь, 2007.0,3 п.л.
32. Киселёв А.К. Проблема оценки качества преподавания в европейском полицейском колледже (CEPOL)./Совр. гуманитарн. знание о пробл. соц. Развития. Материалы XIVгодичного научного собрания СКСИ. Сб. статей. Ставрополь, 2007.0,3 п.л.
33. Киселёв А.К. Достижения и проблемы в организации полицейских научных исследований в странах Евросоюза. Материалы международной н/п конференции

«Обеспечение общественной безопасности в Центральном федеральном округе РФ» 17 мая 2007г. Воронежский ЮИ МВД России. Воронеж, 2007.0,3 п.л.

34. Киселёв А.К. Концепция полицейской науки в странах Евросоюза/Сб.научн.трудов СФ КрУ МВД России. Выпуск 5. Ставрополь, 2007.0,5 п.л.

35. Киселёв А.К. К вопросу об организации науки для полиции в странах ЕС./Международные юридические чтения. Материалы научно-практической конференции (Омск, 18 апреля 2007 г.). Ч. 2.Омск, 2007.0,5 п.л.

36. Киселёв А.К. Новые образовательные проекты для полицейских Евросоюза.//Юристъ. 2008. № 2. 0,3 п.л.

37. Киселёв А.К.Сравнительный анализ нормативно-правовых основ профессионального полицейского образования государств-участников Евросоюза //Современное право.2008. № 3. 0,5 п.л.

38. О некоторых формах полицейского сотрудничества в Евросоюзе./Сб. материалов XII международной н/п конф. «Роль правоохранительных органов в современном обществе: проблемы научно-практического обеспечения». Вост-Сиб.ин-т МВД России, Улан-Удэнский филиал. 21-22.02.2008.Улан-Удэ, 2008. 0,25 п.л.

39. Киселёв А.К. Правовой статус полицейской науки в Евросоюзе: теория и практика.//Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. Иркутск. 2008. № 1.0,4 п.л.

40. Киселёв А.К. Теоретические и методологические основы современной европейской полицейской науки.//Современное право. 2008. № 8. 0,8 п.л.

41. Киселёв А.К. Достижения и проблемы сотрудничества российской милиции с полицией государств Евросоюза./Сборник научных трудов Ставропольского кооперативного института БУПК. Ставрополь, 2008.0,2 п.л.

42. Киселёв А.К., Апольский Е.А. О новых подходах к обучению полицейских стран Евросоюза и последствиях их применения.//Право и образование.2008, № 6.0,5/0,4 п.л.

43. Киселёв А.К. О необходимости кооперации в подготовке полицейских./Актуальные проблемы современного росс.права.Сб.научн.тр.,Вып.2.Невинномысск, НГГТИ, 2008. 0,25 п.л.

44. Киселёв А.К. Тенденции развития полицейской науки в странах Евросоюза./Сб.научн.статей «Проблемы международного права». Вып. № 6. Воронежский госуниверситет. Воронеж, 2008. 0,5 п.л.

45. Киселёв А.К. К проблеме развития международного сотрудничества российской милиции с полицией стран Европейского Союза./Сб.статей VI-й региональной н/п конференции «Актуальные проблемы права и правоприменит. деят-ни на С.Кавказе».18-19 сент.2008. Новороссийск, 2008.0,2 п.л.

46. Киселёв А.К. Права человека в системе подготовки полиции стран Евросоюза.//Проблемы современной науки и практики. Научно-практический журнал.Ставрополь. ЦСОПиКИ. 2008. № 1.0,2 п.л.

47. Киселёв А.К. Проект Закона о полиции.//Вестник Центра исследований проблем терроризма. Ставрополь,2008. № 3(17). 1,5 п.л.

48. Киселёв А.К. О положительном опыте отбора и подготовки полицейских кадров в Европе и США.//Проблемы современной науки и практики. Научно-практический журнал//Ставрополь. ЦСОПиКИ, 2008. № 2.0,7 п.л.
49. Киселёв А.К., Апольский Е.А. Практические приоритеты в обучении офицеров полиции стран Евросоюза. Проблемы современной науки и практики. Научно-практический журнал//Ставрополь, ЦСОПиКИ. 2008. № 2.0,5/0,4 п.л.
50. Киселёв А.К. К использованию опыта европейских реформ полиции.Материалы междунар. н/п конференции «инновационные технологии – осн.ресурс соц.-эк.развития России». 16-17 дек.2008г., институт управления, бизнеса и права, г.Ростов/на/Дону, 2008.0,4 п.л.
51. Киселёв А.К. Гаагская Программа 2005 года в действии. Совр. гуманитарн. знание о пробл. соц. развития. Материалы XVI годичного научного собрания СКСИ. Сб. статей, Ставрополь, 2009.0,4 п.л.
52. Киселёв А.К. Размышления о статистике полицейских потерь и возможностях уменьшения их количества.//Проблемы современной науки и практики. Научно-практический журнал. Ставрополь. ЦСОПиКИ. 2009. № 10. 1 п.л.
53. Киселёв А.К. Опыт сотрудничества европейских полицейских структур с неправительственными общественными организациями./Проблемы современной науки и практики. Научно-практический журнал//Ставрополь. ЦСОПиКИ. 2009. № 2(4).0,4 п.л.
54. Киселёв А.К. Управление образовательной политикой в полициях государств Евросоюза./Проблемы современной науки и практики. Научно-практический журнал. Ставрополь. ЦСОПиКИ. 2009№ 2(4).0,4 п.л.
55. Киселёв А.К. История сотрудничества правоохранительных органов России и Евросоюза на рубеже XX-XXI вв./Актуальные вопросы социальной теории и практики. Сб. научн.трудов. СКСИ, Ставрополь, 2009.0,43 п.л.
56. Киселёв А.К. К использованию опыта европейских реформ полиции./Инновационные технологии – основной ресурс соц.-эк. развития России//по материалам междунар.н-п конф. Ин-т управления, бизнеса и права. Ростов-на-Дону, 2009. 0,4 п.л.
57. Киселёв А.К. Историография образовательной политики стран Евросоюза /Сб.научн.статей. Волгоград, 2010.0,4 п.л.
58. Киселёв А.К. Обучение старших офицеров полиции стран Евросоюза в Европейском полицейском колледже (CEPOL).//Вестник МВД России. 2010. № 3. 0,5 п.л.
59. Киселёв А.К. Новейшая история полицейского образования в Европе./Актуальные вопросы социальной теории и практики. Сб.научн.трудов. Ставрополь, 2010.0,5 п.л.
60. Киселёв А.К. Опыт европейского постконфликтного миротворчества./Проблемы теории и практики обеспечения общественной безопасности в СКФО / Материалы н\п конф.29-30 апреля 2010г. Ставрополь, 2010. 0,2 п.л.
62. Киселёв А.К. Историография образовательной, научно-исследовательской и социальной политики полиции стран Евросоюза. /Материалы регион. н\п конф. «Актуальные вопросы права и правоприменения» 26 окт.2010г.Ставрополь, 2010.1 п.л.

63. Киселёв А.К. Социальная эволюция полицейских структур Европы в начале XXI века./Сб.материалов междунар. н/п конф. «Модернизационный потенциал российской экономики и общества» 3-4 февр. 2011г. Ставрополь, 2011.0,2 п.л.
64. Киселёв А.К. Миротворческий опыт полиции государств Евросоюза./Совр. гуманитарн. знание о пробл. соц. развития. Материалы XVIII годичного научного собрания СКСИ. Сб. статей, Ставрополь, 2011.0,3 п.л.
65. Киселёв А.К. Документальные источники по истории полиции стран Евросоюза и её борьбы против экстремизма и терроризма. Материалы междунар.н\п конф. «Ксенофобия и экстремизм: проблемы противодействия». 26-27 апреля 2011. РУДН, Центр социальных общ.-политич. и криминологич. исследований. Ставрополь, 2011.0,2 п.л.
66. Киселёв А.К. Социально-политическое развитие Европейского Союза как основной фактор и условие формирования единой европейской полиции./Сб.материалов Всероссийской н\-п конференции «Личность, общество, государство. Проблемы развития и взаимодействия». Адлер, 2011.0,2 п.л.
67. Киселёв А.К. К истории создания крупнейшего регионального объединения – Европейского Союза./Материалы III международной н/п конференции «Федерализм и регионализм: приоритеты XXI века». Владикавказ, 2011.0,5 п.л.
68. Киселёв А.К. Российская полиция и полицейское образование в контексте интеграционных европейских процессов. Материалы междунар.н\п конф. «20 лет нового пути России: политика, общество, экономика, международное сотрудничество».24-25 октября 2011. ИДНК, Ставрополь, 2011.0,2 п.л.

ПУБЛИЧНЫЕ ИЗВИНЕНИЯ

Редакционная коллегия приносит свои извинения Топильской Елене Валентиновне за публикацию в №3 (19) журнала статьи Васильева А.М., Сирик М.С., Понариной Н.Н., Поповой Л.Е. «Типология участников организованной преступности в сформировавшейся системе организованной преступности в России», которая полностью заимствована из монографии: Топильская, Е.В. Криминология организованной преступности: системный анализ: монография / Рос. акад. правосудия, Е.В. Топильская.- М.: Российская академия правосудия, 2014 .- 335 с. -ISBN 978-5-93916-441-2.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ
INFORMATION FOR AUTORS

Уважаемые авторы!

Журнал «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» приглашает к сотрудничеству преподавателей вузов, научных работников, аспирантов и соискателей. Обращаем ваше внимание на то, что к публикации в Вестнике принимаются статьи, соответствующие заявленным рубрикам и обладающие научной новизной. Решение о включении статей и других материалов в журнал принимает редакционная коллегия, которая не гарантирует публикацию всех предоставленных материалов.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук!

Рукописи и дискеты (диски) как опубликованных, так и неопубликованных материалов не возвращаются.

Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, технических, социологических, психологических и иных данных, имен собственных, цитат и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Статьи, опубликованные или принятые в другие издания, не принимаются.

Максимальный объем статьи (статей) для одного автора или коллектива соавторов составляет 15 страниц, минимальный – 6 страниц: Всем авторам будет роздан 1 экземпляр журнала.

Вместе с тем, за рецензирование рукописей, представленных для опубликования, взимается плата в рамках оказываемых редакционной коллегией платных дополнительных образовательных услуг. Оплата производится из расчета 400 (четыресто) рублей за рецензирование одной страницы рукописи, представленной для опубликования, в соответствии с предъявляемыми редакционной коллегией требованиями. Оплата производится наличными средствами в кассу учредителя журнала – Частного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский гуманитарный институт» по адресу: г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 312А, либо посредством перечисления безналичных средств по следующим реквизитам:

Частное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский гуманитарный институт»,
ИНН 2635044678, КПП 263501001
Адрес:355041, г. Ставрополь, улица Лермонтова ,312А
Телефоны: (8652) 759-259; факс 759-259,
Отделение № 5230 Сбербанка России
Р/с 40703810860220100699

К/с 30101810907020000615
БИК 040702615
ИНН банка7707083893
При перечислении следует указывать ФИО автора рукописи; в наименовании платежа: дополнительные образовательные услуги за рецензирование рукописей, на __ страницах.
Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить лицензионный договор и договор об оказании платных дополнительных образовательных услуг по рецензированию рукописей, которые можно скачать на сайте: www.skgi.ru
Электронную версию печатного издания можно будет скачать бесплатно на сайте: www.skgi.ru
Научные направления журнала:
1. Экономические науки;
2. Юридические науки;

Текст статьи, представленный автором, будет принят редакцией к рассмотрению только в случае соблюдения автором следующих условий оформления:
- формат бумаги – А4 (21 см х 29.7 см);
- ориентация книжная;
- поля: левое – 2,5 см, верхнее, нижнее, правое – 2 см;
- текстовый редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- размер шрифта 14;
- межстрочный интервал полуторный;
- абзацный отступ 1,25.

Название файла содержит номер тематического направления и фамилии всех авторов: например, 1Иванов.
В левом верхнем углу первой страницы печатается УДК (ББК) (шрифт – жирный), ниже через строку название статьи строчными буквами без переносов (шрифт – жирный, выравнивание – по центру) на русском и английском языках, затем через строку инициалы и фамилии авторов, город и место работы (выравнивание – по центру) на русском и английском языках, через строку – аннотация на русском и английском языках, ниже через строку – ключевые слова на русском и английском языках.

Аннотация объемом не более 3 строк должна кратко излагать предмет статьи и основные содержащиеся в ней выводы, ключевые слова (3 до 6 слов) должны отражать проблематику публикации. Шрифт – курсив, форматирование выравниванием по ширине страницы.

Текст статьи выравнивается по ширине. При наборе текста не следует делать жесткий перенос слов со знаком переноса. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть расшифрованы при первом появлении их в тексте. Разделы и подразделы статьи нумеруются арабскими цифрами, выделяются полужирным шрифтом и на отдельную страницу не выносятся.

Необходимо различать в тексте дефис (-) (например, черно-белый, бизнес-план) и тире (–) (Ctrl+пробел+ «–»).

Если вы используете кавычки, они должны иметь вид так называемых «елочек» (« »). Если в тексте встречаются внутренние и внешние кавычки, то они должны различаться, например: ООО «Издательство “Макрос ”».

Таблицы в тексте должны быть выполнены в редакторе MicrosoftWord (не отсканированы и не в виде рисунка). Таблицы должны располагаться в пределах рабочего поля. Таблицу при переносе на следующую страницу не разрывать (не копировать шапку, не делать отступы клавишей Enter). Таблицы нумеруются сверху. Форматирование номера таблицы и ее названия: шрифт обычный, выравнивание – слева. Форматирование таблицы: шрифт обычный, размер шрифта 12 пт, выравнивание – по центру, межстрочный интервал - одинарный.

Пример:

Таблица 1 – Название таблицы

№п/п			

Рисунки размещаются в рамках рабочего поля. Допускается использование рисунков в форматах JPEG и GIF. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров и быть представлены единым элементом. Используемое в тексте сканированное изображение должно иметь разрешение не менее 300 точек на дюйм. Положение рисунка – в тексте. Рисунки нумеруются снизу, подпись под рисунком выравнивается по центру.

Пример:

Рисунок 1 – Название рисунка

Количество таблиц в документе не более 3-х, количество рисунков – не более 5.

Формулы должны быть набраны с использованием формульного редактора MicrosoftEquation 3.0 или MathType, выравниваются по центру, их номера – в круглых скобках по правому краю.

Нумерация страниц и колонтитулы не используются.

Ссылки на литературу в тексте указываются в квадратных скобках с указанием номера источника, например: Текст статьи …текст статьи … [1]. Текст статьи … [2] и т.п.

Список литературы приводится в конце статьи и должен быть озаглавлен «Литература» (шрифт полужирный, форматирование – по центру). Используемые источники должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ 7.1-2003(форматирование выравниванием по ширине страницы).

Статьи принимаются по адресу: 355041, г. Ставрополь, ул. Лермонтова 312-А, (Северо-Кавказский гуманитарный институт) или по электронной почте skgi_institut@mail.ru

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Порядок рецензирования рукописей, представляемых для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, представляемых для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» (далее - Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, представляемых авторами для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» (далее - Журнал)

2. Каждая рукопись, представленная в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись научной статьи, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет соответствия рукописи научной статьи профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

5. Рецензенты уведомляются о том, что представленные для рецензирования статьи являются частной собственностью авторов и содержат сведения, не подлежащие разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензии предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

8. Сроки рецензирования рукописей:

8.1. Главный редактор Журнала рассматривает представленную к публикации рукопись в течение десяти дней с момента получения рукописи редакцией.

8.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

8.3. В сроки, указанные в п.п. 8.1. и 8.2. Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

8.4. По согласованию редакции и рецензента, рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью включения статьи в ближайший номер Журнала.

9. Содержание рецензии.

9.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

9.1.1. соответствие содержание статьи ее названию;

9.1.2. актуальность темы исследования;
9.1.3. научная новизна полученных результатов;
9.1.4. целесообразность публикации статьи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;
9.1.5. подача материала (язык, стиль, используемые категории и обороты).
9.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору и редакции по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного и методического уровней рукописи.
9.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:
9.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати;
9.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати с внесением технической правки;
9.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати после устранения автором замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту;
9.3.4. рекомендовать отказать в публикации статьи в открытой печати по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню Журнала.
10. В случае принятия рецензентом решения, указанного в п.п. 9.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, статья считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.
11. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в п.п. 9.3.2 - 9.3.4 Порядка, текст рецензии в обязательном порядке направляется автору рукописи.
12. В случае отрицательной оценки рукописи в целом, рецензент должен убедительно обосновать свои выводы.
13. В случае принятия рецензентом решения рекомендовать рукопись к принятию к публикации, статья принимается к публикации в Журнале с обязательным уведомлением автора.
14. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом

THE ORDER OF REVIEWING MANUSCRIPT

The order of reviewing manuscript submitted for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin»

1. This order of reviewing manuscript submitted for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin» (hereinafter – The order) determinates the order of reviewing manuscript of scientific articles submitted by authors for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin» (hereinafter – the Bulletin).

2. Every manuscript submitted to the Editorial staff of the Bulletin must pass a reviewing procedure.

3. Scientific article manuscript received by Editorial staff is considered by the Chief editor for the Bulletin profile adequacy, requirements for registration and then sent to a specialist reviewing.

4. Publication shall review all incoming materials to the editor corresponding to its category, with a view to peer review. All reviewers are acknowledged experts on the subject of peer-reviewed material and have for the past 3 years, publications on peer-reviewed article.

5. Reviewers are notified that the articles submitted for review are the private property of the authors and contain information that is not to be disclosed. Reviewers are not allowed to make copies of articles and pass them to third parties.

6. Reviewing is confidential for the article's authors. Reviews can be passed to the author of the manuscript upon his written request, without the signature and the names, position and job of reviewer.

7. Editorial publications to the authors of submissions or copies of reviews of a reasoned refusal, and also undertakes to send copies of reviews in the Ministry of Education and Science for admission to the editor publication prompted.

8. Terms of reviewing manuscripts:

8.1. The chief editor of the Bulletin considers the submitted manuscript within ten days of receipt the manuscript.

8.2. Specialist reviews the manuscript within fourteen days from the moment he gets the manuscript from the chief editor.

8.3. Weekends and holidays established by the legislation of the Russian Federation are not included in the terms mentioned in p.p. 8.1 and 8.2 of the Order.

8.4. According to Editorial staff and reviewer' agreement reviewing can be done in a shorter time to include the article in the next Bulletin edition.

9. The content of review.

9.1. The review must include expert estimation of the manuscript for the following options:

9.1.1. line content of the article to its name;

9.1.2. topicality of the theme;

9.1.3. scientific novelty of the results;

9.1.4. suitability of publishing the article taking into account the previously issued literature on this subject;

9.1.5. presentation of the material (language, style, categories and speed).

9.2. The reviewer may make recommendations to the author and Editorial staff to improve the manuscript. Reviewer comments and suggestions should be objective and based on principles, pointed at improving the scientific and methodological level of the manuscript.
9.3. Final part of the review must contain one of the following desissions:
9.3.1. recommend accepting the manuscript for publication in the press;
9.3.2. recommend accepting the manuscript for publication in the press with technical editing;
9.3.3. recommend accepting the manuscript for publication in the press after removal of the author of the reviewer comment and re-review;
9.3.4. recommend to refuse publishing article in the press because of its non-compliance to requirements of the scientific level of the Bulletin.
10. If the reviewer decides as it mentioned in p. 9.3.3 of the Order modified (revised) author's article must be repeatedly sent to reviewing.
If the reviewer takes the similar decision the article is excluded and is not to be considered any more.
11. In the case the reviewer takes decisions mentioned in p.p. 9.3.2. – 9.3.4 of the Order the review' text must be sent to the manuscript author.
12. In the case the manuscript gets the negative assessment in general the reviewer must convectively justify his conclusions.
13. In the case the reviewer recommends the manuscript to publication the article is to be published in the Bulletin with obligatory notification of the author.
14. The originals of the reviews are stored in the Editorial staff for five years from the moment of the reviewer signing.

Подписку на журнал
«Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института»
можно оформить по Каталогу российской прессы
«Почта России»

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

99805

в любом почтовом отделении.

Подписано в печать 19.09.2017. Формат 62x94 1/8
Гарнитура «Литературная»
Бумага офсетная. Печ. л. 53,75. Тираж 500 экз.

Отпечатано ИП Соколовская С.Н. (типография «Аспект»)
г. Ростов-на-Дону, ул. 1-й Конной Армии, 15-А, офис 105.
Тел.: (863) 227-93-52